

ТЕОДОР КОНСТАНТИН

В полночь
унадеет
звезда

ТЕОДОР КОНСТАНТИН

**В ПОЛ НОЧЬ
УПАДЕТ
ЗВЕЗДА**

**ПРИКЛЮЧЕНЧЕСКАЯ
ПОВЕСТЬ**

Л Е Н И З Д А Т

1 9 6 0

Перевод с румынского
Ф. Миренер и А. Журавина

Рисунки А. Ф, Скалозубова
Переплет и титул В. А. Бендингера

Машина мчалась по асфальтированному шоссе. Почта ее снижая скорости, шофёр ловко объезжал воронки, оставшиеся после артиллерийского обстрела.

Генерал Попинкариу Мариус сумрачно смотрел на извилистую ленту дороги, убегавшую вдаль. Не прошло и недели с тех пор, как дивизия, которой он командовал, участвовала в тяжелых боях в этом секторе. Гитлеровцы яростно защищались, бросая в бой последние резервы. Каждый отвоеванный у противника километр этого шоссе стоил немалой крови. В конце концов неприятель был сломлен и вынужден к поспешному отступлению. Четыре дня отходили фашисты, бешено огрызаясь на каждом шагу. Генерал вспоминал об этих тяжелых днях, глядя на разбитое танками шоссе и лежащие по сторонам поля, перепаханные снарядами.

Одинокое дерево с ветвями, иссеченными осколками, выросло вдруг на краю шоссе и исчезло позади машины как видение. Когда-то это дерево было могучим дубом. Теперь оно протягивало на дорогу уродливые сучья, словно руки, обрубленные у запястья.

Вид этого дерева и воспоминания, связанные с недавними боями, на несколько мгновений отвлекли генерала от мыслей, которые записали его с той минуты, как он сел в машину.

Полчаса тому назад его вызвал к телефону командующий войсковой группой «Орел» генерал Войнеску Пауль и приказал немедленно явиться на командный пункт

вместе с начальником штаба дивизии подполковником Барбатом Георге.

Столь необычный срочный вызов и заинтересовал и одновременно обеспокоил генерала.

«Может быть, нам опять предстоит наступление?» - размышлял он, сидя в машине. Однако в подобных обстоятельствах он просто получал приказ, и не было еще случая, чтобы генерал Войнеску Пауль вызывал его ночью к телефону. Правда, на этот раз положение было особенно сложным. Противник занял хорошо укрепленную позицию. Кроме того, дивизионная разведка донесла, что хортистские части заменены гитлеровскими войсками.

Если речь пойдет о новом наступлении и его дивизии придется действовать в группе прорыва — это потребует особенно тщательной подготовки, тем более, что в недавних боях части дивизии понесли довольно ощутимые потери.

Предстоящим наступлением легко было бы объяснить неожиданный и срочный вызов на командный пункт. Если бы...

«Неужели речь пойдет о вчерашнем происшествии?» — задал себе вопрос Попиикариу и с силой раздавил окурки папиросы в пепельнице, прикрепленной к спинке сиденья шефёра.

У генерала были основательные причины для беспокойства и раздражения по поводу событий, происшедших накануне.

Весь тот день на участке, занятом дивизией, царил полное затишье, но к вечеру фашистская артиллерия словно взбесилась. Особенно интенсивным был обстрел в секторе, занятом пехотным полком «Сирет». За пять минут, в течение которых продолжался обстрел, фашистам удалось уничтожить гаубичную батарею. С поразительной точностью после нескольких пристрелочных выстрелов гитлеровские артиллеристы накрыли батарею шквальным огнем. Такую точность можно было объяснить только тем, что неприятель располагал достоверными данными о размещении румынской артиллерии.

Откуда получил противник данные? Где скрывался гитлеровский лазутчик? Как передавал он информацию? Эти вопросы возникали один за другим, но ответа на них пока не было.

Тщательное расследование, которым руководил лично подполковник Барбат, не принесло ничего утешительного.

Перебирая в памяти события этого тревожного дня, генерал Поппникариу вспомнил выводы, к которым пришел его начальник штаба после окончания следствия:

«„Господин генерал, я произвел основательное расследование вместе с капитаном Георгиу. Батареи были установлены в течение ночи. Маскировка закончена в ту же ночь. Капитана Брату, командира гаубичного дивизиона, вы знаете, — он превосходный офицер, умеющий держать своих людей в руках. Он запретил им передвигаться днем в расположении дивизиона, хотя все его батареи были надежно защищены от наземного наблюдения лесной полосой, протянувшейся на три километра. Хочу отметить также, что ни до, ни после того, как дивизион занял огневые позиции, не поступало никаких сообщений о воздушной разведке противника.

Впрочем, обнаружить батареи с воздуха всё равно было бы невозможно...»

Генерал помнил не только слова этого спокойного бесстрастного доклада, он явственно слышал голос подполковника Барбата, звонкий, отчетливый, лишенный каких-либо полутонов, голос человека, абсолютно уверенного в своей непогрешимости и в весомости каждого сказанного им слова. И сам голос и самоуверенность этого человека раздражали генерала, и поэтому он резко прервал Барбата: «Хорошо. Так чем же вы можете объяснить точность стрельбы? Трудно предположить, что батарея была упитчожена совершенно случайно». — «Безусловно,—ответил начальник штаба, словно не замечая редкого тона генерала, — неприятель располагал точными свечениями. Возможно, что, отступая, он оставил в деревне наблюдателя, которому удалось передать па ту сторону сведения о размещении пашей артиллерии. Второй отдел произвел несколько арестов, но до сих пор ничего не добился. Я склонен думать, что люди, которых допросили и которые ничего не сказали, ничего и не скажут нам, потому что они ничего не знают». — «И что же вы предлагаете? Мы ведь можем завтра-послезавтра оказаться перед новым сюрпризом». — «Не исключая такую возможность, полагаю, что это не повторится. Впрочем, я принял некоторые меры. Ночью дивизион сменит огневые позиции. Я приказал также радистам приготовиться

к перехвату возможных радиосигналов. Считаете ?ш вы, что я поступил правильно?»

И на этот раз, как, впрочем, во многих других случаях, генерал Поппикариу был вынужден признать разумность мер, принятых пачальшхом штаба.

И сейчас, вспоминая весь этот разговор, генерал разглядывал исподтишка подполковника Барбата Георге. Между тем тот спокойно курил, рассеянно поглядывая в окно машины на проносившиеся мимо поля, краски которых тускнели и стирались по мере наступления темноты.

Определенно этот человек по был ему симпатичен, несмотря на его несомненные достоинства. Высокий, смуглый, худощавый мужчина лет тридцати пяти, подполковник Георге Барбат обладал незаурядной внешностью. Из-под высокого лба смотрели сероватые, неопределенного цвета глаза. Выдающиеся скулы бросали тень на щеки, отчего те казались впалыми. Общее впечатление необычности этого лица подчеркивал острый, выдвинутый вперед подбородок. Офицеры штаба прозвали своего начальника «факиром», и это прозвище охотно подхватили унтер-офицеры и писари.

Прошлое подполковника Барбата было безупречным.

С отличием окончив военный лицей, он получил затем специальное образование во Франции и вернулся оттуда с похвальным листом. Командующий группы войск «Орел» считал его лучшим штабным офицером, и эта оценка не была преувеличенной. Генерал Поппикариу лучше других мог судить о деловых качествах своего начальника штаба.

И всё-таки что-то в нем не нравилось генералу. Что именно — он не мог бы и сам сказать. Однако эта внутренняя отчужденность не могла не сказаться на их взаимоотношениях.

Странные это были отношения. Трудности фронтовой жизни, постоянное общение, казалось бы, должны были помочь сближению, однако в действительности их отношения, как и в первые дни знакомства, оставались строго официальными и ограничивались только служебными встречами и разговорами. Это казалось тем более удивительным, что сам генерал был человеком, не лишенным душевной теплоты. Ни военная служба в старой румынской армии, ни предрассудки среды, к которой он при-

надлежал, не могли уничтожить в нем мягкости и человечности.

«Черт побори этого «факпра», — говорил он себе, продолжая незаметно разглядывать своего спутника, — он еще может подумать, что я что-то имею против него. Но невозможно полюбить человека, если он похож на машину» которая действует всегда безошибочно. Если когда-нибудь придумают фантастического механического начальника штаба, такого штабного робота, он конечно будет похож на Барбата».

Эта мысль заставила генерала улыбнуться. Робот — начальник штаба с лицом подполковника Барбата!

Неожиданное сравнение помогло ему вдруг найти ответ на вопрос, который он много раз задавал себе: «Что такое этот Барбат?» Да, конечно, он закопченный, совершенный тип офицера-службиста. Он только выполняет свои обязанности солдата, потому что ничего другого не умеет делать. Этому человеку всё равно, кому служить. Типичный наемный солдат средневековья, лишенный высоких принципов и убеждений. Всё, что выходит за пределы служебных обязанностей, не доставляет ему никаких волнений. Сухарь...

И только теперь генерал Попинкариу понял, что именно эта душевная сухость, которую он прежде лишь инстинктивно чувствовал в подполковнике Барбате, и образовала между ними ту пропасть, через которую, несмотря на все его старания, ему никогда не удавалось проложить мост. Слишком разные они люди, по-разному мыслящие и чувствующие. Для подполковника Барбата война была самоцелью. Для Попинкариу война с фашизмом была необходимостью, естественным продолжением и завершением его жизненных принципов.

Выходец из семьи честных интеллигентов, где глубоко ценилась человеческая свобода и независимость, Попинкариу ненавидел фашизм во всех его проявлениях. Недаром его прозвали «Красным генералом». Это прозвище он целиком оправдал, собственноручно вышвырнув за шиворот из своего кабинета майора войск СС, назначенного в его бригаду (он тогда только что был произведен в генералы и командовал бригадой) инструктором. Для ознакомления румынских солдат с современным оружием немецкого производства и боевой техникой гитлеровцев. Наглец в гитлеровской форме позволил себе без

должного уважения отозваться о порядках в румынской армии, за что взбешенный молодой генерал и выбросил его из своего кабинета, рискуя навлечь на себя гнев гитлеровского и румынского командования. Только боязнь гитлеровцев вызвать возмущение всего офицерского корпуса румынских частей в решительный час подготовки к нападению на Советский Союз спасла Поппнкариу от ареста.

Но оставаться в армии после этого случая было невозможно, и генерал Поппнкариу подал в отставку. Естественно, что отставка была охотно принята. Уволить из армии чрезвычайно способного офицера — означало дать какое-то удовлетворение потерпевшему майору СС.

После 23 августа 1944 года, когда румынские войска присоединились к Советской Армии для общего наступления на гитлеровцев, генерал Поппнкариу подал рапорт с просьбой зачислить его в кадры действующей армии. Его назначили командиром пехотной бригады, сражавшейся в Трансильвании. После кровавых боев в Орбе, где части бригады отличились, генерал получил повышение — ему было поручено командование дивизией «Молдова».

Строгий, но справедливый, требуя от подчиненных напряжения всех сил, он не щадил и самого себя. Отвагой и преданностью делу он снискал восхищение и любовь штабных офицеров и бойцов передовой линии, которые не раз видели своего генерала под огнем, на переднем крае. Части дивизии «Молдова» героически дрались с врагом и в Трансильвании и в самом сердце Венгрии, на просторах ее степей. Дважды дивизия отмечалась в приказе верховного командования. И вот теперь... Что будет теперь? Генерал еще раз взглянул на своего начальника штаба, но тот по-прежнему сидел неподвижно и казался ожившей мумией египетского фараона.

«Будто аршин проглотил! — подумал генерал и снова чуть заметно усмехнулся, но тут же спохватился и, согнав с лица неуместную улыбку, решил: «И всё же он самый способный начальник штаба».

Командный пункт группы войск «Орел» разместился в одноэтажном здании бывшей сельскохозяйственной школы, построенной в виде большой подковы, окруженной огромным садом.

Генерала Поппкарпун подполковника Барбата медленно провели к генералу Войнеску. Пожав каждому руку, командующий предложил им сесть.

Генерал Войнеску был среднего роста, хорошо сложенным мужчиной лет пятидесяти. Глядя на его широкие плечи, сильную грудь, румяные щеки, так и пышущие здоровьем, густые непокорные волосы с еле заметной проседью в висках, никто не дал бы ему больше сорока, — особенно из-за глаз — ярко-голубых, больших, живых словно у юноши. В минуты хорошего настроения генерал Войнеску хвастался тем, что никогда ничем не болел, кроме насморка.

Подчиненные любили своего генерала и готовы были идти за ним в огонь и воду. Он славился тем, что ни при каких обстоятельствах не повышал голоса. Всегда безукоризненно вежливый, спокойный, он умел так поговорить с провинившимся, что тот, чувствуя холодную и острую иронию, готов был подвергнуться любому наказанию, лишь бы поскорее избавиться от этого разговора. Впрочем, достаточно было однажды услышать, как разговаривает генерал, чтобы понять, что за этим всегда спокойным и приятным голосом, за тонкой улыбкой скрывается железная воля человека, привыкшего к беспрекословному повиновению.

Генерал Поиннкарпу не особенно любезному тону командующего понял, что ждет его или неприятный разговор, или чрезвычайно важное сообщение.

Между тем генерал Войнеску закурил папиросу и, глубоко затянувшись несколько раз, без особенного интереса, словно из вежливости поддерживая беседу, спросил:

— Ну, что слышно у вас, дорогой Поппкарпу?

— Ничего существенного, господин генерал. Тишина. Вчера, правда, был небольшой шум в секторе, занятом полком Хрубару. Как я вам уже докладывал, второй батальон этого полка внезапно атаковал и потеснил гитлеровцев, заняв более выгодную позицию. Теперь на правом фланге нам удалось наладить более прочную связь с кавалерийской дивизией Мереуцы. Противник дважды пытался контратаковать, но был остановлен артиллерийским огнем.

— Мне кажется, что это самый трудный участок, не так ли?

— Так точно, господин генерал. На всякий случай

я укрепил его батальоном из полка Понаитеску, который держал в резерве.

— Да-да. — согласился генерал ВоГшеску, словно не придавая особого значения услышанному. — Я понимаю, что у вас нелегкая задача, Попинкариу. Да и участок фронта, который занимает дивизия, великоват... Подполковник Барбат, каково ваше мнение? Сумеете вы удержаться в случае атаки со стороны неприятеля?

— Господин генерал, мне кажется, что с теми силами, которыми располагает сейчас противник, он вряд ли сможет предпринять серьезную операцию. Если он все же попытается контратаковать, то, несмотря на незначительную глубину обороны, мы удержим позиции. До сих пор артиллерия оказывалась чрезвычайно эффективной в поддержке нашей обороны.

— Л если они подбросят новые войска? Как знать? Из донесения нашей разведки трудно сделать определенные выводы.

— Наши наблюдатели ничего не сообщают о передвижении войск по ту сторону фронта. Трудно предположить, что фашисты сумеют совершенно незаметно для нас подтянуть свежие войска...

— И всё-таки они подтягивают подкрепления. Майор Мельников, советский офицер связи, сообщил мне о том, что советская воздушная разведка обнаружила сосредоточение войск в непосредственной близости к фронту.

— Но для чего? Подтягивать резервы имело бы смысл только в одном случае — если бы противник начинал подготовку к генеральному наступлению по всему фронту и был бы заинтересован в сохранении плацдарма, который вдается сейчас клином в расположение наших войск. Однако маловероятно, чтобы немцы располагали достаточными резервами для генерального наступления.

— Рассуждаете вы правильно. Не забывайте только об одном: неприятеля можно обмануть. Вот об этом-то я и хотел с вами поговорить. Противник располагает в настоящий момент важной информацией о том, что на участке, занятом вашей дивизией и дивизией Мереуцы, готовится большое наступление. Нам удалось убедить вражеский штаб в том, что с сегодняшней ночи две румынские дивизии, действующие южнее, будут заменены советскими частями и начнут передвигаться сюда, чтобы составить ваш резерв. От вас требуется, чтобы вы СВОИМИ

действиями убедили противника в том, что он разгадал наши замыслы...

В эту секунду зазвонил телефон. Генерал Войнеску взял трубку. Последовал следующий телефонный разговор:

— Алло! Господин генерал?

— Да, я у телефона.

— Здравия желаю, господин генерал. Говорит полковник Поулопол. Я только что получил специальной почтой чрезвычайно важное сообщение.

— Подождите пятнадцать минут. Я вас вызову. У меня сидит генерал Попинкарпу и подполковник Барбат.

— Тем более. Простите, что я настаиваю, но это сообщение касается именно генерала Попинкарпу. Дело огромной важности. Я прошу, чтобы вы меня приняли немедленно.

— Подполковник Барбат может присутствовать?

— Разумеется.

— Тогда приходите сейчас же.

Положив трубку, генерал Войнеску обратился к сидевшим против него офицерам:

— Господин, у аппарата был полковник Поулопол. Он получил срочное сообщение, которое касается вас. Я просил его прийти. Наш разговор мы продолжим позже.

Генерал Попинкарпу с беспокойством спрашивал себя, что могло бы содержать это срочное сообщение, которое имело к нему прямое отношение, но его размышления прервало появление полковника Поулопола Трояна, начальника Второго отделения штаба группы войск «Орел».

— В чем дело, Поулопол?

— Как я вам докладывал, десять минут тому назад я получил из ставки верховного командования сообщение чрезвычайной важности. Нас предупреждают, что агент Абвера * скрывается под видом одного из штабных работников дивизии «Молдова». Задача агента состоит в том, чтобы открыть новую систему работы шифровальной машины. Ставка приказывает, чтобы до принятия особых мер командир дивизии «Молдова» обеспечил сохранность всего шифровального материала. Второму отделу штаба Чивизии приказано взять под особое наблюдение всех ра»

* Абвер — служба шпионажа гитлеровской армии*

ботающих на шифре, а также всех тех, кто имеет хотя бы отдаленное отношение к этой службе.

— Приказ у вас? — спросил генерал Войнску.

— Разумеется.

Полковник Поулопол вынул из папки приказ. полученный из ставки, и вручил его генералу. Тот, внимательно просмотрев бумагу, передал ее генералу Попинкарпу.

— Ситуация отчаянно сложна и серьезна, — в раздумье проговорил Попинкарпу, ознакомившись с приказом, и передал его подполковнику Барбату.

Генерал Вонпеску молча кивнул головой, закурил папиросу, затянулся несколько раз и потом, полюбовавшись на кольца табачного дыма, спросил:

— Вы бы не могли, Поулопол, уточнить основные данные этой шифровальной машины?

— Разумеется, господин генерал. Эта машина немецкого изобретения. По внешнему своему виду она напоминает обычную пишущую машинку, но сходство их на этом и кончается. Перед обычными способами шифровки с помощью цифровых или словесных кодов эта машина имеет огромное преимущество. Если цифровой или словесный код в конце концов можно расшифровать, раскрыть его секрет, то тексты, зашифрованные на этой машине, не имея ключа к ней, расшифровать невозможно. В отличие от других систем, где ключ к шифру обычно указан в самом тексте группой цифр или букв, ключ к расшифровке на этой машине можно получить только особым путем. С помощью этого ключа, который может быть в любую минуту изменен, соответствующий механизм в машине ставится на шкалу определенного дня, и тогда, отстукивая на машинке зашифрованный текст, на второй клавиатуре можно отпечатать полностью расшифрованный текст.

После того как мы начали воевать с немецкими фашистами, пришлось отказаться от старой системы шифровки на этой машине, так как разведка противника хорошо знала все ее секреты. Однако специалисты румынского генерального штаба изобрели новую, очень остроумную систему шифра, которая позволила и дальше использовать эти машины. Надо было только заменить одну из важнейших деталей другой деталью — какой-то муфтой. Вот, господин генерал, что я мог, в общих чертах, конечно...

- Я хотел бы вас спросить еще вот о чем; что, по вашему мнению, должен был бы сделать агент Абвера для выполнения своей задачи?

— Сфотографировать муфту, о которой я вам говорил, и записать те несколько цифр, которые обозначены на ней. Сама по себе эта операция не так уж сложна. Гораздо труднее найти доступ к шифровальной машине. Вот для этого...

Генерал Войпеску прервал его, обратившись к Попинкариу:

— Кто руководит вашим шифровальным отделом, генерал?

- Капитан Смеу Еуджен.

- Смеу Еуджен? Не знаю его. Какого вы мнения о нем?

— Прекрасного, господин генерал. Очень способный офицер. Я за него ручаюсь.

— А вы, Поулопол? Вы, конечно, знаете его.

— Я такого же мнения о нем, как господин генерал Попинкариу.

— Отлично. А кто еще работает в отделе?

— Группа, состоящая из шести шифровальщиков» как это предусмотрено приказом ставки, — объяснил подполковник Нарбат Георге.

— И всем им мы можем доверять?

Генерал Попинкариу пожал плечами:

— Этого я сказать не могу. Надо будет проверить. Все они краткогочники...

— И, кстати, очень хорошие шифровальщики, — добавил полковник Поулопол. — Насколько я знаю, радиogramмы, полученные от «Молдовы», никогда не доставляли нам затруднений. Они были всегда безупречно зашифрованы. А в какой степени мы можем им доверять... Это надо будет еще проверить.

— И всё-таки, — вступил в разговор подполковник Парбат, — я позволю себе выразить сомнение по поводу того, что агент Абвера мог бы скрываться среди них. Все они работают в шифровальном отделе с самого начала кампании, так что если кто-нибудь из них и являлся агентом Абвера, он несомненно уже имел бы возможность за всё это время выполнить свою задачу.

Генерал Войпеску возразил:

— Возможно, что вы и правы, подполковник, но когда

речь идет о шпионаже, пельзя основываться только на логике, не проверял ее фактами, иначе можно попасть впросак. Спрашивая себя, можно ли доверять шифровальщикам, мы не обязательно должны искать агента Абвера только среди них. Насколько я понял Поулопола, агент, чтобы достигнуть своей цели, может и не прибегать к краже. Не так ли, Поулопол?

— Так точно» господин генерал. Если допустить, что ему удалось бы украсть муфту, это всё равно ничего бы ему не дало. Кражу обнаружили бы в тот же день, и ставка немедленно запретила бы использование шифровальных машин.

— Но, может быть, этому агенту уже удалось раздобыть новый ключ к шифровальной машине?

— Надо полагать, что это будет выяснено с помощью Второго отдела штаба дивизии генерала Понппкарпу.

— Вернемся к нашему разговору. Значит, предположение о краже исключается. Генерал Попинкариу должен будет приказать Второму отделу взять под наблюдение шифровальщиков и всех тех, кто прямо или косвенно имеет отношение к этому отделу. Обеспечить охрану шифровальной машины, особенно при передвижении. Ключи от железного ящика, в котором хранится шифровальная машина, должны находиться у капитана Смеу. Впрочем, я думаю, что так это всегда и было. Работа по зашифровке и расшифровке различных документов должна производиться только в его присутствии. Капитана Смеу не загружать никакими другими обязанностями. Пока не будут получены дополнительные распоряжения, ограничимся этими мерами. Вы, Попинкариу, доложите об исполнении и будете держать меня в курсе расследования. А теперь вы, Поулопол, можете быть свободны. Мы еще должны тут уточнить некоторые детали. До свиданья.

После ухода начальника Второго отдела генерал Войнеску поднялся и стал расхаживать по комнате, задумавшись и заложив руки за спину. Спустя некоторое время он остановился перед картой, прикрепленной к стене, и сказал*

— Господа, вернемся к нашему разговору. Как я вам сказал, неприятель располагает ложными сведениями о нашем предстоящем большом наступлении на участке фронта, который занимает ваша дивизия. Чтобы отразить

этот предполагаемый удар, гитлеровцы спяли свои войска с чругях участков а сосредоточили пх близ линии фронта» Необходимо укрепить противника в этом заблуждении. Вам придется провести атаку его оборонительных позиций.

— Только нам? — без всякого энтузиазма спросил генерал Поппинкариу.

— Башу атаку поддержит и кавалерийская дивизия.

— Вы еще упоминали о частях из резерва...

— Нет, у них другая задача. Начиная с этой ночи, они начнут передвигаться сюда так, чтобы неприятель обязательно узнал об этом. Передвижение будет продолжаться в течение дня, а завтра вечером они уберутся отсюда, и на этот раз так скрытно, чтобы об этом никто не узнал. Имейте также в виду, что паша артиллерийская подготовка поддерживается советскими «катюшами». Это поможет нам еще больше обмануть противника,

— Вначале — да, а когда станет ясно, что мы провели пх на нос, они бросят в бой резервы, и тогда нам придется туго, — заметил генерал Поппинкариу, который по разделял оптимизма генерала Войнеску.

— Он не успеет этого сделать уже потому, что одновременно с вашей демонстрацией советские поиска начнет настоящее наступление на их правом фланге. Что вы на всё это скажете, скептик Поппинкариу?

— Ну, если советские части ударят по правому флангу, они вышибут зверя из этой берлоги, как бы он там ни укрепился.

— И вот еще что, Поппинкариу: пора бы уже раздобыть «языка», о котором я давно говорю. Однако до сих пор еще ничего не сделано.

— Мы пробовали, господин генерал, но к нам в сети ничего не попало. Я даже премию обещал: кто приведет пленного — получит отпуск. И всё-таки пока ничего.

— Мне совершенно необходим «язык*», так что доставьте его хоть из-под земли.

— Попробуем, господин генерал.

— Обязательно. А как только вернетесь к себе, вызовите командиров частей и введите их в курс дела.

Сказав это, командующий «Орлюм» поднялся в знак того, что беседа закончена. Вслед за ним поднялись и генерал Поппинкариу и его начальник штаба

— Господа, я не пожелаю вам спокойной ночи, потому

что в эту ночь у вас будет еще много работы, а пожелаю вам удачи.

Они уже были около двери, когда услышали голос генерала Вонпеску, который заставил их обернуться:

— Забыл вам сказать, генерал, что я с большим вниманием прочел ваш рапорт в связи с потерей батареей. Не сомневаюсь, что неприятель располагал точными сведениями. Надо подумать, не исходят ли эти сведения от того же агента, на которого обращает наше внимание ставка.

— Весьма возможно. Я уже подумал об этом и дам указание возобновить следствие в этом направлении.

Генерал Войпеску одобрительно кивнул головой и вызвал своего адъютанта.

Попинкарпу и его начальник штаба локииулп кабинет командующего, а еще через несколько минут их шофер в полной темноте осторожно выводил машину на разбитое снарядами и танками шоссе.

ГРУППА ПШФНОИЛЛЫЦИКОВ КОМПЛЕКТУЕТСЯ

Войдя в кабинет генерала Попинкарпу и застав там начальника Второго отдела штаба дивизии капитана Георгиу Па>ля, капитан Смеу Еуджен сразу же решил про себя, что генерал получил какие-то новые указания из ставки. Не прошло и сорока восьми часов с тех пор, как он узнал о том, что готовила гитлеровская разведка, но ему казалось, что прошло уже несколько недель. И хотя были приняты все меры предосторожности, им nonetheless владело мучительное беспокойство.

Главными чертами характера капитана Смеу Еуджена были решительность и быстрота, соединенные с недо- жинными организаторскими способностями. Его умение приспособливаться к любым обстоятельствам и находить выход из самых неожиданных положений было всем известно и высоко ценилось. Привыкнув быстро и оперативно действовать в сложной обстановке, он не мог удовлетвориться теми мерами, которые были приняты по при- казу командира.

У него даже состоялся не очень приятный разговор с начальником Второго отдела.

— В конце концов, — доказывал Смеу, — что мы де-

лаем! тдсм. /»дем, чь-.1 агент начал действовать. Ми не знаем! кто он, и, следовательно, не знаем, что он предпримет п с какой стороны нанесет удар? Боюсь, что, когда чы узнаем это, — будет уже слишком поздно. Ну что из того* что мы приняли кое-какие меры?.. Ото, по-моему, так и\с хлуно, как если бы мы построили оборону, не ;,ная. откуда должен напасть Браг.

— По-своему ш, конечно, прав, но мне кажется, ты ошибаешься, думая, что всё сводится к ожиданию. Ты не должен забывать, что и мы во Втором г.тделс не сидим сложа руки. Конечно, нам еще нечем похвастаться Дело это сложное и тонкое, но я убежден, что в конце концов мы агента сцапаем.

Капитан Смеу не разделял уверенности контрразведчика. Он был убежден в том, что обнаружить агента Абвера нелегкое дело. С чего начать? Всех в одинаковой меее можно было подозревать. Агентом мог оказаться и офицер и рядовой. Смеу начинал подозревать каждого, — даже шифровальщиков. Он прислушивался к каждому их слову, присматривался к каждому жесту, то и дело спрашивая себя, кто бы из них мог быть вражеским шпионом или его сообщником.

До того дня, когда Смеу узнал, что где-то здесь, ^ ^ ^ штабе, находится вражеский агент, он не просто довсрад ^ своим шифровальщикам, он гордился ими. Никогда они не подводили его. Начальник сл\жбы шифра пз штаба «Орел» не раз отмечал, что у него лучшие шифровальщики в соединении. Он был уверен, что знает своих людей, знает о них все, что только .можно знать. О каждом у него было прочно сложившееся мнение. Одних он любил, других по-своему ценил и уважал. Но плохо он ни о ком не думал. Ему казалось, что они тоже любили его.

И кот теперь он потерял веру в своих людей. Он перестал им доверять. Подозревая каждого, он стал осторожным до мнительности. Когда они работали на шифровальной машине, он ни на миг не спускал с них глаз, хотя в душе был убежден, что это излишняя предосторожность. После того как они заканчивали работу, он сам запирал машину в железный ящик, где хранились коды и все шифровальные материалы, не забывая при этом сделать специальную пометку, чтоб на следующий день убедиться ^ том, что к ящику никто не прикасался.

Тревожно было и по ночам. По несколько раз он

просыпался и, наскоро одевшись, бежал в штаб дивизии, чтобы убедиться, что там всё в порядке. Едва наступало утро, он шел искать капитана Георгиу:

— Ничего нового. Георгиу?

— Ничего, Смеу!

— А из ставки?

— Еще ничего.

— Медленно же там шевелятся!.. Значит, сидеть и ждать?.. Хорошенькое дело!

— Я тебе уже объяснял, что и мы не сидим сложа руки, — важно отвечал капитан Георгиу. — Только не надо строить иллюзий, что эту проблему мы разрешим в два счета, черт побери!

«Хоть бы скорее пришел приказ, которого мы ждем», — думал про себя капитан Смеу, недовольный ответом начальника Второго отдела. У него были свои причины для беспокойства, которое росло, несмотря на заверения капитана Георгиу.

Капитан Георгиу славился своей непомерной самоуверенностью и самовлюбленностью. Эти черты его характера были хорошо всем известны. Знал о них и капитан Смеу, знал он также и то, что деятельность капитана Георгиу на посту начальника Второго отдела не оправдывала ни его самоуверенности, ни его гордости своей особой.

Кое-как пройдя курс обучения в военном лицее, он вышел оттуда младшим лейтенантом с очень посредственной аттестацией. Это было причиной того, что его отправили в один из самых захудалых гарнизонов. Но каковы бы ни были недостатки Георгиу, он обладал одним весьма важным достоинством, которое оценил по-настоящему лишь после того, как стал офицером: он слыл весьма привлекательным мужчиной. Когда он проходил по улицам в своем артиллерийском доломане, высокий, широкоплечий, твердо ступая лакированными сапогами и позвякивая шпорами, он казался героем-любовником в роли молодого офицера.

Женщины были от него без ума. С их помощью он сменил не один гарнизон, пока не дошел до Бухареста. Дальнейшую его судьбу определила тоже женщина. Молоденькая генеральша помогла ему устроиться в военную академию, и она же позаботилась о том, чтобы он ее благополучно закончил.

Война застала Георгиу штабным офицером.

Не выделяясь ничем особенным в мирное время, он не отличился и во время войны. Просто он умел держаться на теверхпоети. Впрочем, ему повезло. За всю войну ему самому по иршлось принимать никаких важных решений или находить выход ил затруднительных обстоятельств. Ведь это потребовало бы таких качеств, какими природа его, увы, не наградила. И вот теперь, наконец, представился первый случай показать, чего он стоит. Капитан был оптимистом и верил в свою звезду больше чем когда-либо. Узнав о том, что ставка посылает ему кого-то в помощь, он был очень недоволен. Еще не познакомившись с этим помощником, он уже считал его своим соперником и врагом.

Капитан Смеу Еуджен не ошибся, предположив, что генерал Пошшкариу вызвал их к себе, чтобы сообщить о последних указаниях ставки.

— Госиода, — сказал генерал, после того как все се-ли. — Только что я получил новый приказ. Нам сообщают, что в дивизию направлен человек из особой службы контрразведки, который должен оказать нам помощь. Необходимо найти для него место в одном из отделов штаба, но сделать это нужно осторожно, чтобы не вызвать ни у кого никаких подозрений. Я пригласил вас к себе, чтобы посоветоваться, куда бы его определить, чтобы, повторяю, это не бросилось в глаза. Он прибудет к нам в чипе кап-рала краткосрочной службы. Зовут его Уля Мпхай. Сейчас он находится в одном из подразделений Папай-теску, прибывших два дня тому назад с маршевым батальоном. Что вы можете предложить, Георгиу?

— Я бы предложил, господин юисрал, направить его в Четвертый отдел. Па днях в офицерской столовой я слышал, как майор Братоловяну жаловался на нехватку людей.

Генерал задумался на мгновение.

— Я не уверен, что ваше предположение приемлемо, Георгиу. Майор Братоловяну способный офицер, но он чересчур строг. Перед ним дрожат не только солдаты, но и офицеры. Если я отдам капрала майору Братоловяну, он запряжет его в работу так же, как и всех остальных писарей. Вы же понимаете, что для того, чтобы помочь

нам, этот Уля Мих&l должен пользоваться иокоторо*. I во-
бодей. Братолоняиу пришлось бы установить для него
особый режим. Значит, я должен был бы объяснить ему,
кто такой в действительности этот Ули, По подлинное
лицо Ули знают только четыре человека: мы с вами и
начальник штаба. И никто, кроме нас, по должен иичого
подозревать, даже работники нашего отдела. Поняли,
Георгиу?

— Так точно, господин генерал.

Была еще одна причина и, пожалуй, самая важная,
из-за которой генерал Понинкарпу не принял предложе-
ния капитана Георгиу. Дело и том, что майор Братоло-
няиу принадлежал к числу тех, кто ие имел ни малей-
шего желания военать против гитлеровцев. Некоторые из
таких офицеров в самом начале кампании перешли на
сторону фашистов и стали предателями своего парода. Тс
же, кому по разным нричш-ам этого сделать но уда-
лось.—ли оо потому, что им не представлялась возмож-
ность перебежать па ту сторону, либо потому, что чув-
ство дисциплины настолько вошло в их кровь п плоть,
что они ие могли дойти до предательства, — примирились
со своим положением. Непрерывные успехи румынской
армии мало радовали их. они были бы очень довольны,
если бы дело обернулось по-другому. Не понимая смысла
бурных событияи, происходивших в стране, не отдавая
себе ясного отчета и происходящем, они инстинктивно
чувствовали неизбежность победы новых,демократических
сил.

Владелец поместья в Яломнцах майор Братоловяпу.
братья которого были крупными лесопромышленниками,
едва ли имел причины радоваться ходу событий. Поэтому
генерал, не считая его способным па предательство, всё
же потребовал для большей безопасности его замены Но,
разумеется, сказать об этом своим офицерам ои не мог

— Господин генерал, — подпился капитан Смеу, —
разрешите доложить?

— Говорите, Смеу.

— Согласно приказу ставки, в шифровальпом отделе
мы должны иметь шесть человек. Сейчас имеется только
пить. Шестой, старшина краткосрочной службы Ками-
бпы Гаду, педелю назад отправлен в госпиталь. Подлоч
конник Стытеску сообщил мне, что старшина эвакуь
роиаи в тыл. И так как мне всё равно необходим

укомплектовать свою группу, я бы предложил, чтобы Ока Уля был зачислен шифровальщиком.

— Чтобы он работал именно на шифре? Гм! Неплохое предложение, Смеу. Что вы скажете, Георгиу?

— Господин генерал, я считаю предложение Смеу хорошим. Прежде всего потому, что в шифровальном отделе Уля Михай сможет быть в самом центре событий, ну и, во-вторых, потому, что все знают, что в шифровальном отделе работы меньше, чем в любом другом отделе штаба, и если он будет разглагольствовать больше, чем другие писари, это никого не удивит.

— Я думаю, что первый аргумент, приведенный капитаном Георгиу, можно принять. Что касается второго, то Уля мог бы с таким же успехом работать во Втором отделе. Я убежден, что, работая там, он никого не удивит, если будет бить баклуши. Насколько мне известно, многие всерьез убеждены, что во Втором отделе только и озабочены тем, как бы провести время.

Генералу понравился ответ капитана Смеу, и всё же он счел своим долгом строго заметить:

— Я не просил вас, господа, подводить итоги вашей деятельности. Мне хорошо знакома работа как Второго отдела, так и шифровальной группы. Впрочем, вы сами прекрасно знаете, что по-прежнему тот, кто много работает, работает лучше. Теперь вернемся к вопросу, который нас занимает. Значит, вы, Георгиу, не видите никаких препятствий к тому, чтобы начислить Улю в шифровальный отдел? Так как и я их не вижу, то решим так: капитан краткосрочной службы Уля Михай будет работать в шифровальном отделе. Напоминаю, что зачисление в 1-ю группу нужно произвести таким образом, чтобы ни у кого не возникло ни малейшего подозрения. Если агенту Лбвера удалось проникнуть к нам, значит, мы имеем дело с чрезвычайно ловким человеком. Должно быть, он чувствует себя в безопасности, и нам нельзя спугнуть его. Чем дольше он будет себя чувствовать вне подозрения, тем легче Улю и вам, Георгиу, обнаружить его. Другими словами, нужна большая, очень большая осторожность.

Выйдя от генерала, капитан Смеу Еуджей зашел на* Радиостанцию. Радист только что принял радиограмму, переданную «Орлом». Смеу взял бланки с зашифрован-

ным текстом и поспешил вернуться в кабинет, чтобы расшифровать его.

В течение пятнадцати минут радиограмма была расшифрована. Передан ее начальнику штаба я вернувшись в свой отдел, капитан Смеу обратился к шифровальщику, который выполнял работу машинистки:

— Томеску, заложите хорошую бумагу. Будем писать рапорт генералу.

Пока Томеску готовил бумагу, капитан Смеу подошел к окну и стал смотреть во двор.

— Готово, господин капитан.

— Ну, тогда лишите: «Рапорт о необходимости доукомплектования шифровальной группы». Написали?

— Да.

Шифровальщики переглянулись и недоверчиво заулыбались. Капитан Смеу, не обращая внимания на скептические улыбки своих подчиненных, продолжал диктовать.

После того как капитан подписал рапорт, один из шифровальщиков спросил:

— Вы думаете, что генерал разрешит?

— А почему бы и нет?

— Господин капитан, не обижайтесь, но я готов поспорить, что ваш рапорт даже не дойдет до генерала. Вы его получите обратно с отрицательной резолюцией подполковника Барбата. Вы же знаете, что он думает о нас.

— Насколько я знаю, он к нам неплохо относится. Мы никогда не давали ему повода быть недовольным нашей работой.

— Вы, наверное, забыли, что совсем недавно он хотел наполовину сократить нашу группу, да еще обругал всех нас бездельниками.

— Господин подполковник Барбат тогда еще не был знаком с приказом ставки. Впрочем, до того ля ему было. Вы же знаете, как туго приходил ось нашей дивизии. Теперь дела пошли лучше, да из Румынии прибыло еще несколько пехотных батальонов.

Так как подошло время обеда, шифровальщики один за другим отправились в столовую. Капитан Смеу задержался, чтобы разобрать корреспонденцию, на которую \ него никогда не хватало времени.

Занятый своим делом, он не сразу заметил, что один из шифровальщиков, сержант краткосрочном службы Барбу Василе, всё еще возится с бумагами.

— Ты почему не идешь обедать, Барбу?

— Сейчас иду, господин капитан.

Барбу собрал свои бумаги, немного помедлил, подошел было к дверям, потом вернулся и остановился прямо перед столом капитана Смеу,

— Что такое, Барбу? Случилось что-нибудь?—спросил капитан Смеу, внимательно проследив за всеми маневрами своего подчиненного,

— Да нет, особенного ничего не случилось. Если вы можете... я бы попросил вас уделить мне несколько минут. Я хочу вам кое-что сказать.

— Садись! Я тебя внимательно слушаю.

Барбу Васпле позволил воспользоваться приглашением капитана, однако еще долго не мог преодолеть смущения, несколько раз пытался что-то сказать, но останавливался и опять умолкал.

Капитан Смеу, славившийся своей выдержкой и терпением, спокойно ждал, пока Барбу соберется с духом и решится заговорить.

Наконец к Барбу Васпле вернулось самообладание, а вместе с ним и голос:

— Господин капитан, мне очень трудно начать... вернее сказать... я... не знаю, как начать. Я, знаете ли, давно собирался это сказать, но как-то всё смелости не хватало. Я думал: «Конечно, господин капитан подумает, что я свихнулся». Но когда я услышал этот рапорт, который вы только что продиктовали, я сказал себе: «Напле, сейчас самое время поговорить с капитаном». Только я не мог этого сделать в присутствии остальных. Нет, нет, я не хочу сказать о них ничего плохого. Они все слабые ребята. И я их очень люблю. Но, видите ли, люди есть люди, и каждый из них всё мерит на свой аршин...

«Что это он мелет, куда клонит?» — размышлял капитан Смеу, стараясь ничем не показать, что запутанная и бессвязная речь шифровальщика запутает его раздражать.

— Дорогой Барбу, мне кажется, что лучше было бы обойтись без этого длинного и запутанного предисловия. И сказать открыто, что у тебя на душе.

— Вы правы, господин капитан, прошу простить меня, но, понимаете ли, всё это не так просто, но так как времени у нас мало, я постараюсь покороче. Господин капитан, я прошу вас послать меня на передовую...

Всё что угодно ког ожидать капитан Смеу, только не это.

— Как? Ты хочешь отправиться на передовую? — переспросил он недоверчиво.

— Да, господин капитан, я вижу, что и вас это удивляет. Значит, я правильно сделал, не сказав ничего при остальных. Вы наверное никак не можете понять, что заставляет меня рисковать своей шкурой, хотя этого никто не требует от м^сяя...

— Естественно, что я с раду подумал об этом, не так ли⁰ - холодно ответил капитан Смеу, который испытывал странное чувство, глядя на Барбу. Ему вдруг показалось, что он видит сержанта впервые.

— Безусловно. И я готов вам это объяснить. Видите ли, люди похожи немного па часы. У одних механизм устроен очень просто: несколько колесиков — и всё, у других же механизм более сложный, и колесиков там и пиитикой куда больше. Мне кажется, что я принадлежу ко второй категории. Я прошу вас понять меня правильно; говоря так, я совсем не хочу переоценить себя. Я, ток же как и вы, знаю, что простые вещи часто бывают куда дороже, чем очень сложные. Возьмите, например, законы математики. Они, в сущности, очень просты, удивительно просты и всё-таки гениальны. Так и я. Если я считаю себя сложным механизмом, то это совсем не значит, что я многого стою. Сегодня атот сложный механизм испортился. Разрешите мне рассказать о двух случаях, происшедших недавно, из-за которых мой «механизм*» работает с перебоями. Вы помните, что три недели тому назад мы должны были сменить позиции и передвинуться на тридцать километров севернее. Мы с командным пунктом дивизии двинулись в путь на рассвете. Где-то на перекрестке шоссе встретились с пехотным батальоном. Грязные, заиленные солдаты, с серыми, землистыми лицами, с ввалившимися от бессонных ночей гла^Вми едва не падали от усталости. После ночного марша они казались людьми с того света. Одни спали на ходу, другие бодрствовали, но шли понутив юловы, едва-едва переставляя йоги. Это была первая встреча, о которой я хотел вам рассказать. Теперь — о второй. При последнем переходе вы приказали мне следовать со вторым эшелоном. Я погрузил на машину последнее оставшееся имущество, и вот, когда уже всё было готово к отправке, какие-то мест-

ные жители принесли на самодельных носилках р а и того солдата. Немецкий автоматчик раздробил ему я%ивот. Я думаю, что в него попало не меньше пятнадцати нуль. Этот человек не отдавал себе отчета и том» насколько близок к смерти. Считан себя легко раненным, он радовался своему счастью. Мне кажется» что я и сейчас слышу его голос: «Ну п повезло же мне, господин курсант! Ути свиньи „гнтлерцы" останутся на бобах. Пока я выздороветь, как раз п война кончится». Я взял его на своя грузовик, чтобы отвезти в медсанбат. По дороге он умер. Умер, не понимая, что умирает, радуясь тому, что только ранен и что смерть миновала его.

Барбу Васпле нотер ладонью лоб, словно хотел отогнать тяжелые мысли, йотом вздохнул.

— Разрешите закурить? — спросил ои каким-то чу«жим, усталым голосом.

— Конечно, — разрешил капитан Смеу. Ои тоже закурил, и, пока доставал папиросу, зажигал спичку, мысль «го лихорадочно работала, пытаясь найти раагадку: «Куда ия клонит? Чего хочет добиться?» Только теперь оп вдруг понял, что этот сержант Парбу Васпле был ему чем-то "еориятен. И не с этой минуты, а всегда был неприятен*

Барбу Васкле, который всё это время молча смотрел в окно, вздохнул несколько раз и снова заговорил:

— Теперь надо нам объяснить, какая связь между этими двумя встречами и моим... слонским механизмом. П в первый п во второй раз меня охватило чувство стыда. Я сказал себе, что завтра, когда кончится война, и я в те, кто был на передовой линии и остался живым калекой или сохранился невредимым, мы одинаково будем говорить, что были на войне, воевали. И всё-таки я так и не пройду через настоящую школу войны. Знаю! Это тяжелая школа, трагическая,.. Но я хочу ее пройти, даже рискуя жизнью.

Вот теперь вы знаете, что заставляет меня идти на передовую. Я был с вами откровенен. Я бы мог, конечно, объяснить свое желание проще, ну, скажем, патриотическими чувствами, но я никогда в жизни не занимался политикой и заниматься ею не собираюсь. Я мало приспособлен для этого дела. Чтобы не соглашаться с войной, ненавидеть ее, не нужно обладать какими-то особыми политическими убеждениями. Достаточно просто иметь чистую совесть п быть откровенным с самим собой. Вот потому я и прошу вас, господин капитан, поддержать мою просьбу, — л Барбу умоляюще посмотрел на капитана.

Смеу отвел глаза и, чтобы выиграть время, закурил еще одну папиросу.

«Странно! У меня такое ощущение, будто я вижу его впервые в жизни», — сказал он себе, исподтишка взглянув на своего собеседника.

И всё же это был тот самый Барбу Василе, которого он знал \же несколько месяцев. Хорошо сложенный, с невыразительным, всегда чуть лоснящимся лицом, с глазами, которые никогда не смотрели ирязи) на собеседника, — вероятно, из-за врожденной застенчивости. Иногда насмешливый, недоверчивый, всегда болезненно самолюбивый, он бывал очень сдержан в разговорах, предпочитая бо..мне слушать, чем говорить. Капитан видел в нем человека, умеющего мыслить и живущего интенсивной внутренней жизнью. В общем, несмотря на сдержанный и замкнутый характер Барбу, капитан Смеу цепил этого шифровальщика за знания и добросовестное отношение к делу.

Но сейчас Смеу не был уверен в том, что этот человек

: действительности таков, каким казался вначале. «У него что-то от пресмыкающихся», — сказал тебе Смеу, прямо взглянув Барбу в глаза.

Их взгляды встретились. Барбу Васлле смотрел пристально и заискивающе.

Но капитана Смеу мало тронул этот взгляд. Наоборот, сержант стал ему еще более антипатичен. «Несомненно, он водит меня за нос. Тут что-то не так...»

Стараясь ничем не выдать своих подозрений, капитан Смеу заговорил:

— Слушай, Барбу! Я не смогу дать тебе ответа сейчас. Хотя твои доводы и не кажутся мне убедительными, я обещаю хорошенько подумать над тем, что ты сказал, и, если представится возможность, я удовлетворю твою просьбу. Не забудь, что шифровальная группа не укомплектована, и если даже господин генерал разрешит взять кого-нибудь из другой части, то его еще придется обучать нашей профессии. Если я тебя отпущу, это будет значить практически, что я потерял сразу двоих. Ты хороший шифровальщик, и мне будет нелегко обойтись без тебя. Но ты не думай, что это мой окончательный ответ. Я должен еще подумать.

— Но я могу всё-таки надеяться, господин капитан?

И так как на лице капитана Барбу не смог прочесть ничего, вселяющего надежду, он вышел, не дожидаясь ответа.

Заложив руки за спину, с потухшей папиросой в углу рта, капитан Смеу Еуджен расхаживал по кабинету из конца в конец, размышляя о разговоре с сержантом Барбу Васлле. Им овладело какое-то щемящее чувство грусти и тревоги.

В этот миг капитан Георгпу просунул голову и дверь:

— Ты здесь, Смеу? Я искал тебя!

— Входи! Мои парни пошли обедать, так что мы можем спокойно говорить.

Капитан Георгпу взял стул и сел у окна.

— Есть новости? — поинтересовался капитан Смеу.

— Новости? Ничего такого, что могло бы заинтересовать тебя. Я хочу только сказать, что приказ подписан и отправлен в часть. Завтра ты получишь своего человека.

— Н \мо знаю, — без всякой радости заметил капитан Счеу. — Впрочем, си больше твой человек, чем мой.

— Меньше, чем ты д> маешь. Так как он не будет в моем подчинении, мы можем быть только сотрудниками. По что с тобой случилось? У тебя такой расстроенный вид.

Каптаи Смеу рассказал о разговоре с Барбу Василе Г прибавил в заключение;

— ВИДИШЬ ли, Я был уверен в том, что знаю своих людей, знаю, на что каждый и* них способен. Мне казалось, будто от каждого я беру то, что он может дать, и это приносило удовлетворение, давало чувство уверенности. Но стоило мпе полчаса поговорить с Барбу, чтобы попать, насколько обманчивой была эта уверенность. Оказывается, ои совсем пе таков, каким я представлял его себе, да и остальные, вероятно, тоже...

Меня беспокоит эта недавняя моя уверенность. Когда я узнал от генерала о замыслах немцев, я, конечно, подумал о том, что агент, которого мы ищем, может оказаться и среди шифровальщиков, и всё-таки в глубине души был убежден: этого не может быть. самого скверного из них я не считал способным па такую подлость. Я был уверен в своих людях, и поэтому опасность пе казалась мпе такой грозной. Одно дело знать, что тебе что-то угрожает со стороны, а другое — что опасность подстерегает тебя в собственном доме. Но вот сейчас у меня уже нет этой былой уверенности, л я чувствую, как надвигается на пас опасность, тем более страшная, что те л ерь любой из моих люден может оказаться агентов Абвера.

— Как говорится, ты стал бояться собственной тени Н конце концов, из-за чего ты перестал верить в своих людей? Неужели только из-за того, что одному из них зэхнтелогь рискнуть своей шкурой? Очень возможно, что Барбу хочет пойти на передовую совсем из иных соображений. Но везь и в этом случае можно подозревать только его. При чем же здесь остальные?

— Пу-ну... — довольно неопределенно откликнулся Смеу па зти рассуждения. — Так очень скоро можно уговорить себя, что вообще всё в порядке п волноваться не из-за чего. Но ведь если правда, что Барбу обманывает меня, значит, я в нем ошибался, а если я ошибался в нем, разве пе естественно предположить, что я мог ошибаться и в отношении остальных шифровальщиков. Скажи он

о споем желании идти на передовую неделю или дво тому назад, оп бы не вызвал у меня никаких подогрей и и. Я бы наверное решил так: просто чудаковатый тип, каких немало среди интеллигентов. Но сегодня его желание кажется мне очень подозрительным. Почему? Я тебе объясню. Предположим, что Барбу гитлеровский агент. С тех пор как он находится среди нас, оп научил все системы нашей шифровки. Мы, которые ни о чем не подозреваем, разрешаем ему идти на передовую линию. При первом удобном случае он переходит фронт и приносит немцам в подарок все наши секреты, в том числе и тот, которым особенно интересуется Абвер, — ключ к шифровальной машине.

— Дорогой Смеу, знаешь, это всё звучит неубедительно.

— Почему?

— По той простой причине, что Барбу не может быть агентом Абвера. Если бы он был им, то информация о работе шифровальной машины давным-давно была бы уже передана. А потом, неужели ты думаешь, что руководители Абвера так наивны, что могут рассчитывать на переход своим агентом линии фронта без риска попасть в плен? Я, конечно, не хочу сказать, что этот Барбу вне подозрений. Может, он и не агент, а только его сообщник, хотя я п в этом сомневаюсь. Что за чертовщина, неужели этот агент настолько уж лишен фантазии, что может думать, будто мы отпустим Барбу? Ей-богу, п что-то и это мало верю.

Капитан Смеу пожал плечами:

— Не знаю! Может, ты и прав. По правде сказать, после разговора с тобой у меня будто гора с плеч... ^то ужа< но — чувствовать себя окруженным людьми, которым ты не можешь доверять. 11 всё-таки не выходит у меня из головы »этот Барбу. Почему он хочет пойти па передовую?

— Ну, это совсем другой вопрос. Если и существует какая-нибудь свя.ъ между ним и тем, что нас записывает, мы об этом в конце концов узнаем. Тем более, что завтра Уля Судет среди нас, — с иронией закончил Георгиу свою тираду. — Надеюсь, ставка присылает нам человека, который сразу распутает весь этот клубок. А пока пойдем обедать.

**ДМШОЛМКЛН НКПОЛАДК4 € МОТОРОМ,
или что можкт случиться,
КОГДА ПЕРЕПУТАНЫ СТОРОНЫ САКТЛ**

Занимался сероватый рассвет. Далеко на востоке, из-за холмов, нехотя, медленно подымалось солпше. Поглотив все звуки, над миром царила первозданная тишина. Она словно придавила большую деревню, красные черепичные крыши ее кирпичных домов. Церковь двухсотлетней давности тянула к небу свой высокий шпиль. В расплывчатом свете раннего утра шпиль казался еще выше. Он поднимал свой позолоченный крест к самым облакам.

В большом доме на главной улице деревни всего несколько часов тому назад расположился командный пункт ДИВИЗИИ «Молдова». В одной из комнат, нагнувшись над картой, стояли генерал Попинкариу Мариус, подполковник Барбат Георю и капитан Мыгуриану Тпберну — начальник оперативного отдела штаба. Рядом в небольшой комнате два писаря оперативного отдела и старший сержант распаковывали ящик с картами. В другой комнате капитан Смеу Еуджен «месте с тремя шифровальщиками ожидал распоряжений. Капитан придвинул свой стул к окну и выглянул в пустой двор, который в бледном свете зари казался посыпанным золой. Два шифровальщика спали, пристроившись возле стола в самых пeудобных нo-зах. Третий поглаживал кота, который взобрался к нему на колени. Во дворе солдат-свя шет заканчивал нрокладкх телефонного провода. Он работал не спеша и что-то тихонько насвистывал.

Вдруг неподалеку загудел мотор грузовика и тотча/ же смолк. Его гул разбудил шифровальщиков. Они иодняли головы, дружно зевнули, потом заворочались устраиваясь поудобнее. Но сон уже окончательно пропал. Нервы у всех были натянуты до предела. Это напряженное состояние приходило к людям всякий раз, когда онч ожидали наступления. Часы перед встречей с противником всегда заполнены особенным, почти болезненным волнением, которое испытывают не только те, кто непосредственно идет в атаку, по и те, кто, работая в штабе, становятся участниками общего наступления.

На командном пункте знали, что через несколько минут начнется атака. Все думали о том, сумеет ли пехота

выбить немцев с их ПОЗИЦИЙ, так как >же не было секретом, что неприятель подтянул свежие силы. В ожидании мппуты, когда начнется атака, обладатели часов то и дело посматривали на стрелки.

— Теперь уже должно начаться, — сказал один из шифровальщиков и подошел к окну, словно мог оттуда видеть, как развернется атака.

Во дворе тоненьким, дребезжащим голосом замычал теленок, закрикали утки. Хозяйка дома, высокая красивая женщина, шлепая голыми ногами по пыльной земле, побежала на скотный двор. Связист прервал свою работу и посмотрел ей вслед.

В эту минуту послышался такой звук, будто высоко в небе забились чьи-то огромные крылья, и где-то далеко раздался оглушительный грохот, точно рухнула сразу целая гора.

— Началось! — объявил капитан Смеу л невольно вскочил. Но, овладев собой, снова сел.

Шифровальщики бросились к окну, хотя отсюда они ничего не могли увидеть. Гремела артиллерийская канонада. Слышно было, как в высоте пролетали снаряды. Они летели с завыванием и свистом и с оглушительным треском разрывались где-то далеко за деревней, сотрясая землю.

— Алло, «Тротуш»! Алло, «Тротуш»! Здесь «Молдова»! Алло, «Тротуш»! — доносился из соседней комнаты голос дежурного телефониста.

Капитан Смеу Еуджен не отрываясь смотрел на часы, забыв о папиресе, которую только что закурил.

— Наши артиллеристы палят и с на шутку, — заметил с радостью один из шифровальщиков, капрал Томеску Адриан.

— Если бы атаки всегда начинались такой артиллерийской подготовкой, то бедная пехтура шла бы в атаку с более легкой душой, — поддержал его сержант Бурлаку Александру. — Когда я был на фронте, нам не раз случалось идти в атаку почти без артиллерийской подготовки.

— Слушай, «старик», — прервал его Томеску Адриан, — не заводи ты сейчас своих фронтовых сказок, не до того. Ноберсгп их па вечер. После такой артиллерийской подготовки, я думаю, наши пехотинцы выбьют немцев из их логова.

— В самом деле, вот это настоящая стрельба, -- говорил третий шифровальщик, старшина краткосрочной службы Мардаре Пин.

Неожиданно канонада прекратилась. Кше несколько секунд доносилось лишь эхо, шедшее издалека, как отголоски далекого грома.

— Теперь пойдет пехота, — шепнул Бурлаку Александру дрожащим от волнения голосом. — Боже, помп* а!

Но Бурлаку Александру ошибся. В следующее мгновение разразилась новая канонада, такой силы и мощи, какой шифровальщикам никогда не доводилось слышать.

— «Катюши»! — воскликнул Бурлаку Александру, выплюнув окурочек папиросы, которая начала подпаливать его усы.

Оттого что «катюши» стреляли с окраины деревни, дом, в котором находился командный пункт, содрогался будто при землетрясении, балки трещали, с расписного потолка падали большие куски штукатурки, и пыль от них лилась по комнате словно белый душливый пар.

Канонада продолжалась всего несколько минут. Когда грохот прекратился, капитан Смеу сказал:

— Ну, теперь пошли наши!

Он сунул часы образца 1910 в карман и открыл окно. Издалека доносилось грохочущее и сердитое гремяние.

Послышалось несколько одиноких быстрых оружейных выстрелов. После недавнего оглушительного грохота эти винтовочные выстрелы казались похожими на смешные хлопнушки. Тотчас же сердито затрещали автоматы. Гитлеровская артиллерия, которая до сих пор молчала, стала отвечать, решив, видимо, остановить заградительным огнем поступление румынских частей.

— Ну, если вы только этим можете похвастать, то мы с вами скоро расправимся, милашки, — посмеивался Бурлаку Александру, от удовольствия потирая руки.

И этот миг писарь, приоткрыв дверь, крикнул:

— Господин капитан, вас вызывает господин генерал!

— Хорошо, сейчас иду!

С порога капитан Смеу обратился к трем своим шифровальщикам:

— У нас, наверное, скоро тоже будет работа.

Войдя в комнату, занятую оперативным отделом, капитан Смеу Еуджен увидел генерала, склонившегося над картой.

— Капитан Смеу, — обратился к нему генерал, — приготовьтесь, надо будет передать кое-что «Орлу»...

— Мы готовы, господин генерал! Если позволите... я хотел бы знать, каково положение. Атака развивается успешно?

— Оверх ожидания, Смеу, сверх ожидания. Неприятель оказал очень слабое сопротивление и теперь отступает. Я боюсь, что П последнюю минуту они всё-таки упнаш. что для них готовится на правом фланге. Но сейчас уже слишком поздно, и если господа фантасты хотят спя(ти свою шкуру, то им придется отказаться от всякою (оиротивления в нашем секторе... Я думаю, Барбат, что максимум через час мы уже сможем двинуться дальше.

— Безусловно, — ответил безучастно начальник штаба. — Я ожидал, что дело пойдет труднее.

— Господа,—сказал генерал, — мы отправляемся через полтора часа. Барбат, доложите в штаб «Орла» и предупредите майора Братоловяну. что через час второй эшелон может начать движение за нами.

Полтора часа спустя генерал Полинкариу, в сопровождении своего штаба, ехал на запад, следуя за пехотой, двигавшейся вперед в неуклонно нараставшем темпе.

Грузовики второго эшелона, на которые было погружено имущество отделов и служб штаба дивизии, растянувшись по шоссе, еще с рассвета ждали приказ*» об отправке.

Большинство писарей, офицерских денщиков и бойцов охраны разбрелось по близлежащим домам в надежде раздобыть что-нибудь съестное. Другие, менее предприимчивые, довольствуясь полученным сухим пайком, отсыпались на грузовиках, пристроившись между ящиками, узлами, пишущими машинками и другим неведь откуда взявшимся добром.

К этим последним относились и два шифровальщика, оставленные во втором эшелоне: сержант Барбу Василе и Пел июно Влад. После того как в кузов 1грузовика был уложен железный ящик с шифровальными материалами, архив и личный багаж, шифровальщики устроили удобные постели из одеял, улеглись на них и заснули крепким сном. Проснулись они лишь утром, когда солнце стояло УНе высоко. Даже артиллерийская канонада не могла их Разбудить. И, конечно, они бы еще спали, если бы шо-

фёр по глупости не завел мотор, — впрочем, с самыми похвальными намерениями — проверить его.

Первым проснулся сержант Барбу Василе.

— Что нашло на эту скопцу? — пробурчал он сердито. — Неужели отправляемся?

Нехотя поднявшись с постели, он спустился вниз, чтобы выяснить, » чем дело. Узнав, что второй эшелон еще не отправляется, Барбу залез обратно в кузов, крытый брезентом, чтобы еще немного поспать. Но голод пересилил сои, и он, протянув руку к мешку с провизией, вынул оттуда хлеб, сало, луковицу и стал с аппетитом закусывать.

Запах лука тотчас же разбудил старшину Полиною Влада. Он сладко потянулся, шумно зевнул, а потом по примеру своего товарища также развязал мешок с провизией.

Из всех шифровальщиков Пелиною Влад был самым молодым. Его прозвали «жеребенком». Маленького роста, худенький, он был подвижен как вьюн; его все баловали и любили за веселый нрав. При первом знакомстве Целиною Влад производил впечатление человека болтливового и легкомысленного. Но стоило узнать его поближе, чтобы понять, что имеешь дело с умным человеком.

Пел иною Влад первым нарушил молчание:

— Давай условимся, Барбу, кто из нас двоих будет сидеть возле шофёра, а кто здесь — в кузове.

— А разве обязательно кто-то должен сидеть в кузове? Во всяком случае, что касается меня, я и не подумаю оставаться здесь, а сяду возле шофёра, а ты уж устраивайся как сумеешь.

— То, что ты не хочешь здесь оставаться, я понимаю. Но я никак не могу сообразить, на чем основывается твое убеждение, что место возле шофёра принадлежит именно тебе, — возразил Пелиною Влад.

— Я совсем не утверждаю, милый юноша, что оно принадлежит мне. Просто я убежден, что ты не откажешься уступить его мне, во-первых, потому что я старше тебя, а во-вторых, потому что ты, который проявлял ко мне всегда особую симпатию, посочувствуешь и на этот раз и не оставишь такого угрюмого человека, как я, в компании людей, которые мокти бы плохо истолковать мою необщительность.

Пелиною Влад рассмеялся:

— Эх, Пярбу, если бы ты мог заставить себя произносить хоть двадцать фраз в депь, ты был бы не парень, а конфетка. Ей-богу!

— Я должен сказать тебе, юноша, что есть немало людей, которые много выиграли бы, если бы могли заставить себя произносить п депь на двадцать фраз меньше.

— Вы имеете в виду вашего покорного слугу?

— Нет, я имел в виду не только тебя.

— Премного благодарен. Это во всяком случае меня утешает. П во имя того, чтобы ты, упаси бог, не обвинил меня в неблагодарности, так п быть, великодушно уступаю тебе место возле шофёра, Л я себе найду местечко и в другой машине. Хотел бы я только знать, почему мы так задерживаемся?

— Ты спешить?.. В конце концов, пе все ли равно, здесь мы будем СТОЯТЬ или несколькими километрами дальше.

— Не в этом дело. Я думаю о том, как прошла атака нашей пехоты. Как ты думаешь?

— Откровенно говоря, мне ото совершенно безразлично.

— Что ты этим хочешь сказать, ей-богу, я не понимаю.

— Но ведь это очень просто. Не так уж я папвен, чтобы думать, что мы решим судьбу войны. Пока русские пе дойдут до Перл и па, война не кончится Л ведь наша дивизия наступает совсем не в том направлении. Если ты мне не веришь, можешь вдлгнать на карту.

— Но мы-то ведь тоже помогаем бпть этих проклятых гитлеровцев. Эх, хоть бы всё это скорее кончилось!

— Не обманывай себя, парень! Рождество мы, но всей вероятности, встретим в Татрах. Ну, а если ты немножко пофантазируешь, то легко представишь себя в отпуске в родных Бучеджах.

В это мгновение по колонне от человека к человеку полетела команда: «По машинам!»

Загудели моторы, п колонна двинулась.

Первые десять километров шли с нормальной скоростью. Затем грузовики вынуждены были замедлить ход. Шоссе запрудили оюозы ушедших вперед частей. После того как перешли старую линию фронта, двигаться стало еще труднее. Неприятель, поспешно отступая, бросал на дороге машины, повозки, расстреливал обозных лошадей.

На протяжении ста метров справа и слева от шоссе валялись трупы мертвых лошадей. Уто были ломовики - крупные, с широкой бычьей грудью и длинной, косматой гривой. Сотни лошадей с простреленными головами покрывали неё это пространство, распространяя сладковатое зловоние, вызывавшее тошноту.

Это зрелище потрясло солдат. С начала войны им не раз приходилось видеть убитых людей, застигнутых смертью в самых неожиданных положениях. К этому привыкли, но внезапно открывшаяся картина кладбища погибших лошадей подействовала удручающе. Одни солдаты смотрели, горестно покачивая головой, другие отплеывались с отвращением, третьи последними словами поносили гитлеровцев.

— Чтобы их земля не носила, мерзавцев! Хуже зверей они! Чем шгноваты бедные животные? — в&рвалось у одного из солдат.

Ему ответил повар, крестьянки из-под Озана:

— Ничего, за все зверства бог их наказывает. Бегут теперь, только скоро бежать будет пекуда. — Потом, совадохом: — Эге ж, если бы у меня были хоть две такие лошади, я бы считал, что бог смилостивился надо мной. Были у меня две клячи. Только я один знаю, чего мне сттило сколотить* на ИПА Іроиш... Но пришла война, и их записал для мобилизации иримар. * Пришлось отдать. А что было делать? Кто знает, может, и мол лошадки также где-нибудь погибли ни за что ни про что. Ну, ничего, если правду говорят, будто у нас дома колесо повернулось и уже нет власти у бояр, то и я, придет время, рассчитаюсь с еобакон-примаром. И было у меня всего добра эта скотина! И ту он забрал! А сам, пибось, ничего не дал. — ни он, *ии* попы, ни те, кто побогаче. Ну да ничего, доберусь я до них, только бы дал бог уцелеть мне!..

Машина шифровального отдела двигалась в середине колоты. Карбу Васплс, ие желая вступать в разговор с шофёром, делал вид, что спит.

Пантелеймон Хынку считался лучшим шофёром управления штаба дивизии. Он славился своим веселым нравом и любовью к разговорам. Зная оту его слабость,

¹ П р и м а р — сельский староста.

Ярбу Влсиле стагался но вступать с ним в бегелу. Известно, что стоит обратиться к Хыйку с одним только словом, как остановить его уже невозможно. Иногда болтовня Пантелеймона развлекала Барбу, но теперь ему необходимо было остаться наедине со своими мыслями

Беспокойство одолевало Барбу Василе. Прошло уже несколько дней после памятного разговора с капитаном Смесу, однако начальник шифровальной службы делал вид, будто ничего не произошло и Барбу не ждет от него никакого ответа.

Барбу казалось, что, хотя внешне ничего не изменилось, капитан стал относиться к нему как-то сдержанно. Холодок отчуждения возник между ними, и это обижало и беспокоило Барбу: «Неужели он знает настоящую причину, по которой я хочу отправиться на передовую?»

Такое предположение показалось ему абсурдным. Оно даже развеселило его. Капитан Смесу оказался бы настоящим колдуном, умеющим читать скрытые мысли людей, если бы мог угадать правду.

«В конце концов, — успокаивал себя Барбу, — если я не ошибаюсь и он действительно меня в чем-то подозревает — глупо волноваться из-за этого. Я его знаю уже несколько месяцев и, кажется, достаточно хорошо изучил. Он, конечно, не глуп, но уж больно преисполнен важности от сознания собственной ответственности. Конечно, он считает, что руководить шифровальным отделом несколько не менее почетно, чем командовать полком, и ему не по вкусу пришлось мои слова о том, *то* только бонды с передовой линии имеют понятие о настоящей войне. Хотя *он* и не похож на человека злопамятного, *но* просьбу мою не удовлетворяет потому, что и задел его за живое».

Шофер Пантелеймон запел. Пеения спутала мысли Барбу Василе, но он упорно не открывал глаз, притворяясь спящим. Однако шофёр, увидев, что ни громовая песня, от которой вскочил бы и покойник, ни частые гудки не могут разбудить спящего, решил действовать на верняка. Он крикнул Барбу в самое ухо:

— Спишь, господни курсант?

— Кажется, теперь уже не сплю. Но если ты оставишь меня в покое, я попробую еще немножко поспать.

— К черту сон! Что ты ночью будешь делать? Погляди лучше, что делается вокруг. Эти дикари гитлеровцы прикончили всех езжих лошадей.

Увиден, что Барбу Васпле упорно не открывает глаз, шофер сказал с упреком:

— Ну конечно, вам, бумагомаракам, и дела нет до этого. Не то что нам, шофёрам... Вы думаете, мне не хотелось бы положить голову на руль и маленько вздремнуть? Но разве я могу? Я должен глядеть в оба, чтобы ас угодить в канаву. И хоть бы с кем обменяться словечком, рассеять немного скуку... Ну вот тебе, пожалуй-ста, опять застряли...

Чем ближе подходила колонна мапиш второго эшелона к линии фронта, тем чаще останавливалась. Противник цеплялся за каждую складку местности, и передовым частям приходилось тратить немало времени, чтобы сходу выбивать его из этих наспех созданных опорных пунктов. Двигались вперед рынками. То и дело до машин второго эшелона доносилась оружейная пальба, иногда порывы ветра приносили звуки автоматной стрельбы.

После одной из остановок, когда колонна наконец двинулась вперед и можно было развить нормальную скорость, мотор грузовика, в котором находился Барбу Василе, неожиданно заглох.

Шофер Пантелеймон вышел из кабины, поднял капот и начал возиться с мотором.

— Что случилось. Пантелеймон? — окликнул его на ходу шофёр ладней машины, объезжай груаовик шифровального отдела.

— Я думаю, что эту штуку сыграли со мной свечи, я же говорил господину лейтенанту Поиазу: если он не даст новых свечей, через несколько дней станут все машины.

Барбу Василе тоже выбрался из кабины и начал прохаживаться, чтобы размять онемевшие йогги. Тем временем шофёр, отчаянно ругаясь, пытался завести мотор.

— Ну. что с шим такое, браток? — спросил Барбу потерпеливо.

Этот вопрос окончательно вывел из себя Пантелеймона Хынку, и он сердито пробурчал;

— Сам можешь посмотреть, что с ним. — И, сплюнув сквозь зубы, полез под машину.

Колонна давно ушла вперед. Теперь по шоссе с грохотом двигались повозки растянувшегося на несколько километров обоза.

Отдаленный гул орудий слабел с каждой минутой. Очевидно, фронт неужержимо катился вперед. .

Целый час провозился Пантелеймон Хынку с мотором, но так и не мог ничего поделаться. С тех пор как он получил права шофёра, такого с ним не случалось.

Грязный, злой, непрерывно ругаясь, он упрямо конался в моторе, пытаясь доискаться до причины его порчи. Прошел еще один час, но дело не двинулось с места. Тем временем нескончаемый поток обозных повозок иссяк, и шоссе опустело.

Стало совсем тихо. Солнце быстро опускалось, и первые вечерпио тени причудливыми змеями поползли по земле,

Барбу Васяле, который стоял возле кабины, куря папиросу за папиросой, подошел к Пантелеймону Хынку. Шофер только что выбрался из-под машины и теперь, грязный, потный, опершись на крыло, тоже закуривал.

— Так что же мы будем делать, брат Пантелеймон? — мягко спросил Барбу. — Ничего ве выходит?

— Будь я проклят, господин курсапт, коли со мной случалась когда-нибудь такая оказия!.. Л! ведь я уже по новичок в этом деле. Что за чертовщина, никак пе пойму. Свечи хорошие, искра есть, словом, всё как будто в порядке... Прямо лопнуть можно с досады!

— Значит, никакой надежды сдвинуться с места у пас нет?

— Нет.

— Хоть бы какая-нибудь машина пас догнала. Я п пе заметил, когда это они все проскочили.

— Даже этого вы не сообразили, госиодип курсант. Давно бы сказали, я бы плюнул п возиться не стал. Очень нужно мне тут ночевать на дороге с вами вдвоем.

— Это почему же?

— Да всё-таки как-то веселей где-ппбудь в деревне, среди своих, чем здесь... Кто его знает, что может случиться! Унасп бог от несчастья, госиодип курсант..

* — Тебя, брат Пантелеймон, не назовешь храбрцом.

Сказав это, Барбу Василе певольно с тревогой посмотрел вперед, где темнел лесок, над которым, словно духи, уже заплясали вечерние тени. Потом он взглянул на пустынную ленту извилистого шоссе и невольно нащупал пистолет, висевший сбоку.

Поймав его взгляд, Пантелеймон Хынку почувствовал,

что ему стало как-то не по себе. Особенно испугала его улыбка сержанта, мелькнувшая в ту минуту, когда он лоправля! свой пистолет. Улыбка была злая, угрожающая.

Но шофер быстро отогнал от себя страх. В конце концов, он столько времени знает этого сержанта. Не раз приходилось ездить вместе с ним. Правда, человек он довольно угрюмый, любит поддеть кого-нибудь, но в остальном на него можно положиться.

— Я не думаю, что нам придется простоять здесь всю ночь, — громко сказал Пантелеймон, стараясь скорее всего подбодрить самого себя. — Неужели все машины прошли? Что-то не верится... А потом, когда лейтенант Псназу увидит, что нас нет, ты думаешь, он не пошлет кого-нибудь взять нас на буксир?.. Так что можешь не волноваться, господин курсант.

— А я вовсе и не волнуюсь, брат Пантелеймон. — И Барбу снопа с той же злой и решительной улыбкой взглянул на черневший у дороги лесок,

— Н-да... что и говорить, вы человек смелый, господин курсант!..

Барбу Василе молча взглянул на шофёра. Патом заметил:

— Значит, ты решил больше с мотором ничего не делать? Бросил?.. Тогда я предлагаю перокусить. Я так голоден, что даже в глазах темнеет.

Он забрался в кузов, достал мешок с провизией и стал рыться в нем.

Пантелеймон Хынку последовал его примеру.

Некоторое время они ели молча. Взгляды их были устремлены на пустынное шоссе.

Пантелеймон Хынку, приподнявшись, чтобы достать бидон с водой, задел винтовку, которая висела на гвозде, и уронил ее на дно кузова.

Барбу Василе поднял ее, осмотрел и вернул шофёру:

— Не очень-то бережешь ты свою винтовку, брат Пантелеймон. Если она в таком виде попадет на глаза майору Братоловяну, он тут же отправит тебя на передовую.

-- Будто нам, шофёрам, нечего больше делать! Днем и ночью в дороге. Хуже нашей жизни и быть не может, но до этой, конечно, господину майору Братоловяну дела нет.

— А винтовка-го хоть наряжена?

И он острым ножом, которым резал хлеб, указал на винтовку. Пантелеймон, снова было принявшийся за еду, вдруг почувствовал, будто комок застрял у него в горле. Ксть он уже больше не мог, завернул хлеб в платок, который заменял ему оберточную бумагу, и, сунув его в мешок с провизией, протянул руку за винтовкой:

— Хорошо, что напомнили. Она не заряжена.

— Оставь, не трогай. — Пытаясь успокоить шофёра, Василе положил ему руку на плечо: — Можешь быть уверен, тебе не угрожает никакая опасность.

Но Пантелеймон Хынку отбросил руку Барбу, взял винтовку и зарядил ее:

— Так спокойней. Береженою (*ют* бережет.

»

В то время как машина шифровального отдела застряла на дороге, в пяти километрах от нее произошло необычайное происшествие, которое впоследствии задало много работы Второму отделу.

В этом месте шоссе раздваивалось: одна дорога от развилки шла к северо-западу, туда, куда двигалась наступавшая дивизия «Молдова», другая — к юго-западу.

На перекрестке движением управлял солдат из роты рехулировщиков. Это был крепкий как дуб молодец, к* смуглым лицом, внимательным, пристальным взглядом и усами гайдука из Тырнавских мест. Звали его Анастасие П. Лнастаспе, Но все звали его Теиасе П. Тенасе.

Теиасе П. Теиасе. стоявший на посту уже несколько часов, видел, как проходили войска: пехота, артиллерийские упряжки, обозы. Постепенно итог непрерывный поток людей, машин, лошадей, нонозск иссяк. И теперь по шоссе изредка проезжала подвода, бог весть по каким причинам отставшая от обоза. Когда подвода приближалась к развилке дорог, регулировщик нехотя, скорее по привычке, чем из чувства долга, поднимал флажок, указывая направление, по которому следовало двигаться.

Рядовой Теиасе П. Теиасе не курил уже несколько часов и теперь чувствовал, как горят у него губы от желания хоть разочек затянуться. Пока проходили войска, он не осмеливался закурить, боясь, чтобы какой-нибудь офицер или старший сержант не прицепился к нему, но сейчас такая опасность миновала. Засунув флажок за

пояс возле подсумка для патронов, солдат вынул табакерку и стал свертывать толстенную закрутку. Ему не приходилось экономить табак. Две недели тому назад его рота наткнулась на табачную сушильню, и, забравшись в нее, каждый солдат обеспечил себя табаком на много месяцев вперед.

Закурив, регулировщик стал глубоко затягиваться, сплевывая после каждой затяжки. Но не успел он пыкурить п половину папиросы, как увидел вдаль на шоссе быстро приближавшуюся повозку, крытую брезентовым пологом. Солдат спокойно продолжал курить, по-прежнему глубоко затягиваясь, и лишь тогда, когда повозка поравнялась с ним, на всякий случай, совсем как провинившийся гимназист, спрятал свою самодельную папиросу в рукав шинели.

Возница остановил лошадь в нескольких шагах от развилки дороги.

— Привет, дружище! — обратился он к регулировщику, похлопывая лошадь по правому боку,

— Здорово, — ответил Тенасе П. Тенасе, сделав шаг вперед. — Вам что-нибудь нужно?..

Человек ничего не ответил, словно не расслышав вопроса. Он продолжал поглаживать руной по вспотевшему боку коня, который изредка ржал и беспокойно жевал уздечку.

Второй солдат с автоматом и незажженной папиросой соскочил с повозки с другой стороны. Тенасе П. Тенасе пошел к нему навстречу, чтобы дать прикурить. Когда их разделяло не более двух-трех тагов, солдат вдруг вскинул автомат и дал короткую очередь. Тенасе П. Тенасе рухнул на спину, так и не успев произнести ни звука.

Автоматчик несколько мгновений равнодушно разглядывал убитого, потом знаком приказал вознице подойти. Ухватив безжизненное тело Тенасе П. Тенасе за голову и за ноги, они поднесли его к повозке, бросили туда и закидали наскоро соломой; затем повозка быстро покатилась дальше, оставив автоматчика на перекрестке.

Некоторое время он смотрел вслед удалившейся повозке, потом не спеша подошел к одному из двух столбов с указателями, поставленными по правую и по левую стороны шоссе. На дощечках, прибитых к столбам, были указаны направления сторон света, название ближайшего населенного пункта и расстояние до него. Автомат-

чик сорвал со столба дощечку вместе с гвоздем и, засунув ее под мышку, перешел на другую сторону дороги. Там он также сорвал дощечку и, прибив на ее место сорванный со столба на противоположной стороне указатель, вернулся к первому столбу, на котором приколотил другую дощечку.

Произвольно изменив в течение нескольких минут местоположение юга и севера, восток** и запада, он постоял немного, не без удовольствия любуясь своей работой, лотом поднял с земли флажок реулиропшка, собираясь, видимо, заменить на посту бефингу Тенасе П. Тенасе.

Как раз в это время на шоссе появился обоз из семи подвод. Когда они подъехали к развилке дорог, автоматчик поднял флажок, и все семь подвод свернули влево, то есть совсем не в том направлении, куда до сих пор двигались войска и обозы. Через некоторое время на этой же дороге он отправил грузовик и, наконец, открытую легковую машину, в которой находился капитан и сопровождавший его старшина из штаба армии.

Однако случилось нечто непредвиденное. После того как штабная машина прошла по левой дороге несколько сот метров, капитану вдруг показалось, что они едут не в

том направлении. Не совсем уверенный в правильности своей догадки, он спросил старшину:

— Поноску, скажи, мы правильно едем? У тебя нет впечатления, что мы движемся на юг?

— Как же это может быть, господия капитан? Я медь собственными глазами прочитал на указателе название местечка, где должен находиться командный пункт генерала Ионинкарну. Да и потом солдат-регулировщик указал па эту дорогу.

— Знаю... знаю! Только видишь ли... Что за черт, неужели я совсем потерял чувство ориентировки? Давай-ка посмотрим. Стой, шофёр!

Он вынул компас:

— Нот, пожалуйста! Компас показывает, что мы едем к юго-западу, а мы должны двигаться к северо-западу. Неужели компас врет? Но может быть. Гм!.. Что ты на это скажешь, Поноску?

— Что я могу сказать, господин капитан? Или ваш компас не в порядке, или указатели неправильно прибиты,

— Л ну-ка давай сюда дорожную карту. Смотри, мы отправились отсюда, но так ли? Вот шоссе, по которому мы ехали. Видишь? Прочти название населенного пункта, который мы проехали. Так. Вот и развилка. Чтобы добраться к командному пункту генерала Попинкариу, мы должны были свернуть направо. Вот в этом местечке он я расположился. А мы свернули налево. Всё ясно, Попеску: и компас в порядке, и я не потерял способности ориентироваться. А вот указатели па столбах прикреплены неверно, и солдат, который регулирует движение, в лучшем случае — болвап.

— Но ведь такая ошибка может иметь очень серьезные последствия, господин капитан. Идиот, который проделал такую штуку, заслуживает хорошей нули. Вся эта путаница кажется мне подозрительной.

— А ну-ка, шофёр, поворачивай пазад, да поживей!

Через несколько минут машина была снова на том же перекрестке.

Увидев, что машина возвращается, автоматчик выругался сквозь зубы, но ничем не проявил своего беспокойства. Вытянувшись по стойке «смирно», он ждал, пока капитан и старшина подойдут к нему.

— Слушай, солдат, какую ты здесь выполняешь задачу?

— Здравия желаю, господин капитан. Мне приказано направлять колонны.

— А в каком направлении ты получил приказ направлять колонны?

— Налево, господин капитан!

— Кто тебе это приказал?

— Господин лейтенант Тымплару.

— Л кто оп, этот лейтенант Тымплару?

— Командир нашей роты.

— Какой дивизии?

— Диви ли и «Молдова».

— А ты когда вступил на пост, солдат?

— Должно быть,, — автоматчик на какой-то миг замялся в нерешительности, — должно Сьпъ... уже несколько часов.

— Та:;! Л с тех пор как ты на посту, много прошло обозов?

— Не очень много... но несколько всё же было.

— 11 ты всех направлял налево?

— Так точно, всех, господин капитан!

— Значит, ваша дивизия движется в этом направлении?

— Так точно, господин капитан.

Но я тот же миг, словно для того, чтобы опровергнуть слова лжерегулировщика, отдалсинып орудийный гром донесся с северо-запада.

Капитан и старшина понимающе переглянулись. Но автоматчик сохранял невозмутимое спокойствие, только глаза его как будто потемнели.

Капитан продолжал допрос:

— А дощечки с указателями кто приколачивал?

— Мы, господин капитан!

— Кто это мы?

— Люди нашей роты в присутствии господина лейтенанта Тымплару.

— Ты уверен, что лейтенант был здесь?

— Так точно, господин капитан. Он лично следил за этим делом.

— Ну ладно, это мы всё выясним. Старшина, арестуйте его!

— При чем же здесь я, господин капитан? -- и автоматчик положил руку на автомат.

Старшина Понеску ударил его кулаком по руке:

— Стой смирно, подлюга! Л не то сразу дышать перестанешь! Давай сюда автомат и шагом марш к машине.

— Господин капитан, вы же меня погубите, - плакался автоматчик, — как же я могу уйти с поста без приказа.,.

— А вот я тебе п прикалываю!

— Вас-то я ведь не знаю. Только господин лейтенант Тымплару, который поставил меня на пост...

— Молчать! — прикрикнул на него старшина. — Господин капитан старше твоего господина лейтенанта. — И, схватив подозрительного регулировщика за рукав, он заставил его идти к машине.

Капитан приказал шофёру переменить на столбах указатели, уселся на свое место и крикнул:

— Теперь, парень, гони как можно скорее! — И машина помчалась по правой дороге, идущей к северо-западу.

Солнце уже скрылось. Наступали сумерки. Машина с большой скоростью неслась по пустынному шоссе. Старшина Попоску, держа отобранный автомат между ног, то и дело поглядывал на автоматчика. Тот, спокойный и невозмутимый, безразлично поглядывал на исчезающие в темноте поля справа от дороги. Чтобы убить время, старшина попытался втянуть арестованного в разговор:

— Тебя как зовут, служивый?

— Кымнну Хараламбне.

— Так что же, Хараламбне, ты, видно, считаешь нас 8а полных дураков? Даже ребенок понял бы, что ты врешь.

— Я сказал правду, господин старшина. Зачем я стану крать? Мне что приказали, то я и делаю. Господин лейтенант Тымплару может подтвердить.

— Можешь быть спокоен, мы поговорим и с господином лейтенантом, а пока что лучше скажи правду.

— Я же вам правду говорю, а вы мне не верите. — И потом добавил жалобным топом: — Так уж водится спокон веков — слабому, несчастному нет доверия,

— А сам ты откуда?

— Из Праховы.

— Грамопший?
— Четыре класса у меня.
— Только и всего?.. Гм, а по виду ты похож на более грамотного человека. А... женат ты?

— Женат.
— Дети?
— Двое, господин старшина.
— Ну, пусть будут здоровы.
— Благодарю, и вы также.
— Эх, Хараламбне, Хараламбие, п не жалко тебо своих детей? Как же ты не понимаешь: скажешь всю правду -- облегчишь свою участь. Может, даже жизнь *себе* сохранишь. Л если заупрямишься, то... расстреляют тебя, парень, п останутся твои дети без отца.

— Да ведь я сказал вам всё, что знаю! А вы меня всё терзаете, будто сердца у нас нет. Ей-богу! И за что вы ко мне привязались, пакажи меня бог, если я понимаю. Чем я провинился? Что вы хотите от меня узнать?

— Я хочу узнать, цыпленочек, кто тебя поставил, чтобы ты водил здесь всех за нос и неправильно показывал дорогу.

— Как это неправильно? Так мне было приказано. Если приказ неправильный, то пусть отвечает тот, кто его отдал.

— А насчет дощечек ты тоже ничего не знаешь?

— Я ведь вам уже сказал, что господин лейтенант Тымилару сам позаботился, чтобы их крепко прибили.

— Ладно, парень. Я вижу, что ты еще худший негодяй, чем я думал. Больше я не стану тебя ни о чем спрашивать. Но в конце концов ты заговоришь, не беспокойся, — и старшина оставил арестованного в покое.

Между тем наступила полная темнота. Автоматчик поднял воротник куртки и забился в угол, точно собирався спокойно заснуть.

«Черт бы его подрал! — выругался про себя Поноску, — А что если он и самом деле не виноват? Иначе раЯве мог бы он сейчас заснуть?»

Машина мчалась в темноту.

Пересекли, не останавливаясь, несколько деревень, битком набитых войсками, и спустя полчаса въехали в селение, где расположился командный пункт дивизия «Молдова».

Машина остановилась. Первым из нее вышел капитан.

Веди его во Второй отдел, — приказал он старшине\ да смотри, чтобы не улили ул.

- Но Пес покойтесь, господии капитан.

Старшина выбрался из машины н, обойдя ее сзади, открыл дверь с правой стороны:

— Давай вылезай! Прибыли,

Но автоматчик не двинулся с места. Свернувшись клубком в своем углу, он, казалось, спал крепким сном усталого солдата.

— Вот чертов соня! Ты что, не слышишь? Встать!

Но автоматчик продолжал спать. Тогда рассерженный старшина стал его трясти:

— Вставай, слышишь!.. Кудь ты проклят... Лентяй этакий!

Он сильно толкнул уснувшего солдата, и тот упал поперек сиденья. Охваченный подозрением, старшина крикнул шофёру:

— Иоан, Иоан, а ну давай сюда быстро фонарь господина капитана.

Когда старшина зажег фонарь и свет упал на лицо опрокинувшегося на сиденье автоматчика, сомнений не осталось: он был мертв. Мертвец смотрел стеклянными, глазами, и злой, насмешливой была его улыбка, застывшая на губах.

Старшина Нопеску тотчас погасил фонарь, процедив сквозь зубы:

— Мерзавец подложил нам свинью! Л я-то сидел рядом и не подозревал... Ну л дурак же я!

Несколько секунд он стоял в растерянности, не зная, что предпринять.

— Л ну-ка, Иоан, — обратился он немного погодя к шофёру, -- отъезжай куда-нибудь в сторону, где пароду поменьше.

Шофёр нашел поблизости узкий переулочек между домами п загнал туда машину.

~ Выключи фары, Иоан! Возьми автомат и не подпускай никого к машине. Этот бандит уже отправился на тот свет.., Только смотри, держи язык за зубами, не то плохо будет! Л и побегу к капитану.

Офицер связи из штаба армии, капитан Раковшцы уже заканчивал свой рассказ капитану Георгиу о чрезвычайном происшествии в дороге, когда в дверях появился старшина Нопеску.

— Ты его привел, Поноску?

— Господии капитан, я не мог его привести.

— Почему?

— Он... мертв. — И старшина стал рассказывать о том, как всё это обнаружилось.

— Значит, он покончил с собой? Вот ноудача! И вы епделп возле него и ничего не наметили?

— Ничего, господин капитан! Откровенно говоря, я даже не убежден, что это самоубийство. Подумайте сами: чтобы покончить с собой, у него было только одно средство — принять яд. Но я всё время следил за ним. И хотя была тьма-тьмушая, я бы увидел, если бы он попытался что-нибудь проглотить. Я в этом \верен. А он забился в угол и закрыл глаза, словно решил поспать немного. Пока мы ехали, он не сделал ни одного движения.

— Так, может, вы думаете, что ото... сердечный припадок? — не скрывая насмешки, спросил капитан Георгиу.

Старшину Поиеску смутила откровенная иронии незнакомого капитана, и он неопределенно ответил:

— Я уж не знаю, что и думать!

— Полагаю, что вы, Георгиу, уверены в том, что речь идет именно о самоубийстве? — обратился к начальнику Второго отдела приехавший капитан.

— Да! Мне это кажется наиболее вероятным.

— Ну и что же вы думаете ооо всем этом?

Начальник Второго отдела пожал плечами:

— Я бы хотел, прежде всего, взглянуть па этого человека. Нуда вы его девали, старшина?

— Он еще в *машине. Мы отвели ее в укромное место, подальше от любопытных солдат, которые шпыряют но улице.

— Вы правильно поступили. Подождите нас впизу, мы скоро придем.

Когда оба офицера остались наедине, начальник Второго отдела стал быстро ходить по кабинету. Он казался очень обеспокоенным:

— Весьма, весьма загадочный случай... Если предположение о самоубийстве подтвердится, значит, зтот человек был гитлеровским агентом.

— Я почти убежден, что он покончил с собой.

— Нужно всё проверить. Пока зто только предположение. Возьмем с собой врача — подполковника Стытсску. Он сразу определит, имеом ли мы дело с самоубийством.

Капитан сиял телефонную трубку и вызвал саптар-
пую службу дивизии.

— Ллло! Господин подпол конник Сты тоску? Месьт
имею приветствовать вас. Капитан Георгиу у телефона.
Господин подполковник, необходимо ваше присутствие
для выяснения очень важного вопроса... Да, по приказу
господина генерала. Вы можете срочно прийти?.. Через
пять минут?.. Отлично, я вас буду ждть внизу около
штаба.

Пять минут спустя оба капитала, в сопровождении
сотрудника Второго отдела младшего лейтенанта Пара-
скиннеску Октавяна, вышли на улицу. Там их уже поджи-
дали подполковник медицинской службы Стытеску и
старшина Попеску,

— Что случилось, Георгиу? — спросил явно обеспо-
коенный врач.

— Господин подполковник, мы нуждаемся п вашей
помощи. Необходимо осмот>еть солдата, который умер
примерно час тому назад, и определить причину смерти

Старшина Попеску шел впереди, освещая дорогу I)
нарем.

Когда они подошли к машине, подполковник медни-
ской службы заметил:

— Дорогой Георгиу, я но скажу, что вы выбрали лу-
шее место для медпцияекого освидетельствования. Д .
вайте перевезем его в медпункт. Ото в двух шагах отсю;1
в доме, который я из-под носа забрал у Молдовяну. Сенч,
там нет ни одного больного. Если вы хотите, чтобы о ел-
чившемся никто не знал, можете быть совершенно сп-
койны.

— Давайте перевезем, — согласился Георгиу, который
как и предполагал подполковник, действительно очень хо-
тел избежать лишних толков и разговоров.

Машина направилась к медпункту. Офицеры пошл
туда пешком.

Подполковнику Стытеску не понадобилось много вр*
мени, чтобы дать свое заключение:

— Этот солдат умер от отравления. Если вас, Гео|
гиу, интересует точное название яда, можно сделать
вскрытие.

— Значит, это совершенно определенно — он умер о
отравления? — переспросил капитан Георгиу,

— В этом пет никакого сомнения.

— Пусть всё-таки для верности его вскроют.

Подполкошник Стыгтску ушел, чтобы распорядиться о приготовлении к вскрытию. Вместо с ним вышел и Попеску, который понял, что *он* здесь лишний.

После того как они ушли, капитан Георгиу слова пошел к труп, лежавшему на носилках. Несколько минут он осматривал его с головы до ног, потом нагнулся, внимательно исследуя воротник тужурки.

— \1а, вот здесь в воротнике, — сказал он, показывая пальцем, — у него была запрятана ампула с ядом. Ему достаточно было поднять угол воротника, чтобы раздавать зубами ампулу. Взгляните! Ясно ищпы осколки.

Действительно, несколько маленьких осколков поблескивали при свете лампы, как хрусталики.

— Общйте его, Параскивеску!

Самоубийцу обыскали, но обыск не дал никаких результатов.

— Ничего, Гисподни капитан, — сообщил младший лейтенант, который выполнил это поручение без особого удовольствия.

— Этого надо было ожидать. Лгент, который кончает самоубийством, чтобы его не заставили говорить, ие забудет в карманах ничего компрометирующего... Будто добры, Параскивеску поищите лейтенанта Тымилару и приходите с ним сюда.

Через пятнадцать минут лейтенант Тымилару стоял перед капитаном Георгиу.

— Тымилару, я вас вызвал, чтобы вы опознали этого солдата.

Лейтенант Тымплару взглянул на солдата, лежавшего на носилках:

— Господин капитал, я его впервые вижу.

— Так он ие из вашей роты?

— Нет.

Оба капитана переглянулись.

— Но разве не ваши люди несут службу регулировки на шоссе?

— Мои, господин капитан. В связи с этим я как раз и хотел доложить вам кое-что.

— Что такое?

— Один из моих людей, которого я поставил сегодпя утром на перекрестке шоссе в пятнадцати километрах южнее населенного пункта К..., исчез.

— Исчез? Любопытно. Не дезертировал ли он.' Капитан Георгиу снова многозначительно взглянул на капитана Раковицы.

— Трудно в это поверить, господин капитан. Этот солдат был порядочным парнем и, по-моему, он достаточно умеет, чтобы понимать, что не доберется домой» — его поймают по дороге. Я скорее склонен думать, что с ним что-нибудь случилось.

— Например?

— Я подумал, не напали ли на него какие-нибудь отставшие от своих гитлеровцы. Хотя в этом случае мы нашли бы его труп. Но капрал и солдат, который должен был сменить его, обшарили там всё кругом на сто метров и не нашли ничего, никаких следов. Очень таинственное исчезновение, господин капитан!

— Когда рассветет, возьмите людей и сами произведите розыски.

-- Слушаю. Я так и хотел сделать.

— Вот что мне я хочу вас спросить: вы лично проверяли, как поставлены указатели дорог на этом перекрестке?

— Я их сам прибивал, господин капитан.

— И вы уверены, что не могли при этом ошибиться?

— Извините, я не понимаю, о какой ошибке идет речь? — обиженно переспросил лейтенант Тымплару, оскорбленный тем, что начальник Второго отдела мог заподозрить его в легкомысленном исполнении служебных обязанностей.

Капитан Георгиу поспешил успокоить его:

— Слушайте, Тымплару. Я должен выяснить очень серьезный вопрос, и всякая мелочь, какой бы незначительной она ни казалась, может нам послужить ориентиром. С этой точки зрения вы и смотрите на мои вопросы. Значит, так: вы убеждены, что на том перекрестке, где исчез ваш человек, указатели не были перепутаны?

— Это исключено, господин капитан!

— Хорошо. Теперь другой вопрос: в какое время примерно вы оставили на посту исчезнувшего солдата?

Лейтенант Тымплару подумал несколько мгновений

— Это было сегодня утром, примерно в десять часов

— Л как вы считаете, сколько времени понадобился чтобы прошла колонна?

— Четыре-пять часов.

— Да! В общем, верно. Хорошо, Тымплару, можете идти. Надеюсь, вы понимаете, что наша беседа должна остаться между нами. Позаботьтесь, чтобы ваши люди не болтали много о том, что у них пропал товарищ.

Лейтенант Тымплару отдал честь и ушел, взглянув еще раз на труп человека, который, казалось, по-прежнему зло и насмешливо улыбался.

Капитан Георгиу присел на походную кропач и закурил.

— Теперь, — объяснил он, — ясно, что это вражеский агент, который занял место регулировщика. Несомненно также, что он не мог управлять движением на шоссе, пока оно было оживленным, если, конечно, регулировщик не был *его* сообщником. Но это мне кажется маловероятным.

— Я думаю, что и этого варианта нельзя сразу исключать, — высказал свое мнение капитан Ракогшцы. • — Солдат, доставленный лейтенантом Тымплару, исчез и следов никаких не оставил.

Капитану Георгиу предположение капитана Ракогшцы показалось мало\бедительным:

— Это еще ни о чем не говорит. Во-первых, труп регулировщика, может быть, еще а отыщется, а во-вторых, они могли увезти его с собой. Но главное не в этом. Главное — узнать, когда произошла эта замена. Но всей вероятности, около трех часов, потому что, когда вы арестовали этого типа, еще не стемнело. Спрашивается, чего же они хотели, какую цель преследовали? Дезорганизовать снабжение, направляя обозы по ложному пути? Можно ли этим объяснить их действия?

— Вряд ли, — ответил капитан Ракогшцы. — Ведь они же понимали, что обман долго продолжаться не может. В общем, так оно и получилось,

— Несомненно! Значит, надо предположить, что враг был заинтересован в том, чтобы захватить регулировочный пост на короткое время. И вот для чего им это было нужно — мы не знаем. И! я все время спрашиваю себя; сумели ли они достигать своей цели или им помешало ваше неожиданное вмешательство? Как вы думаете?

— Как знать? Я склонен думать, что спугнул все их расчеты. Иначе, если бы цель была уже достигнута, зачем бы этот агент стал разыгрывать из себя регулировщика. Он бы немедленно скрылся.

— Безусловно!

— Какую же всё-таки цель они ставили перед собой? Ведь основная часть колодки второго эшелона к тому времени уже прошла. На шоссе могли оставаться только отдельные повозки интендантского обоза.

Капитан Георгиу пожал плечами:

— Этого я еще не знаю, хотя надеюсь, что скоро всё станет ясно. А теперь пойдем. Здесь нам делать больше нечего. Надо доложить обо всем господину генералу.

— А я должен встретиться с полковником Барбатом и передать ему приказ из штаба.

Они расстались возле кабинета иначальника штаба.

Вернувшись к себе, капитан Георгиу застал там капитана Смеу.

— Где ты ходишь, дружище? Я жду тебя уже полчаса.

— Л зачем?

1— Надо обязательно поговорить кой о чем.

— Что случилось? Что-нибудь серьезное?

— К счастью, нет. Черт побери, за последнее время мне только и мерещатся вокруг шпионы и их козни. Я уже дошел до такого состояния, что, кажется, теряю скоро способность хладнокровно рассуждать. Вот в чем дело. У машины, которая везла весь шифровальный материал, отказал по дороге мотор, и она отстала от колонны. А капитан Медреа, руководивший вторым эшелonom, ничего не заметил. Ну а если и заметил, так ничего бы не мог поделать. Мало ли из-за чего отстают машины. Обычно шофёры сами находят причину, устраняют ее и догоняют колонну. Только сдается мне, что на этот раз дело не в обычной неисправности мотора. Сколько шофер ни старался, как он рассказывает, так и не смог обнаружить, из-за чего заглох мотор, и получилось так, что машина осталась на шоссе одна-одинешенька. И только здесь один из шифровальщиков, устроившийся в друю машину, заметил, что нашего грузовика нет. Он тотчас сообщил об этом мне, а я потребовал у Попазу машину и отправился по дороге искать своих. Представляешь себе, как я переволновался, пока нашел их. Обратно мы ехали, когда уже начало темнеть. Дорогой Георгиу, тебе это может показаться смешным, но проклятая авария заставляет меня многое подозревать.

— То есть?

— Я спрашиваю себя, не была ли она подстроена?

Капитан Георгиу улыбнулся:

— Знаешь Смеу, если бы ты работал в нашем отделе, ты неплохо справлялся бы с этим делом.

— Ладно, хватит тебе подсмеиваться надо мной. Я пожелал бы тебе быть и моей шкуре.

— Да я совсем не шучу.

П он рассказал Смеу обо всем, что случилось с капитаном Ракопицы.

— Тогда паворняка этот проклятый шофёр работает па немцев.

— Сейчас мы это выясним.

Он вызвал посыльного и отправил его ла младшим лейтенантом Параскивеску.

— Параскивеску, — распорядился капитан, когда тот вошел в кабинет, — немедленно разыщите гаофёра с машины шифрова IMUO отдела. Можете считать его арестованным. Попробуйте печаметно вытянуть из него что-нибудь насчет норчи мотора в дороге. Я очень рассчитываю на ваше искусство заставляя людей говорить о том, о чем им бы хотелось помолчать.

Младший лейтенант улыбнулся:

— Боюсь, что шофёр, к которому вы меня посылаете, уже спит, и если он действительно замешан в этом деле, то вряд ли будет обрадован возможностью побеседовать с офицером Второго отдела.

— В таком случае идите к младшему лейтенапту Попазу, пусть он его вызовет к себе под каким-нибудь предлогом.

В ту минуту, когда младший лейтенант Параскивеску собирался уходить, дежурный доложил о командире авторы, младшем лейтенанте Понаиу.

— Честь имею* господин капитан!

— Что случилось, Попазу?

— Господип капитан, случилось нечто невероятное. Один из моих шоферов убит.

— Этого еще не хватало! Кто он?

— Пантелеймон Хынку, шофёр с машины шифровального отдела.

— Самоубийство! Убийство!.. Что за ночь! — прошептал капитан Георгиу. Потом, обращаясь к капитану Смеу и младшему лейтенанту Параскивеску, решительно сказал: — Пойдемте!

Они вошли во двор неподалеку от того места, где расположился штаб дивизии. Грузовик стоял в деревянном сарае, имевшем только три стены. Брезентовый верх был иоднят. Вокруг валялись разбр*канные инструменты. Электрическая лампа» подвешенная к козлам для пилки дров, ярко освещала всё вокруг. На соседнем дворе пронзительно гудела динамо-машина. Из-под кузова грузовика торчали йоги шофёра. Казалось, он заняг ремонтом. Но, нагнувшись и посмотрев иод машину, можно было увидеть пробитый вигок и лужу крови возле головы убитого.

— Кто его обнаружил? — спросил капитан Георгиу.

— Некулай, денщик господина Смеу, — ответил младший лейтенант Поиазу.

— Мой денщик? Каким образом?

Некулай Смырышаи, который стоял позади машины, подошел. Н его глазах можно было прочесть ужас. Он весь дрожал.

— Я, господин капитан... я вас искал в штабе,,. Хотел сказать, что нашел квартиру, и позвать вас обедать. Там я вас не нашел, и какой-то господин курсапг сказал мне, что вас там никто и не видал. Что же было делать? Я шел по дороге и всё думал, где бы вас найти. Прохожу мимо этого дома и вижу через забор серый фургон нашей машины. Я подумал: «Дай-ка спрошу у Пантелеймона, где он выгрузил имущество нашею отдела*. Захожу во двор, а Пантелеймона не вижу. Потом только заметил его ноги. Я ему кричу: «Эй, Пантелеймон, где выгрузил вещи господина капитана?» Л он мне не отвечает. >1 думал, меня не слышно из-за шума мотора. «Эй. Пантелеймон, что, не слышишь?» — крикнул и ему опять и даже стукнул по ноге. Л он не двигается. «Пу и черт! — говорю я себе. — Неужто заснул под машиной?» Нагнулся — и, господи боже, что мне пришлось увидеть! Бедняга! Несчастный Пантелеймон!.. — На лбу у Нскулан выступили капли пота, глаза заблестели ог слез.

— Ко1да я пенял, в чем дело наконец, - продолжил он (ной рассказ,— я бросился к штабу, чтобы дать знать. Хорошо, что по дороге встретил господина лейтенанта Ней азу. Я им рассказал, а они меня послали обратно сюда — стеречь. Вот как было, господин капитан.

Бее с сочувствием смотрели на рачволповавшегосл

беднягу-депщника, который хоть и был туповат, но славился своим добрым сердцем.

— Хорошо, Некулай, нам всё попятно, — сказал капитан Георгию добродушно. — Иди спать. Теперь ты своего господина капитана нашел и можешь быть спокоен.

Некулай Сырмышан отступил на несколько шагов, но не ушел. Обогнув машину, он подошел сзади к капитану Смеу, потянул его за рукав и шепнул:

— Господин капитан, долго не задерживайтесь, а то пересохнет еда па плите. Квартира здесь близко. Как выйдете отсюда, завернете налево, это будет шестой дом по правой стороне.

— Хорошо, хорошо, Некулай, иди, я скоро приду!

Капитан Георгию заглянул через забор и соседний двор, в котором гудела динамо-машина, снабжавшая электричеством дома, где расположились отделы и службы штаба. Возле мотора возился солдат.

— А ну-ка иди сюда, приятель! — крикнул ему капитан.

Ш-за шума мотора солдат ничего не расслышал. Капитан позвал еще раз, теперь уже громче.

Наконец солдат услышал его и подбежал к забору:

— Здравия желаю, господин капитан»

— Ты давно уже здесь во дворе?

— Должно быть, с час, господин капитан.

— Ты не слышал звука выстрела?

Солдат немного подумал, прежде чем ответить:

— Никак нет, господин капитан!

— Ты умерен?

— Так точно, господин капитан!

— Как тебя зовут?

— Бургеля Штефал, господин капитан.

— Ладно, занимайся своим делом.

Солдат откозырял и ушел.

— Параскивеску, запишите себе имя солдата! — Обращаясь к капитану Смесу, начальник Второго отдела добавил: — Я думаю, сейчас тебе всё ясно.

— Не очень!

— А ведь её очень просто. Тот, кто убил Пантелеймона, действовал наверняка. Он знал, что шум выстрела будет покрыт гулом динамо-машины. Как мне кажется, убийца пользовался пистолетом. Он ведь, как-никак, про ИЗВОДИТ меньше шума, чем другое оружие.

— Нельзя сказать, что убийца, кто бы он ни был, лишен смелости и хладнокровия. Светло здесь, как в театре. Эта лампа словно настоящий прожектор. Налево — солдат и» 1руппим электромехаников. Впереди — улица, по которой шныряют солдаты, а тут-дом, вероятно населенный, а может, в нем расквартированы наши солдаты.

— Ото мы еще увидим. Параскивеску, разузнайте, кто занимает этот дом.

Через несколько минут младший лейтенант Параскивеску вернулся и сообщил, что в доме солдат нет. Два старика, которые тут живут, уже спали. С большим трудом ему удалось разбудить их. Конечно, выстрела они не слышали.

— Я этого и ожидал, — прошептал капитан Георгиу. — Вы, Параскивеску, позаботьтесь, чтоб до рассвета шофёра похоронили. А так как этот случай скрыть невозможно, придется распространить слух о том, что шофёр погиб из-за собственной неосторожности. — Потом он

обратился к капитану Смеу: — Пойдем, Смеу! Мне кажется, что на сегодня с сюрпризами покончено.

По дороге капитан Смеу спросил с явным беспокойством:

— Ты думаешь, что существует какая-то связь между действиями агента, которого мы разыскиваем, и убийством шофёра?

— По правде сказать, не знаю! Есть доводы и за и против. Но сейчас, пока мы действуем на ощупь, трудно решить, какие доводы вернее. Впрочем, это было бы и неосмотрительно.

— Ты прав... Пока что мрак нас окружает со всех сторон.

— Слушай, Смеу! Кто из твоих людей охранял шифровальный материал во время передвижения? Может быть, от него мы могли бы узнать что-нибудь важное для нас?

Капитан Смеу шелкнул пальцами:

— И подумать только! Мне и в голову не пришло. Интересно...

— Что тебе вошло в голову и что, собственно, интересно?

— Что шифровальщик, который обеспечивал охрану материала во время передвижения, возможно и был участником этого преступления. Тебе не кажется интересным, что «случайно» этим человеком оказался именно Барбу Василе?

— Тот, который попросился у тебя на передовую?

— Он самый!

Капитан Георгиу подумал минуту, потом ответил тоном, не терпящим возражения:

— Дорогой Смеу, твоё предположение абсурдно. Я не понимаю, зачем надо было Барбу Василе убивать шофёра здесь, с таким риском, когда он мог это сделать спокойно на дороге, скажем, во время остановки. Впрочем, если хочешь лично убедиться в своей ошибке, поговори со своими людьми, но я совершенно уверен в том, что между семнадцатью и девятнадцатью часами, когда, вероятно, был убит шофёр, Барбу Василе находился с ними.

— Тогда что же ты надеешься узнать от него? Нельзя верить, что ты сможешь пасть на след настоящего

чиновника, поговорив с Варбу Василе, которого ты считаешь аКЮЛЮПЮ ПЕМЖОВНЫМ.

Капитан Георгиу с обычной улыбкой человека, совершившего но уверенного в своем превосходстве, ответил;

— Мне ото и в голову не приходило. Я хотел бы узнать от него другое: существует ли какая-либо связь между порчен мотора вашей машины и фальшивым регулировщиком, арестованным капитаном Раковины.

Противившись с начальником Второго отдела, капитан Смеу Еуджен отправился искать лейтенанта Тымплару.

— Прошу вас, Тымплару, поставьте на эту ночь охрану у шифровального отдела.

— Не так уж у меня много людей. Л потом шифровальщики разместились в том же здапии, где и другие отделы»

— Уто ничего не значит. Я не могу поставить их дежурить, — у них достаточно работы днем. Впрочем, па этот счет есть приказ.

— А кто его отдавал?

— Господин генерал.

— В таком случае, приказ будет выполнен, — вздохнув ответил лейтенант Тымплару.

Немного успокоенный этим обещанием, капитан Смеу отправился искать свою квартиру. Когда он, наконец, па шел ее, было уже далеко за полночь.

Солдат Некулай Сырмышаи ждал его на дороге. Капитан отправил его спать и, быстро раздевшись, лег в постель. Измученный работой и волнениями этого дня, он тотчас же заснул.

ЧЕЛОВЕК СО ШРАМОМ

День занимался угрюмый. Серое небо, угрожая дождем, низко нависло над землей. Во всей деревне не нашлось здании, и котором могли бы разместиться вместе все отделы и службы штаба дивизии. Шифровальщики заняли дом зажиточного крестьянина. Одну из трех комнат оставили хозяевам, в двух других\ устроились сами.

В это утро все спали дольше обычного. Давала себя знать усталость с дороги, да п с имуществом отдела пришлось повозиться до полуночи, пока всё было расковано и приготовлено к работе.

Бурлаку Александру, самый усердный и аккуратный, успел уже умыться и, пойдя в комнату, облаженный до пояса, с полотенцем на плече, нрпнялся тормозить товарищей:

— Поторопитесь, братцы, сейчас нагрянет Смеу ц будет скандал!

Нехотя расставаясь со своими постелями, шифровальщики поднялись один за другим и принялись поспешно одеваться.

— Я лично готов! — сообщил Мардаре Ион, отправляясь умываться к колодцу.

Вскоре в комнате остался один Бурлаку Александру. Насвистывая мелодию старинного романа, он пытался обломком расчески справиться со СВОИМИ ВЫЮЩИМИСЯ жесткими волосами.

Среди других шифровальщиков он был самым старшим. Поэтому они прознали его «стариком», хотя ему исполнилось всего тридцать }ри года. Среднего роста, хорошо сложенный, с выразительным лицом, которое не портили несколько угловатые черты, Бурлаку Александру — моц¹ из-под Кымпени — обращал на себя внимание суровой, мужественной красотой, отличающей обитателей западных гор. Глядя на него, легко было представить себе, как выглядели лаки² времен Буеребпсты. * Товарищи любили его за живой нрав, спокойную веселость, быстро передававшуюся остальным, и за те занимательные истории, рассказывать которые он был великий мастер.

Когда шифровальщики после умывания вериутнсь в комнату, они застали Бурлаку за сдои. Он с аппетитом уплетал хлеб с салом.

— Слушайте, у кого из вас есть луковица? — спросил он, с трудом ворочая языком.

Никто не удостоил ответом зтот странный вопрос. Все по собственному горькому опыту знали, что легче раздобыть в отой деревушке бутылку шампанского, чем луковичу или головку чеснока.

Несколько минут спустя все пять шифровальщиков «иделин за столом, сколоченным из сосновых досок, и ела хлеб с салом.

¹ Моц — горец, живущий на сопери-заиоде Румыллт*

² Да ки — предки румын.

³ Буеребйста — полководец докой.

— Ну, братцы, что вы скажете о «факире»? — иррвач молчание Бурлаку Александру, покончив с завтраком и с аппетитом закулив папиросу.

— То есь? — спросил его, и свою очередь, Томску Адриан, становившийся похожим на испуганного зайца, стоило ему чему-нибудь удивиться. У него было улкое. длинное л идо; от очков в черной оправе оно казалось еще длиннее. Из-под толстых стекол глядели иа мир большие синие глаза, такие большие, что казались искусственными, кукольными. Ранняя лысина и постоянное выражение глубокой грусти иа лице лишали его какой-либо привлекательности. Но, странное дело, глаза Томску совершенно не были повпнны в этом. Неестественно большое количество морщин, пересекавших лоб и делавших лицо похожим иа маску, придавало его липу выражение скорби.

Хотя даже самый придиичивый офицер не смог бы упрекнуть Томеску за недостаточную воинскую выправку. по стоило однажды взглянуть иа него, чтобы понять, что имеешь дело с интеллигентом. Солдатская форма так жо мало шла к нему, как священнослужителю каска и авто мат на груди.

Ксли Бурлаку любили за открытый нрав, юмор и г особенности за врожденный дар рассказчика, то Томоск> пользовался безграничным уважением шифровальщиков за свои знания. Хотя все они, за исключением Бурлаку, протерли локти за студенческим столом, - с Томескч им было трудно равняться. По общему мнению, его зпания, эрудиция и умение разбираться в самых различных вопросах были вне сравнении.

— П что это иа «факира» нашло? — продолжал Бурлаку. — Сверх ожиданий он разрешил доукомплектовать нашу команду.

— Разве это он?—возразил Целиною Влад. — Генерал приказал.

— Это я знаю. Но рапорт капитана прошел через него Ксл* бы он не захотел, генерал посчитался бы с ним. Вы же знаете, что генерал не легко огменяет решения своего начальника штаба. Значит, «факир» был согласен

— Вероятно, «факир» смотрит теиерь па нас новыми глазами, — проговорил Полиною Клад, пережевывая хлео с салом. — В копцо концов, какого черта! Не раз же мы

доказывали ему, на что мы способны, особенно в последнее время.

— Еще бы, безусловно! — насмешливо отозвался Барбу Василе. — Я уверен, что не пройдет много времени, как он представит нас к награде.

— Л что, может мы ее и заслуживаем! — быстро отпарировал Бурлаку Александру, который терпеть не мог проинп Барбу. — И всегда-то ты поешь на свой лад.

— Петь-то он любит но-своему, только сам не чувствует, как фальшиво поет, — добавил Мардаре Кон. Ему также не понравилась злая насмешка Барбу.

Маленький, худощавый, смугловатый, с черными как смоль быстрыми, сверлящими глазами, Мардаре Ион чем-то был похож на Барбу Василе, хотя они и не ладили между собой. Но это сходство было только кажущимся. Барбу Василе отличался хорошим сложением, широкими плечами, толстой сильной шеей и невыразительным крупным, всегда немного лоснящимся лицом.

В противоположность Мардаре, острому на язык и всегда готовому поспорить, Барбу Василе любил больше слушать, чем говорить. Но уж если он высказывался, то никогда не упускал случая вставить насмешливое словечко. И сходство между ним и Мардаре состояло именно в этой склонности к иронии. Но насмешки Мардаре никого не раздражали, а ирония Барбу почти всегда больно задевала.

— Интересно было бы знать, кто он такой, этот наш новый шифровальщик, — сказал Целиною Влад. — Я думаю, что поначалу мне будет с ним нелегко сойтись. Такая уж у меня натура. Чужие люди меня пугают, и я ничего не могу с собой поделать.

— Смотрите, пожалуйста, каким он стал чувствительным, — добродушно усмехнулся Бурлаку Александру. — Эх ты, жеребенок! Когда надумаешь жениться, позови меня на свадьбу. Я принесу тебе в подарок пастушью трембиту, да такую, что краше нигде не сыщешь.

Приход капитана прервал разговор.

— Доброе утро!

— Здравия желаем, господин капитан!

— Есть какая-нибудь почта?

— Пока ничего нет, — ответил Томеску Адриан, который выполнял обязанности секретаря отдела.

— Пока работы нет, можете быть свободны, — сказал

капитал и прошел в следующую комнату, служившую ему кабинетом.

Полиною Слад л Бурлаку Александру пошли вслед за ним,

- Господин капитан,— спросил первый, — это правда, что кто-то придет на место Каминицы?

Правда.

— Гм... Странно.

— А что в отом странного?

— Да пет, ничего, я только подумал, как это господин начальник штаба согласился. Вы же знаете, что он думает про пас.

— Я уже сказал, что господии подполковник Барбат бил всегда хорошего мнения о вашей работе, — нашел кужим уточнить капитан Смеу, который не мог не признать себе, что слишком вольное обращение к нему подчиненных задевает его.

Зазвонил телефон. С другого конца провода капитан Георгиу спросил:

— Слушай, Смеу, у твоих людей есть пистолеты?

— Нет, у них винтовки. Л что?

— У майора Братоловяну есть несколько свободныч пистолетов, и он спрашивал меня, кому бы их передать.

— П что же?

— Ну иона и всё. Будь здоров!

Напитан Смеу Еуджсн повосил трубку и принялся рассеянно перелистывать какпе-то бумаги.

«Зачем Георгиу нужно знать, есть ли у моих людей пистолеты? -- спрашивал он себя и, не иайдя ответа, решил, что разговор «о свободных пистолетах» только предлог. Вероятно, теперь точно установлено, что бедный Пантелеймон убит выстрелом из пистолета, и Георгиу уже не исключает возможности, что шофера убил Барбу Басиле.

То обстоятельство, что ни Барбу, ни остальные шиф-Ищальщики не имели пистолетов, не казалось ему достаточно убедительным для того, чтобы снять с Барбу какие Си то ни было подозрения.

«На войне пистолет раздобыть нетрудно, — размышлял капитан, потом тяжело вздохнул: — Опять эти глупые подозрения»,— и решительно сунул бума!и, лежавшие перед ним, в папку.

Но сколько ни упрекал себя за излишнюю мпитель-

нос п. подозрительный капитан, он не упускал ни одного движения шифровальщиков, которые тем временем занимались своими делами, не замечая недружелюбного в.и.я. начальника.

— Л Барбу Василе где? — не выдержал наконец Смеу.

— В соседней комнате. Позвать его? — предложил Пелиноу Влад.

— Не надо. Он мне пока не нужен. — Капитан поднялся, подошел к окну и, наложив руки за спину, стал смотреть на широкий двор, по которому размеренным шагом разгуливал белоногий петух.

По дороге мимо дома проезжала длинная вереница повозок, груженных снаряжением и продовольствием. Смоу вслушивался в монотонный, дребезжащий стук колес. Каждый раз, когда он слышал звуки проходившего по дороге военного обоза, они по-новому волновали его, вызывая странную мысль о том, что голосом войны был не только гул артиллерийских выстрелов, треск пулеметов и автоматов, но и этот грохот артиллерийских упряжек, дребезжание подвод, которые день и ночь тянутся по фронтовой дороге.

Особенно хорошо слышен был этот голос ночью, когда орудия отдыхали с поднятыми вверх стволами, словно обнюхивая сырость ночи, вбирая в себя эту сырость, стараясь освежиться после дневного пекла, в котором они не\станно и яростно плевались смертью. И когда тишина воцарялась по всему фронту, а люди, натрудившись сверх сил, спали, забившись, как сурки и кроты, в свои норы, где смерть всё равно настигала их, и когда по всем шоссе и проселочным дорогам текли обозы, — монотонный и мрачный грохот их в ночи почти пугал Смеу. Этот шум непрерывно напоминал ему, что война еще не кончилась, что сейчас только перерыв между боями и что с приходом зари, если не раньше, в ночном бою. пушки снова запоем глубоким, сотрясающим мир голосом заупокойную тому, кто будет умирать раздробленным, раздавленным, рассеченным и перемешанным с землей.

Случалось капитану Смеу Куджснуну просыпаться по ночам, и тогда в первые несколько мгновений после сна ему казалось, что всё кончилось, что он уже дома в своей постели возле теплого, нежного тела жены. Однако мню-тонный грохот обозных подвод, скрежет какой-нибудь п-н смазанной оси или жалобное ржанье коней быстро воз-

праща л и его к действительности. Окончательно проснувшись» он долго лежал в темноте с открытыми глазами, прислушиваясь к нескончаемому грохоту проходящих < бозов.

Капитан Смеу вспомнил обо всем этом, глядя на вереницу подвод, проезжавших по шоссе.

Барбу 13аснлс, просунув голову в дверь, сообщил:

— Господин капитан, вас ишет капрал из «Тротута». Мне кажется, что это человек, который назначен к нам.

— Приведите его сюда.

Приказание прозвучало спокойно, почти безразлично, и ничем не выдало волнения, охватившего капитана.

Секунду спустя капрал краткосрочной службы Уля Михай, агент специальной службы контрразведки, шелкнув каблуками, представился капитану Смеу.

Капрал краткосрочной службы Уля Мпхай казался человеком лет тридцати, не больше. Это был крепко сбитый мужчина, с голубыми глазами, высоким лбом и волнистыми волосами. Его лицо с правильными тонкими чертами можно было бы назвать привлекательным, даже красивым, если бы не огромный шрам, пересекавший всю левую щеку от угла рта. Впрочем, шрам этот производил неприятное впечатление только в первый момент, потом глаз привыкал и становилась видна красота высокого, немного бледного лба, миндалевидных глаз, в синеве которых играли блики света. Когда же раздавался низкий мелодичный голос, этот человек тотчас же очаровывал собеседника. Особенно привлекательна была манера Михая смотреть прямо в глаза тому, с кем он разговаривал, — открыто, чистосердечно, так, будто ему совершенно нечего скрывать.

Внимательно посмотрев на незнакомца, капитан Смеу Еуджен должен был признать, что представлял себе агента контрразведки совершенно иным.

— Значит, вы капрал краткосрочной службы Уля Михай из полка «Тротуш»?

— Так точно, господии капитан.

— Какое у вас образование?

— Я занимался юридическими науками.

— Немецкий язык вы знаете?

— Да, довольно хорошо!

— Л из других?

— Французский...

— Это нас меньше интересует.

— П венгерский язык.

— Да? Очень хорошо! Вы, наверное, из Транспльвании?

— Нет. Я учился н Клуже. Просто мне попался перевод стихов Ади Эидрс, и так как они мне понравились, я решил изучить язык, чтобы иметь возможность читать их в оригинале.

— На фронте вы давно?

— - Господин капитан, я всего несколько дней тому назад вернулся на родину и сразу отправился сюда с маршевым батальоном. Вчера вечером господин младший лейтенант Морару сообщил, что я должен сегодня явиться в Первый отдел штаба дивизии. Оттуда меня и послали сюда к вам.

— На Восточном фронте вы были, не так ли?

— Нет.

— Как не были? Тогда...

— Почему вас это удивляет? Там были не все...

— Конечно!.. Но я думал, что ваш шрам на лице...

— Это давняя память, — и Уля Мпхай грустно улыбнулся.

— А как же вам удалось избежать фронта? Вас мобилизовали для тыловой службы?

— Нет» не совсем так. Видите ли, меня не взяли потому, что меня тут не было. К тому времени, когда началась война, я уже пять лет находился во Франции. Посольство потребовало, чтобы я вернулся, но я отказался. Меня совсем не прельщала перспектива воевать за дело «великой Германии».

Наверное, вы ездили во Францию для получения образования?

— Да, я там защищал диссертацию.

— А когда вы вернулись? — продолжал спрашивать капитан Смеу Еуджен со всё возрастающим любопытством.

— П месяца нет. Вернувшись, я попросил, чтобы меня послали на фронт, и, разумеется, дважды об этом говорить не пришлось, — пошутил Уля Михай, сопровождая свои слова мягкой, обаятельной улыбкой.

- Значит, вы находитесь на фронте по собственному желанию, Это очень блажородно с вашей стороны! — Капитан Смеу готов был уже произнести целую тираду о патриотизме, по вовремя остановился и несколько сму-

идейный замолчал, не зная, как продолжить разговор. Он воль совсем по-другому представлял себе эту встречу. Ему казалось, что человек, выдающий себя за капрала Улю Михая, должен быть каким-то особенным, а этот казался ему совершенно (обыкновенным человеком, правда, обходительным и симпатичным, но не больше. Он даже заподозрил, что Уля Михаил старается казаться человеком ничем не примечательным, поэтому решил не затягивать беседу и, задав новому капралу еще несколько незначительных вопросов, сказал:

— Я считаю, что мы обо всем поговорили. Пройдите и соседнюю комнату и подождите там. Через несколько минут я вам сообщу мое решение.

Когда Уля Михаил вышел, капитан Смеу Еуджеи поднялся и стал расхаживать по комнате из одного конца в другой.

Шифровальщики смотрели на него с недоумением. По всему было видно, что капитан не очень доволен новым подчиненным. Что касается их самих, то впечатление, которое Уля произвел на них, было весьма неопределенным*

Через несколько секунд капитан Смеу обратился к ним

— Неважное впечатление (и на меня производит, и выбора нет, и придется его оставить. Его обучением замесит вы, Бурлаку, как самый старший. Постарайтесь сделать из него хорошего шифровальщика.

— Можете на меня положиться, господин капитан. Будьте уверены, что через две недели он будет знать столько же, сколько и мы.

Ночь выдалась светлая, прохладная. Великое множество звезд усыяло высокое небо. Лунный свет посеребрил деревья, почти лишенные листьев, крыши, заборы и змеевидную ленту шоссе. Над деревней воцарилась тишина.

Было за полночь, когда Бурлаку Александру, Барбу Василе и Целиною Влад вышли из ворот дома, где размещался командный пункт дивизии. Подхватив друг друга под руки, они быстро зашагали к своему дому, надеясь еще послать несколько часов. Шифровальщики так устали, что невыразительная красота ночи не производила на них никакого впечатления.

Вернувшись к себе, они застали Темеску Адриана пишущим письмо. Мардаре Ион штопал шквы.

— Уже закончили? — спросил Томеску, не поднимая глаз от листа бумаги, почти целиком исписанного мелким и неразборчивым почерком.

— Закончили, — устало ответил Целиною Влад, снимая куртку. -- Радиограмма попалась длиннющая, как постный день.

— Что-нибудь интересное?

Не получив ответа, Томеску опять принялся за письмо. Вновь прибывшие собирались улечься спать.

В комнате стояла одна-единственная кровать, и на пей, скрестив ноги по турецки, восседал Мардаре Ион. Его соседом по кровати был Томеску Лдрпан.

Вдоль стены у самого окна на скамье соорудили себе постель Барбу Вас иле и Полиною Ил ад. Бурлаку Александру п Уля Михай спали на массивном оиллиардном столе, украшенном резьбой.

Бурлаку Александру, подойдя к столу с одеялом под мышкой, прикрикнул на Томеску Адриана, который так был ЮОлошен писанием, что не обратил внимания на все эти приготовления ко сну:

— А ну-ка, отложи это на завтра, сударь! До смерти (иать хочется.

Томеску Адриан сложил недоиссаннос письмо и, су-ув его в карман, проговорил с сожалением:

— Еще десять минут, и я бы закончил.

— Будто я тебя не знаю! Пока не настрочишь десять границ, не успокоишься.

-- Мне осталось еще полстраницы, и я бы выложил сё, что наметил на сегодня.

— Чем больше человек живет на свете, тем больше н узнаёт. Пока я тебя по знал, я думал, что, кроме обычного недержания, существует и недержание речи. А благодаря тебе я узнал, что существует недержание пера. П о чем ты так мпого пишешь, один бог знает!

Произноси всю эту тираду, он постелил одеяло на стол, свернул куртку и, положив ее вместо подушки, лег, укрывшись другим одеялом. Потом заложил руки под голову, потянулся и шумно зевнул.

— А наш Уля черт его знает где бродит, --- сказал Пел иною Влад.

— А чему ты удивляешься, будто не знаешь, гдо он может быть, — ответил Мардаре Ион, стараясь распутать узел на нитке, которой штопал поски.

— Ну и петух! И кто бы мог подумать, что он такой бабник, — снисходительно засмеялся Бурлаку Александру.

— Боюсь, что когда-нибудь он попадет в беду. — сказал Целиною Влад. — Уж очень он неосторожен. Нельзя забывать, что мы находимся во вражеской стране.

— Глупости! — насмешливо возразил Мардарс Ион, которому наконец удалось развязать узел. — Я другого боюсь — как бы ему не намял бока какой-нибудь ревнивец. Говорят, эти венгры жуть как ревнивы!

— Ладно, о нем вы беспокойтесь меньше всего, — стал на защиту нового товарища Бурлаку Александру. — Давайте лучше спать, скоро рассвет! Небось, дорого бы вы дали, чтобы оказаться на его месте на мягкой перине возле какой-нибудь пухленькой бабенки...

— Что-то я боюсь, что Уля здесь у нас не приживется. Смею парень неплохой, но насчет дисциплины с ним лучше не шутить. Если он узнает об этих проделках, не задумываясь отправит обратно в часть. Потому что, надо признаться, уж очень этот Уля дурака валяет. Ну ладно там ночью... Так ведь ему и днем не сидится. Когда бы кто его ни искал, никогда на месте нет. Я удивляюсь, как Смею до сих пор этого не заметил, — и Полиною Влад пагнул, чтобы погасить окурок папиросы.

— Не удивляйся, жеребенок! Наш капитан, так же как и «старик», равнодушен к этому Уле. Иначе, думаешь, стал бы он терпеть такое, — откликнулся Барбу Насиле, который до сих пор хранил молчание.

— Ох, и злой же у тебя язык, Барбу! — упрекнул его Томеску Адриан, который тем временем разделся и лег в постель, — Уля парень что надо. Хоть он с нами всего неделю, но вряд ли кто из нас может похвастать, что знает больше него, да и от работы он никогда не отлынивает* Ну есть у него недостаток: до слабого пола охоч. Так что из того? Это нас не касается... Даже если предположить, что Смею к нему благоволит, я тут не вижу ничего плохого. Я бы не сказал, что он к нему относится как-то особенно...

Барбу Васпле ничего не ответил, только покрутился под своим одеялом и пробормотал что-то невнятное.

Несколько минут спустя все затихло. Но спать пришлось недолго. Внезапная артиллерийская канонада заставила всех вскочить. Впрочем, им было не привыкать.

Гитлеровцы частенько предпринимали ночные контратаки, — п тогда начинала бить артиллерия. Мощный заградительный огонь приоставлял контратаку» и вскоре стрельба прекращалась.

На этот раз канонада продолжалась дольше обычного. Орудия яростно грохотали. Шифровальщики тревожно поглядывали друг на друга, взволнованные тем, что орудия не унимались.

Первым заговорил Мардаре Ион:

— Э. черт побери, это уж не похоже па шулки. Чего доброго, эти свиньи зададут нам нерпу.

Целиною Влад подошел к окну и открыл его.

В долгие паузы между орудийными залпами сюда доносились неистовая трескотня пулеметов.

— Закрой окно! — крикнул Томеску Адриан.

— Что это па тебя нашло? — отозвался Пелипоу угрюмо.

— Мне холодно!

— Ничего с тобой не случится, воспаления легких не получишь.

Бурлаку Александру сказал одеваясь:

— Слушайте, братцы, я сбегаю на командный пункт. Смеу должен быть теперь там, и мы можем понадобится. На всякий случай вам не худо одетъся. Может, еще придется, не дай бог, убираться отсюда.

•- Еще чего! —отпивался Барбу Василе, но тоже стал одеваться.

Захватив винтовку, Бурлаку Александру поспешно вышел.

— Слушай, «старик», в случае чего, беги сюда за нами! — крикнул ему вслед Мардаре Поп.

Бее уселись в ожидании и молча курили. Канонада продолжалась с той же яростью. Непрерывно дребезжали окна.

Самым спокойным из всей команды был Барбу Василе. Он положил на колени мешок с провизией и принялся с аппетитом закусывать.

— Неужели ты можешь сейчас есть? — спросил его Мардаре Ион.

— Я проголодался п не думаю, чтобы тебе это мешало.

— Вот того-то я и не могу понять, как можно хотеть есть в такую минуту.

— А пот мне хочется. Может, и тебя угостить?

— Гляди, как бы я не сказал тебе пару теплых слов...

Барбу Васплс, не отвечая, пожал плечами и продолжал неторопливо жевать.

Постепенно канонада стала затихать. Изредка запоздало твякало отдельное орудие, и опять наступала тишина. Гнетущая, вязкая тишина.

Неожиданно в соседнем дворе весело и заливисто запел петух. И люди невольно с облегчением вздохнули, поднялись, заговорили...

— Молодцы артиллеристы! — захопал в ладоши Томеску Адриан.

В сепях послышались тяжелые шаги, и в дверях появились Бурлаку Александру и Уля Михай.

— Добрый вечер, ребята! — весело поздоровался Уля Михай.

— Добрый вечер, Казакова! — ответил Пел иною Влад.

— Где ты его отыскал, «старик»? — поинтересовался Мардарс Ион.

— В совершенно неожиданном месте — на командном пункте.

— А я думал, что он так и не риекпет расстаться с теплой постелькой.

— Ну, и бы не стал так думать! — откликнулся Томеску Адриан. — Эго не такой человек, чтобы при виде юбки потерять голову.

— А что там стряслось, ты узнал? — спросил Полною Влад Михая.

— А что могло быть? Фашисты вздумали было всерьез потеснить наших, но быстро получили по носу. И так как всё это кончилось, давайте быстренько укладываться спать. Капитан предупредил меня, что у нас завтра будет много работы.

Пел иною Влад, который первым забрался под одеяло, спросил:

— И где только ты ее подцепил, Уля?

— Чистая случайность, жеребенок! *Н* бы сказал, что это она меня подцепила. Вдова. Ее муж погиб на фронте в России.

— Как это мне такое счастье никак не привалит, чтобы меня подцепила какая-нибудь хорошенькая вспгерочка?..

— Если будешь ждать, чтобы она забросила свои крю-

чок прямо сюда через окно, так, боюсь, тебе придется долго ждать. Поищи — и наверняка найдешь.

— Ладно, Уля. Я послушаюсь твоего совета.

— Вот-вот, и не пожалеешь. Тут попадаются прелестные бабенки.

Уля бросил папиросу и подошел к своему сундучку, чтобы достать рубаху, которая заежась ему пижаму. Снял ремешок с сундучка и хотел было развязать узел нерезки, которая служила вместо замка, как вдруг заметил, что узел завязан не так, как обычно завязывал он сам. Именно для того, чтобы узнать, не рылся ли кто-нибудь у него в сундучке в его отсутствие, он затягивал веревку особым узлом. Установив, что кто-то копался в сундучке, Уля задумался. Он ничего не держал при себе такого, что могло бы его выдать. В сундучке хранилось белье и кое-какая мелочь. Скорее из любопытства, чем из беспокойства, Уля стал перебирать содержимое сундучка. Ничего не пропало. Даже безделушки, которые он хранил в кармане сундучка, были целы. Единственно, что неприятно поразило его, — помятая солдатская книжка, которую он положил в белье.

Он разглядел ее па колепс, потом открыл и, к большому своему удивлению, увидел, что из солдате кой книжки исчезла его фотография.

«Куда же она запропастилась?» Уля стал копаться а белье, думая, что карточка где-нибудь здесь. Но, перерыв весь сундучок, он так и не нашол фотографии. Потеряться она не могла. Уля никогда не носил солдатской книжки в кармане и не вынимал ее из сундучка. Значит, если бы даже фотография отклеилась, то исчезнуть она никуда не могла. Л если ее ног па месте, то, следовательно; се кто-то украл.

Объяснить это таинственное исчезновение можно было только одним: агент Абвера, должно быть, старая, опытная и хитрая лиса, и его не так-то легко обмануть невинным видом. Новый шифровальщик наверняка вызвал какие-то подозрения, достоверность которых надо было проверить.

Уля Мнхай знал — впрочем, это не было ни для кого секретом, — что гитлеровская контрразведка располагала огромной фототекой. В ней имелись карточки десятков тысяч людей со всего мира, на которых только пало подозрение, что они связаны с какой-нибудь разведкой. Не-

роятно, фотография была украдена именно для того, чтобы можно было разыскать ее копию в фототеке.

Это предположение обеспокоило Улю Михая, хотя у него было достаточно причин думать, что он не фигурирует в этой фототеке гитлеровской контрразведки.

Уля Михай признал не без некоторой зависти, что агент Абвера яедурпо поработал. Он рассчитывал па то, что человек, беспечно бросивший солдатскую книжку на дно своего сундучка, вряд ли наметит пропажу фотографии. Л если я заметит, то подумает, что просто потерял ее.

«Ну а вдруг я и в самом деле потерял ое? — спросил себя Уля п тут же отбросил эту мысль. — Это невозможно. Фотография явно украдена!»

Уля внимательно рассмотрел место, где была приклеена фотография. Хотя тот, кто ее украл, и старался быть осторожным, всё-таки в некоторых местах он вместе с фотографией вырвал и несколько полосочек от обложки книжечки.

Между тем шифровальщики аасиули. Единственный, кто все еще продолжал ворочаться, словно никак не мог устроиться поудобнее, был Бурлаку Александру.

Вдруг Уля услышал его тихий смехок. Поджав под себя ноги, он сидел на столе:

— Ты что же это, брат, более подходящего времени не нашел, чтобы навести порядок в своем сундучке?

— Ты прав, «старик», но мне пришлось перерыть весь сундук, чтобы пайти пару чистых носков. Такой уж я растеряха.

— Ну ладно, давай спать. Скоро уже утро, а ты, как я полагаю, устал сегодня побольше, чем вес остальные.

— Это почему?

— Не станешь же ты уговаривать меня, что с этой вдовушкой ты сидел полночи и разговаривал о погоде. Впрочем, не ждешь ли ты, июка мы все уснем, чтоб снова смьгься к ней?

— Л не думаю! Война сеюдия еще не кончилась, не кончится она и завтра, а вдов, ждущих нашего утешения, не так уж мало. Ну вот я и готов. Иду спать.

Спустя несколько минут, лежа рядом с Бурлаку Александру на столе, Уля Михай пытался заснуть. Но сон не приходил. Исчезнувшая фотография не шла из ума. Уля испытывал неясное беспокойство, которому не мог найти

объяснения. Перебирая в памяти всё, что произошло за последнюю неделю, он мог сказать, что ему не в чем себя упрекнуть. Ничто из того, что он делал или говорил, не могло вызвать подозрений. И все-таки фотография была украдена и тот, кто ее похитил, сделал это конечно не просто из любви к коллекционированию чужих фотокарточек. В таком случае, что же означает эта кража? Вероятно только то, что агент Абвера в чем-то его подозревает, и больше пока ничего. Ведь если бы он думал, что имеет дело с контрагентом, он не стал бы прибегать к краже фотографии.

«Вероятно, — сказал себе Уля, — он хочет узнать, насколько я для него опасен. Кто знает, где сейчас странствует моя фотография?»

Украсть эту фотографию было не так уж сложно. Обычно шифровальщики спали в одной комнате, а работали в другой. Личные вещи команды никем не охранялись, так что добраться до содержимого его сундучка было нетрудно даже постороннему человеку и совсем легко кому-нибудь из своих.

«Неужели ото всё-таки кто-нибудь из них?» — спрашивал себя Уля, ворочаясь на своем жестком ложе.

Услышав, как он ворочается, Бурлаку Александру, который тоже не мог уснуть, спросил:

— Спишь, Уля?

— Пыгаюсь, да никак не могу.

— И я тоже. Не знаю, что со мной. Расскажи мне лучше, как се зовут.

— Кого?

— Ну твою вдовушку.

— Нашел о чем спрашивать в такое время... Пове-ришь ли, я даже забыл се об этом спросить. Ух, «старпк», «старик», видно п ты стосковался по женскому обществу.

— Нет, это не то, что ты думаешь. Даже не знаю, как бы тебе это объяснить... Слушай, ты женат?

— Нет. А почему ты меня об этом спрашиваешь? Может, собираешься заняться моим воспитанием?

— Еще чего! Я же тебе не отец-духовник. Жаль... Если бы ты был женат, ты бы лучше меня понял. Но, как говорится, «сытый голодного не разумеет». Ты ведь знаешь, что я человек женатый и жену свою люблю. Люблю п скучаю по ней. Всё время тоскую. Это не бросается в глаза, не так ли? Наверное я кажусь самым ве-

смым сродн вас. Л всё-таки грызет меня тоска... Иногда до того скучно без жепы становится, что хоть беги к ней. Нет, не бойся, дезертировать я не собираюсь. И вот эта твоя интрижка меня волнует, хотя никакой связи с моими чувствами не имеет,

— Да и в самом деле я не вижу никакой связи с моей историей, — ответил Уля.

— Всё-таки... Связи лет, а факт остается фактом, что сегодня я по ней особенно сильно тоскую... Красивая она у меня. Я тебе не показывал ее фотографию?

— Нет.

— Подожди минутку!

Опираясь на локоть, он приподнялся и вынул из кармана тужурки фотографию:

— Вот, посмотри.

Уля Михай взял фотографию, не проявляя особого любопытства. Если бы ему не был так симпатичен этот парень, он давно бы прервал его и попросил перенести объяснение в любви к собственной жене на следующий день, но теперь он терпеливо рассматривал фотографию.

— Ну? — спросил Пурлаку Александру,

Это была карточка улыбающейся женщины. Ее нельзя было назвать красавицей, но была в пей какая-то притягательная сила.

— У тебя красивая жопа, «старик*! — сказал наконец Уля, протягивая ему фотографию.

Но Бурлаку Александру, словно не замечая этого жеста, настаивал:

— Ты посмотри на се глаза!

Скрывая улыбку, Уля подчинился:

— Да, красивые глаза. Вероятно, черные. Я угадал?

— Я не об этом, — раздраженно возразил Бурлаку.

— Тогда объясни, я никак не пойму, чего ты хочешь?

— Ты посмотри па ее глаза п скажи, не говорят ли они тебе чего-нибудь. Знаешь, мне кажется, что глаза человека о многом могут сказать. Если человек грустен, то об его грусти рассказывают его глаза, его взгляд. Если он весел, удивлен, разгневан, охвачен страхом или страстью, глаза отражают каждое движение души, каждое чувство. Мне кажется иногда, будто у нее здесь не настоящие, живые глаза, а стеклянные. Посмотри, она улыбается, а глаза молчат. Ты скажи — существует какая-нибудь связь между улыбкой и ее взглядом? Правда, ни-

како]»? — Не дав Уле возразить. Бурлаку вырвал из его рук фотографию и, еще раз посмотрев на иес, сунул обратно в потрепанный бумажник.

«Он не верит этой женщине, и его терзает ревность. Если бы я мог выбить у него из головы эту дурь!» — подумал Уля Михай, сочувственно рассмотрен на взволнованного товарища.

Повернувшись к Бурлаку, он стал говорить, стараясь придать своим словам характер шутки:

— Мне кажется, ты ревнив, друг мой! Не сердись на меня, ко не следует поддаваться этому чувству.

— Да, я ревнив! — сердито прервал его Бурлаку Александру, — П самое печальное и том, что она никогда не подавала мне повода подозревать ее.

— Тем более глупо и нечестно ревновать жену. Подумай, что это была бы за жизнь, если бы каждый подозревал свою жену в измене. Нет чувства прекраснее, чем любовь, и преступно осквернять его бессмысленной ревностью, отравляя себе каждый час и каждую минуту жизни.

-- Ты думаешь, я не понимаю >того? Но я ничего не могу с собой поделать! Мне было бы легче, если бы у нее не было таких глаз. Но меня игуает ее взгляд. Кто зя<-,т, что скрывается за ним?.. Скверно, когда глаза молчат и никогда ничем не выдают себя.

— Но ;то же абсурд - вся эта история с глазами. Ты думай просто о том, что она тебя любит и ты...

— Может быть, она меня и любит... может быть!.. Она об этом говорит в каждом ппсьме. Она пишет письма, как влюбленная гимназистка, будто и не прошло десяти лет с тех пор, как мы поженились. Кще когда мы были помолвлены, они говорила о том, что любит со мной хулять и бывает счастлива, когда видит. какие взгляды бросают па меня другие женщины, на мепя, который весь принадлежит ей. Но разве можно верить женщинам! Правда, тогда я был недурен собой. Ты не смотри, что я сейчас такой. С тех пор прошло ведь десять лет, да п война меня состарила. Жаль, что нет у меня фотографии тех лет. Была одна на солдатской книжке, да куда-то запропастилась, не знаю уж каким образом.

— Какую, ты говоришь, потерял фотографию? — спросил Уля Михай, стараясь ничем не выдать охватившего его волнения.

— Да ту, что на солдатской книжке была! Наверное, отклеилась и упала где-нибудь, а я не заметил... — И, возвращаясь к прежнему разговору, добавил: — Да, слова! Разве можно верить словам? Сколько красивых слов слышал бедный Борзя от своей жены, а... Всё пустяки!..

— А ты свою солдатскую книжку при себе носишь? — продолжал выпытывать новые подробности Уля Михай.

— Конечно! В кармано тужурки. Но какое это имеет значение? Я ее потерял, и всё. Ты думаешь, когда копнется война, меня по отпустят потому, что я потерял фотографию с солдатской книжки? Хоть бы скорее пришел этот день!..

— Разумеется! А ты когда заметил, что нет фотографии?

— Кажется, позавчера.

— И ты не спрашивал ни у кого из парней? Может, кто-нибудь ее нашел?

— Если бы нашли, то они бы мне ее отдали. Да я уже и забыл, что она у меня пропала, не понимаю, почему ты об этом спрашиваешь. Потерял, и всё...

— Милый мой, меня беда научила бережно относиться к таким вещам. Если бы ты испытал всё, что мне довелось, то понял бы, как могут пригодиться в жизни всякие документы. Бумага с подписями и печатями дала мне возможность во Франции в годы оккупации передвигаться по стране и зарабатывать себе на хлеб. Напомни мне когда-нибудь, и я расскажу тебе, как простая бумага, подписанная военным комендантом Парижа, избавила меня от большой беды. Л теперь давай спать.

И, прекращая разговор, Уля повернулся к своему ночному собеседнику спиной. Трудно сказать, сколько времени он спал и что именно его разбудило. Открыв глаза, он еще успел увидеть Бурлаку Александру, который выходил из комнаты, накинув шинель на плечи и сунув ботинки в ботинки.

Когда дверь за ним закрылась, Уля приподнялся и, порывшись в карманах тужурки своего соседа по постели, вытащил его солдатскую книжку, открыл ее и... вдруг оттуда, с фотографии, ему улыбнулся другой Бурлаку, мо-
лоде на несколько лет. Значит, фотография была на месте! Уля еле слышно присвистнул. Это была его старая привычка. Он всегда посвистывал, открывая для себя что-нибудь неожиданное. Потом, быстро засунув солдатскую

книжку в карман тужурки Бурлаку, он свернул ее и положил на место, чтобы не вызвать никаких подозрений.

Всего можно было ожидать, кроме того, что фотографии Бурлаку Александру окажется на месте. Пораженный сделанным открытием, Уля попытался объяснить себе, что наставило его проверить Бурлаку.

Вначале ему показалось, что это был просто инстинктивный порыв, некий зов интуиции, но, подумав, он пришел к заключению, что то, что могло показаться чувством интуиции, на самом деле было простым желанием проверить, нет ли чего-нибудь общего в способе похищения обеих фотографий. Если бы он убедился, что фотография в солдатской книжке Бурлаку была сорвана так же, как и его собственная, то это значило бы, что похититель находился здесь, среди шифровальщиков. Но он нашел фотографию в книжке, и она так крепко была приклеена, что по всем признакам никогда не покидала своего места. Значит, Бурлаку обманул его. Но с какой целью? Не он ли и украл фотографию Ули и, чтобы оградить себя от всяких подозрений, рассказал ему эту басню?

Уля попытался отогнать эту мысль. Из всех товарищей по команде Бурлаку казался самым надежным. Но подозрение росло, и он вспомнил, что один Бурлаку бодрствовал в тот момент, когда он пересматривал содержимое своего сундучка, и наблюдал за ним, вероятно поймав, что пропажа фотографии обнаружена. Тогда, чтобы сбить Улю с толку и заставить думать, что не у него одного случилось такое, стал рассказывать свою историю.

Если это не ошибка, если в самом деле фотографию взял Бурлаку, тогда против него возникало серьезное подозрение. Мысль о том, что он спит в одной комнате с сообщником вражеского агента, не давала Уле заснуть. Он задремал лишь на рассвете, когда запели первые петухи.

НОЧНОЙ ГОСТЬ

Они встретились на улице, ведущей к штабу дивизии. Вопреки своим обычаям, капитан Смеу задерживался. Зато Уле Михаю не впервой было являться на «службу» с большим опозданием.

— Хорошо, что я вас встретил, — сказал капитан Смеу, пожимая руку Ули, — я как раз думал о том, как

бы улучшить подходящую минутку, чтобы поговорить с вами. Прайда, сейчас минутка тоже не очень подходящая, но всё равно поговорить нам необходимо. Если вы не возражаете, давайте пройдемся до мельницы. Во время прогулки я успею вам всё рассказать.

— Ваше предложение очень кстати, так как и мне необходимо вам кое-что сказать.

Они направились к северной окраине деревни, где паху виднелась стога свежее кошенного сена. У подножия одного из них и устроился капитан Смей; Уля Мухай последовал его примеру.

— Вот что я хотел вам сказать, — начал капитан, сразу закуривая. — В эту ночь со мной произошла странная история. Я даже не знаю толком, действительно ли это случилось или, может, мне померещилось... После того как мы расстались, я отправился спать. Устал я чертовски, глаза слипались, и я почти не помню, как разделся и лег в постель. Я и обычно легко засыпаю, но вчера вечером, мне кажется, я являлся еще до того, как положил голову на подушку. Сколько я спал — не знаю, знаю только, что в какой-то момент проснулся, почувствовав, что в комнате есть еще кто-то, кроме меня. Попробовал открыть глаза — и не смог этого сделать. Хотел подняться — и посумел оторвать голову от подушки. Но я слышал каждый шаг этого человека и готов поклясться, что он двигался по комнате в одних чулках. Должен вам сказать, что я совершенно не испытывал страха. Мне было просто необходимо узнать, чего же хочет в моей комнате этот непрощенный ночной гость. Через несколько секунд я услышал его дыхание почти у самого своего лица, так близко он подошел ко мне. Я сделал еще одну отчаянную попытку открыть глаза, но хотя мне этого сделать не удалось, я и по-прежнему слышал, как «некто» отошел к столу и преспокойно уселся там, как в своей собственной комнате. Сколько времени он просидел так, я не смог бы вам сказать. Тогда мне показалось, что прошла целая вечность, пока он поднялся, снова подошел к кровати и, не торопясь, отправился к выходу.

Ночной гость еще не успел закрыть за собой дверь, как я с порочным напряжением воли заставил всё-таки себя открыть глаза и вскочил с кровати примерно в тот же миг, когда закрылась дверь за таинственным посетителем.

Я схватил фонарь и пистолет, которые по обыкнове-

нию лежали здесь же на стуле под рукой, и выскочил в сенцы. Там никого не было. Входная дверь с улицы была незаперта, и ключ торчал в замке. Я выбежал. Огромный нес, услышав мои шаги, залился неистовым лаем, в ярости пытаясь сорваться с цепи, на которую его сажали хозяева ночью.

Я вернулся в сени. Напротив моей комнаты была другая, в ней спала семья хозяев дома и Нскулай, мой денщик. Я открыл дверь и вошел туда. Поднимая над головой фонарь, я осмотрел все углы. На широкой кровати спал хозяин дома со своей женой. На другой кровати, поставленной поперек комнаты, вместе со своим братишкой, шестилетним мальчуганом, лежала их дочь, беленькая девчушка лет шестнадцати. На топчале, у самых дверей, отчаянно храпел, лежа кверху лицом, мой Пскулай. На левой его щеке отпечатались следы грубых швов куртки, служившей ему подушкой.

Я долго разглядывал каждого из них, но все они спали глубоким, непритворным сном. И вы знаете, меня вдруг охватило какое-то отчаяние. Я переставал верить самому себе, своим ощущениям. Я вернулся в свою комнату, сел на кровать и задумался. Неужели всё это и в самом деле мне только приснилось? Мне трудно в это поверить. Ну, а если это был не сон? Тогда куда же девался ночной гость, но провалился же он сквозь землю? Вот о чем я хотел поговорить с вамп, — закончил свой рассказ напитай Смеу н, опять закурив, посмотрел вопросительно на собеседника.

Однако Уля Мпхай не спешил с ответом.

— Не знаю, во сне ли это было или наяву, — за юню-* рил он через некоторое время, — но рассказ ваш очень интересен.

— А как вы думаете, могло мне всё это присниться?

— Боюсь, что нет...

— Тогда я не могу понять, куда же исчез ночной гость?

— Это можно объяснить по-разному. Так, например, очень вероятно, что кто-нибудь под тех, кого вы нашли спящими, спал не так уж крепко, как вам показалось,

— Но может быть! Надо было их видеть...

— В таком случае нам остается предположить, что ваш гость был в доме своим человеком и поэтому собака

не залаяла на него, пли... или мы имеем дело с невидимкой.

— Вы правы. О том, что ночной гость мог быть в доме хозяина своим человеком, я и не подумал. Черт побери! Значит, этот агент Лбвера не сидит сложа руки.

~ Это естественно. Ведь не на отдых же его сюда послали.

— А что вы обо всем этом думаете? Или, может быть, вы уже напали на его след?

— Я ведь только начал свою работу... Кстати, пы за ночь сильно побледнели, и наши парии могут подумать, что вы всю ночь кутили.

— Я и в самом деле чувствую себя как после ку-тежа. Голова так трещит, будто я всю ночь пил одну только пупку. Вдобавок меня и подташнивает.

— Не беспокойтесь, господин ыапнтан, до обеда пройдет и тошнота и головная боль. Можете мне поверить, } вас очень крепкий организм,

— Действительно, сколько помню себя, никогда ничем не болел. По почему вы так решили?

— А вы думаете, что тот, кто навестил вас в эту ночь, понадеялся только на ваш крепкий сон и случайную удачу? Нет, на это может рассчитывать мелкий воришка, а не опытный агент. Я начинаю думать, что ваш гость и есть тот, кого мы ищем. Судя по вашему рассказу, его не очень-то смущало ваше присутствие в комнате. Это значит, что он был совершенно уверен в том, что вы ему помешать не в СОСТОЯНИИ...

— Бы думаете, что он дал мне промотать снотворное?

— Полагаю, что это так. Во всяком случае исключать такую возможность нельзя. Очень вероятно, что я и ошибаюсь, потому что пока еще у меня нет ни одной нити, за которую я мог бы ухватиться, точнее говоря, я еще не знаю, за какую из нескольких ниточек следует иотя-иуть. Вы сами понимаете, что, если я попробую тянуть одновременно за все, узелок затянется еще туже и рас-путать его будет труднее...

Капитан Смеу помолчал, потом недоуменно покачал головой:

— И всё-таки в это трудно поверить. Когда же, черт возьми, он умудрился дать мне снотворное?

— Попробуйте вспомнить, что вы ели и пили перед сном?

— Я лучше расскажу обо всем, что делал вчера вечером. До одиннадцати часов вечера я был на совещании у начальника штаба. Так. Потом отправился в столовую вместе с подполковником Братоловяну, капитаном Георгиу и еще несколькими офицерами. Ужип продолжало! недолго, но за разговором мы засиделись до полуночи. По дороге н еще остановился поговорить с капиталом Георгиу, п это меня задержало минут па двадцать. После тою как мы с ним расстались, я пошел прямо домой. Не кула п ждал меня. Оп предложил чаю, но я отказался, так как очень хотел спать. Я его отправил спать и стал раздеваться, но тут начался артиллерийский обстрел, пришлось снова одет! ся и побежать на командный пункт, — я подумал, что могу понадобится генералу. Там мы с вамп встретились. Остальное вы зпаете. Вы думаете, что мпе в столовой подсыпали чего-нибудь в еду?

— Очень возможно! Но, независимо от этого, скажите, что вы думаете о своем денщике?

— Ну что сказать об этом бедпяге. Ои ведь немножко не в себе. На Восточном фронте его засыпало землей во время артобстрела, и с тех пор он словно тронулся. Жалкий, хотя и очень добрый, преданный мпе человек. Я не могу понять, как его вообще не демобилизовали. Во всяком случае, его не следовало бы посылать сюда. Вероятно, какой-нибудь старший сержант с мобиллзацпоппого пункта отправил его сюда вместо сыпка бо!ателя, заплатившего за то, чтобы остаться поближе к дому. Я просил начальника штаба отправить его обратно, по тот отказал, говорит, что с обязапиостями депщика оп вполне справится. П в этом оп нрав. Забот у меня с ним никаких, а в хорошие минуты ои бывает даже забавен. По почему вы меня о сем спрашиваете? Неужели даже он на подозрении?

— В конце концов я стану подозревать самого себя,— отшутился Уля Михай.

— Не стоит перебарщивать. Это ведь человек обиженный п богом и судьбой... Я за него готов головой поручиться.

— Не беспокойтесь, среди тех, кого я взял бы па подозрение, он будет числиться последним.

— Между прочим, — вспомнил капитан Омеу, — вы мне еще пе объяснили, какая связь существует между снотворным, которое я проглотил, и крепостью моего организма...

— Самая непосредственная. По всей вероятности, кто-то подсыпал вам и еду или в питье снотворное, но ошибся дозой, — подсыпал ровно столько, сколько необходимо, чтобы проспать спокойным сном, без сновидений до утра. И все же вы проснулись среди ночи. Этому способствовали и ионная артиллерийская канонада и чувство долга, которое заставило вас подняться и поспешить в штаб дивизии. И, так же как иногда люди переносят болезнь на шиа\, вы одолели снотворное, бодрствуя вопреки тому, что вам трашно хотелось спать. Вот почему я и сказал, что у вас ренкпи организм.

Капитан Смеу Еуджсп выдернул из стога соломинку и стал машинально ее покусывать, глядя на неподвижные крылья мельницы и не видя их.

-- Ну, предположим... Л что же он мог искать у мея п комнате? — проговорил наконец Смеу.

— Этого я не знаю. Предполагать можно многое. Ясно одно; ночной гость приходил к вам совсем не для того, чтобы полюбоваться на то, как вы еппте. Бы проверили, у вас ничего пе пропало?

— Абсолютно ничего! Черт побери, вы представляете, какая ответственность лежит па мне?

Утя Мпхан улыбнулся пе без некоторой иропnm:

— Думаю, что не большая, чем на мне и капитане Георгиу. В силу некоторых обстоятельств наша роль в той борьбе, которая невидимо разворачивается, несколько пассивна. Ваша задача — обеспечить надежную связь с пыешим штабом с помощью шифровальной машины. Ответственность на поимку того, кто пытается добраться до этой мапшшл, лежит на нас, главным осразоч на мне. Вы же отлично знаете, что для этого я гдесь и нахожусь. Пока мы действием на сш\пъ. Визит, который нанесли вам ночью, шиз больше осложняет обстановку. Насколько я теперь понимаю, мы имеем дело с очень опытным и умелым противником. Но я ведь тоже хотел коп о чем спросить вис. Каково ваше мнение о Бурлаку Александру?

— Вы только что спрашивали меня о Некулае, а теперь о Бурлаку. Неужели вы и его подозреваете? В таком случае я должен сказать со всей откровенностью: о нем я <^мого лучшего мнения!

— И на мея он произвел очень хорошее впечатление, и все-таки... •

И Уля рассказал историю о пропавшей фотографии.

— Невероятно! — возбужденно воскликнул капитан Смесу. — Я доверял ему больше чем кому-либо. Я могу нам признаться в этом, так как знаю, что это останется между нами. Я питал к нему всегда настоящую симпатию. Часто я говорил себе, что если бы завтра наступил мир, я бы хотел иметь именно такого друга, как он. Потрясающе! Ей-богу, даже верить не хочется... Вы действительно были правы, когда скапали, что этот ночной гость её запутал. Если предположить, что Курлаку агент Абвера или хотя бы связан с ним, то какой же смысл В этом посещении моей комнаты?

— Правильно! Между кражей фотографии и ночным визитом к вам не существует, на первый взгляд, никакой связи. По еще неизвестно, что мы скажем завтра, когда будем знать больше...

— Вы собираетесь передать его Второму отделу?

— Пока ни в коем случае! Этот моц сильный человек. И если он действительно в чем-нибудь замешан, то сумеет найти объяснение, которое его оправдает.

-- Что же тогда вы собираетесь делать?

Уля Михан пожал плечами:

— Мне трудно ответить на этот вопрос. Видите ли, мы в таком положении, при котором малейшая оплошность может всё испортить,

— То есть?..

— Попробую объяснить понятней. С одной стороны, мы находимся в выгодном положении, так как, не зная, под чьим именем скрывается агент Лбверн, знаем о его существовании и целях, которые он преследует. И это главное наше преимущество. Наш противник, не догадываясь, по всей вероятности, о том, что за ним идет охота, чувствует себя в сравнительной безопасности. Потому-то малейшая ошибка с нашей стороны может все испортить. Если агент каким-либо образом пронюхает о том, что мы его ищем, он немедленно исчезнет.

— Вы думаете? — недоверчиво спросил капитан Смесу.

— Уверсп в этом. Он бы скрылся, потому что задание, которое он должен выполнить, потеряло бы всякий смысл.

— Ей-богу, ничего не могу понять.

— А между тем это довольно просто. Ведь агент знает о том, что, если откроется сам факт его существования и станет известно, что ему удалось овладеть ключом к шифровальной машине, — пользоваться этой машиной пикто

ж» будет, пока не выработают никого ключа. Н таком случае, какой же ем) смысл рисковать своей шкурой? Ведь и мы п этот вражеский разведчик в известной мере находимся в одинаковом положении: мы должны поймать его, не вызывая у него даже теип подозрения о том, что догадываемся о его существовании; он же должен выполнить свою задачу так, чтобы об этом тоже не успели узнать. Вероятно, в данный момент он убежден, что мы о нем ничего не знаем. Поэтому так важно сейчас ничем не показать, что мы ищем его, что знаем о его присутствии среда нас. Главное, не спускать глаз с железного ящика, в котором хранится шифровальная машина. Этот ящик должен стать тем капканом, который прихлопнет господина из Абвера; следя ва капканом, мы можем дать ему возможность первому допустить ошибку. В этой игре, господа капитан, выпрыгает тот, кто еопершаот меньше ошибок. Впрочем, как и в любой другой игре.

— Именно поэтому, — воскликнул капитан Смеу, — мы и не можем только выждать, необходимо действовать! Успешная игра невозможна без риска. Если мы рассчитываем только на ошибки и глупость своего противника, значит — мы проигрываем игру.

— Не забывайте, что речь идет не просто об шре. Ил карту поставлена судьба многих людей, и в такой «игре» осторожность и выдержка становятся крупным козырем.

— О, я не хотел вас задеть, прошу мню поверить, про* его эта проклятая история по даст мню покоя.

— Л уже достаточно хорошо вас знаю, чтобы понимать, что всё это говорится от чистого сердца.

— Спасибо за доверие, А теперь пойдёмте. Если я кому-нибудь буду нужен, здесь меня никто бе сможет разыскать.

— Господин капитан, я приду ссадил попозже. Надо заглянуть к младшему лейтенанту Поназу. Необходимо выяснить некоторый подробности, связанные с убийством шофёра Пантелеймона.

— Разво вы до сих пор с ним не говорили? — удивился капитан Смеу. — Ведь уже делан неделя, как вы здесь?

— Говорить-то с ним я говорил, но до сих пор не придавал значения некоторым событиям, происшедшим в ту ночь, а сейчас...

— Что сейчас?^с любопытством спросил капитан Смеу.

— Сейчас некоторые происшествия той ночи представляются куда более значительными, чем таинственное исчезновение фотографии или даже ваш «ночной гость».

— Как это? Объясните, пожалуйста.

— Если хотите, можно поднести некоторый итог тому, что произошло за последние десять дней. Агент противника, заняв место нашего солдата из роты регулировщиков, на перекрестке дорог меняет указатели... Благодаря бдительности одного из наших офицеров агент арестован, но ио дороге ему удается покончить с собой. Одновременно с этим, или почти в то же самое время, машина, которая перевозит имущество шифровального отдела, выходит из строя и застревает посреди дороги... Несколькими часами позже шофёра отой машины находят мертвым под машиной, которую он пытался починить... Вам подсыплют снотворное, и некто пробирается в вашу комнату, преследуя цель, которая нам еще неясна. У меня пропадает фотография из солдатской книжки... Бурлаку нытается водить меня за нос, утверждая, что и у него исчезла фотография. Как видите, за эти десять дней произошло довольно много событий, не лишенных значения. Но попробуйте связать их между собой и скажите по совести — не заболит ли у вас голова от всего этого?

— Еще как, — быстро откликнулся капитан Смеу.

— Ну вот, и хотя все эти факты нелегко связать в одну цепь, я бы попробовал это сделать, если бы не выпадало одно звено: порча мотора. Этот проклятый мотор больше всего сбивает меня с толку. Из-за него вся пень рассыпается. Я потому и хочу еще разок потолковать с Попазу. Может быть, удастся узнать что-нибудь такое, что поможет мне...

— Вполне возможно. Попазу неглупый человек.

Неподалеку от штаба дивизии, перед тем как расстаться, Уля Михай сказал капитану Смеу:

— Когда вы придете в штаб, обязательно начните разыскивать меня и погромче выругайте. Дайте всем понять, будто знаете, куда я так часто пропадаю. Кажется, мне удалось убедить всех ребят в том, что я неисправимый бабник, и всякий раз, когда я исчезаю, они считают, что я занят очередным любовным приключением. А меня это вполне устраивает. Не мешало бы, чтобы вы сообщили всем шифровальщикам о том, как строго собираетесь меня наказать.

— Не беспокойтесь, я заставлю их волноваться за вату дальнейшую судьбу.

Простившись с капитаном Смеу, Удя Михай отправился в автороту, которой командовал младший лейтенант Поназу. Он шел не спеша, думая о том, как бы поговорить с командиром автороты, не вызывая подозрений. Он познакомился с младшим лейтенантом сразу после приезда. Впрочем, трудно было найти офицера и штабе дивизии, с которым ему не удалось бы за эти дни подружиться. Среди них был и младший лейтенант Поназу.

Удя Михай прошел уже полпути, когда сзади его догнала женщина с гусем в руках. Поравнявшись с капралом, она с улыбкой взглянула на него.

Удя ис впервые встречал ее. В последние дни она несколько раз попадалась ему на глаза и всегда поглядывала на него с улыбкой.

«Какая-нибудь легкомысленная бабенка», — подумал Удя, стараясь не обращать внимания на красноречивые взгляды, которые бросала на него женщина.

Давалось ему это напускное равнодушие не без труда. Женщина была хороша собой. Привлекательны были со продолговатые зеленые глаза, нежный овал лица, с чуть заметными веснушками, сочные красные губы и волосы цвета меди. Веснушки и небольшой вздернутый нос придавали ее лицу выражение задорной смелости и лукавства. Простенькое ситцевое платье, обтягивая тощую, гибкую фигуру, подчеркивало небольшую упругую грудь и округлые бедра, которые ритмично покачивались в такт каждому ее шагу.

Стараясь отстать от нее, Удя замедлил шаг. Женщина, не глядя на него, тоже пошла медленней. Сколько капрал ни старался, расстояние между ними не увеличивалось.

Время от времени она поворачивала голову и бросала на Удю взгляд, в котором были и вызов и ласковая усмешка.

«Напрасно, красавица, теряешь свое время! — ответил ей про себя Удя. — В другое время я бы не отказался обнять тебя, но сегодня мне не до любовных приключений. Жаль только, что никто из парней не видит сейчас, как ты крутишь своей хорошенькой головкой, чтобы поймать меня в свои сети. Будь здесь кто-нибудь из шифроваль-

щиков, моя репутация дивизионного доь/нуана была б*, окончательно закреплена»).

И так как в это время Уля подошел к дому, где размещалась канцелярия аитороты, он свернул в открытые ворота, не взглянув более на свою неожиданную сп^тницу.

Младший лейтенант Попазу находился в канцелярии и занят был тем, что устраивал очередной разнос провинившимся шофёрам. Увиден вошедшего капрала из шпф ровального отдела, младший лейтенант перевел дух и сказал Уле Мпхаю:

— Подождите меня немного, я сейчас освобожусь.

Уля Михай вышел во двор и в ожидании присел на завалинку. Во дворе хозяйка дома варила в канаве, подвешенном на треножнике, картофель для своих шестп поросят, которые нетерпеливо похрюкивали, роясь в земле, под большим навесом.

Хозяйка дома, статная женщина со строгим лщом, сидела, согнувшись на стульчике, подперев лщо ладонями больших, ио-мужскн сильных рук. Она задумчиво глядела на казан, откуда подымались густые клубы пара.

«Словно колдунья!» — подумал Уля Мпхай, с трудом отрывая взгляд от этого сурового, сосредоточенного лща.

Взглянув на улицу, Уля снова увидел педавшю свою спутницу. На этот раз она шла обратно, и уже без гуся. Женщина тоже увидела капрала и улыбнулась ему, словно старому знакомому. П он совершенно невольно улыбнулся ей в ответ. Тогда женпдппа неожиданно подняла руку и помахала ему. Уля сразу помрачнел.

«Ну-ну, парень, — сказал он себе с упреком, — ты не из тех, ия-з& кого женщины теряют голову». И тотчас у него мелькнуло подозрение: случайпо ли на его пути несколько раз встречается эта сма.-мквая бабенка? Зачем она лезет ему на ьчаза? Неужели только потому, что он ей понравился? Кряд ли! Не так оы глуп, чтобы расечить-вать на такой успех. В деревне полно солдат п офицеров, и подыскать среди них дружка, куда более привлекательного, чем он, ей было бы не так уж трудно... А может, эта чертовка добивается чего-то другого?

И будто нарочно для того, чтобы утвердить ею в этом подозрении, случай послал павстрсчу хорошенькой рыжеволосой женщине сержанта Добрина Спльвпу, писаря Первого отдела.

Это был красивый детина, атлетического сложения.

Поравнявшись с зеленоглазой иезнагомкой, Добрпз за-медлил шаг п так п впился в жещину своими красивыми, цщроко расставленными глазищами. Но она прошла мпмо, будто не замечая его ищущего взгляда.

«Вот-вот, — подумал Уля Мпхаи, — па Добрпна, к которому женщины льнут как мухи, ей наплевать, зато ко мне она пристаёт сама п кажется готова на всё. Ну пет, голубушка, я пе из тех, кто пьянеет от дождевой воды. Любопытно, чего, в сущности, ей нужно? Чтобы уппать это, стоит сыграть роль глупого мышонка. Не думаю, чтобы риск был так уж велик. Л если я ошибаюсь в своих подозрениях п действительно нравлюсь згой жещине, то мне эта игра принесет еще одно приятное воспоминание».

Размышления Уяи прервал младший лейтенант Попазу;

— Пойдемте! Я покончил с этими чертями. Вы себе представить не можете, как опя мне душу выматывают.

Младший лейтенант Попазу был настоящим гигантом — со своими широченными плечами, на которые еле влезала тужурка грубого сукна, скроенная из материала, которого хватило бы па две солдатские куртки. Короткая мощная шея подпирала большую голову. Крупные черты лица, громовой, сердитый голос заставляли думать, что имеешь дело с чудовищем, но достаточно было увидеть большие синие глаза младшего лейтенанта, чтобы понять ею настоящую натуру, добрую я покладистую. Поэтому, несмотря на то, что Попазу рвал и метал с утра до почи, наставляя своих солдат и понося все па свете, его любнлп.

Вытирая высокий потный лоб платком размером с салфетку, он продолжал добродушно ворчать:

— Душу выматывают из меня эти черти! Шофёры • - это, дорогой мой, такой сорт людей, которые па словах всегда согласны с*тобой, а на деле всё делают по-своему. Если ты с ними но-хорошему, опи немедленно садятся тебе па голову, если ты с ппми строг, то того и жди ка-кого-нибудь подвоха. Под тобой земля горпт, а ему хоть бы что: видите ли, мотор испортился, и всё! «Мотор вышел ии строя*—это их самое сильное оружие. Аккумулятор... свечи... короткое замыкание... п так далее и тому подобное, — тысячу ирпчпн найдут, чтобы довести тебя до белого каления, и попробуй им что-нибудь сделать! Ведь большинство машин действительно изношено, их

пора отправить на свалку, п шоферня этим пользуется. Л если они правы, то что им ответишь? Вот п крутишься. Нет, чем иметь дело с этими подлецами, я бы предпочел командовать выводом па переднем крас.

— Там тоже не очень легко, — возразил Уля. — Я думаю, что любой офицер рад был бы поменяться с вами местами.

Полазу вздохнул:

— К сожалению, вы правы! Я ведь через всё это прошел па русском фронте. Знаете, когда у человека неприятности, он всегда много говорит такого, в чем и сам-то не очень убежден. Но поверьте, что и мне не очень легко в* этих условиях, когда дивизия находится в постоянном движении. Штабным нп до чего нет дела, онп знают только свое: машины всегда должны быть на ходу, а если у тебя какая-нибудь машина застревает в дороге, кто виноват? Всегда бедный Попазу. Я уже не стану говорить, как достается, когда случается то, что случилось у меня.

— А что именно? — участливо спросил Уля, делая вид, что не понимает, о чем идет речь.

— Подождите-ка, да ведь вас еще не было тогда в штабе дивизии, и вы не знаете, что один из моих шоферов был убит?

— Ист, я слышал об этом. Мне рассказывали наши парни, по ведь они и сами ничего толком ас знают.

Попазу нагнулся к собеседнику и, широко открыв свои сшие глаза, доверительно прошептал:

— Какое-то вонючео дело со пшнопажем.

— Не может быть?

— Когда в это дело сует свой нос Второй отдел, всё может быть. Они И меня крутппп-лертели со всякими вопросами, точно это я его убил. Ей-богу, был такой момент, когда мне казалось, будто меня подозревают. Но знаю, как я выдержал, чтобы не послать их ко всем чертям.

— Значит, здорово помучили вас. Но тсиерь-то, надеюсь, оставили в покое?

— Слаиа богу.

— Да, действительно, вам не повезло, младший лейтенант. Ну а всё-таки, как вы думаете, мог быть этот шофёр шпионом?

— Кто? Пантелеймон? Да что гы! Я головой мог бы за него пору шться.

— А из-за чего же всё-таки они его застрелили? Вс • но стали бы там, во Втором отделе, из-за пустяков сочинять целое дело.

Младший лейтенант улыбнулся с видом соостронного превосходства:

— Вы, вероятно, не очень-то разбираетесь в этих делах. Если бы он был шпионом, зачем же надо было бы его убивать?

— Вы правы, я об этом и не подумал, —* с невинным видом ответил Уля Михай.

— Я вам скажу, но только строго между пап: у меня есть своя точка зрения на все эти дела. Конечно, я об этом не стал распространяться во Втором отделе. В таких случаях собственное мнение лучше держать при себе.

— Ну со мной-то вам нечего осторожничать...

— Конечно нет. Вот что я думаю обо всех этих делах... Во Втором отделе думают, что Пантелеймон сам был замешан во всей этой грязной истории и кто-то из них же шпионской компании прикончил его. Но Пантелеймон не был шпионом, даю голову на отрез. Но в то, что он был убит шпионами, я верю. И знаете почему? Наверное Пантелеймон что-то про них пронюхал. Вот они и поторопились его убить.

— Я не очень-то разбираюсь в таких делах, как вы уже заметили. Мне кажется, что вы правы. По вот что непонятно. Если Пантелеймон что-нибудь узнал, почему он сразу не сообщил об этом во Второй отдел?

— Из-за того и беда, что шпион расправился с ним до того, как бедный Пантелеймон сумел связаться со Вторым отделом.

— Вот в это как-то трудно поверить, — возразил Уля Михай.

— Почему?

— Потому что я не понимаю, что могло бы ему помешать тотчас пойти во Второй отдел.

— Тотчас!.. Это ведь зависит от того, что вы подразумеваете под этим словом. Если вы хотите что-то сделать и откладываете на завтра—это значит, что вы не сделали задуманного «тотчас». Не скажешь, что дело сделано сразу, если вы отложили его и на час. Ну, а если вы отложили его всего на пятнадцать минут, не значит ли, что вы исполнили задуманное «тотчас»?

— Это зависит от срочности того, что вы хотите сделать. Да, иногда даже минута решает дело.

— Вы правы! Пример тому история с бедным Пантелеймоном. И всё-таки я уверен, что он просто не успел сообщить Второму отделу о том, что узнал. Подумайте сами. Тот, кто убил его, здорово рисковал своей шкурой, но пошел на это, по дожидаясь подходящего случая. Почему? Не потому ли, что боялся опоздать с этим делом?

— Значит, Пантелеймон незадолго до той минуты открыл настоящего шпиона?

— Я так думаю.

— Насколько я помню, шофёр был убит в то время, как он исправлял мотор?

— Точно.

— Неужели это было важнее, чем сообщить о своем открытии?

— Надо знать шофёров, чтобы понять Пантелеймона, которого так разозлил упрямый мотор, что он прежде всего решил найти повреждение. Это, знаете, вопрос чести для шофёра.

— Как я понял, Пантелеймон сделал свое открытие именно во время последнего перехода.

— Иаконец-то я вижу, что вы кое-что поняли.

Ульян Минхай вынужден был признать, не без удивления, что рассуждения младшего лейтенанта Попаду не лишены смысла и над ними надо подумать. По сейчас следовало закапчивать разговор.

— Скажите, а этот Пантелеймон был хорошим шофёром?

— Одним из лучших.

— Но как же объяснить, что он не мог запустить мотор?

Младший лейтенант Попоалу снисходительно улыбнулся:

— Дорогой мой! Моторы в некотором отношении похожи на людей. У каждого свой каприз.

— Это не объяснение.

Младший лейтенант, не отвечая, пожал плечами.

— Но известно хотя бы, какого рода была неисправность мотора?

— Я потому и сказал вам, что у моторов, как у людей, бывают свои капризы. Представьте себе, что на второй

день шофёр, который принял эту машину, сразу же запустил мотор. Он отлично работал!

— Это точно?

— Абсолютно точно. Такие вещи случаются не впервые. Вас это удивляет?

— Удивляет? Н-да! Я и не знал, что моторы могут капризничать, как люди.

— Можете смеяться сколько вам угодно, но так оно и есть. Однако не пора ли переменить тему нашего разговора?

Понимая, что большего он не добьется, и боясь вызвать какие-нибудь подозрения, Уля Михай охотно согласился:

— Конечно!..

Они потолковали о положении на фронте, о том, сколько еще может продлиться война, вспомнили Бухарест, позлословили о некоторых офицерах, лотом Уля Михай собрался уходить:

— Мне очень жаль, но пора идти. Боюсь, что господни капитан Смеу будет на меня злиться.

Младший лейтенант Попазу проводил его до ворот:

— Заходите, когда будет время. Вы же видите, какая у меня тут жизнь. С утра до вечера воюю со своими шофёрами. Добрым словом не с кем обменяться. Тупеешь с каждым днем, черт побери! Скорее бы уж всё это кончилось!

ПРИКЛЮЧЕНИЯ КАПРАЛА УЛЯ МИХАИ

Расставшись с младшим лейтенантом Попазу, Уля Михай поспешно направился к штабу дивизии. Он прошел почти полдороги, пока заметил в одном из переулков, пересекавших главную улицу, ту самую женщину, с которой встретился на пути в автороту.

Недолго думая, он свернул в переулок и зашагал ей навстречу, будто разыскивая нужный ему номер дома.

— Кого ищешь, солдат?

Уля Михай удивленно поднял брови, отчего лоб его покрылся морщинами, и ответил насмешливо, делая вид, что он только что заметил незнакомку:

— Не слишком ли ты любопытна, красотка?

Ему показалось, что женщина несколько опешила от того, что он заговорил с ней по-венгерски.

«Черт возьми, — сказал он себе, — кажется, ей по вкусу пришелся мой венгерский! Неужели я ошибся, и эта бабенка просто ищет случая познакомиться с солдатом?*

Он уже совсем было решился отступить» но женщина, оправившись от минутного смущения, подошла к нему почти вплотную и, ласково поблескивая зеленоватыми глазами, певуче заговорила:

— И скажи пожалуйста, что это ты так важничаешь, солдат? Спросила, потому что выручить тебя хотела. Ловось быстрее найдешь то, что ищешь.

— Очень мило с твоей стороны, но боюсь, что помочь ты мне вряд ли сможешь. Мою пропажу найти труднее, чем толку в стоге сена, потому что ищу я лиришенькую девчонку, а как ее зовут, и сам не знаю. Вот и попробуй найти ее и вашей деревне, где что нд девица — красавица.

Женщина весело расхохоталась:

— Неужели та, которую ты ищешь, красивее меня?

Уля Михайл отступил на шаг, словно решил лучше рассмотреть свою собеседницу.

— *Хочешь* знать честно? — спросил он после того, как внимательно оглядел ее с ног до головы.

— Конечно.

— Красивее.

Женщина снова расхохоталась. На этот раз в ее смехе звучала явная насмешка.

— Вот и заврался, солдат! Нет в нашей деревне женщины красивее меня, кого хочешь спроси. Да и говоришь ты это только для того, чтобы подразнить меня. Я вижу, ты солдат шутник!

— Да нет же, я правду говорю, — возразил он.

Женщина притворно надула губы и спросила с вызовом:

— Ну и что же, что красивей, так неужели она тебе нравится больше, чем я?

— А если больше?

— Л Катюшка тебе совсем-совсем не нравится?

— Чтобы на такой вопрос ответить, я хотя бы разок должен взглянуть на эту Катюшку. Кто же она такая?

— Л вот я сама! — и женщина снова весело расхохоталась.

— Я так и подумал. Я бы не мог сказать, что ты мне не нравишься. Ты красива, Катюшка, и горе тому, кто полюбит тебя!

Катюшка ответила на его слова новым взрывом смеха, который ошарашивал неожиданно в голках ее чувственного, яркого рта. в самой глубине глаз, всего ее гибкого, крепкого тела.

— Почему ты говоришь: юре! Мужчина, которому я приглянулась, не забудет меня никогда.

— Кот то-то и оно! Я думаю, если мужчина просто пройдет мимо тебя, то он должен перекреститься, если хочет уцелеть. Мне самому и то стало страшновато...

— Неужто ты такой уж трусишка, солдат!

Она теперь так близко подошла к Уле Мпхаю, что он слышал ее прерывистое дыхание.

— Это только когда я встречаю таких красоток, как ты, Катюшка.

Катюшка тихонько потянула его за пуговицу тужурки:

— Ну, не будь таким трусишкой, солдат, я тебя не съем. — И добавила чуть слышно: — Тебе более, что ты мне нравишься...

«Не очень это видно по твоим глазам, красотка», —

подумал Уля, а сам, с готовностью откликаясь на настойчивую ласку, взял жещпиу за руку и недоверчиво спросил:

— Неужели п вправду, Катушка?

— И ты еще не веришь? Л пз-за чего это я, скажи пожалуйста, лот уже четьре дня хожу за тобой? А ты всё делаешь вид, что не замечаешь меня! Ох, п зла же я была иа тебя, ей-богу! По зато уж теперь-то я тебя никому не отдам... — П, неожиданно схватив его под руку, она прпжалаеь лбом к его плечу.

— Ты не боишься, что кто-ипбудь увидит нас, да и расскажет твоему мужу?

— У меня пет мужа, — ответ последовал быстро и неожиданно сурово.

Уля Михай продолжал допытываться:

— Ты не замужем?

— Была.

— П что же, разошлись?

— Нет! Пропал в России.

— Так ведь, может, и не логпб. Вот война кончится — п вернется. И в прошлую войну так пе рал случалось,..

— Мой не вернется. Мне сердце это подсказывает. — Опа пристально, словно упрекая в чем-то, посмотрела на капрала и потом другим топом, возвращаясь к прежнему разговору, с улыбкой спросила: — А пока вернется?

Уля охотно поддержал ее попытку возвратиться к прежнему веселому тону:

— Я думаю, в деревне не осталось пн одлого мужчины, которому ты не вскружила голову.

Катушка пренебрежительно выпятила яркио губы:

— Мужчины нашей деревни?! Да ведь остались одни старики л дети. Всех, кто мог держать оружие в руках, забрали. Да и потом, — чтобы быть мужчиной, мало носить брюки, надо, чтобы он мне понравился.

— Ты хочешь сказать, что я тебе нравлюсь?

— Я уже тебе это сказала, глупый солдат.

— Ладно, Катушка, раз ты говоришь, значит, так оно и есть.

— Так ты зайдешь ко мне?

— А когда?

— Ну хоть нынче вечером! Я тебя у калитки буду ждать. Придешь, по обмапешь? — И, не ожидая ответу она пошла в сторону главной улицы.

данья. Раскрывать свои подозрения кочу бы то ни было он также не мог.

День показался ему бесконечно длинным. Наконец наступил момент, когда надо было отправляться па свидание. И теперь, медленно шагая вдоль шоссе, Ули Мпхай чувствовал, как растет в нем тревога. Он пробовал успокоить себя: «Я, вероятно, преувеличиваю опасность. Черт побери, приходилось бывать и не в таких переплетах, так из-за чего я так волнуюсь теперь».

Катушка, как и было условлено, ждала *ото* у ворот.

Когда Уля подошел к ней, женщина всем телом прижалась к нему и шепнула:

— Я думала, что ты уже не придешь. Если бы ты знал, как я тебя ждала, милый!

— Я ведь не опоздал, — шептал он в ответ, обнимая ее и незаметно оглядываясь вокруг.

— Не знаю, я уже полчаса жду тебя здесь. Время тянулось ужасно медленно. Пойдем скорее в дом.

Она взяла его иод руку и потянула за собой к дому, который еле виднелся в темноте. Вокруг царила какая-то особенная, ничем не потревоженная тишина ночи*.

— У тебя темно?

— Я затулила окна. Ты разве забыл, что идет воина? Или ты боишься? Не бойся, я но ем людей, — насмешливо заменила она.

— Крунда! Чего *оы* *)о мне бояться. Скорей уж тебе надо было бы побаиваться.

Катушка еле слышно засмеялась:

— Я не боюсь. Я храбрая женщина, солдат, и крепкая. Могу и с тобой помериться силами.

— Перестань, хватауша! Погляди, какая ты крохотная. Я могу запрятать тебя в любой из своих карманов.

~- Ладно, ладно, солдат, посмотрим, кто из нас хвастается.

Иагушка слегка нажала ручку двери, немного приоткрыв ее. Изнутри пробилась полоса света.

— Входи, пожалуйста!

Держа правую руку с пистолетом в кармане, Уля Михай толкнул дверь ногой и вошел в сени. Катушка последовала за ним. Она закрыла дверь, заперла ее, а ключ супула в карман платья, того самого, которое было на пей утром.

— Э-э, да ты и дверь заперла? Уж не боишься ли ты,

И-о сюда нагрянут один из твоих поклонников? — посмеялся он, стараясь убедить ее в том, что совершенно спокоен.

В действительности тревога его нарастала с каждой секундой. Если и в самом деле она заманила его в ловушку, то один из путей к отступлению отрезай с самого начала.

— Если бы у меня Пыл возлюбленный, то я не стала бы за тобой гоняться. Мне н одного хватит. Бот сюда,— позвала она, показывая на дверь, из которой пробивалась полоса света.

Как только Уля Мнхай перешагнул порог, он понял, что его опасения оправдались. В комнате, в которую он вошел, было двое мужчин. Один сидел па кровати, другой на стуле у самых дверей. Тот, что сидел па кровати, мужчина лет около сорока, с рыжими волосами п усами, закрученными по-венгерски, заложил ногу на погу, засунул руку в карман галифе серого цвета пз толстого домотканого сукна п курил трубку. На ногах у него были желтые сяноги с короткими голенищами. Другой мужчина, сидевший на стуле, несмотря на то, что в комнате было жарко, бы I одет в пелерину, застегнутую у шеи на большой медный крючок. Уля без труда угадал в нем саша.

Хотя никто из сидевших в комнате ничем пе выдал своих враждебных намерений, Уля Мнхай не тешил себя никакими иллюзиями. Несомненно, Катушка провела его за нос, а он, подозревая ловушку, был настолько глуп, что пошел на эту игру, не приняв должных мер предосторожности. Но теперь было слишком поздно даже для сожалений.

Однако сознание неминуемой опасности вернуло ему хладнокровие. Это было одной из самых цепных его особенностей. Чем большая опасность грозила ему, тем спокойней он становился, тем интенсивней работал его ум.

«В конце концов, зачем я им нужен? — лихорадочно соображал он в то время, когда произносились обычные приветствия. — Одно из двух: либо они меня захотят просто убить, либо постараются получить от мспя нужные сведения. Посмотрим, что из всего этого выйдет. Сделаем вид, будто ничего не подозреваем».

' С а ш — сакс, живущий в Траигильиипш.

У ли Мпхап пошел за пей:

— Уходишь, а где искать тебя л не сказала.

— Я не уйду. Хочу показать тебе, как меня лучше разыскать.

Когда они вышли на шоссе, Катушка остановила кап-рала:

— Вот видишь тот дом с черепичной крышей? Немного дальше, направо, начинается улица. Пойдешь по ней. Последний дом на правой стороне и будет мой. Не забудешь?

— Не беспокойся, буду обязательно. Жди.

— Ну так я пойду. Время обедать, а я еще ничего не приготовила для отца.

— Твои отец с тобой живет?

— Со мной. Да ты не бойся, — снова зашептала она, — он ложится спать вместе с курами, да и что ему до меня. Так смотри, я жду тебя вечером, к девяти часам. Не опаздывай, я этого не люблю.

Она быстро оглянулась вокруг и, поднявшись на цыпочки, легко поцеловала капрала, потом убежала от него прямо на шоссе к домику под черепичной крышей.

Ночь стояла темная и холодная. Луна еще не взошла. По шоссе нескончаемым потоком тянулись обозные подводы. словно непрерывный надсадный хрип, слышался в ночи скрип несмазанных колес.

Уля Мпхап не спеша шагала по обочине шоссе. У него еще было достаточно времени, чтобы подумать о том, что ему предстояло.

Беспокойство, которое владело им весь день, стало еще более сильным и определенным в этот поздний час, когда он шел, как было уловлено, к дому Катушки. Правда, смутное чувство неуверенности и неопределенности заставило его принять кое-какие меры предосторожности, но их лишь с большой натяжкой можно было бы признать достаточными.

Первым делом он раздобыл себе пистолет. Не мог же он, в самом деле, идти на свидание с винтовкой. Затем он произвел предварительную разведку на местности, используя для этого довольно своеобразный метод.

Над деревней, протянувшейся по обоим сторонам шоссе, возвышалась красивая церковь постройки восем-

плдцатого века. На колокольню можно было набраться по крутой винтовой лестнице в несколько сот ступеней. Священник, гордпкпшийся старинной церковью, рад был показать свое сокровище любознательному румынскому солдату, к тому же так хорошо говорившему по-венгерски* Слишком дряхлый, чтобы самому лезть на высокую колокольню, он дал Уле Мпхаю несколько советов относительно топо, па что стоит обратить внимание, если смотреть сверху на раскинувшийся внизу пейзаж.

Но так как Уля Михай забрался сюда совсем не для того, чтобы любоваться красотами природы, то первым делом, поднявшись на баптю, оп постарался найти дом Катушки. Это был пебольшой, бедненький домик, с облупленными стенами, стоявший иоследппм в своем ряду. Улица, па которую предстояло отправиться Уле Мпхаю, спускалась отлого и кончалась крутым обрывом, замыкавшим деревню с юго-востока. От дома до обрыва было все! о пять-шесть метров. К нему можно было добраться по деревянной лестнице без перил, которая тянулась позади дома.

С колокольни нетрудно было разглядеть дом со всех сторон: пустой, голый двор, — ни конюшни, ни курятника, никаких друшх построек; виднелся лишь колодец с колесом, да около ворот стог соломы, судя на цвету, старой и наноловипу сгнившей. Дом явно пустовал. Казалось невероятным, чтобы красивая Катушка жила в такой лачуге. П всё же она указала именно этот адрес.

Хотя Уля Михай увидел все, что ему было нужно, однако он решил во что бы то ни стало дожидаться, пока не увидит Катушку, которая не может не выскочить во двор по каким-нибудь хозяйственным делам. Оп просидел на колокольне еще полчаса, но пи Катушка, ни кто-либо другой во дворе дома так и не появился.

С тревожным чувством спустился со своего наблюдательного пункта Уля Михай. Неужели она решила подшутить над ним? Или, может быть, из предосторожности Катушка решила назначить ему свидание в заброшенном, необитаемом доме? Чтобы успокоить себя, он готов был принять любое из этих предположений и по мог. Уж слишком всё это казалось подозрительным, С другой стороны, не выяснив всего до конца, он не мог оставаться спокойным и поэтому не имел права отказаться от сви-

Притворяясь удивленным, он воскликнул:

— Катюшка, чего же ты мне по сказала, что у тебя ?ости!

Катюшка взяла его под руку и подвела к рыжему:

— Это не гости, мой милый! Это мой отец, а этот молодой человек — мой брат.

Уля Мпхай протянул руку сначала рыжему, а потом сашу. Оба они, явно обескураженные ею поведением, машинально пожали его руку, не выказав, однако, большой радости. Трансильваиец вдруг разразился сильным нри> ступом кашли, потрясшим всё его тело. Пелерина, в которую он был закутан, распахнулась, и, хотя он тут же запахнул ее, Уля успел увидеть темный ствол автомата, спрятанного на груди этого человека. Инстинктивно он оглянулся па рыжего. Тот продолжал сидеть, держа руку в кармане. Можно было не сомневаться, что там лежал пистолет. Оба были вооружены, оба могли выстрелить и любую секунду.

Катюшка зашептала в ухо капралу:

— Прошу тебя, по сердись. Я всё потом объясню. Они скоро уйдут. — И она попыталась отнять свою руку, стиснутую его рукой. Но Уля продолжал ее крепко держать. Он понимал, что, находясь рядом, она служит ему хотя бы временным прикрытием. Он видел настороженные глаза двух мужчин, готовых в любую минуту пристрелить его. Особенно нетерпеливым казался трансильваиец: он то и дело поглядывал на рыжею, ожидая какого-то сигнала.

⁴ «Надо выждать, — соображал Уля, — и сделать вид, что я совершенно не чувствую опасности, иначе я пропал».

Он расхохотался:

— Слушай, Катюшка! Ты бы не могла раздобыть бутылочку винца? Мне было бы очень лестно чокнуться с твоим отцом и братом. — Уля полез в карман тужурки за деньгами.

Катюшка с недоумением взглянула на него, потом на сидящих в молчании мужчин и, всё еще пытаясь продолжать игру, ответила:

— Вина? В такой час? Да сейчас во всей деревне не найдешь и капли вина!

— Жаль! Я бы с удовольствием выпил стаканчик то-кайского. Я, правда, ни разу в жизни его не пил, но

слышал, что во всей Европе нет лучшего вина. Это правда?

Катушка не ответила и сделала решительную попытку вырваться и отойти от него. Но Уля Мпхай по-прежнему крепко прижимал ее руку к себе, убежденный в том, что, пока она рядом, в него не выстрелят. Продолжая разыгрывать из себя наивного солдата, случайно попавшего в этот дом, он не переставая болтал:

— Я столько слышал об этом вине, что уж очень захотелось мне его попробовать. У вас, венгров, немало есть такого, чем вы можете гордиться. Я всегда восхищался вамп, потому и язык постарался лзучить. Только тот, кто знает венгерский, может попить его красоту. Пусть вас не удивляют мои слова. Вы не смотрите на то, что я в этой форме, я ведь простой человек, такой же, как и вы. Знаешь, Катушка, иногда бы не мог подумать, что у тебя такой молодой, симпатичный отец. Вот мой — так совсем старик и всё мучается подагрой. Не знаю, увижу ли его еще в живых, давно ничего не пишет. Боюсь, не случилось ли чего с ним. Правда, и военная почта работает отвратительно. Хоть бы кончилась скорей эта война. Всем уже она порядком надоела. Откровенно говоря, никак я не пойму, чего нам тут надо. Да разве ты делаешь, что хочешь? Попробуй-ка не подчиниться!..

Разговаривая без умолку, он мучительно искал выход из ловушки, в которую так глупо попал. Через ту дверь, в которую он вошел, пути не было, — она заперта и ключ в кармане Катушки. Остается только дверь, выходящая на задний двор, откуда лестница ведет к обрыву. Значит, нужно как-то подобраться к этой двери, находящемуся между рыжым и транспльваицем, открыть ее, проскочить лестницу и добежать до обрыва. Л вдруг она заперта? Катушка наверно не забыла ее запереть, «И всё-таки я должен попробовать, — сказал Уля себе, — но ждать же, пока эти бандиты отправят меня и на тот свет».

Между дверью, выходящей на задний двор, и кроватью стоял высокий, съеденный жучком комод. На комод возвышалась керосиновая лампа, освещавшая комод, а на стене над комодом висело квадратное мутное зеркало. За рамкой зеркала торчало несколько фотографий, пожелтевших от времени и засиженных мухами.

Эти фотографии навели его на спасительную мысль, одну из тех безумных по своей смелости мыслей, которые

приходят на ум лишь тогда, когда находишься в смертельной опасности и когда другого пути к спасению просто не существует.

— Катушка, а ну-ка расскажи...

Он не успел закончить своей фразы, как рыжий крикнул ему:

— Ты сядешь, наконец!

Притворяясь, что он не понимает, чего от него хотят, Уля ответил:

— Да я еще и не думаю уходить, я ведь только пришел, — и, стиснув покрепче руку Катушки, потащил ее к комоду: — Ну-ка, расскажи мне, что ото за господ и дамы па фотографий...

За те пять пшюв, что Уля прошел под руку с Катуш*кой, он весь покрылся холодным потом. Несколько секунд; показались ему вечностью: «Выстрелят или нет?»

Не выстрелили. Расчет оказался точным. Они боялись задеть Катушку. В мутной воде зеркала он индол беспокойные взгляды, которыми они обменивались за его спиной.

Потом он увидел, что они успокоились, когда он с Катушкой остановился возле лода. Слегка дрожавшей от внутреннего напряжения рукой Уля Михай вытащил из-за рамки зеркала старую фотографию, на которой была изображена молодая красивая женщина в венгерском национальном костюме.

— Катушка, скажи, кто эта краситзая женщина?

— Бабушка, — ответила она, не глядя на фотографию.

— Что ты говоришь!.. Красивая, очень Красина я женщита, — приговаривал он, думая о том, что ему нслыя торопиться, что поспешность может всё погубить, что одно ложное движение — и трапенльнапец с автоматом прикончит его как зайца. Надо окончательно их убедить и том, что он ничего не подозревает. Пусть думают, что имеют дело с круглым идиотом, пусть...

— Катушка, ты очень похожа на нее, разве только еще красивее.

— Ну уж ты скажешь, — машинально ответила Катушка, чувствуя, как железные пальцы Ули впились в ее **РУКУ**—

— Пет,ты здорово на нее похожа, Катушка,послышан меня. Лоб, глаза, подбородок... но ты конечно изящнее, ты похожа на графскую дочь, а твоя бабушка, сразу вид-

но, крестьянка. Красивая, но всё-таки крестьянка. Говоришь, что ты на нее не похожа? Посмотри-ка на эти глаза! А теперь взгляни сюда, в зеркало, и скажи не одно ли это II то же...

— Ладно, хватит валять дурака! — ответ прозвучал раздраженно.

Но Уля настаивал на своем:

— И как ты не заметила такую сходства? Давай спросим твоего отца, есть сходство или нет... — и он протянул было фотографию рыжему, но тому, видимо, надоела эта комедия, и он резко, хотя достаточно спокойно, ответил:

— Брось-ка эту ерунду! Нам надо поговорить...

В ту же минуту трансильванец затрясся в новом приступе кашля. Каиният он глухо, упираясь подбородком в грудь, сутулясь, сотрясаясь всем телом. Увидев эту картину в зеркало, Уля Мнхай вдруг понял, что его минута пришла. Молниеносно смахнул он локтем лампу с комода, с силой толкнул Катюшку на рыжего и в один прыжок очутился у задней двери. Дверь оказалась незапертой. Рывком распахнув ее, Уля бросился в темноту и выскочил по лестнице на двор в тот самый миг, когда над его юловой рассыпалась сухой трелью автоматная очередь. Преследователи вынуждены были стрелять паухад, вслепую. Шальная нуля задела плечо Ули Мнхая, когда до обрыва оставалось не больше двух метров.

«Задели всё-лаки сучьи дети», — подумал разведчик, скатываясь вниз по сгону обрыва.

Достигнув дна глубокого оврага, он поднялся на ноги и побежал, но, убедившись, что за ним никто не гонится, остановился и ехал выбираться наверх.

Мокрая земля тяжелыми комьями липла к ботинкам. Идти было трудно. Плечо болело, и Уля Ммхад с трудом преодолевал головокружение. Он боялся, что свалится, прежде чем доберется до штаба. Однако огромным усилием волн он заставил себя двигаться и благополучно добрался до центра деревни, где в одном из домиков располагался Второй отдел штаба дивизии.

Он ввалился в кабинет капитана Георгиу грязный, мокрый, окровавленный.

— Что с вами? Вы рапены?

— Господин капитан, подробности потом, а сейчас срочно вызывайте командира полицейской роты.

Лицо капитана Георгиу залила краска возмущения.
— Я сам решу, кого и когда вызывать после того, как вы объясните мне, что произошло.

Разъяренный Уля Михай еле сдержал свое возмущение. «Черт бы юбрал этого самодура», — выругался он про себя. И йотом проговорил сквозь зубы:

— Господин капитан, я не хотел никому ничего прикидывать» Просто необходимо выиграть время. Боюсь, что, пока я буду нам обо всем рассказывать, мы потеряем возможность принять необходимые меры.

Эти слова несколько отрезвили самовлюбленного капитана Георгиу. Он послал за лейтенантом Тымплару, позвонил врачу и потом снова обратился к Уле:

— Ну теперь-то, я думаю, вы введете меня в курс дела?

— Господин капитан, у меня было любовное приключение, которое могло очень плохо КОНЧИТЬСЯ, Я не могу сейчас рассказывать подробно. Необходимо перекрыть все пути, вед>идне из деревни. Никто не должен ни входить, ни выходить из деревни. Надо осмотреть все дома. Мп должны разыскать двух мужчин и одну женщину, приметы которых я онпшу лейтенанту Тымплару. Хотя вполне вероятно, что они уже нокпнули деревню, надо б^дет попытаться их разыскать.

Капитан Георгиу, который снова помрачнел, пробормотал:

— Ладно, ладно. Я прикажу Тымплару. Я думаю, вы не стали бы настаивать на таких мерах, если бы дело шло о нустяках.

Лишь после ухода лейтенанта Тымплару и врача, который переписал Уле рану, он смог спокойно рассказать начальнику Второго отдела обо всем, что с ним случилось.

— Значит, вы считаете, что вас заманили в ату ловушку для того, чтобы убить? — спросил Георгиу, въслушав его рассказ.

— Трудно предположить другое.

— Так почему же они сразу этого не сделали?

— Этот вопрос я и сам задавал себе. Ответить на него можно по-разному. Первое, самое простое, объяснение состоит в том, что они просто не успели, не нашли подходящего момента. Мне кажется, что мое поведение сбilo их с толку. Они ведь большие мастера составлять точные

планы, но стоит чему-нибудь нарушить их замыслы, как они торяют нить, не умея быстро примениться к обстоятельствам. Идиотская болтовня солдату который совершенно не понимает опасности, грозящей ему, и неё время держит около себя их соучастницу, могла на несколько минут вывести фашистских агентов из состояния равновесия. Другой вариант сложнее и, может быть поэтому, менее вероятен. Вполне возможно, что, прежде чем от-править меня на тот <*нет, они собирались вырвать у меня кое-какие сведения. Но я еще в этом не з'верен.

-- Зато я уверен в одном, — заметил капитан Георгиу. — Баню настоящее лицо уже известно Лбперу, п его агенты решили убрать вас.

— Вероятно, такой вы код можно сделать пз всего происшедшего .. И всё-таки...

— Что всё-таки?..

— Л разве ие подумали бы агенты Абвера о том, что они могут таким образом е%мн себя разоблачить?

— Необязательно, если бы им удалось осуществить свой замысел.

— Вы имеете в виду то обстоятельство, что исчезновение одного солдата никто не стал бы приписывать гитлеровским агентам?

— Совершенно верно!

— Конечно, я был бы ие единственным солдатом, пропавшим без геети. Такое случалось не раз. Одни удирали к врагу, другие пытались вернуться домой, третьи...

— Третьих отправляли на тот свет хорхистьт.

— Было и такое. Но так как я не тот, за кого себя выдаю, то вы бы не поверили ни одной из этих трех причин моего исчезновения.

— Нет, конечно!—вынужден был согласиться капитан Георгиу.

— Вот видите. Одно из двух: или гитлеровская разведка знает обо мне — и в таком случае у нее не было никакого резона ликвидировать меня таким образом, чтобы вызвать тревогу Второго отдела, — либо они совершенно ие знают, кто я такой.

— Тогда как же вы объясните всю эту псториш?

— Бог эту-то я пока еще и не могу объяснить.

До рассвета люди, посланные лейтенантом Тымплару, производили обыски по всей деревне. Б каждом доме пе-

рsverпули лее от погреба до чердака. Однако Катушка п ее сообщники словно сквозь землю провалились.

И меньше всех был этим удивлен и огорчен сам Уля Михай.

НОЧЬ *инштпн* \тп

Незаметно подкралась темнота. Закапчивался уже третий день пребывания Ули Мпхая в санчасти штаба дивизии. Старшина Паиделеску Мишу, санитар и писарь санитарной службы дивизии, называя это важно «госпитализацией». Но от пышных слов Уло не становилось легче. Он смертельно скучал.

Однако, ъак пи тоскливо было одиночество, У ля, спасаясь от необходимости поддерживать беседу со старшиной Паиделеску, всё время притворялся спящим. Старшина же, но теряя надежды увидеть Уло бодрствующим, каждые пять минут просовывал голову в дверь.

Внимание старшины Паиделеску к Уле Михаю было беспредельным и совершенно выводило из себя капрала. Уля никак не мог понять душевного состояния Паиделеску, которому не так уж часто выпадал случаи ухаживать за больными. «Госпитализация» Ули возбудила всю его неукротимую энергию, не находившую выхода в скромной деятельности писаря санитарной службы дивизии. Да и то сказать, никто бы не посмел назвать Уло Мпхая обычным больным. С тех пор как его поместили в санитарную часть, сюда началось настоящее паломничество.

Шифровальщики, писари, даже кое-кто из офицеров являлись к нему, горя желанием разузнать все подробности ночного приключения. И Уля, снисходя к столь распространенной человеческой слабости, как любопытство, старался удовлетворить его. Каждый раз, излагая официальную версию события, то есть рассказывая о том, как он чуть было не стал жертвой некоего венгерского Отелло, Уля присочинял что пибудь новое, так что в конце концов, если бы ему вздумалось записать на бумаге последний вариант, он неожиданно для себя самого убедился бы, что сочинил неплохую приключенческую новеллу.

Единственным посетителем из всех, кто пожелал его видеть, но не задал ни одного вопроса, был Барбу Василс.

Оп хотел только знать, как чувствует себя капрал. Но эта скромная молчаливость не удивила Улю, который давно уже постиг недоверчивую, отравленную скептицизмом натуру Барбу Баспле.

Зато санитар Паттделеску Мишу был полной его противоположностью. Несмотря па то что отг уже выслушал несколько вариантов рассказа Ули Михая и знал их наизусть, приключения Ули но-нрежнему увлекали и волновали его. Поначалу необыкновенная жажда сенсаций, проявленная санитаром Панделеску, забавляла Улю. Он даже придумал для Мишу особую версию своих ночных приключении,до того невероятную и запутанною,что всякий другой человек, менее доверчивый и не склонный к безудержным фантазиям, сразу бы понял, что всё это выдумки. Но старшина Панделеску любил всё необыкновенное, и его нетрудно было убедить в том, что именно эта нерсия больше других соответствует действительности. Надо ли говорить, как горд оп был довернем, которое оказал ему бесстрашный больной,

Но в конце концов эта шра с доверчивым санитаром стала надоедать Уле и, чтобы избавиться от нею, он взял себе за правило притворяться спящим, как только слышал, что Мигну приближается к двери. #

Так он сделал и на этот раз. Лежа па смлпо, натяну» до самого подбородка одеяло, подшитое простыней — доказательство особого уважения, которым он пользовался в глазах санитара Панделеску, — Уля прислушивался к шуму дождя. Дождь шел с утра — мороемпп, непрерывный. Бремя от времени порывистый ветl р ударят в ькпо мелкой водяной дробью, сотрясая рамы,

Уля лежал бездумно, прислушиваясь к шуму дождя п безуспешно стараясь заснуй,. Бот уже тр*т дня не вставал оп с постели, и это вынужденное бе челне вызывало у него бессонницу. Стало совсем темно... Б монотонном шуме дождя, сначала *иоясные*, а потом всё более отчетливые, слоьмо очищенные от ныли, вставали одно за другим воспоминания о хом, что было пережито им за прошедшие годы.

...Как и сейчас, шел дождь. Только то«да была теплая августовская ночь.

Его разбудил нерезво»! колоколов... Били сразу во все колокола города, точно в пасхальную ночь.

Он снова заснул и увидел дом своих родителей

Стол уставлен всякими вкусными вещами, которые ждут своего часа. Тут и крашеные яйца, и кулич, и пасха, и пирог с яблоками, и вино. Никогда еще не видел он такой вкусной еды у них дома, а как щекочет в посу от сладкого запаха куличей! Ох, как он был голоден и как ХОТЯЛОСЬ ему добраться до всех птиц лакомств на столе! Но он и близко не мог подойти, чтобы не рассердить мать, которая заставляла его перед этим вечером поститься целую неделю и кормила только постной фасолью, сваренной в воде без единой капельки масла...

Л колокола бьют всё громче и громче... Их звон становится невыносимым, и... У ли просыпается. Просыпаете» — и опять слышит звон колоколов. Значит, это было не во сне, значит, колокола били в самом деле. Он приподнял л олову с подушки и увидел своих родителей, которые замерли у открытого окна, прислушиваясь к перезвону колоколов. Мать, уткнувшись головой в плечо отца, тихонько плакала.

Идите, отважные яшштыки родшы,
Идите, священный день настал...—

ноли на улице солдаты. Пронзительный крик паровоза, донесшийся со стороны вокзала, па миг заглушил и звон колоколов и слова песни.

Потом он услышал, как отец вырвался с горечью:

— Сволочи! Будут теперь геройствовать!

Он зло плюнул на улицу, потом шумно закрыл окно, чуть не полома» при этом раму.

— Что случилось, мама? — спросил маленький Махай сквозь слезы.

Мать подбежала к нему, прижала к себе и проговорила всхлипывая:

— Что же мы теперь будем делать, Пуую? Война!.. Уйдет наш нанка, одни останемся... Горе нам!..

— Л что ото такое война, мамочка? Это вроде дракона?

Отец подошел к кровати с другой стороны. Глядя его по голове, сказал:

— Это хуже дракона, сынок. Когда будешь болы пол, ты поймешь. А теперь попробуй поспать, Пууют!

Он крепко обхватил отца за шею п горячо зашептал ему в ухо:

— Папочка, не уезжай. Как же ты будешь бороться с этим драконом, если он хуже того, с которым боролся боппырь'фыт-Фрумос? ¹

— Придется мне ехать, сынок!

— Ты возьмешь с собой булаву?

— Возьму обязательно!

— И палаш?

— И палаш.

-- А где ты возьмешь волшебного коня?

-- Мне его одолжит Фыт-Фрумос.

— А далеко находится этот дракон Война?

— Далеко, сынок.

— Далеко-далеко?

— Далеко!

— Там, где горы бьются вершипамн?

— Ну, не так уж далеко.

— Тогда ты не удержишься там долго?

— Нет, сыток! Я думаю, что скоро вернись.

— Не плачь, мамочка!.. Папка скоро вернется.

Мать рыдала... Отец с трудом сдерживался, стараясь не заплакать.

На следующий день отец уезжал. Мать взяла Михая на вокзал.

Только там он начал смутно догадываться, что война—ото что-то другое, не похожее на дракона с двенадцатью головами.

Санитар Палделеску Мишу снова просунул голову в двери.

— Спите? — робко спросил он и, не получив ответа, со вздохом удалился.

Уля Михай мысленно выругал его, раздосадованный тем, что ему пришлось вернуться в эту палату из своего прошлого. Он улегся поудобнее, пытаясь снопа поймать порванную пять.

«Эхо ночь воспоминаний,—сказал он себе с грустью. — Странно! Я уже так давно не вспоминал о своем детстве».

Он прикрыл веки, и тотчас образ отца, словно отпечатанный на сетчатке глаза, возник перед ним. Неболь-

¹ Фыт-Фрумбе — *юиыИ* богашрь в румынских народных сказках.

того роста, широкоплечий, с черными пронзительным, глазами и высоким лбом, изборожденным морщинами, с загорелым от солнца и обветренным лицом. Он увидел его таким, каким знал всегда: летом — в парусиновом, выгоревшем на солнце костюме, зимой — в старой облупленной кожаной куртке; и летом и зимой в одной и той же клеенчатой шапке.

Марина*:© — его отец — Сработал шкипером на барже «Лазурь». Это было старое, ветхое суденышко, которое давным-давно надо было бы отправить на свалку, если бы хозяин Лхнлаке Иорюнол, крупнейший судовладелец и торговец зерном, решил бы на это. Но он был того мнения, что баржа /должна плавать, пока не погибнет сама собой, то есть до тех пор, пока она не развалится на куски и не пойдет ко дну вместе с грузом. Такой конец баржи вполне бы устроил господина Лхнлаке Иоргопола потому, что всякий раз, когда «Лазурь» отправлялась в очередной рейс, он заботливо страховал ее вместе с грузом на сумму, коей рая намного больше повышала их настоящую стоимость.

Шкипер Марипаке был на натуре человеком добродушным и незлобным. Даже члнучный его бас рокотал всегда прчплетливо и казался теплым и ласковым. Только тогда, когда он сердился, — а ;то случалось довольно редко, — его глаза грозно сверили, а в голосе звучали металлические, суровые нотки.

Уля Михай так* ясно, так отчетливо вспомнил его, что пепельно вздохнул: «Как быстро прошли годы!»* Необъяснимая грусть теплой волной поднялась в нем, и он вдруг почувствовал себя постаревшим.

Он попробовал думать о чем-нибудь другом, но ему это не удалось. Решительно, эта ночь была ночью воспоминаний.

Образ отца словно бы стушевался, отошел в сторону. Зато будто наяву он увидел свою мать — маленького роста, беленькую, очень красивую женщину. Но всем предместье не было другой такой красавицы! Обычно женщины завидуют друг другу и испытывают настоящее удовольствие, если им удастся посплетничать и пройтись насчет своей соседки. И в их предместье сплетни, завнеп и ругань были в почете. Если две женщины стояли и су

дачилк, можно было не сомневаться, что они перомывают косточки третьей» Но — небывалый случай — Марию, жену Марины, они щадили. Ее кроткий, добродушный характер словно защищал ее от злых языков кумушек.

— Мария у нас настоящая барыня! — говорили они между собой без тени зависти.

Находились даже такие, которые жалели Марию, убежденные, что при ее-то хрупкой красоте ей надо было в мужья не простого шкипера, а человека, который в жизни добился кое-чего получше. Но, вопреки этим пересудам кумушек предместья, Мария была счастлива. Она вышла за муж по любви, и время нисколько не поколебало ее счастья.

Часто, когда отец отправлялся в илавание по Дупаю, он брал Михая с собой. Это был для мальчика настоящий праздник. И никогда отец не казался ему более сильным и могучим, чем там, па реке. Когда Мариною выбирал швартовый трос или стоял у штурвала, мальчик смотрел на отца с восхищением.

Потом, когда они уже выходили на простор реки и было меньше работы, отец подзывал его к себе и заводил разговор о судах и морях, о морях, рыбах и разных перелетных пгидах. Уля слушал отца, наморщив лоб от напряжения, дивясь всему услышанному.

Однажды во время такой счастливой поездки отец, разговаривая с ним, вдруг прижал его крепко к груди и сказал тихо, да таким голосом, какого он никогда еще не слышал:

— Пуюц, ты должен осуществить мои давно погибшие мечты.. Ты, мальчик, будешь учаться и И хоть трудно нам, еле концы с концами сводим, но я в лонешку разобьюсь, чтобы ты смог стать капитаном дальнего плавания.

— Л что это такое, пана, «капитан дальнего плавания»?

— Вот я сейчас тебе объясню, Пуюц! Ты знаешь, что существуют разные суда: одни 'маленькие, другие большие, а третьи еще больше. Отсюда, от нас до Турну Северин и даже дальше, до Вены, скажем, могут ходить но очень большие суда. До Вены, до Братиславы идешь только по Дунаю, А Дунай — старая и спокойная река. Ну а для того, чтобы пересекать моря и океаны, нужны большие суда, с спльиыми машинами и очень быстрые.

Бот эти суда, которые перевозят товары и пассажиров очень далеко, называются судами дальнего плавания, а тот, кто на судие самый старшин и которому подчиняется весь экипаж, называется капитаном дальнего плавания.

— И ты хочешь, пана, чтобы я стал капитаном дальнего плавания?

— Хочу, Пуюц! Только это не легкое дело. Для этого ты должен много учиться. Чтобы ты мог ходить в школу, мало иметь хорошую голову и желание учиться, нужны еще деньги. Много денег. Л их у меня нет. Но если ты захочешь учиться и не осрамишь меня, я сделаю всё, чтобы ты смог учиться в тех школах, где нужно будет.

— Не беспокойся, папочка! Я тебя не осрамлю.

Однако отец так и не успел увидеть его учеником. Началась война. Отца взяли в армию, и скоро стало известно о том, что он пропал без вести где-то у Туртукая.

Тяжелые дни начались тогда для них. Из двадцати четырех часов в сутки у матери оставалось для отдыха едва лишь несколько часов. За куском хлеба, за бараньей головой ИЛИ коровьей требухой она стояла в очереди с иолуночи до обеда. Да еще надо было успеть заработать па эту жалкую еду. Ее хрупкий, падорванный организм не мог вынести такого напряжения. Через шесть месяцев трудной, нечеловеческой борьбы за существование она навсегда закрыла глаза. Михая взяли к себе какие-то дальние родственники со стороны матери. Пока шла война, они держали его у себя. Потом, разузнав, что в Фокшатах есть приют для сирот войны, постарались пристроить Улю туда, чтобы избавиться от лишней обузы.

Годы, проведенные в приюте, были самыми тяжелыми, самыми отвратительными в его жизни.

Перед его глазами встал огромный угрюмый дом, построенный в форме подковы, длинные темные коридоры, гулкие холодные спальни. Вспомнились вечно голодные, нечистые дети; всегда злой господин директор с торчащими в стороны усами и тугим животом, выпяченным вперед. ГОСПОДИН директор не расставался с ореховым прутом, которым он бил всякого, кто подворачивался под руку, бил по лицу, по голове, по спине, по рукам, не глядя, куда бьет, и не думая, за что бьет. Милан вспомнил учительницу, старую деву лет тридцати, неизлечимую истеричку, место которой было в доме умалишенных, а не возле детей-сирот; кухарку — бабу громадных раз-

меров, всегда немного пьяную и во хмелю особенно ласковую с мальчиками постарше...

Каждый раз, вспоминая эти страшные, уродливые фигуры, Уля спрашивал себя: «Да полно, были ли они на самом деле или, может, всё это плод воображения?..» Н сам же отвечал: «Были!» Они жили в его памяти вместе с той ненавистью, которую он пронес через всю свою жизнь. Она ненависть возникла в нем тогда, когда он был еще совсем маленьким. Она жила в нем и сейчас, н ему казалось, что чем старею он становится, чем дальше в прошлое уходит тот холодный, огромный дом, мрачные, отталкивающие морды господ учителей, тем яростней, непримиримей его ненависть. Но особенно острым было это чувство, бчнда он думал о госложе воспитательнице. Она никого не била прутом, как это делал господи и директор. У нее были свои, более утонченные методы наказания, которым ока подвергала воспитанников за их мальчишеские шалости и невинные проделки. Она ставила их коленями на ореховую скорлупу. Заставляла смотреть нярлю на солнце, пока у провинившегося но темнело в глазах и он не падал без чувств. Она выбирала двух мальчиков — одного посильнее, другою послабее, — вынуждала их драться и наслаждалась зрелищем избиения слабого... Она приказывала им кланяться в пол до тех пор, пока они не начинали орать от страшной боли в пояснице... 11 при всяком таком наказании воспитанники должны были кричать во весь голос: «Я грешник, гослюди! Накажи меня, господи!»

Но не только за неистощимость садистской фантазии так ненавидел се Уля Михай. Он ненавидел ее за то, что своей жестокостью превосходило все наказания, избретенные ее больным воображением, — за то, что она сумела внушить им страх перед, собственной тенью.

Каждый вечер госпожа воспитательница приходила к иим в спальню и, убедившись, что се маленькие жертвы лежат но своим кроватям, закутавшись в тощие одеяла, начинала рассказывать. Героями ее рассказов неизменно были страшные привидения, призраки, вурдалаки, отвратительные чудовища. Оказывается, она своими глазами видела, как покойники играли в прятки под кроватями спящих детей, как рука скелета схватила зади мальчика, собравшегося выйти ночью из спальни по своей нужде. Мало того, она видела не раз, как призраки бродили но

пустынным, еле освещенным коридорам огромного дома.

Обессиленные, расслабленные страхом, ребяташки, дрожа под одеялами, с ужасом слушали свою добрую воспитательницу, а когда она, довольная собой, уходила, всю ночь корчились от кошмаров, мучивших их во сне. Одни плакали, другие кричали, третьи молча лежали, ожидая близкую смерть. От страха никто не решался выйти ночью из спальни. Они мочились в кроватях. Матрацы гнили и издавали страшное зловоние, но ни угрозы, ни побои директора и надзирателей не могли заставить детей встать ночью и выйти в коридор. Страх перед чудовищами и призраками был сильнее страха перед розгами и прутами господина директора или другими наказаниями госпожи воспитательницы.

Страх доводился до голода. Голод не оставлял их никогда. Большая часть и без того ничтожных сумм, ассигнованных на содержание сирот, попадала в карман господина директора. Что касается одежды, то воспитанников сиротского приюта одевали так, что их частенько принимали за бездомных бродяжек и нищих.

Располагался приют на окраине города. Прямо за ним начинались огороды, кукурузные поля. словно голодная стая отправлялись воспитанники приюта на добычу. Воровали икотки кукурузы, выкапывали картофель, опустошали огороды. Люди отбивались от них палками, камнями, как от бездомных собак. сторожа угощали зарядом дробин и соли. Тому из приютских, кто попадался в их руки, нечего было ждать пощады. Его избивали до полусмерти. Но голод был сильнее страха. Голод заставлял пренебрегать опасностью.

Шесть лет прожил Уля в этом аду. Шесть самых ужасных, самых страшных лет. Годы эти оставили в его душе глубокую, никогда не заживающую рану, которая кровоточила каждый раз, когда он вспоминал о них.

Но был всё-таки и на этом безысходно мрачном фоне один светлый образ — госпожи Грыждару. Она была его учительницей бессменно с первого до последнего класса начальной школы. Это, кажется, был единственный человек, который не бил, не наказывал детей. Она как могла старалась заменить им мать, и не было предела их нежной любви к этой женщине, которую боготворили даже самые тупые и озлобленные воспитанники.

В тот день, когда Уля должен был покинуть приют, прощаясь с ним, госпожа Грыждару сказала:

— Бог дал тебе такую голову, которой многие могли бы позавидовать. Мне было бы жаль, очень жаль, если бы ты не смог учиться дальше. Я знаю, как это трудно сироте. Но ты говорил, что у тебя есть какие-то родственники. Я дам тебе письмо к ним. Я попрошу их записать тебя в одну из тех школ, где дают стипендию. Я уверена, что с твоей подготовкой ты пройдешь по конкурсу.

Прощаясь, она со слезами обняла его.

Михай вернулся в родной город. Родственники приняли его не очень-то дружелюбно. Они почти забыли о его существовании и с недоумением прочли письмо доброй учительницы. Учиться? На что ему это? Сами они едва умели читать и писать, но, слава богу, па жпзпь им жаловаться не приходится. Чем ходить пищим оборванцем, лучше попробовать пробить себе дорогу в торговле. Конечно, па первых норах придется послужить в мальчиках у какого-нибудь бакалейщика. Все известные богатеи города начинали с этого.

Молча, с трудом подавляя слезы, слушал он их насаавлецпя. Родственники— дядюшка и тетюшка — чем-то напоминали ему господина директора и госпожу воспитательницу пз сиротского приюта. Ведь это они отправили его туда, а теперь хотят сделать из пего мальчика на побегушках, да еще требуют благодарности за все спои безмерные благодеяния.

Улучив подходящую минуту, Уля незаметно выбрался из дому и пошел знакомой дорогой в порт. Он снова увидел его через шесть лот горькой разлуки. Машинально поискал мальчик глазами знакомые очертания баржи «Лазурь». Но на том мрете, где она всегда стояла на якоре, он увидел другое судно. Шкипер, старик с усами старого солдата, еле узнал его.

Старик рассказал, что «Лазурь» потонула. Услышав об этом, Уля не выдержал и разревелся. Нет, он плакал не потому, что ему жаль было старую баржу, просто се гибель напомнила ему отца, которого так и по пришлось больше увидеть.

Тронутый слезами мальчика, старый шкипер приласкал его и заодно отругал за то, что он, па вид совсем взрослый парень, «распустил нюни, как баба».

Но мягкий и ласковый голос старого шкипера, врикос-

повеппе его шершавой, мозолистой ладони еще больш» взволновали мальчика, и он разрыдался горько, безудержно, по-детски... В первый раз за много времени кто-то обнял его ласково, говорил с ним с добрым участием. Как тосковал он все эти годы на ласке, по доброму слову! Обхватив руками шею старого шкипера, он плакал, изливая в слезах всю недетскую боль, накопившуюся в сердце за эти годы. Когда слезы иссякли, он рассказал старику многое из того, что пережил в сиротском приюте. Шкипер слушал его молча, не прерывая, и только изредка покачивал головой.

— Так ты говоришь, что не хочешь идти в услужение к какому-нибудь лавочнику? — спросил старик.

— Нет, дедушка, не хочу, и к этим... своим... по хочу больше возвращаться.

Она снова расплакался и опять прижался к старику.

— Ладно, ладно, успокойся, парень. Что за дьявольщина, и мне словно что-то в глаз попало... Значит, возвращаться ты не хочешь?.. Давай подумаем, что же будет, если ты не вернешься. Я, парень, хорошо знал твоего отца. Он был порядочный человек. Не много здесь плавает таких шкиперов, как он... Мм-да! Вот что я думаю. Пока поживешь у меня. Старуха моя будет только рада. А кусок хлеба и миска борща всегда найдутся. Это пока. Потом посмотрим, что делать дальше.

Так случилось, что Уля остался жить в доме старого шкипера. Утром он выходил из дому вместе со стариком. В порту болталось немало таких парней, как он. Одни просто бездельничали и грелись на солнышке, другие искали возможности заработать хоть несколько лей. К этим последним присоединился и Михай. Начал он с того, что подносил чемоданы пассажирам с пароходов, приходивших в порт. Кое-какой заработок это давало, и он был рад, когда мог положить в руку тетя Софики, жены шкипера, несколько лей. Но зарабатывать становилось всё трудней и трудней, и постепенно, следуя примеру других парней, он начал торговать контрабандными папиросами, продавать краденый уголь, играть в азартные игры. Его мало заботило то, как он зарабатывал деньги. Они были пужны ему, чтобы как-то поддержать бедных старпков, приютивших его, да и сам он неё больше нуждался в деньгах на папиросы, на стопку слиповки или кружку пива. Со всем этим он уже познакомился в том возрасте,

когда другие подростки еще только пускают бумажных змеев или собирают марки.

Однажды имеете с другими такими же, как он, молодыми искателями счастья Уля уехал в Бухарест. Каких только профессий не перепробовал он в этом огромном, шумном городе, которому не было до него никакого дела! Чистильщик сапог и разносчик, торговавший бусами, сделанными из теста и раскрашенными во все цвета радуги, посыльный в гостинице, уличный газетчик, — не было, пожалуй, профессии, которой бы он не попробовал в поисках своей судьбы.

Но судьба упорно не давалась Уле Б. руки, и это в конце концов озадачило юношу. Всё чаще стал он задумываться над своей жизнью, в которой не было ничего привлекательного. Правда, он любил книги и читал без разбора всё, что попадалось ему в руки, но это никак не меняло дела. Жизнь его ничего не стоила, да и сам он немного стоил.

В пору этих юрких раздумий он как-то и встретил на улице госпожу Грыждару, свою бывшую учительницу в сиротском приюте, и не таясь рассказал ей обо всех своих злоключениях.

Добрая женщина и на этот раз решила помочь Уле Мпхаю. При участии своего мужа, только что назначенного профессором университета, она устроила Улю на службу в архив какого-то министерства и записала его учеником-экстерном в один из лицеев.

Ого был тот толчок, в котором, видимо, нуждается каждый молодой человек, остановившийся на перепутье. Почувствовав опору под ногами, Уля с остервенением, не щадя себя, начал заниматься. Работая днем и ночью, он, спустя четыре года, сдал экзамены и, получив аттестат зрелости, поступил на юридический факультет университета.

В те годы университет в Бухаресте был похож на кипящий котел. Реакционеры, всё больше забиравшие власть в стране, всеми средствами старались привлечь на свою сторону массу студенчества. Ненавидя фашизм с его философией убийства и насилия, Уля незаметно для самого себя оказался по другую сторону баррикад. Не будучи еще активным участником борьбы, он был уже с теми, кто восставал против фашизации университета. И не видеть бы ему как своих ушей государственной стипендии для продолжения образования за границей, если

би единственный профессор, поддерживавший его кандидатуру, однажды ночью не стал министром.

...И вот Уля в Париже, в этом чудо-городе, который, увидев раз, нельзя забыть никогда.

13 юноше жила такая неутомимая жажда всё увидеть и познать, что день казался ему ничтожно коротким. Он посещал курсы, где читали лекции прославленные ученые, бродил по музеям, долгими часами просиживал в библиотеках — стал постоянным посетителем букинистов, расположившихся на берегу Сены.

Но уже стучала в дверь новая война. Гитлер, словно обезумев, в длинных, напыщенных речах вопил о жизненном пространстве, которое необходимо немецкому народу, «задышающемуся» в границах, навязанных ему Версальским договором.

Вскоре после того как шглсроекпе тапки ворвались в Польшу, румынское посольство потребовало, чтобы Уля Михай вернулся на родину. Он огазался: нетрудно было догадаться, на чьей стороне в начавшейся войне окажется фашистская Румыния.

Немедленным следствием его отказа вернуться в Румынию было лишение стипендии. Однако потеря стипендии не испугала Улю Мпхая. Очень скоро он получил предложение занять место репетитора в одном из французских провинциальных городков, в семье чиновника таможни, сыну которого он должен был преподавать алгебру и тригонометрию. Конечно, он и в Париже смог бы найти средства к существованию и не ехать в городок на 1рашшу с Бельгией, но решающим оказалось знакомство с этим таможенником.

Делегорг — так звали чиновника таможни — был большим оригиналом и знатоком своего дела. Благодаря его проницательности, чутью и смелости немало торговцев контрабандным табаком угодило за решетку. Немало было И таких, что, боясь Делегорга, бросило свою небезопасную профессию.

Однажды Делегоргу пришла фантазия поручить Уле наблюдение за одним из тех ловкачей, которых ему самому никак не удавалось поймать с поличным. Уля так хорошо справился со своей задачей, что Делегорг предложил ему взять на себя еще несколько нодобных же операций, а так как они заняли всё время Ули Михая, чиновник нанял для своего сына другого репетитора.

Так, благодаря Делсгоргу, Уле довелось испытать все радости и огорчения не лишенной риска и опасностей профессии охотника за контрабандистами.

... Во дворе протяжно завывала собака хозяина, в дом которого разместились санчасть штаба дивизии. Дождь усилился и так барабанил по крыше, словно кто-то сверху, непрерывно сыпал на нее тяжелую дробь. По шоссе снова потянулись армейские обозы. Дробный перестук дождевых нацель, грохот обозных колес, вон собаки сливались вместе в один тягучий, удручающий своим однообразием шум.

«Так выла собака и в ту ночь!» — напомнил себе Уля, раздавив окурок папиросы в самодельной пепельнице — пустой коробке из-под ваксы.

Он поднялся с кровати, пододвинул стул к окну. За окном стояла крошечная тьма. Слышен был только шум дождя, потоками стекавшей с крыши, и грохот проезжавших мимо подвод. Изредка в непроглядной ночной тьме вспыхивал огонек папиросы одного из возниц и, словно сверчок, проплывал в воздухе — там, далеко, над шоссе.

Собака по-прежнему выла в темноте, несмотря на сердитый окрик заспанного хозяина, но поленившегося выйти на крыльцо, чтобы выругать пса.

«Да, вот так же выла собака и в ту ночь», — повторял про себя Уля, подавляя невольный вздох.

«Боши!.. Боши!.. Идут боши!..» И сейчас этот пронзительный крик стоит в его ушах. Услышав это слово, люди покидали свои очаги, бросали нажитое добро и бежали по всем дорогам, бежали, словно на них надвигалась чума. Ехали на велосипедах, в повозках, в фаэтонах, в роскошных лимузинах и на потрепанных грузовиках, шли пешком, толкая перед собой детские коляски или тачки, в которых сложено было всё, что казалось самым ценным. Но как ни спешили беженцы, гитлеровцы догоняли их. Голос пушек слышен был за спиной бегущих людей — близко, еще ближе, еще... И потом приходила смерть и косила их.

Серебристые птицы с крестами на крыльях появились в голубом небе Франции и начали сеять огонь, раесгигать ковры бомб, полотнища пулеметных очередей!.. Обезумев от страха перед смертью, люди покидали дороги и рассыпались по полям, надеясь хоть здесь спасти свою

жизнь. Но гитлеровские летчики, па бреющем полете проносясь над самыми вершинами деревьев, скашивали пулеметными очередями всех без разбора: мужчин, женщин, стариков и старух, детей, особенно много детей. Когда иссякал груз бомб, когда пустели пулеметные ленты, они улетали, чтобы пополнить запасы, и снова возвращались сеять смерть па всех шоссе и проселочных дорогах, по которым бежали люди Франции.

Когда началась массовая эвакуация, Уля Мпхай бежал вместе со всеми. Он запихал свои вещи в рюкзак, сел на велосипед и отправился к югу. Он оказался п зрителем и участником великой трагедии, пережитой тысячами беженцев. Осколок немецкого снаряда перебил ему ключицу. Несколько недель провалялся он в госпитале вблизи Парижа. Когда его выписали, город уже давно быт занят гитлеровцами.

С первых шагов но улицам оккупированного Парижа он понял, нто разгром и капитуляция армии не означали капитуляции французов. Он прочел это на суровых лицах прохожих, в их глазах, которые загорались ненавистью при одном виде фашистской военной формы. Париж был теперь городом скорби п печали. Люди перестали улыбаться. Изможденные лица свидетельствовали о лишениях, которые начинали испытывать парижане.

Блуждая но большим бульварам и наблюдая за тем, что происходит вокруг, Уля чувствовал, как отчаяние постепенно уступает место в его сердце трогательной, волнующей радости.

За несколько недель, проведенных на госпитальной койке, Уля пережил крушение своей веры, своей любви. МожС ли кто-нибудь, узнав Францию, не полюбить ее всем сердцем? Оп тоже полюбил ее страстно. Разгром этой страны ошеломил его. Франция постыдно капитулировала перед врагом, почти не оказав сопротивления. Ее падение вызвало в нем чувства, похожие на муки влюбленного, узнавшего вдруг, что женщина, которую он боготворит, всего-павсего продажная уличная тварь.

Но достаточно было ему пройти по улицам Парижа, чтобы понять, что Франция не обманула его. Он был счастлив. Он готов был расцеловать каждого встречного.

Почувствовав, что устал и проголодался, Уля зашел в один из ресторанов. В зале было почти пусто. Кельнер, додаз скудное меню, намекнул, что существует и дру-

ое более разнообразное, для тех, кому есть чем занла-*
тить. Деньги у него были. В пограничном городке, где он
жил, у него не было нужды особенно тратиться, да н к
тому же иронии немало времени с тех пор, как он по-
следний раз поел как следует. Уля заказал себе такой
обед, что хватило бы на двоих.

Когда он принялся за баранью котлету, за соседний
столик уселись два офицера из Люфтваффе и потребо-
вали шампанского. Кельнер любезно ответил им, что шам-
панского он, к сожалению, не может принести господам
офицерам, но если господа офицеры прикажут, он доста-
нет им хорошего вина.

Одни из летчиков, в чине майора, стукнул кулаком
по столу:

— Французская свинья, меня не интересует твое пар-
шивое вино. Я и мой приятель хотим пить шампанское.
Ведь у вас, французов, если и есть что-нибудь прилич-
ное, так это только шампанское.

— И хорошенькие женщины! — смеясь добавил дру-
гой.

Майор выпятил губы, выражая свое презрение, п про-
цедил сквозь зубы:

— Проститутки!

Вероятно из всех, кто находился в ресторане, один
Уля Михай знал немецкий язык. Только этим можно
объяснить то, что никто не возмущился гнусным оскорбле-
нием, нанесенным французским женщинам. Уля сжал
кулаки, почувствовав пспреодопплюю желание подняться
и разбить чванливую физиономию этого летчика.

Майор снова стукнул кулаком по столу:

— Иди скажи твоему хозяину, свинье, что если он не
даст нам шампанского, то завтра же его заберут, а эту
лавочку прикроют. Скажи ему еще, что мы заплатил!
сколько угодно. Ну, марш! Шевелись!

Через несколько минут кельнер вернулся с бутылкой
шампанского. Немцы усмехнулись и подставили бокалы.
Кельнер наполнил их, и офицеры выпшш шампанское,
причмокивая и пощелкивая языком от удовольствия.
В несколько минут бутылка была опустошена. Кельнер
принес другую. Офицеры начинали пьянеть. Особенно
быстро пьянел майор. С возбужденным толстым лицом,
без малейших признаков растительности, с прядью волос,
прилипшей к НЮНЮЛУ лбу, он походил иа мясника. Гром-

ко и хвастливо рассказывал он своему собеседнику, как ему удалось в одном бою сбить трех французских истребителей. Потом, став вдруг серьезным и торжественным, он предложил тост за фюрера.

Его приятель в чине капитана вскочил, шелкнул каблуками и, выбросив вперед руку, крикнул:

— Хайль Гитлер!

Майор повторил его жест:

— Хайль Гитлер!

Сидящие за столиками вздрогнули и еще ниже опустили головы, уставившись в свои тарелки.

От гнева майор пз красного стал багровым:

— Встать, свиньи! Кто смеет сидеть, когда произносят имя фюрера?! Всем встать и повторить за мной: «Хайль Гитлер!»

Сидящие за столиками наконец поняли, чего от них требуют. Многие побледнели, но никто не встал, за исключением одного старичка с седой бородкой, который еле поднялся, дрожа от ужаса.

Это было последней каплей. Уля выхватил пистолет и выстрелил по очереди в обоих гитлеровцев. Только увидев, как оба они свалились, он пришел в себя.

— Бегите, мсьё, бегите, пока не поздно!

Этот голос словно подтолкнул Улю. Он машинально сунул пистолет в карман и бросился к двери. Благополучно выбравшись на улицу, пересек бульвар и затерялся в толпе.

Бездумно шел он по улицам города, опустошенный, потрясенный тем, что так внезапно па него обрушилось, ворвалось в его жизнь... Было уже совсем поздно, когда он немного пришел в себя, начал замечать людей вокруг, улицы, фонари, машины... 11, едва опомнившись от потрясения, он вдруг почувствовал, что его преследуют. На один миг Улю охватил страх. Однако он быстро взял себя в руки: нетерпеливое желание убедиться в том, что его предположение верно, овладело им. Но как это сделать? Оглядываться назад нельзя.

Навстречу ему шла красивая женщина. Ага, красота женщины — достаточно веская причина для того, чтобы мужчина мог оглянуться и посмотреть ей вслед... Он повернул голову и, взглянув назад, понял, что не ошибся в своих подозрениях: шагах в двадцаш от него шел молодой человек, одетый в старенький, поношенный плащ.

Увидев, что его преследует лишь один человек, Уля успокоился.

«Если дело только в тебе, — подумал он, — то я с тобой легко разделаюсь. Но прежде не медля то бы выяснить, нет ли здесь еще кого-нибудь».

Свернув за угол, Уля остановился и стал ждать. Улила была лустыпия. Нашупав в кармане пистолет, он сжал в ладони его рукоятку.

Через несколько мгновений появился п молодой человек в плаще.

Уля решительно двинулся ему навстречу и сказал тоном опытного уличного забяки:

— Послушай, парень, мне не правится, когда за мной тащится еще кто-нибудь, кроме моей собственной тени. Ото действует мне на нервы. Ты, может, хочешь сказать мне что-нибудь? В таком случае валяй, говори!

Молодому человеку в плаще, которого он только сейчас мог как следует рассмотреть, было не больше два-*

дцати лет. Это был высокий, худощавый юноша, с голубыми, очень красивыми глазами.

Совершенно серьезно и невозмутимо осмотрев Улю с пог до головы, юно та заговорил:

— Черт тебя поberi! Смелости у тебя хватит на семерых, но ты ужасно неосторожен. Ты живешь здесь, поблизости? Я хочу с тобой поговорить.

— Ты что, пз ПОЛИЦИИ?

Голубоглазый, весело расхохотался:

— Ты бы уж спросил меня сразу — не из гестапо ли я.,, Не будь болваном. Если бы я был из полиции или пз гестапо, я бы арестовал тебя еще в ресторане, а не тащился бы сюда, па край земли.

— Как, ты был там?

— Конечно! После твоих выстрелов я немного растерялся. Сразу впдио, что у тебя нет опыта. Если бы я не крикнул, чтобы ты бежал, ты, наверное, так бы и стоял, любуясь на этих бошей и дожидаясь, пока тебя схватят.

— Не думаю!.. Во всяком случае, спасибо!

— Так идс же вы живете? — повторил юноша свои вопрос

— Трудно сказать. Пока нигде. Я только сегодня прибыл сюда, н, по причинам, хорошо вам известным, мне еще некогда было заняться квартирными делами. Так что, если вам очень хочется со мной поговорить, придется нам прогуляться. Вы будете говорить, а я вас слушать.

— Пу что ж, гулять так гулять! — не без некоторого колебания согласился голубоглазый.

Некоторое время они шли молча.

Потом молодой человек спросил:

— Интересно, вы отдаете себе отчет, какие последствия может иметь убийство двух бошей среди бела дня на глазах у почтенной публики?

— Догадываюсь! В конце концов они мепя накроют.

— Я не об этом.

— Л о чем же? Уж не собираетесь ли вы мне прочитывать мораль?

— В какой-то мерс — да. Вы должны знать, что бошп берут заложников и расстреливают десятки наших людей за каждого своего убитого солдата.

— Этого я не знал. Я же сказал вам, что всего несколько часов назад приехал в город.

Голубоглазым оста полился и взглянул на Улю о искреннем удивлением:

— Вы что, хотите сказать, что отправили на тот свет дв>х бошей в порыве возмущения?

— Л вы как думали?

— П то правда! Бы вели себя как новичок, да вдоба* вок еще ио-дураикн неосторожный новичок,..

-- Л чего бы вы хотелп? Чтобы я но желанию этих свянем кричал: «Хапль Гитлер»? Могу вас успокоить: если от меня еще раз потребуют этого, я поступлю точно так же.

— Бы. вероятно, воображаете, что, поступая столь благородно, служите делу Франции?

— Не знаю. Но я не считаю, что из страха перед ботами можно позволить делать им *неё*, что вздумается.

— Я не это имел в виду. Знаете, я начинаю убеждаться, что вы и в самом деле жили всё это время далеко от Парижа. Во-первых, вы должны зиаать, что Франция не погибла. Она живет и не прекращала своей борьбы ни па миг. Движение Сопротивления растет и усиливается с каждым днем. Я имею в виду настоящее, народное Сопротивление, Не знаю, осведомлены ли вы о том, что есть еще и другое сопротивление, которое предпочитает борьбу во фраке и в перчатках. Впрочем, оно и неудивительно, потому что в обычной своей жизни руководители этого сопротивления носят фрак и перчатки. Можете мне поверить, что не они отправляют на тот свет тех бошей, которых действительно необходимо убрать во имя Франции. Надеюсь, вам стало всё ясно, не так ли?

— Очень ясно! Я понял, что вы принадлежите к том, кто борется за Францию.

— В таком случае вот что я бы хотел добавить. Если вам негде сегодня переночевать, идите по адресу, который здесь указан. Это порядочная женщина, которая сдает меблированные комнаты. В гостиницу вам лучше не ходить. Ждите меня завтра до девяти часов. Если я по приду, значит... значит, я не должен вас больше видеть. Л теперь спокойной ночи и желаю удачи!

Он пожал Уле руку и быстро, не оглядываясь, ушел.

Так нашему герою довелось связаться с участником французского Сопротивления. Л вскоре он начал для них работать.

Свое первое задание Уля Михай выполнил успешно,

проявив немало смелости, фантазии и хладнокровия. Ему стали поручать всё более трудные и сложные дела.

Гестапо действовало эноргичпо. Благодаря широкой сети осведомителей им удалось арестовать многих активных участников Сопротивления. Тюремь были переполнены. Казни следовали одна за другой. Тысячи патриотов попали в гитлеровские концентрационные лагеря.

Уле было поручено изучить методы работы гестапо. Вынолшш это сложное задание, он сумел многих выручить из беды, предотвратить немало провалов.

Однажды, выслеживая агента гестапо, он случайно обнаружил засекреченный застеноч гестаповцев. Людей, попадавших сюда, пи кто никогда больше не видел. Они исчезали навсегда. Гитлеровцы, стараясь замести следы своих преступлений, всеми средствами скрывали особое назначение этого страшного дома, расположенного в тихом уголке Парижа.

Окруженный садами, дом казался соседям почтенной виллой богатых людей, нашедших здесь тихий приют и уешжоепис. Правда, соседям не доводилось видеть в лицо никого из обитателей «виллы», но ото, скорее всего потому, что владельцы дома никогда не выходили в город пешком, предпочитая пользоваться элегантньм черньм лимузином, и которм всегда были опущены занавески.

Улю этот лимузин очень заинтересовал, Известно, что если очень хочешь о чем-нибудь узнать и к тому же обладаешь достаточно развитой фатлазией и недюжинной смелостью, то в конце концов найдешь средство удовлетворить свое любопытство. Можно, например, устроить так, чтобы ло!гнула камера. И к досаде шофёра таинственного черного лимузина, с его машиной однажды произошел именно такой несчастный случай неподалеку от «виллы». И подумать только, что причиной этой неприятности были жалкие гвозди, рассыпанные каким-то ротозеем на дороге. Правда, некоторые из них торчали кверху острыми концами и... Впрочем, у незадачливого водителя сразу же нашлись помощники. Когда он вышел из машины, чтобы посмотреть, что стряслось с камерой и крышкой на колесе, проходивший мимо молодой человек любезно осведомился, не может ли он быть чем-нибудь полезен. Получив довольно недружелюбную отповедь, из которой следовало, что печего совать свой нос куда не следует,

псжливый прохожий пошел своей дорогой, загляну» ми-моходом Б открытую диерцу машины.

На другой день какой-то льяпыш тип в нищенских лохмотьях наверняка попал бы под колеса лимузина, если бы шофер» сохраняя присутствие духа, не затормозил в самый последний момент. И этот пьяница и бродяга, вместо того чтобы поблагодарить за то, что его не раздавили, начал еще ругать шофёра и господина, сидевшего и лимузине, последними словами. Всякому трезвому было бы ясно, что этот господин, хотя л не носит военной формы, но немало послужил в армии, а может быть и сейчас служит...

Всяческие приключения с черным лимузином привели к тому, что Уля Михай вскоре совершенно точно знал, что господин военный в штатском каждый день приезжает на «виллу» и что служит он в гестапо в чине оберштурмбанфюрера.

Все эти сведения оказались очень кстати в тот день, когда стало известно об аресте одного из руководителей маки, перевезенного из тюрьмы на «виллу».

Узнав об аресте, Уля Михай предложил план спасения. Правда, план был рискованный и требовал немалой смелости и дерзости, но его приняли, так как во что бы то ни стало ладо было спасти арестованного. На «вилле» его ждала неминуемая гибель.

В эти же дни к одному из руководителей гестапо в Париже явились с секретным приказом от Гиммлера из Берлина два офицера «СС» — стаидартепфюрор Мартин Вернер и хаунтттурмфюрер Франц Бронь

Когда господ офицеров провели в кабинет оберштурмбанфюрера Конрада Хесса и они остались наедине» посланцы из Берлина повели себя в высшей степени некорректно, сунув в нос опешившему от такой наглости оберштурмбанфюреру пистолеты и поставив его в известность о настоящей цели своего визита.

— Господин оберштурмбанфюрер Хесс, вы арестовали некоего Луи Демаржа. Мы знаем, где он находится. Если вам дороы жизнь —а она должна быть вам дорога, вы еще так молоды, — вы напишете несколько строк к коменданту «виллы», которую вы превратили в застенок. Записка должна быть следующего содержания: «Винцу того, что специально посланный рейхсфюрером Гиммлером офицер желает лично допросить Луи Демаржа, аре-

— . . . ^...,4,1! *ишло* лс\2^д.1сшю передан подателю сего письма хауптштурмфюреру Францу Брошу».

Сановный гестаповец, который был очень смел лишь перед своими закованными жертвами, струсил и подчинился:

— Госпола, я в ваших руках, *по* мои жизнь...

— Мы обещали и сдержим свое слово.

— В таком случае...

И он написал всё, что от него требовали дерзкие лосе-
1 в гели.

— А теперь вы позволите нам воспользоваться вашей машиной, которая обычно ждет вас в этот час.

— Вы хорошо осведомлены: она меня действительно ждет уже две минуты.

Еще через несколько минут черный лимузин вез Улю Михаи к «вилле». Когда они подъехали, Ганс стал подавать гудки, ворота открылись, машина въехала во двор и остановилась у подъезда, из которого вышел высокий худой человек с голым черепом и лицом мертвеца. Не отве-
чая на его приветствие, Уля спросил:

— Кто такой?

— Обершарфюрер Франк Миллер!

— Проводите меня к штурмбанфюреру Крамеру.

Миллер повел гости на второй этаж. Перед массивной дубовой дверью он остановился, постучал, потом осторожно приоткрыл ее, пропуская офицера из Берлина.

Из-за письменного стола поднялся грузный человек с тяжелым взглядом и совершенно квадратной головой. Усики «а la Гитлер», казались под его носом большим черным тараканом.

— Вы штурмбанфюрер Крамер?

— Так точно, гер хаунтнгурмфюрер!

Уля протянул письмо, которое гестаповец стал внимательно читать. Убедившись, что письмо прочитано, Уля Михай добавил несколько слов, которые заставили штурмбанфюрера Крамера покраснеть от удовольствия:

— Вы, Крамер, даже не знаете, какую важную услугу оказали великому райху, арестовав этого бандита Демаржа. Господин стандартенфюрер Вернер, докладывая рейхсфюреру Гиммлеру, не забудет упомянуть ваше имя.

Давая понять, что торопится, Уля взглянул на часы.

Штурмбанфюрер Крамер нажал кнопку звонка, и вер-

зяла с юлошш мориизца тотчас появился па пороге, точно он всё время дежурил за дверью.

— Франк, арестованному Луи Демаржу надень наручники и ведп к машине. Быстро!

Оборшарфюрер Франк шелкнул каблуками и исчез.

Ровно через четыре минуты он доложил о том, что приказ выполнен.

— Франк, вы будете сопровождать господина хауптштурмфюрера Броша.

— Не нужно. Я убежден, что господин стандартенфюрер Вериор выразит желание познакомиться с вами лично, так что эта французская свинья вернется сюда вместе с нами.

И, давая понять, что всякие возражения бесполезны, он вытянул руку в приветствии:

— Хайль Гитлер!

Пять минут спустя изящный лимузин выезжал из ворот «виллы».

На одном из перекрестков машину поджидал молодой человек, который, казалось, весь был поглощен чтением дневною выпуска газеты. Когда лимузин проезжал мимо, он поднял лала. Из машины ему чуть заметно улыбнулся немецкий офицер. В следующее мгновение лимузин был далеко. Эта мимолетная улыбка проезжавшего офицера так взволновала молодого человека, что газета, которую он держал в руках, начала заметно дрожать. Потом, придя в себя, он перешел улицу и вошел в кафе, чтобы позвонить по телефону:

— Алло, Жан! Добрый вечер, дорогой. Мишель вернулся из провинция.

Еще через несколько мпнут иод окнами кабинета оберштурмбанфгорсера Хесса остановился шарманщик. Услышав скршпчую старинную мелодию, которую тот наигрывал, стапдартенфюрор Вернер, сидевший всё это время напротив Хесса, не спуская с него глаз, встал и обратился к гестаповцу с небольшой речью.

— Велико искушение отправить вас на тот свет, господин оберштурмбанфюрер, но так как мой друг обещал сохранить вам жизнь, я ьнужден отказаться от этого удовольствия. Сейчас я должен вас покинуть. Но пород этим, во изоежатше недоразумений, я должен принять некоторые меры предосторожности.

Подойдя к побелевшему от страха гестаповцу, он уда-

рил его рукояткой пистолета по голове и, обезоружив таким образом полковника Хесса, завязал ему руки за спиной, сунул клин в рот и вышел из кабинета.

Когда он выбрался на улицу, мимо проехала машина, в которую «посланец из Берлина» вскочил почти на полном ходу и уехал в неизвестном направлении.

Перебирая в памяти всю эту историю, Уля Михай отшел от окна и стал прохаживаться по комнате, меряя ее тагами из одного конца в другой.

Из соседней комнаты доносится ужасающий храп санитара Палдслеску. Ветер и дождь стихли. Только обозы продолжали тарыхтеть по шоссе, размытому дождем.

Ночь воспоминаний!..

Одна за другой вставали перед ним картины из его прошлой жизни.

После этой проделки с Хессом оставаться в Париже было опасно. Гестаповцы — в ярости за то, что их так легко провели, — мобилизовали всех своих агентов, чтобы разыскать дерзких смельчаков. Улю отправили работать в провинцию.

Потом, после прорыва советскими войсками Яеско-Килпшевского фронта и заключения договора с Советским Союзом, Уле удалось покинуть Францию и вернуться на родину.

Он боролся против гитлеровцев во Франции и теперь хотел драться с ними за счастье своего народа. Он просил отправить его на фронт, но ему слова поручили несколько операций, в которых необходим был весь его опыт, приобретенный там, в маки.

Когда в Верховной ставке узнали о намерении Абвера относительно шифровальной машины, Уля Михай получил приказ отправиться на фронт.

И вот прошло уже три недели с тех пор, как он находится здесь, а ему еще не удалось продвинуться ни на шаг в выполнении задания.

«Бесспорно, — сказал он себе, — это дело гораздо сложнее, чем я себе представлял. Красавица Катюшка...» Понимая, что если он сейчас начнет еще думать о событиях, происшедших с ним в доме красавицы Катюшки, ему так и не удастся заснуть, Уля Михай улегся на свою кровать. И на этот раз быстро заснул.

ИНСЦЕНПРОИКЛ, ПК ЛИШЁННАЯ СМЫСЛА

Наутро следующего дня снопа пошел дождь. Моросящий, мелкий, раздражающий.

Шифровальщики изнывали от безделья. Не зная, за что приняться, они нервничали и ходили мрачные и злые. Исключение составлял Барбу Василе. С папиросой, зажатой в уголке рта, он не спеша подшивал в толстой папке какие-то бумаги, делая вид, что очень занят. Время от времени он поглядывал исподтишка на товарищей и, видя их мрачные физиономии, насмешливо улыбался.

Бурлаку Александру чинил свою зажигалку. Оттого, что никак не удавалось наладить ее, он злился и сквозь зубы цедил ругательства. Нелипою Влад притащил стул к окну и, усевшись там, смотрел на дождь, которому, казалось, не будет конца. Томеску Адриана чистил пишущую машинку. Что касается Мардаре Иона, то этот просто ничего не делал. Он курил и время от времени шумпо зевал.

Капитан Смеу Еуджен отсутствовал. Час тому назад его вызвали во Второй отдел.

Полиною тихонько отбивал дробь по подоконнику и рассуждал, ни к кому, собственно, не обращаясь:

— За этим проклятым дождем так и жди снега. Бедные пехотинцы — как подумаешь о них — стоят в лесу по колена в воде, а сверху, знай, поливает, поливает!..

— Бедняги! — посочувствовал пехотинцам и Бурлаку Александру. — Чем торчать в воде, лучше в наступление идти. Когда от дождя всё кругом раскисло, тебе уже становится безразлично — жить или умереть. Пожалуй, даже лучше умереть. По крайней мере, не будешь чувствовать, как дождь, промолив тебя насквэль, холодными червячками скатывается по спине. Я-то прошел через это. Помню, один раз ночью... Дождь лил как из ведра. Один из солдат моею взвода...

Полиною Влад насмешливо прервал его:

— Помнится, ты уже рассказывал нам на днях что-то в этом роде...

— Не мешай ему, Полиною! Пусть рассказывает. Всё-таки время быстрее идет. Не понимаю, какого черта вы все взбеленились? — с притворным простодушием заметил Барбу Василе, хотя он отлично знал, из-за чего так нервничают его товарищи.

— Нечего дурачком прикидываться, — резко оборвал его Мардаре Нон. И проговорил уже совсем другим тоном:

— И чего они его так долго держат! Чю им но Втором отделе еще от него нужно? Чепуха какая-то!

Эти слова прозвучали сигналом, после которого все по очереди стали изливать свое возмущение.

Первым разразился речью Бурлаку Александру:

— Б конце концов, какое преступление он совершил? Ну, пошел за женщиной, которая его позвала, ну и что? По-человечески это же можно понять! Черт побери, не вода же течет в наших: жилах! Л уж то, что у этой бабы оказался дружок, который застукал пх там в сладкую минуту, так это же совсем особое дело! С каждым может случиться. Хотел бы я знать, что сделал бы господня кашпо и Георгиу, если бы какая-нибудь хорошенькая бабенка потащила его в свою постель! Как будто мы не солдаты, а монахи! Прямо тошнит от этого лицемерия. — И он сердито брякнул о стол злополучной зажигалкой, которая упорно отказывалась ему служить.

Томеску Адриаи, заканчивавший в этот момент установку каретки пишущей машиной, тоже разразился речью:

— Что мне не нравится, так это вызов нашего Смеу во Второй отдел. Боюсь, как бы бедному Уле Михею не пришили какого-нибудь шпионского дела,

— В этом Втором отделе, — возмущался Мардаре Ион, на этот раз забыв про свою обычную иронию, — ничего и никого вокруг себя не видят, кроме шпионов и всяких подозрительных лиц. Стоит только открыть рот, чтобы выругать кого-нибудь, и можешь быть уверен — они уже взяли тебя на заметку. Я лично не очень-то спокоен за Улю.

— Кто его знает! — как всегда насмешливо, возразил Барбу Баспле.

Полиною Влад набросился на него:

— Невозможный ты человек, Барбу. Из всех нас тебя одного не трогает это свинство. Ну, допустим, ты ио любить Улю. Ио дело-то ведь не в самом Уле. Меля возмущает строгость наказания. Говорят, генерал собирается что-то разжаловать. Этим возмущены все. Даже господа офицеры, которые не очень-то любят нас — краткосрочников, такого же мвепня.

Томеску Адриан поддержал его:

— Что меня поражает, так вот это абсурдное решение генерала. Л он на меня всегда производил впечатление честного человека, который...

Мардаре Нон прервал его своим смехом:

— Зря удивляешься! Ты что, не понимаешь, что генерал и не думал его так наказывать, а что всё это дело рук «факира»?

— В этом-то можно не сомневаться,—ска\$ал Полиною Влад. — Я еще удивлен, что Улю не предали военно-полевому суду.

— Ого! — возмутился Бурлаку Александру. — Только этого не хватало! Честное слово, во всей этой истории столько же темного, сколько и смешного. Подумайте только! Приходишь ты в деревню, размещаешься в каком-нибудь долу. И тебе попадаете красивая бабенка, которая так и крутится вокруг, глазки тебе строит, давая попить, что она пепрочь... А ты что должен делать? Нахмуриться и этак сердито отгадить ее: «А ну-ка, голубушка, не крутись около меня, ничего у тебя не выйдет. Я твердокаменный». Черт меня возьми, если может быть что-нпбл дь смешнее.

— А как с приказами? — спросил Барбу Василе, стараясь проткнуть тупым шилом стойку бумаг.

— Какими приказами?

— Приказами генерала, запрещающими всякую связь с местным населением.

— То, что такие приказы изданы, — это одно. А как их истолковывать — это другое. Я согласен, что такие приказы необходимы. Солдату нельзя позволять дурака валять. На войне не всегда проявляются лучшие качества человека. Никто не собирается поощрять мародеров или насильников. Но если женщина сама охотно идет тебе павстречу?..

Барбу Василе искривил губы в насмешливой улыбке. Она должна была обозначать полнейшее его превосходство над собеседником, до спора с которым он снизошел.

— Если судить о вещах^отвлечению, то ты как будто и нрав. В конце концов история показывает, что разные народы понимали и понимают гостеприимство по-разному. Во имя священного гостеприимства женщина принимает в доме п кормит усталого и голодного путника. И во имя того же самого священного гостеприимства она приглашает тебя разделить с нею ложе. Ты нрав: почему ты

можешь принять обод л во имя чего отказываться от ложа? Как будто ничто не оправдывает разное отношение к этим вещам. И всё же... Известно, какую важную роль играет теперь па войне хорошая разведка. Некоторые даже склонны думать, что в нынешней войне побеждает именно тот, у кого лучше поставлена служба информации. И... подумай сам: женщина приглашает тебя обедать. Ты, конечно, соглашаешься. Потом она ищет твоих ласк. Что же, не откалывать же ей? Л потом она — эта женщина — лежит, прижавшись к твоей груди, к мурлычет словно кошка. Известно, что все они очень любопытны. И твоя «кошечка» начинает расспрашивать тебя. На вид все вопросы совершенно невинны: «...Как тебя, милый, зовут?.. И красиво на твоей родине?.. П огурцы у вас тоже растут?.. Л капусту у вас женщины сажают? Красивые они у вас? Ты не женат?.. Зато у тебя наверное есть милашка! Бедняжка, как она, должно быть, соскучилась но тебе! П неудивительно. По такому мужчине, как ты, женщины наверное всегда скучают. Качая это ужасная вещь — война... Ты, вероятно, в пехоте?.. Да?.. Пехоте хуже всех достается...»

Мардаре Ион расхохотался:

— Не утруждай себя больше, дружок! Всё это известно: шпионка в ситцевом платочке и сапожках, о г которой вместо духов папахивает немного конюшней. Что ты скажешь, «старик»? Как же, черт побери, распознать ее под этой маской?

Бурлаку Александру недоуменно пожал плечами и ничего не ответил.

Но Варбу Васпле спокойно возразил:

— Не во всех случаях нужна опытная шниопка, дорогой мой. Одни сведения подхвачены здесь, другие там, и, взятые сами по себе, они шгчою не стоят. Но вся от* «постельная информация», собранная в каком-то едином центре, может составить весьма ценную картину, которая нередко решает исход битвы. Рассмотрев проблему с этой точки зрения, я считаю, что наш Уля заслуживает наказания.

— Но ведь все твои рассуждения чистейший пдно-гизм! — горячо запротестовал Целиною Влад.—Ты вот что прими в расчет: кто не умеет держать язык за зубами, гот болтает с женщиной не только в постели, но даже тогда, когда опа поднесет ему стакан воды, чтобы напить-

ся, или кружку, молока. И потом — какой смысл во всей этой теоретической болтовне? Ведь речь-то идет о совершенно конкретном случае. Неужели ты считаешь, что какая-нибудь женщина способна заставить Улю болтать? Я в это не верю. И наверное никто из нас не верит, кроме тебя, Барбу.

Появление сержанта Тонднky, нисаря из управления штаба дивизии, положило конец спору.

— Здорово! — поздоровался он, входя в рабочую комнату,

— Каким ветром тебя к нам занесло, Иоаи? — спросил его Томееку Адриан.

— Господин капитан Медреа приказал, чтобы все явились после работы в управление с подсумками и выптовками.

— А чего там стряслось, брат? — поинтересовался Бурлаку.

— Не впаю. Господии канитап сам хочет провести проверку,

— Под таким дождем!... Другого дия, получше, он по мог выбрать? — заметил Мардаро Ион.

Сержант Тонднky пожал плечами:

— Дождь дождем — а приказ есть приказ! Может, до обеда еще прояснится. Кстати, не забудьте побриться и начистить ботинки.

— Что ты говоришь? У вас что — инспекция? — спросил Целиною Влад.

— Не думаю.

— А что же?

— Я жо вам сказал, что ничего не знаю.

Мардаре Ион пастаиал:

— Что за чертовщина, Иоале! Кто тебе поверит, что ты не знаешь? Давай не рассказывай нам сказок. «Не зааю!» Меня ты не проведешь. Может быть, заключено перемирие и нам это хотят официально сообщить? Выкладывай, нечего издеваться над нами!

Сержант Тонднky был, в сущности, совсем неплохим, хотя и несколько педантичным человеком. Дружеский тон Мардаре Иона сделал его более уступчивым:

— Я вижу, что так просто мне от вас не отделаться. Точно-то я ничего не знаю, но думаю, что с вашим Улей плохо дело.

— Его разжал > юг?

— Очень боюсь, что да!
— Значит, верно говорили...
— Только прошу вас... Пока ведь официально ничего нет... Знаете, мне бы не хотелось, чтобы узнали, что я прежде времени...

Бурлаку Александру поспешил его успокоить:

— Не бойся, Иоапе. Мы все будем немые как могила!

Сержант Топдики собрался уходить:

— Ну, теперь пойду. Мне еще надо сообщить и остальным отделам. Прошу вас, чтобы все были, а то господня капитан будет сердиться!

Только Топдики исчез за дверью, как Полиною возмущенно заявил:

— Л я } \ o пойду, что бы там пи случилось!

— И я! — тотчас присоединился Нурлаку.

В тот же момент вошел капитан Смеу с папкой под мышкой.

Все встали.

— Садитесь Ну, друзья, придется нам с вами сейчас немного поработать.

Ол открыл железный ящик, вынул шифровальную машину и поставил ее на свой стол:

— Бурлаку, подготовь машину. Тебе помогут Пелпной и Мардарс.

Еще при входе Смеу заметил мрачное выражение на лицах своих шифровальщиков и понял, что они успели уже разузнать о том, что ожидает Улю.

Бурлаку приготовил машину л начал шифровку.

— Ион, Петре, Раду, Костика! — сердито диктовал Пелиною, недружелюбно глядя на целуллондную пластинку, которая вспыхивала л гасла после каждой отпечатанной буквы.

После того как радиограмма была зашифрована, капитан Смеу взял бланки и, перед тем как выйти, сказал:

— Вам сообщили, что вы должны явиться в управление штаба на проверку. Смотрите, чтобы никто не вздумал улизнуть! Я тоже приду.

Бурлаку Александру рискнул спросить его:

— Господин капитан, позвольте задать вопрос?

— Пожалуйста.

— Вы убеждены, что Уля заслуживает такого сурового наказания?

— Да.

— В таком случае можете обижаться на меня, по я хочу вам сказать, что вы плохо знаете Улго.

— Я придерживаюсь другого миення, сержант! — решительно возразил капитан Смеу тоном, который должен был напомнить Бурлаку о том, что од разговаривает со своим начальником. — Если кто-пнбудь будет спрашивать меня, я у начальника пптаба, — закончил он }>ке более мягко.

Смеу вышел, провожаемый изумленными взглядами шифровальщиков, не ожидавших от своего капитана такого ответа.

Дождь прекратился. Ею сменил холодный и сильный ветер. Серое небо опустилось низко-нпзко, казагось — заденет сейчас облаками за верхушку церковной колокольни.

Управление штаба дивизии расположилось в доме неподалеку от командного пункта. 13 раскрытые настежь ворота вбегали последило из запоздавших, но-коздшюму перескакивая большие лужи.

В широком и чистом дворе собрались ипсарп, денщики, вестовые. Они стояли, разделившись на группы, объединенные общими интересами пли просто симпатией и дружкой.

Наверное впервые сначала похода, на поверке присутствовал весь личный состав управления штаба дивизии. Обычно в тех редких случаях, когда проводилась поверка, на нее собиралось но более половины личного состава, — таковы уж были условия их службы. Но па этот раз начальники отделов и различных вспомогательных служб не задержали своих писарей, да п сами они не стремились, как всегда, улизнуть с поверки. Весть о том, что Уля Михай будет разжалован, распространилась молниеносно, л *псе* хотели присутствовать на этой церемонии.

Общим было убеждение, что наказание намного превышает вщпу.

— Удивительно еще, что его но расстреливают! — возмушался писарь Первого отдела, который стоял в группе своих товарищей.

Другой ему возразил:

— Милый мой, я столько повидал на своем иску, что меня ничем не удивишь. Давно уж я'пичему не удивляюсь и ничем не возмущаюсь.

В другом конце двора, где собрались шифровальщики,

Бурлаку выражал неудовольствие по поводу того, что их заставляют аждать:

— Прошло почти двадцать минут, а они и не думают начинать. Может, ждут, чтобы опять начался дождь и прохватил нас как следует?.. Ну и паршивая же погода, черт побери!

Их группа стояла отдельно от других — в глубине двора, возле амбара.

— Л где сейчас может быть Уля? — спросил Томеску. — Надо надеяться, что его но приведут сюда под охраной штыков.

— Этого еще только не хватало! — загорячился Полиною. — Он, наверное, в канцелярии. Капитала Смеу кто-нибудь видел?

— Может, он не придет? — высказал свое предположение Мардаре.

— Коли сказал, что будет, значит будет, ле беспокойся! — убеждённо проговорил Томеску.

— Ужасно мне хочется смыться отсюда. Дорого бы я дал, чтобы не видеть всего этого, — добавил Полиною, самый горячий из всех шифровальщиков

Варбу Басило, который стоял немного поодаль, не принимая участия в общем разговоре, предупредил остальных:

— Вот и наш «старшой»!

В дверях дома, где помещалась канцелярия, появился старший унтер-офицер Доробыц Николае, адъютант начальника управления штаба дивизии.

Старший унтер-офицер Доробыц Николае был красивым человеком, высокого роста, атлетически сложенным. Награжденный природой более чем приятной внешностью, он, подобно кокетливой женщине, немало заботился о том, чтобы одежда выгодно оттеняла его красоту. Поэтому форма, безукоризненно сшитая из офицерского сукна, плотно облегла его фигуру. Он носил офицерские сапоги и никогда не забывал надевать перчатки. Впрочем, не только одеждой, но вообще всем своим поведением он старался подражать офицерам, и в особенности штабным.

В штабе дивизии все офицеры, в том числе и сам генерал, были о нем превосходного мнения. Доказательством хорошего к нему отношения мог служить и тот факт, что он получил звание старшего унтер-офицера и был назначен адъютантом начальника управления штаба ди-

в юности в таком возрасте, когда обыкновенные унтер-офицеры даже подумать не смеют о подобном повышении.

15 штаб он был назначен сравнительно недавно, после того как дивизия, переформировавшись, готовилась к походу в Трансильванию. Хотя до сих пор, загибаясь чисто административной, канцелярской работой, он никак особенно не проявил своих качеств, его всё же считали самым способным унтер-офицером.

Недаром говорится, молва о человеке идет впереди него самого. Лог ведь никто не мог бы сказать, что Доробец Николае имеет привычку много рассказывать о себе, как нельзя было утверждать, что у него очень общительный характер, и всё-таки известные данные из его биографии все знали. Так, было общеизвестно, что из всех унтер-офицеров штаба он был самым образованным — экстерном закончил шесть классов гимназии — и что он намеревался после войны завершить образование и стать офицером.

Было также известно, что, хотя Доробец был в детстве воспитанником воинской части, — казенщина, солдатские нравы, дикие и унижительные, не испортили его характера. В казарме, перед войной, человеческим отношением к солдатам он добивался от них большего, чем можно было бы добиться палкой, кулаками, руганью. Благодаря исключительным качествам воспитателя Доробец Николае в конце концов продвинулся по служебной лестнице быстрее, чем кто-либо из его товарищей.

Когда старший унтер-офицер Доробец Николае появился на пороге дома, шум и разговоры во дворе прекратились. Одетый в лучшую свою форму, в перчатках, в блестящих, словно отлакированных, офицерских сапогах, он с невозмутимым видом спустился по ступенькам крыльца и, дойдя до середины двора, скомандовал:

— Командиры отделения, ко мне!

Затем он приказал им построить своих людей.

Когда приказание было выполнено, старший унтер-офицер опытным глазом окинул строй, проверяя внешний вид своих подчиненных. Одних он заставил подтянуть ремень, других — расправить складки кителя, третьих — перемотать обмотки. Затем он еще раз обошел строй и,

удовлетворенный «нетипичным видом людей, заставил выполнить несколько ружейных приемов.

Рота продолжала еще выполнять ружейные приемы, когда из канцелярии вышел капитан Медреа Октавыш — начальник управления штаба дивизии, в сопровождении капитана Смеу и Улн Михая.

Приняв рапорт, капитан Медреа повернулся лицом к строю, и, поднеся руку к колы, поздоровался:

— Здравствуйте, солдаты!

— Здравия желаем!

— Винтовки на-а плечо!

Три коротких всплеска — п вся рота замерла с винтовками на плечо.

— К ио-о-о-ге!.. Смирно! Вольно!

Тем временем Уля Михай занял свое место в строю, третьим с правого флата.

Каштан Медреа Октавыш до службы в армии был преподавателем географии. Высокий, костлявый, с широкими, немного сутуловатыми плечами, он сразу, несмотря на военную форму, производил впечатление штатского человека. Хотя ему было не больше сорока, из-за болезни печени он казался гораздо старше своих лет. Подчиненные прозвали его «ион Октавыян», подсмеиваясь над его привычкой заменять наказания длинными нравоучениями.

Лппо капитана Медреа казалось сегодня еще более землистого цвета, чем обычно; морщины на красивом лбу словно умножились. Несмотря на то, что он ничем не хотел себя выдать, даже на расстоянии можно было угадать, что он тяготится той ролью, которую вынужден играть. Глаза капитана, и без того грустные, сейчас казались печальнее обычного.

Зная его кроткую, покладистую натуру, все смотрели на своего начальника с симпатией и даже сочувствием.

Капитан Медреа, который действительно не испытывал никакого энтузиазма по поводу того, что ему предстояло сделать, был к тому же крайне смущен присутствием капитана Смеу. Поэтому он втайне проклинал Смеу, который не нашел лучшего развлечения, чем прийти сюда па церемонию разжалования. Из-за него Медреа вынужден будет говорить людям не то, что ему хотелось бы им сказать, а то, что приказано,

Вздохнув, он вынул из кармана лист бумаги, на котором было записано несколько пунктов будущей речи, и,

стараясь придать своему голосу необходимую суровость и жесткость, начал:

— Солдаты! Один из ваших товарищей, капрал краткосрочной службы Уля Михай, оказался виновным в серьезном нарушении воинских приказов и уставов. Всем вам известно, что господин генерал, командующий армией, особым приказом запретил лам вступать в какую-либо связь с гражданским населением. Смысл этого приказа нетрудно понять;... Браг воюет не только на фронте, но и в тылу. На фронте — оружием, а в тылу с помощью шпионов, которые разными путями стараются собрать побольше секретных сведений. Именно поэтому, чтобы уберечь вас и не дать вам стать невольными пособниками врага, командующий принял меры, о которых я сказал выше. Баш товарищ нарушил этот приказ. И не один раз. И только случайность помогла ему выбраться из ловушки, в которую затянула его гитлеровская разведчица, надеясь выведать секрет шифра...

Обвинительная речь капитана Медреа продолжалась почти полчаса и закончилась лишь тогда, когда последний пункт обвинения, помеченный в бумаге, был им в достаточной мере развит.

Закапчивая, капитан Медреа посмотрел на капитана Смеу, словно для того, чтобы убедиться, доволен ли тот его заранее подготовленной речью. Но капитан Смеу смотрел в другую сторону. И, насколько можно было понять, ему было нестерпимо скучно.

Тогда Медреа вынул из кармана другую бумажку и торжественно прочел приказ, но которому капрал-краткосрочник Уля Михай объявлялся разжалованным в рядовые.

Хотя о наказании все знали заранее, у слушавших приказ мурашки побежали по спине. Те, кто стоял вблизи от Улц Михая, машинально взглянули на него. И он сам, замерев по стопке «смирно», смотрел прямо перед собой, словно рассматривая какую-то далекую точку. Выглядел он осунувшимся и бледным.

— Уля Мпхай, пять шагов вперед, марш! — приказал капитан Медреа Октавьятт хриплым голосом.

Уля Михай выполнил то, чего от него требовали, А замер в положении «смирно» в двух шагах от капитана Медреа Октавьяна. Их взгляды встретились. Взгляд Улц не выдавал никакого внутреннего волнения.

«Сильный человек этот Уля»! — подумал капитан Медреа не без некоторого удовлетворения.

— Выполняйте приказ командующего, — сказал он, обращаясь к старшему унтер-офицеру Доробгцу.

Адъютант Доробыц подошел к Уле Михаю и, сорвав с его погон галуны, бросил их на землю. Галуны попали и лужу и поплыли по воде словно два маленьких желтых кораблика.

После этого капитан Медреа приказал всем разойтись. Сопровождаемый старшим унтер-офицером Доробыщем он поспешно направился к дому, еще более ссутулившийся и постаревший. Так же поспешно удалился и капитан Смеу.

Уля Мнхай оказался в окружении товарищей, каждый из которых стремился выразить ему свое сочувствие, заверить в своих дружеских чувствах.

Рассеянно взглянув па них, Уля грустно улыбнулся и спросил:

— У кого есть папироса?

В одни миг ему протянули десяток пачек папирос. Он взял одну «папиросу, закурил, поблагодарил и пошел к воротам с винтовкой через плечо, засунув руки глубоко в карманы брюк.

Никто не посмел идти за ним. Но едид он вышел на шоссе, Бурлаку побежал его догонять.

— Нехорошо оставлять ею сейчас одного, — бросил он па ходу.

Догнав Улю, Бурлаку пошел с ним рядом, не смел заговорить.

— Что, старина? — спросил Уля. Голос его показался Бурлаку грустным и усталым.

— Я, парень, очень огорчен тем, что с тобой случилось. Черт меня побери, если я вру, по когда этот Доробыц сорвал с тебя галуны, у меня слезы навернулись! Л ты можешь мне поверить, что у меня вполне хватило бы пальцев на руках, если бы я захотел сосчитать, сколько раз за всю свою жизнь я плакал.

— К чему тебе огорчаться? Я сам во всем виноват. Я должен еще сказать спасибо! Могло быть и хуже.

— Хуже? Ты же никого по убивал!

— Не ювори так, «старик»! Конечно, радоваться туч почему, но, хочешь не хочешь, надо признать, что всыпали мне правильно. Подымай только, что бы случилось,

окажись на моем месте кто-нибудь другой, характером лослабей?

— Мм-да! Ты прав. Но как это опи узнали, что ты работаешь с шифром?

— Не знаю! Опи шли напролом. И как бы ты думал, чего они от меня хотели? Не более не менее, как узпать, какой системой шифра мы пользуемся!

— Невероятно!.. Сказать тебе по правде, все эти призывы к бдительности мне всегда казались преувеличенными. Я думал, что это только Второй отдел, как говорит Мардаре, везде видит одних шпионов. Теперь-то я понимаю, что ошибался. И подумать только, как я спорил с Барбу, который утверждал, что ты вполне заслуживаешь этого наказания. Мне хотелось запустить ему в голову чернильницей. Проклятый!.. А вот оказывается, он был прав, хотя я убежден, что вся его принципиальность зависит от того, что он тебя не переваривает.

— Ты думаешь? — усомнился Уля Михай. — Не понимаю, из-за чего бы он мог злиться на меня. Но даже если ТЕП прав, меня меньше всего трогает, перепаривает меня Нарбу или нет. Знаешь, больше всего я злюсь, что дал себя провести какой-то бабе. Черт бы ее забрал, но уж очень она хороша была! Да что там говорить! Паршивый у меня характер... Тянет меня к женщинам, да и всё тут!

Бурлаку Александру спросил с упреком:

— И зачем ты нам наплел эту историю с любовником, который тебя застал с венгеркой?

— Поверь мне, что только из страха. То же самое я рассказал и во Втором отделе. Но позже я понял, что у этих шпионов останется больше шансов спасти свою шкуру, если я скрою правду. Эти ребята из Второго отдела тешат себя тем, что только благодаря их ловкости им удалось узнать правду, а на самом деле...

Фраза оборвалась на полуслове» Уля Михай вдруг насторожился. Прямо навстречу им солдат вел штатского человека, одетого в длинную пелерину. Это был тот самый трансильвапец.

«Значит, им всё же удалось поймать одного из них», — сказал себе Уля. На губах у него появилась вдруг странная улыбка, которая немало удивила Бурлаку.

— Что случилось, Уля? — спросил он, заинтригован-

ныи. — Ты что, знаешь этого типа? Экая бандитская рожа!

— Что ты! В жизни его пикогда не видел. Просто я вспомнил одну страшно неприятную для меня игтуку. Моей 'приятельнице исполняется сегодня двадцать пять лет, и, представь себе, я забыл ее поздравить. Но самое скверное, что она, не получив моей телеграммы, подумает, что я погиб где-нибудь в этих краях, и будет очень переживать.

— Пошли ей сегодня телеграмму.

— Послать-то я пошлю, по когда она ее получит? Через неделю, не раньше. А до этого сколько слез будет пролито... Ей-богу, я настоящая свинья!

Между тем конвойный вместе с трапсильванцем вошел во двор дома, где помещался командный пункт штаба дивизии.

Когда они тоже подошли к этому двору, Уля Михай равнодушно спросил Бурлаку:

— Ты что сейчас делать будешь?

— Хочу полежать нем нош до начала работы» Ты не пойдешь?

— До сна ли мне сейчас? Зайду в отдел, напишу письмо своей подружке. Приятного сна, «старик»!—и, повернувшись к Бурлаку спиной, Уля вошел во двор командного пункта.

САШ 1*КШІМ ЗАГОВОРІТЬ

Торопясь во Второй отдел штаба, Уля Михай бегом поднялся но лестнице.

У дверей его оставовпл часовой:

— Бы кого ищите, господин курсант?

— Господина капитана Георгиу.

— Он в столовой.

— А господин младший лейтенант Параскивеску?

— Он здесь, но сейчас занят. Допрашивает какого-то штатского. Его только что привел этот жандарм.

И он показал на солдата, похрапывающего па стуле.

— Иди доложи господину младшему лейтенанту, что я хочу ему кое-что сообщить.

— Нельзя, господи и курсант. Он приказал мне, чтобы его никто не беспокоил.

— Прошу тебя, иди доложи. Скажи, что я должен сообщить ему весьма важные вести.

После долгого колебания солдат решился, осторожно приоткрыл дверь и скрылся за ней.

Через несколько секунд он вернулся:

— Проходите!

Уля переступил через порог и прикрыл за собой дверь.

Младший лейтенант Параскпвеску Октавьеп сидел за письменным столом капитана Георгиу. Перед столом, закутанный в свою пелерину, сидел на стуле саш. Человек, назвавшийся братом Катушки, казался подавленным. Он даже не поднял глаз, чтобы взглянуть на вошедшего.

— Пройдите в соседнюю компату, Уля, — обратился к нему младший лейтепапт. — Я сейчас туда приду.

Через несколько секунд младший лейтенант Параскивеску вышел к нему:

— Что случилось, Уля?

— Господин младший лейтенант, вы допрашиваете этого типа?

— Пока нет. Он ни слова не знает по-румынски, а я не знаю венгерского. Я послал за переводчиком Деаком.

— Вы узнали, кто он такой?

— Нет еще. Из документов, которые мне принес конвоир, явствует, что оп был задержан патрулем сегодня на рассвете. При попытке перейти на ту сторону. Может, вы знаете, кто он такой?

— Господин младший лейтенант, вы должны сообщить о нем господину капитану Георгиу.

-- Я не думаю, что в этом есть необходимость, — возразил задетый словами курсанта младший лейтенант Параскпвеску — Мне и самому не впервые вести допрос арестованного.

— Я убежден, что капитан Георгиу захочет его допросить сам. Разрешите мне разыскать его по телефону? — Не ожидая согласия младшего лейтенанта, Уля Михай крутанул ручку телефонного аппарата: — Алла, Алло! Говорит младший лейтенант Параскпвеску. Разыщите в столовой господина капитана Георгиу п немедленно соедините его со мной. — И, обращаясь к младшему лейтенанту: — Прошу меня простить за то, что я воспользовался вашим именем. Если бы я говорил от своего имени,

уверен, что телефонист даже не связал бы меня... Вы же знаете, каковы они, эти телефонисты! — Потом, услышав телефонный звонок: — Господин капитан Реоргиу? Здравия желаю! У телефона курсант Уди Михай. Разрешите доложить, что одна из птичек, о которой я вам рассказывал, попала в силки. Вы, конечно, захотите его лично допросить?.. Понял. Я передам младшему лейтенанту Параскивеску ваше распоряжение не приступать к допросу до вашего прихода. Здравия желаю.

Он положил трубку па рычаг аппарата. Младший лейтенант Параскивеску, услышав слова Ули Михая, спросил недоверчиво:

— Как? Этот тип один из тех бандитов, которые хотели отправить вас на тот свет?

— Да! Вы сказали, что его схватили, когда он пытался перейти на ту сторону?

— Так написано в донесении, присланном офицером разведки «Тротуша». Его поймали на участке, занятом ротой лейтенанта Горня.

— В таком случае у нас немного шансов обнаружить остальных. Боюсь, что красавице Катюшке удалось благополучно перебраться к немцам,

— Я Же думаю, что они были так поосторожны, чтобы рисковать и пытаться перейти линию фронта сразу всем троим и в од иол* и том же месте.

— Может быть, вы и нравы! В таких вопросах вы конечно лучше разбираетесь, чем я. — Младший лейтенант Параскивеску всё еще пребывал в скверном расположении Духа.

-- Где он там болтается, этот Деак? — Еще больше разозлился офицер, делая вид, что его плохое настроение вызвано опозданием переводчика.

— Не стоит из-за этого беспокоиться. Вы же знаете, что я владею венгерским, так что можете меня использовать в качестве переводчика. Между прочим, если учесть, что я был главным героем всей этой истории, думаю, что смогу быть вам полезнее Дсака.

В этот миг в дверях появился солдат краткосрочной службы Деак Гаврил, переводчик Второго отдела.

Младший лейтенант Параскивеску отправил его обратно:

Можете идти, Деак, вы уже не нужны.

Деак Гаврил, который, торопясь сюда и бреясь вно-

пыхах, порезался в нескольких местах бритвой, в недо-
\мешш посмотрел на них, потом, повернувшись, вышел,
на ходу ощупывая то одну, то другую щеку. Он шел и
пе переставая ругался про себя.

Вскоре нршпел капитан Георгиу. Младший лейтепапт
Параскпвеску поспешил ему обо всем доложить. Капитал
Георгиу рассеянно выслушал его, потом сказал*

— Хорошо, Параскпвеску. Я сам буду вести допрос.
Вы, мне кажется, още не обедали. Идите поешьте. Потом,
если вы мне понадобитсяь, я вас вызову.

После ухода младшего лейтенанта Параскпвеску ка-
питан Гооршу и Уля вышли в другую комнату. Аресто-
ванный сидел на стуле, плотно завернувшись в свою
выцветшую пелерину, словно ему было холодно. Он по-
прежнему смотрел вниз, и ясно было, что в мыслях своих
этот человек где-то далеко-далеко от этой комнаты.

— Как поживает Катушка, молодой человек? — спро-
сил Уля, близко пододвинув к нему свой стул.

Саш невольно вздрогнул, он взглянул на Улю и тотчас
узнал его. Секунду он смотрел на него взглядом, каким
смотрит загнанный зверь на своего преследователя. В сле-
дующее мгновение выражение страха в его глазах словно
растаяло, и они снова стали равнодушными и безразлич-
ными ко воему окружающему.

Ответ последовал с опозданием и прозвучал совсем
неубедительно:

— Не лит, кого вы имеете в ви, у. У тас в деревне
многие девушки носят это имя,

— Так! Должно быть, вы и меня не знаете?..

— Л кто вы? Я вас шткенда не видел.

— Серьезно? Никогда? Никогда?..

— Нет.

— Ну, если вы думаете, что можете поводить нас за
лос, так ошибаетесь. В ваших же интересах советую вам
быть разумным.

Вы, кажется, пытаетесь меня напугать? Но я,
знаете ли, не из пугливых!..

— Слушайте!.. В конце концов мы всё равно узтем
то, что нас интересует. Так что пе старайтесь ухудшить
свое положение. Если вы честно ответите па все наши во-
просы, у вас есть шансы легко отделаться.

Саш презрительно пожал плечами:

— Давайте не тратить времени попусту, потому что я

всё равно решил говорить. Спрашивайте меня — и я отвечаю. Имейте только в виду, что я это делаю не из страха и нисколько не забочусь об облегчении своей участи, Я не дорожу жизнью. Впрочем, мне и жить осталось немного. У меня продырявлены оба легкие. И единственно, что заставляет меня говорить, так это желание поскорее избавиться от вас. Мне хочется спать. Я бы поспал хоть час. Уже три ночи я не смыкал глаз...

Уля Михай неревел капитану Георгиу слова трансильванца, потом продолжал допрос:

— Ну, раз вы решили говорить, тогда я задам вам несколько вопросов. Мы бы хотели узнать: где находятся теперь ваши сообщники? Вы знаете, кого я имею в виду: Катушку и ее рыжего «отца».

Человек в пелерине усмехнулся:

— Вы торопитесь поймать их. Мне жаль вас разочаровывать, но вам это не удастся. Катушка и ее муж ушли на ту сторону. Мм повезло больше, чем мне!

— Допустим, вы говорите правду. В таком случае...

Человек в пелерине сердито прервал его:

— Можете мне не верить, но я сказал вам правду.

— Ладно... ладно... Скажите тогда, кто руководит агентурной группой, к которой вы принадлежите, и как его имя?

Человек в пелерине расправил плечи, выпрямился и в недоумении поглядел на капитана:

— Не понимаю, какое мы имеем отношение к шпионажу? Откуда вы это взяли? Я не агент разведки и никогда не имел никакого отношения к шпионажу. Я и мой товарищ -- патриоты.

— В каком смысле надо понимать этот «патриотизм»? -- спросил Уля, убежденный, что трансильванец водит его за нос.

— Как хотите, так и понимайте!..

— Попробуйте всё же говорить яснее. Мне очень трудно понять вас.

— Очень жаль, но и ничего не могу сделать.

— Другими словами, вы хотите сказать, что есть а такие венгры, которых вы патриотами по считаете?

— Разумеется есть. Вы что думаете, если бы все были такими, как мы, то вы могли бы спать спокойно? Мы ловили бы вас одного за другим, как зайцев. Лока Корти был силен, только коммунисты осмеливались со-

противлится ему. Остальные... А теперь, когда наши дела плохи, люди отступились и унижаются перед нами, захватчиками святой венгерской земли.

Он говорил страстно, торопливо, громко и в конце разразился кашлем.

Уля Михай подождал, пока он успокоился, потом спросил:

— Значит, ты из хортистов?

— Разумеется! — с гордостью ответил саш.

— Л Катушка и ее муж?

— Тоже.

— И чем же вы как «патриоты» занимаетесь?

— Всем, что может помочь вашему уничтожению.

Можно воевать не только на фронте, но и в тылу.

— Каким образом?

— Скажем, диверсиями.

— И много вам удалось совершить таких диверсий?

— Не очень! Я не успел.

— Но все-таки кое-чем вы похвастаться можете, по так ли?

— Не будем об этом. Считайте, что моя скромность не позволяет мне говорить о себе...

— Хорошо! Я согласен пока не настаивать. Скажите, а много таких «патриотов», как вы и ваши друзья?

— Вероятно!

— В таком случае должен быть и руководитель, который координировал бы действия всей этой диверсионной группы. Нельзя ли узнать, кто он? Если вы нам можете, я почти наверняка смогу заверить вас в том, что вы останетесь жить.

— Я же сказал вам, что особенно по дорожку жизнью. Впрочем, если и есть такой руководитель, я его не знаю. Моим шефом, которому я полностью подчинялся, был мой шурин.

— Л его где мы можем найти?

— Я уже сказал вам, что он перешел линию фронта.

— Вы хотите меня убедить в том, что муж Катушки ваш шурин?

— Л почему бы вам и не поверить мне? Что бы я выиграл, если бы сказал неправду?

— Значит, вы брат Катушки?

— Да. Впрочем, она ведь вам это сказала.

— Безусловно! И она же назвала собственного мужа

своим отцом. Почему же я должен верить тому, что про вас она сказала правду?

— В конце концов, верьте чему хотите!

— Продолжим, Вы кажетесь образованным человеком. Я не ошибаюсь, не так ли?

— Я студент политехнического факультета. Зовут меня Тот Жозеф.

— А вашего шурина?

— Хал и к Михали.

— Значит, юный Жозеф, вся ваша семья состоит из «патриотов»?

Жозеф, почувствовав иронию в вопросе, ничего не ответил, ограничившись негодующим взглядом, который бросил на собеседника.

— Теперь я хотел бы узнать, — продолжал допрос Уля, не обращая внимания на выражение ненависти в глазах Тота, -- какую цель вы преследовали, когда заманили меня с помощью Катушки, чего вы хотели?

— Отправить вас на тот свет. Вы были не первым. На два последних месяца, двигаясь за фронтом, мы немало убрали вашего брата.

— Допустим. Но почему вы выбрали именно меня?

— Кто вам сказал, что это мы вас «выбрали»? Это был каприз Катушки. Впрочем, она заманивала только тех, кто ей нравился. Что касается меня и моего шурина, то мы вовсе не были в восторге от ее выбора. Мы бы предпочли офицера. Как-никак, важнее уничтожить вражеского офицера, чем простого солдата. Но и вы от нас ускользнули...

— Доставив, наверное, немалое разочарование вашему шурина.

— Я и сейчас не понимаю, как вам удалось нас провести. Мле вы, по крайней мере, показались таким наивным болваном, которого даже совестно так просто отправить на тот свет.

— Как только я увидел ваши рожи, я понял, что попал в руки убийц. Но вот что мне хочется еще выяснить. Вы только что сказали, что уже два месяца двигаетесь за фронтом. Л за все это время вы не встретили никаких затруднений? Никто ни разу не остановил вас, чтобы спросить, кто вы такие?

-- Очень редко: разве кому-нибудь было до нас дело!.. Впрочем, каждый раз, когда нас спрашивали, мы отве-

чали, что мы перемещенные лица. Этим же приемом мы пользовались и устраиваясь па ночлег н деревнях.

— Л в этой деревне кто нас приютил?

— Я понимаю, зачем вы это спрашиваете. Послушайте моего совета и не теряйте зря времени. Люди, которые приютили нас, ни в чем не виноваты. Впрочем, мы всего два дня прожили у них. Потом мы случайно обнаружили тот дом, в котором вы побывали. Примар разрешил нам занять его, пока фронт сдвинется н мы сможем отправиться дальше. Если бы не эта неудача с вами...

Его снова начал душить кашель. Он долго кашлял, прикрывая рот полрой пелерины.

-- Бы не могли бы меньше курить? Мне очень плохо от дыма! — попросил саш, когда кашель утих.

— Ладно, я могу не курить. Договаривайте, что вы там еще хотели сказать. Что бы произошло, если бы не неудача со мной?

— Мы бы сумели развернуться здесь. Лучшего места, чем этот дом, для нашего дела не найти. Кому бы пришлось в голову подозревать нас? Но нам решительно не повезло.

Уля Михай, подумав немного, сказал капитану Георгиу:

— Господин капитан, кажется, мы можем удовлетвориться тем, что узнали.

— Да, но есть еще много неясных вопросов, — возразил тот.

— Мне достаточно того, что я узнал.

— А мне нет, — холодно ответил капитан Георгиу.— Но на сегодня мы можем закончить допрос. Вызовите, пожалуйста, конвоира, пусть уведет его!

Несколько мпиут спустя они остались в кабинете вдвоем. Погруженный в свои мысли, Уля Михай смотрел через окно на улицу, в то время как капитан Георгиу перелистывал бумаги, делая какие-то пометки.

Первым прервал молчание капитан Георгиу:

— Если верить молодчику, выходит, что эти бандиты по имеют никакого отношения к тому делу, которое занимается нас Л вы какого мнения?

— Господин капитан, если вы помните, я с самого начала серьезно сомневался в том, что может существовать какая-нибудь связь между этим семейством убийц и агентом Лбвера. На чем я основывался? На том, если вы помните, что шпион, если бы он даже узнал, кто я такой

и ради чего нахожусь здесь, был бы идиотом, если бы стал покушаться на мою жизнь. Почему? Очень просто. Потому что этим самым он бы еще раз подтвердил, что он — здесь, среди нас, и мы должны его остерегаться. Другими словами, это значило бы оставить свою визитную карточку. Но всё это было лишь предположением. Могло случиться, что я и ошибаюсь. Однако признание трансильванца подтверждает мою мысль.

Капитал Георгиу, который всё время, пока говорил Уля, расхаживал по кабинету, остановился перед окном и стал смотреть на струйки дождя, скатывавшиеся по стеклу окон. Обдумывая доводы Ули, он вынужден был признать их основательность, втайне досадуя, что не может ничего тут же опровергнуть. Однако он не хотел 1» этом признаться даже самому себе и ограничился тем, что сказал Уле:

— Завтра я его снова допрошу и думаю, что мне представится случай более точно установить, сказал ли он правду.

- Я тоже надеюсь, что в конце концов вы в этом убедитесь. И я очень рад, что мне пришла в голову идея о собственном разжаловании.

— - Почему? Вы думаете, это помогло вам продвинуться хоть на шаг?

— В каком-то отношении да! Во-первых, потому, что сегодня я знаю, что красавицу Катюшку, вместе с ее почтенным семейством, нужно исключить из данного дела. Во-вторых, я знаю совершенно точно, что не ошибся, поставив маленькую пьесу с разжалованием. И это представляется мне немалым выигрышем. Настоящий агент Абвера чувствует себя сегодня в большей безопасности, чем вчера. Почему? Очень просто. Следите внимательно за моими рассуждениями. Агент Абвера узнал, как и все эстальские, о моем приключении. Вероятно, он спросил геби: «Кто они, эти идиоты, которые могут спутать все карты? Мне нужен абсолютный покой, а не эти дурацкие покушения па убийства, которые поднимают на ноги весь Второй отдел». И он, который, несомненно, знает больше {ас, не сделал той ошибки, которую сделали мы, увидев * этом покушении на убийство действия каких-то союзпшов. Я думаю, что и он задал себе вопрос, которым задавались мы: с какой целью заманили меня в ловушку?

И не исключено, что и па Этот раз он нашел ответ быстрее, чем мы.

И после этого я спрашиваю вас: что бы подумал агент, убедившись, что ко мне не применяют никаких мер наказания? Само собой понятно, что ни один начальник не может с легкостью пройти мимо такого ироступка, как бы ни был он снисходителен. Агент задал бы себе вопрос: кто же в конце концов этот капрал краткосрочной службы Уля Михай, которому всё сходит с рук? Обо всем этом я подумал, когда решил разыграть эту маленькую сцену с разжалованием. Признаюсь, я рисковал, и немало, как это всегда случается, когда полагаешься на собственные умозаключения и интуицию.

— К сожалению, в нашей профессии мы не всегда можем действовать наверняка. Приходится иногда рисковать.

— Что касается этого, господин капитан, то знаете ли вы, в чем для меня состоит самый большой риск?

— Нет.

— Риск скверно сыграть роль разжалованного капрала. Я должен казаться хоть какое-то время очень удрученным всем случившимся. В особенности в присутствии Бурлаку. Из всех остальных он, кажется, больше всего огорчен за меня. Если он притворяется, то он большой артист!

БУБНОНМЙ ТУЗ ОБЛИЧАЕТ

— Слушай, Уля, стоило тебе сесть около меня — и карта ко мне прямо повалила. Я начинаю отыгрываться. ВИДНО, ТЫ мне счастье приносишь. Имей в виду, если мне удастся до конца их очистить, выиграш я делю с тобой пополам! — обещал Бурлаку Александру, старательно сгребая все деньги со стола.

— Плюнь через левое плечо, «старик»! — отозвался Барбу Василе, как всегда невозмутимый, хотя Бурлаку четвертый раз сгребал со стола кучу денег.

Игра продолжалась уже два часа. В этот вечер, в отличие от других, работа в штабе закончилась раньше обычного. Затишье, установившееся на фронте, благоприятно сказалось и на писарях. Даже чертежники из Третьего отдела, которые обычно сидели далеко за полночь, давно уже оставили работу.

При таких обстоятельствах, впрочем довольно редких, >аю кто из писарей посвящал неожиданно выпавшее свободное время отдыху. Большинство проводили его за разговорами или азартно играли в карты. Они играли со страстью картежников, хотя никто из них не был действительно игроком. Ведь игра в карты была здесь единственным развлечением. Азарт, с которым играли, носил исключительно спортивный характер. Тот, кто выигрывал, как бы ни велика была сумма выигрыша, получал только моральное удовлетворение, потому что в этой чужой стране румынские деньги не были в ходу. На них нельзя было купить даже яйцо или кружку молока. И если, несмотря на это, играли на деньги, то только потому, что не существовало другого способа установить, кто же победил в этом состязании.

В тот вечер четверьма партнерами в игре были: Бурлаку Александру, Барбу Василе, Томоску Адриан и Мардаро Ион. Они играли спокойно, тасовали карты с раздражающей неторопливостью, подозрительно приглядываясь друг к другу, словно борцы перед началом схватки.

Удя рассеяннo следил за игрой. В других случаях, не играя, он любил «поболеть», так как игра обычно проходила очень увлекательно. На этот раз он не испытывал никакого удовольствия. Его занимало другое. Полчаса тому назад, возвращаясь в дом, где они разместились, Бурлаку сделал ему признание, которое заставило его призадуматься.

-- Слушан, я бы хотел немного поговорить с тобой,— сказал он, догоняя Улю.

— Слушаю, «старик»!

— Очень я озабочен, брат!

Уля взглянул на него незаметно. И в самом деле Бурлаку был необычайно возбужден.

— Что же это тебя так озаботило?

— Знаешь, мне иногда кажется, что я рехнулся!

— Вобьешь себе в голову, недолго и в самом деле рехнуться. У меня в школе был соученик, который вбил себе в башку, что он сумасшедший, и, что ты думаешь, он действительно кончил в сумасшедшем доме. Я как-нибудь тебе расскажу...

— Я тебе говорил несколько дней тому назад, что я потерял фотографию из солдатской книжки, помнишь?

— Конечно!

— Ну вот. Л сегодня утром я открыл книжку, чтобы положить к нее почтовые открытки, и как ты думаешь, что я увидел? Фотография па своем месте. Я глаза вытаращил от изумления. Потерял я фотографию, или мне «то только приснилось»? Я бы наверное так и решил, если бы ясно не помнил все обстоятельства, при которых обнаружил пропажу. Больше того, я вспомнил, что тебе об этом говорил. Ты вправду скажи, парень, сказал я тебе или нет, что потерял фотографию?

— Сказал, «старик»! — ответил Уля, а про себя подумал: «Чего же ты всё-таки добиваешься?»

— В таком случае, разве это не верный признак сумасшествия?

— То есть?

— Ну как же? Если мне не спилось, что я се потерял, если о се пропаже я тебе говорил, а па самом-то деле я ее не потерял, — значит, мне это просто померещилось. Скажи, может человеку со здоровым рассудком такое мерещиться?

— Не болтай глупостей, «старик». Вобьешь себе в голову такую дурь — и будет с тобой то же самое, что с Сачердоцену.

— Кто это Сачердоцену?

— Мой однокашник, который с ума сошел именно потому, что вбил себе в голову, что он сумасшедший. Я думаю, что ты действительно потерял фотографию. Кто-то ее нашел...

— Почему же он мне ее не отдал?

— Слушан меня и не прерывай. Кто-то нашел ее Может, Мардаре, который мастер на злые шутки. Он тебе и не отдал потому, что хо'тел посмотреть, как ты бздешь волноваться, расстраиваться из-за того, что потерял ее. Но, увидев, что тебя не трогает потеря фотографии, он сказал себе: «Если я ему ее просто верну — это будет неинтересно. Лучше я ее приклею на место, а когда «старик» наткнется на нее, ок начнет думать...» Это как раз и произошло.

Бурлаку взглянул на Улю с некоторым сомнением:

— Твое объяснение, парень, шито белыми нитками. Мне кажется убедительнее, что он, видя мою небызл>гимость, подумал, что я и не заметил, как пропала фотография.

— Мм-да! Не могу сказать, что твое возражение со-

всем несостоятельно. По ото единственное объяснение, которое приходит мне в голову. Во всяком случае, я думаю, что оно ближе к правде, чем то, которое ты стараешься вбить себе в голову. Потому что, «старик», ты так же здоров, как я и все остальные.

Бурлаку пробормотал что-то невнятное и выплюнул окурок папиросы, который обжег ему губу. Уля Михай невольно ускорил шаг. Ему не терпелось вернуться домой.

Там он прежде всего достал свою солдатскую книжку п, раскрыв ее, убедился в том, что его предположения оправдались: фотография, которая была кем-то отклеена, снова красовалась на своем месте. Он слегка присвистнул, как всегда, когда обнаруживал что-то особенно любопытное для себя. «„Старик“, „старик“, теперь я понимаю, почему ты мне рассказывал эти сказки. Ты очень хитер, мой милый, по на отот раз номер не прошел, — сказал про себя Уля, перевязывая сундучок. — Боюсь, что тебя ждет взвод карателей».

Игра продолжалась... Счастье было изменчиво, и важные деньги, смятые и захватанные, переходили от одного игрока к другому.

Б последнюю минуту, вконец проигравшись, Барб> Басиле в упорной схватке с Мардаре Ионом выиграл изрядную сумму. Зато Бурлаку снова стал проигрывать. Пучка денег, лежавшая слева от пего на поле, заметно уменьшилась. Бремя от времени он прикрывал ее ладонью, словно стараясь на ощупь определить, какой суммой денег он еще располагает. Он нервничал больше других игроков п курил папиросу за папиросой. Обычно каждый проигрывающий начинал нервничать. Единственный, кому удавалось сохранить присутствие духа, независимо от того, проигрывал он или выигрывал, был Барбу Басило.

По натуре своей замкнутый и нелюдимый, Барбу Басило обыкновенно был скуп на слова. Он говорил лишь в тех случаях, когда это было совершенно необходимо ИЛИ когда представлялся удобный случай над кем-нибудь пли над чем-нибудь поиздеваться. Язвительная насмешливость была второй существенной чертой его характера.

Зато когда в его руках оказывались карты, с ним происходило чудесное превращение. Он становился чрезвычайно общительным, лицо его прояснялось, глаза светп-

дись Он непрерывно отпускал шутки, одну острее другой, поддразнивал своих партнеров, рассказывал анекдоты. Казалось, что поток слов, которым он оглушал своих противников, был для него ловким тактическим ходом в игре. Обычно его красноречие в конце концов выводило из себя остальных игроков, особенно тех, к кому фортуна поворачивалась спиной. Они нервничали, делали ошибки, выдавали себя и, оказываясь «при хорошей карте» теряли способность использовать самые выгодные шансы в игре.

Как правило, выигрывал Барбу Василс. Но даже если этого иногда не случалось — он всё-таки не оставался и проигравшим. Поэтому все были убеждены что играет он нечисто. Однако поймать его с поличным никому еще не удавалось, хотя за ним пристально следило несколько пар глаз.

И на этот раз он применил свою обычную тактику. Проигрывая, он всё время был в хорошем настроении. Выиграв же, равнодушно бросил на стол деньги и проигрошил, что теперь-то он «обчистит» всех. Его угроза оказалась не пустым звуком, потому что с этой минуты он начал беспрестанно выигрывать. Деньги от других игроков переходили к нему, непрерывно увеличивая лежащую перед ним груд.

— Видите, братишки? Говорил я вам, что разорю вас всех в конце концов. Что касается тебя, «старик», то я не успокоюсь, пока не сниму с тебя и кальсоны.

Бурлаку метнул взгляд человека, готового на убийство, и, бросив на стол две из пяти карт, поданных ему Мардаре, закурил новую папиросу.

— Эх, «старик», смотри — с табачным отравлением шутки плохи! — подсмеивался Барбу Василс.

— Да помолчи ты. трепло. Ты уже заморочил мою голову своей болтовней!

— А что я особенного сказал? Табачное отравление? Это еще шутка. Боюсь, что к тебе подкрадывается грудная жаба. Уже если тебе так повезло, что ты избавился от передовой, ты хочешь покончить самоубийством, отравившись этой вонючей махоркой... Ей-богу, грешно!.. Из-за чего? Только из-за того, что я помогаю тебе избавиться от каких-то бумажек, которые ни на что здесь не годятся. Меня деньги совершенно не интересуют, и именно поэтому они просто прут ко мне. И к тебе они поворачива-

каются задом, потому что уж очепь ты заришься па пих. Так что напрасно ты посадил Улю возле себя, чтобы од тебе удачу приносил. Попроси-ка его, чтоЗы он отсел по-дальше, может это избавит тебя от невезения.

— Ты не беспокойся. Я сейчас спать пойду, — ото-звался Уля, который и в саОм деле намеревался лечь пораньше.

Он поднялся, держа л руках карту — бубновый туз. Поверней ее, он обратил вдруг внимание на ее обратную сторону. Изначале Уля даже не понял, что его так заинте-ресовало. Па первый взгляд, рисунок казался совершенно *абычиѳт*^ таким же, как на любой другой карте. Однако он был и таким и не таким. И вдруг Уля припомнил, при каких обстоятельствах он видел точно такие же карты.

Это было еще во Франции. Он ехал ночным поездом в Париж. В одном купе с ним находились два гитлеров-ских фельдфебеля. Оба они были молоды, и заносчивость их была прямо пропорциональна молодости. Разговари-вали гитлеровцы чересчур громко и после каждой фразы хохотали, нисколько не заботясь о том, что мешают спать остальным пассажирам.

Они играли в карты, держа на коленях чемодан, вы-нутый из багажной сетки. После полуночи, нагруженные чемоданами и тюками, немцы сошли на какой-то малень-кой станции.

Утром, проснувшись, Уля увидел на скамейке карту, лежавшую кверху «рубашкой». Немцы в спешке — они играли до топ минуты, пока поезд не остановился на станции, — забыли ее. Бзяв карту двумя пальцами, слов-но она была чем-то испачкана, Уля выбросил ее через открытое окно. На той карте был точно такой же ри-сунк, как л на картах, которыми играли шифровали* щикн.

«В конце концов это не имеет никакого значения», — сказал себе Уля, продолжая вертеть в руках бубновый туз. И в самом деле, у него не было причин придавать особое значение этому факту. Ведь страна была навод-нена немецкими товарами. Не исключено, что гитлеровцы взамен пшеницы и нефти, награбленных в Румынии, экс-портировали туда такой товар, как карты. И всё-эаки...

— Чьи это такие потрепанные карты? — спросил он безразличным топом.

— Барбу! — ответил Мардаре. — Как видишь, они его

хороню знают. Иначе чего бы он всё время выигрывал, как ты думаешь? Боюсь, что он их заколдовал.

— Кто знает, может быть? — иронически отозвался Барбу.

Бурлаку горячо поддержал товарища:

— Мардарс прав. Я понимаю, везет раз, два, пять раз, но ведь до сих нор ни разу не случилось, чтобы он тоже вытряхнул свои карманы. Это плохо пахнет.

— Эх, «старик», есть в тебе какая-то изюминка, что-то такое, против чего никто не может устоять, ей-богу! Если бы кто-нибудь другой посмел заявить, что я жульничаю, клянусь, я бы треснул его по тому священному мосту, которое Иоанн намазал мирром при крещении. Но тебе я прощаю оскорбление. Впрочем, я уверен, что в тебе просто говорит досада. Коли через пять минут ты начнешь выигрывать, ручаюсь, что станешь менее подозрительным. Чтобы доказать, что я на тебя не сержусь, обещаю одолжить тебе карты. Клади их на но*чь под подушку, может они и тебя полюбят.

Бурлаку Александру не ответил, бросив на Барбу уничтожающий взгляд.

Уля вмешался в разговор:

— На всякий случай, чтобы ни у кого не возникало никаких подозрений, брось ты их к черту и достань себе другие.

— Найди нам другие, и мы воздвигнем тебе памятник! — ответил со своей обычной насмешливостью Барбу Басило. — Но пока ты достанешь, отдай бубновый туз, который ты совсем потрепал. Мне сдавать.

Уля машинально протянул ему карту, потом поднялся из-за стола:

Желаю тебе удачи, «старик»! Мне надоело «болеть».

Позже, уже раздеваясь, он снова вспомнил рисунок на картах Барбу. АЛ конце концов, — сказал оп себе, — я думаю, что не мешает разузнать поточнее, можно ли купить такие карты в магазинах у нас в тылу».

Л этот момент Полиною Ллад, который читал месячной давности газету, сказал, обращаясь к Барбу:

— Кстати, Барбу! Тебе привет от Ллчнбде Стояна. Почему ты мне не сказал, что вы знакомы?

Уля обратил внимание на то, как вздрогнул Барбу, услышав этот вопрос. По только последовавший затем

диалог убедил Улю в том, что он не ошибся, настолько мимолетным было это движение БарСу.

— Первый раз слышу это имя. Кто этот гражданин?

— Мой приятель! Так ты не знаешь его? Странно. А он утверждает, что знает тебя и что случайно от какой-то свсрой золовки, которая дружит с твоей женой, узнал, где ты находишься. Он собирался написать тебе, как только выкроит свободное время.

— *Н* же сказал, что не знаю его. Он меня с кем-нибудь путает.

— Он пишет, что вы познакомились в Берлине в 1939 году. *Ты* мне никогда не говорил, что бывал в Германии.

— А я и не бывал.

— В таком случае, он, вероятно, путает тебя с кем-то, Я ему напишу об этом.

— Конечно, путает.

Барбу произнес эти слова обычным своим тоном, но Уле показалось, что в голосе его прозвучали какие-то новые потки.

«Держу пари, что Барбу врет!» — подумал Уля и едва не присвистнул. Вместо того чтобы лечь спать, как намеревался, он набросил тин ноль.

— Пойду-ка я, ребятки, немного проветриться! — сообщил он с порога.

И вышел, провожаемый взглядами всех присутствующих.

— Опять он за свое, этот одержимый! — пошутил Мардаре, бросив на стол три карты.

— Ей-богу, он — сумасшедший! — добавил Пелиною, который, прочитав газету, готовился ко сну. — Даже разжалование не вылечило его.

— В конце концов или его расстреляют, или он попадет на передовую, — предсказал Барбу Василе, — между нами говоря: он уж сверх всякой меры дурака валяет!

— Хватит врать-то! — крикнул на них Бурлаку Александру, к которому вернулось хорошее настроение, так как он снова начал выигрывать. — Человек* сказал, что идет проветриться. Почему бы ему не поверить? Глупо думать, что он сегодня способен опять отправиться к бабам. Через несколько часов после разжалования! По таковы уж вы все: базарные бабы, сплетницы! — Потом обратился к Томеску, который сдавал карты: — Только

одну карту, одну-единственную. Так! Все играют? Хорошо!..

Игра опять захватила солдат, и они быстро забыли про Улю.

Уля Михай отправился в штаб искать капитана Георгиу. Но нашел его не там, а па квартире.

— Что случилось, господин Уля? — спросил явно обеспокоенный капитал.

— Ничего особенного, господин капитан. Прошу простить, что я вас потревожил в столь неподходящее время, по мне пужна паша помощь.

— С удовольствием! Я к вашим услугам...

—]'ос поди и капитан, вы играете в карты?

— Когда есть время и партнеры, я не прочь сыграть иartiю-другую в покер.

— В таком случае, не можете ли вы мне сказать, чем отличается эта карта от обычных карт? — И он протянул треюую тройку, которую незаметно захватил из колоды ненужных в игре карт.

Капитан Георгиу взял карту, внимательно рассмотрел ее, поворачивая то одной, то другой стороной, потом вернул Улс:

— Я ничего особенного в ней не вижу!

— Как вы думаете, продают у нас в магазинах такие карты?

— Вероятно!.. По что вы находите в этом необычного?

— Обратите внимание на эти косые полосы! Насколько мне помнится, прежде они шли слева направо, а не справа палево. Как бы нам поточнее узнать, имеется ли в продаже такой образец?

— Так ли уж ото важно?

— Само по себе — нет. По если связать это с другими фактами — да. Так что к моей просьбе относительно игральнх карт я добавляю еще одну: запросите сведения относительно Барбу Василю.

И он рассказал Георгиу всё, о чем только что услышал.

Выслушав рассказ Ули, капитан спросил с явным недоверием:

— Вы думаете, что Барбу может иметь какое-нибудь отношение к тому делу, которое нас интересует?

— Головой своей я бы ручаться не стал, по мне ка-

жегся, Барбу врет, утверждая, что не знает этого Алчибаде Стояла.

— А почему он это скрывает?

— Алчибаде Стоян утверждает, в письме к Полиною, что познакомился с Барбу в Берлине. Я думаю, вы согласитесь, что если это подтвердится и если Барбу в какой-то мере замешан в интересующем нас деле, то понятно, почему он не хочет, чтобы кто бы то ни было знал о его пребывании в Берлине в 1939 году. А пока мы получим необходимые сведения, надо будет за ним внимательно понаблюдать.

Капитан Георгиу пожал плечами:

— Наблюдайте. Возможно, вы и нравы. Смею будет очень доволен. Он давно его подозревает. А теперь вернемся к вашей просьбе. Чтобы я мог узнать, имеется ли в продаже у нас этот образец, дайте мне карту. Я ее пошлю в штаб армии," а уж они позаботятся о том, чтобы переправить ее дальше.

— Это меня не устраивает. Вероятно, в эту ночь Барбу еще не заметит пропажи, но завтра или через день-два он увидит, что одной карты не хватает.

— Хорошо, я понял! Вы ее получите обратно к утру. Я отправлю Параскнеску в штаб армии и попрошу господина полковника Поулоиола сфотографировать ее и до утра вернуть нам. Это вас устраивает?

— Отлично! Благодарю вас.

— Что касается второй просьбы, то я также не вижу препятствий к ее удовлетворению. Через того же Параскнеску я попрошу позаботиться о том, чтобы нам выслали необходимые сведения.

— Еще раз благодарю вас.

— К чему эти благодарности!—дружелюбно отозвался капитан Георгиу. — Я чем могу стараюсь помочь вам, но если хотите знать мое мнение...

— Я прошу вас!

— Я считаю, что вы слишком много уделяете внимания фактам, лишенным всякого значения. Вот хотя бы и эти карты. Предположим, что наше подозрение оправдывается и таких карт в Румынии в продаже нет. Ну и что же это доказывает? Что он достал их особым путем? Допустим. А вы не считаете, что опытный шпион не стал бы играть в покер картами, которые продаются только в Германии?

— Нерно!

— Так как же?

— Во-первых, хочу пас предупредить, что я совсем не придаю решающего значения этому факту, Ио ведь случается, что совсем незначительный, на первый взгляд, факт подсказывает верное решение.

— Естественно, не надо игнорировать факты, лишённые, па первый взгляд, значения. Но, уделяя им слишком много внимания, мы можем не заметить тех фактов, которые действительно представляют депностт,. Другими слонами, мы можем за деревьями не увидеть леса. Не подумайте, что я имею в виду вас, ваш метод работы. Я говорю так, вообще. Впрочем, это замечание, прошу поверить, в той же мере относится и ко мне. И мне частенько случается придавать особое значение некоторым фактам, в сущности лишённым всякой важности.

Тон, которым была произнесена вся зта тирада, лишний раз доказывал, что, как всегда самоуверенный, капитан Георгиу был абсолютно убежден, что уж к нему-то наверняка не откосятся те замечания, которые он сделал Уле.

— Оставляя в стороне побуждения, заставившие вас говорить все ото, будем считать ваше замечание советом.

— 51 был бы огорчен, если бы вы как-нибудь иначе восприняли мои слова. Я совсем не хотел обидеть вас.

Видя, что Уля поднимается, чтобы идти, Георгиу добавил:

— Подождите, я только возьму шинель. Дойду с вами до штаба. Надо послать за Параскпвеску.

Они вышли вместе и расстались перед штабом.

Полчаса спустя мотоцикл с прицепной коляской мчался но шоссе к штабу армии. В коляске сидел младший лейтенант Параскпвеску. Во внутренний карман кителя он спрятал запечатанный конверт, который, согласно полученному приказу, должен был передать лично полковнику Поулонолу Трояиу, начальнику Второго отдела штаба армии.

Утром Пелиною Влад, шаря иод столом в поисках бо-•зинок, увидел валяющуюся там карту. Это была трефовая тройка.

— Варбу, смотри, иод столом валяется карта.

Варбу Василе, который до той минуты никак пе мог расстаться со своей постелью, словно кошка нрыпгнул с топчана и в один миг оказался иод столом. Он поднял

карту, осторожно обтер ее, потом сунул в карман, в котором лежала вся колода:

— Хорошо, что ты ее нашол. Если бы она потерялась, как бы я стал раскладывать пасьянс?..

Пи Барбу Василе, пи кто иной из шифровальщиков — за исключением Ули — не могли знать, что произошло в течешге этой ночи с трефовой тройкой. Точно так же, как никто из них не подозревал, что на рассвете специальный курьер Второго отдела штаба армии полетел на двухместном самолете на юг, увозя с собой фотографию тройки треф и строго засекреченный рапорт полковника Поулоиола Трояка, адресованный его начальнику.

НОЧКМУ БЫЛ УБИТ МЛДШИИ ЛКЙТКНЛНТ НОЙИНГУ ТКМИСТОКЛЯ

Капитан Георгиу читал рапорт, оставленный ему только что ушедшим офицером службы информации полка «Сигет» младшим лейтенантом Войнягу Темистокле. В рапорте подробно излагались все обстоятельства перехода минувшей ночью на вражескую сторону одного из взводных командиров полка. Целый час обсуждали капитан Георгиу и младший лейтенант Войнягу детали этого чрезвычайного происшествия.

Младший лейтенант Войнягу Темистокле был одним из самых способных офицеров-разведчиков. Сведения, которые поступали от него, были всегда разносторонними и точными. Учитывая всё это, капитан Георгиу представил его к награде.

Капитан Георгиу заканчивал чтение рапорта, когда в кабинет вбежал младший лейтенант Параскивску и голосом хриплым от волнения сообщил:

— Господин капитан, младшего лейтенанта Войнягу застрелили на шоссе...

— Что ты говоришь? Как это застрелили? Кто?..

— Ничего больше не знаю. Солдат, который сообщил об этом, в соседней комнате.

— Позови ею!

— Иди докладывай господину капитану о том, что знаешь! — позвал младший лейтенант Лараскпвеску ожидавшего в соседней комнате солдата из хозяйственной команды.

— Здравия желаю, господип капитап! . Шел я в штаб, чтобы узнать у господина старшего адъютанта Доробыща, сколько человек у нас числится в командировках, и вдруг слышу выстрел п вижу, как господи офицер, который шел мне навстречу, падает, словно в него молния ударила... Выл он в этот момент метрах в ста от меня. Я бросился к нему, но, пока подбежал, бедпьяга уже остывать стал.

— Один момент!—прервал солдата капитан Георгиу. — Параскивеску, возьмите людей из караульной команды и перенесите младшего лейтенанта сюда. Нечего устраивать зрелище для зевак из деревни. По дороге предупредите господина подполковника медицинской службы. — Потом, после того как младший лейтенант Параскивеску ушел:—Теперь продолжай!

— Так вот, как я вам докладывал, оставил я его на связного, а сам побежал сюда. Связной-то и узнал убитого. Говорит, что ото господин младший лейтенант из ихнего полка.

— Связной, говоришь?

— Так точно, господин капитан. Он верхом был. Наверное, его с «корреспонденцией» послали, кто его зпаот...

— Кще что?

— Больше ничего! Это всё...

— Когда ты услышал выстрел и увидел, что младший лейтенант падает, может ты заметил и того, кто стрелял?

. — Никак нет, господин капитан! Я, верно, оглянулся вокруг, но увидеть никого не увидел. На шоссе не было ни души. Наверное, выстрелил какой-нибудь штатский из крестьянского двора... Кто его знает...

— Народ собрался та выстрел? Ты не заметил?

— Пока я там стоял, нет. Когда я побежал сюда, то видел, как несколько солдат собралось вокруг покойника. Да у калиток появились женщины...

-- Хорошо, хорошо... Иди в караульное помещение и жди там. Ты мне еще понадобишься.

— Слушаюсь, господин капитан!

Когда солдат вышел, капитан Георгиу вызвал по телефону генерала Потшнкариу:

— Честь имею, господин генерал. Хочу вам доложить о серьезном деле. Только что на шоссе, меньше чем в ста метрах от штаба дивизии, был убит младший лейтенант службы информации полка «Сирот». Я его вызывал к себе

в связи с известным вам случаем дезертирства. Интересно отметить, что с тех пор, как он ушел от меня, и до того момента, когда его убили, прошло три четверти часа. Трудно предположить, что ему понадобилось сорок пять минут для того, чтобы пройти расстояние максимум в сто метров. Пока это всё, что я знаю и могу вам доложить. Я счел нужным поставить вас в известность, как только мне сообщили об этом убийстве... Разумеется, когда я буду располагать какими-нибудь более подробными данными, я явлюсь к вам с докладом. Имею честь, господин генерал!

Капитан положил трубку и вышел из кабинета. На дворе он появился как раз в тот момент, когда младший лейтенант Параскивеску въезжал верхом в ворота; за ним четыре солдата из караула несли на плаще безжизненное тело младшего лейтенанта Войнягу. В воротах видны были перепуганные лица нескольких солдат, которые шли за печальной процессией.

Тело младшего лейтенанта положили в караульном помещении, в комнате дежурного офицера. Подиошовник медицинской службы Стытсеску бегло осмотрел труп. Впрочем, не нужно было быть медиком, чтобы убедиться в том, что офицер мертв.

— Он убит. Выстрелом и затылок... Пуля прошла чреснасквозь и вышла через рот.

— Убит, — машинально повторил капитан Георгиу. —* А стреляли в него с близкого расстояния?

-- Наоборот, мне кажется, что издалека.

— Из какого оружия, вы думаете, его застрелили?

— По-моему, из винтовки.

— Прошу вас, господин подполковник, изложить на бумаге то, что сейчас установили. Господин генерал приказал, чтобы его проинформировали о случившемся как можно подробнее. Я надеюсь, вы ничего не имеете против того, чтобы труп пока остался здесь. Бедный Войнягу! Он был превосходным офицером.

Потом, обращаясь к младшему лейтенанту Параскивеску, капитан сказал:

— Общайте его карманы, Параскивеску. Хотя я и не уверен, что это нам что-нибудь даст, но всё-таки... по-¹смот[е]ть надо. Постарайтесь освободиться здесь поскорее. По всей вероятности, вы мне будете нужны.

Он ушел к себе в кабинет, где его уже поджидал лейтенант Тымплару.

— Тымнлару, ношлпте немедленно своих людей и оцепите деревню. Никому не давать выходить из нее. Всякого, кто попытается выбраться из деревни, задерживать и доставлять сюда. Это — во-первых. Во-вторых... По я не спросил, знаете ли вы о том, что произошло.

— Так точно, господин капитан, именно поэтому я и явился к вам!

— В таком случае, вот еще что надо сделать: поставьте посты через каждые три дома, на расстоянии ста метров к западу и востоку от того места, где был убит младший лейтенант Войнягу. Никому из местных жителей и вообще гражданских лиц не разрешать выходить из дому. Вы вместе со своим старшиной Котырца возьмите из автороты мотоциклы и отправляйтесь по шоссе в противоположные стороны, до первой деревни по пути. Арестуйте и доставьте сюда всех, кого вы встретите на шоссе. Ясно?

— Ясно, господин капитан! Больше никаких приказаний не будет?

— Нет. Можете идти. Предупредите своих людей, чтобы смотрели в оба.

Четверть часа спустя капитан Георгиу начал допрос всех тех, кто оказался на месте убийства, начиная со связного из полка «Снрет».

Опрошены были тридцать человек военных и местных жителей. Писари, которые заменяли* секретарей суда, сменяли друг друга каждые полчаса. Они исписали немало страниц, и когда поздним полуночным часом было записано последнее показание, в их руках оказалось весьма объемистое «дело».

Капитан Георгиу, хотя и устал больше других, отправил своих людей отдыхать. Отпустил он и младшего лейтенанта Параскнвеску.

— А вы, господин капитан? — спросил Параскнвеску, не решаясь уйти.

— Я еще задержусь немного. Господин генерал ждет результатов расследования. Скверно то, что у меня самого еще нет окончательного сложившегося мнения... А как вы думаете, находится ли среди тех людей, которых мы выслушали, убийца младшего лейтенанта Войнягу?

Младший лейтенант Параскнвеску пожал плечами:

— Но знаю!.. Не думаю! Искать так запутанно...

— Меньше чем за два месяца—два таинственных убийства. Первый — шофер Пантелеймон, а теперь младший лейтенант Войнягу!

— Вы думаете, что существует какая-то связь между этими убийствами? — спросил младший лейтенант Параскивеску.

— Пока я только констатирую факты. Ну вот, я вас задерживаю, а вы падаете с ног от усталости. Идите ложитесь. Мы еще поговорим завтра, а теперь спокойной ночи!

Капитан Георгиу хотел остаться один, потому что он ждал Ульо.

Вскоре после ухода младшего лейтенанта Параскивеску в двери просунул голову Уля:

— Я не помешаю?

— Паконец-то! Рад вас видеть, господин Уля.

— Господин капитан, и я рад вас видеть!

— Пу, что вы скажете обо всей этой истории?

— Чтобы сказать хоть что-нибудь, я должен знать больше того, что известно по слухам. Так как вы приняли меры к тому, чтобы свидетели ни с кем не общались, то единственным моим источником информации оказались слухи. Я могу вам доложить, что слухов много и все они противоречат один другому. Так что, прошу вас, сжалось надо мной и скажите, чему я должен и чему по должен верить.

Капитан Георгиу рассеянно переложил с места на место листы бумаги с разными заметками, потом рассказал Уле всё, что узнал, допрашивая свидетелей.

— Вы знаете, — и это не выдумка, — начал он, — об убийстве младшего лейтенанта Войнягу Темистокле в ста метрах от штаба дивизии. Его застрелили издали, направив пулю из иинтовки прямо в затылок. Единственный очевидец — солдат из хозяйственной команды по имени (ламбулиу Иетраке. Он слышал звук выстрела и видел, как упал убитый. Другой свидетель, связной из полка капрал Георге, прибыл к месту убийства на пять минут позже первого свидетели.

Пока мы не знали всех подробностей, я склонен был подозревать этого связного. Подумайте сами: убит офицер, и, по странному совпадению, солдат из той же части оказывается вблизи места убийства. Всё это довольно по-

дозрительно, не так ли? Но мое подозрение быстро рассеялось, когда я узнал, что Войнягу застрелили сзади. А мы точно знаем теперь, что связной ехал верхом с противоположной стороны, то есть ему навстречу. Значит, ясно, что связной не мог убить его.

Есть одна важная подробность, которая в самом начале меня весьма озадачила: Войнягу убили через сорок пять минут после того, как он ушел от меня, на расстоянии не более ста метров от штаба. Надо было двигаться со скоростью улитки, чтобы пройти сто метров за три четверти часа. А так как это невозможно, то естественно возникает вопрос: где задержался Войнягу после того, как он ушел от меня, и до той минуты, когда был убит. Вначале я предполагал, что перед тем, как покинуть штаб, он зашел в один из других отделов. Я навел справки и теперь совершенно точно знаю, что он никуда не заходил. Более того, часового, стоявший у входа, видел, как он вышел из ворот в три часа, то есть ровно через пять минут после того, как покинул мой кабинет. И как вы думаете, что еще я узнал? Что в тот момент, когда его убили, он не уходил, а, наоборот, возвращался в штаб.

Я задал тогда себе два вопроса. Первый: что заставило младшего лейтенанта Войнягу возвращаться в штаб? Второй: не существует ли связи между его смертью и решением вернуться? Выслушав всех, кого удалось допросить, я смог утвердительно ответить на второй вопрос. Сейчас вы узнаете, каким образом.

Вот здесь у меня тридцать протоколов. Среди них пятнадцать составлены при опросе местных жителей. Речь идет о тех, чьи дома расположены неподалеку от места убийства. Я исключаю с самого начала предположение, что младший лейтенант *Войнягу* мог быть убит местным жителем. Во-первых, потому, что все они производят впечатление совершенно невинных людей... а во-вторых, потому, что во всех этих домах размещены солдаты. Войнягу был убит во время обеда, то есть в такой час, когда большинство из них находилось на квартирах. Таким образом, мне кажется маловероятным, что местный житель осмелился бы застрелить офицера в столь неподходящий час.

Таково мое мнение. Может быть, прочтя показания, вы придете к другим выводам. Но прежде я хотел бы прочесть вместе с вами самое важное. Я начинаю с показаний часового, стоявшего на посту у ворот. Его зовут... но-

смотрим, как ого зонут... Да, Бырзу Думитру. Слушан го, что он говорит:

«...Было, может, три часа с несколькими минутами, когда из ворот вышел господин младший лейтен.шт, которого потом \бпли. Ош наверное, очень торопился, потому и не ответил на мое приветствие. Он пошел вниз на шоссе но направлению к «канцалартш»...»

Вопрос. Откуда вы знаете, что тогда было три часа с несколькими минутами?

Ответ. Это потому, господин капитан, что я только что заступил на пост. Я был во второй смене. Потому-то и знаю... И, как и лам докладывал, он поше г вниз по шоссе. Я еще недолго смотрел ему вслед, а потом занялся своим делом. А когда я снова взглянул на шоссе, то увидел, что господин младший лейтенант с кем-то разговаривает.

Вопрос. С кем же ото он разговаривал? Ты узнал, кто это был?

Ответ. Пет, господин капитан. Это было далековато, и солдат тот стоял спиной... Хотя я и видел его только сзади, но не мог бы сказать, что нигде до этого не встречал. Однако и сказать вам, кто именно ото был, я бы не сумел. Чтоб я пропал, если вру! Если бы я его еще раз увидел... Но не беспокоитесь, господин капитан, теперь-то, когда буду дежурить у ворот, я уж стану глядеть в оба. И если тот военный отсюда, из штаба, я его по спине узнаю, можете не беспокоиться.

Вопрос. Ты говоришь - - ото был солдат? А может, это был офицер? Ты уверен, что не ошибся?

Ответ. Нет, офицером от не был, юслодпп капитан! Это был солдат. Может — господин курсант. Но вы не беспокойтесь, господин капитан! Голову отдам, если я его не нащупаю этими же днями. Я его за горло схвачу и при-тащу к вам.

Вопрос. Что ты еще знаешь? Они долго разговаривати? Ты не заметил, когда именно они расстались?

Ответ. Так ведь они не расставались, господии капитан. Поговорили сколько-то там, поговорили, а потом пошли... Вместе пошли, вниз по шоссе. Вот всё, что я зпато. То есть... Как бы не соврать мне... Я тоже услышал выстрел и сказал себе тогда: «Кто этот дурень, который стреляет среди бела дня, нарушая приказ господина генерала».

Вопрос. Ты уверен, что это был выстрел из винтовки? Может быть, стреляли на пистолета?

Ответ. Да что вы, господин капитан! Не со вчерашнего и не с позавчерашнего дня я на фронте. В этом-то я еще разбираюсь, не разучился отличать выстрел из винтовки от хлопка пистолета».

— Таковы показания часового. Как видите, мой писарь, этот шалопаи Морояну, забавы ради постарался передать слово в слово речь солдата. Хоть он и не стенограф, но, думается, что не пропустил ничего.

Но вернемся к нашей теме. Само собой разумеется, что я, допрашивая остальных, старался угнать, кем бы мог быть тот солдат, с которым встретился Войнягу. Но это оказалось нелегким делом. Никто его не видел. Я пс.ч-1И всякую надежду потерял, когда один из солдат, прикомандированный к офицерской столовой, заявил мне кое-что такое, что не может не заинтересовать вас:

«Я служу в столовой господ младших офицеров. Господин сержант Постатаке послал меня в продовольственный отдел выписать растительного масла, потому что вечером к ужппу мы собирались подавать салат, а у нас и капли масла не осталось. Я нашел господина младшего лейтенанта Болонуцы в продовольственном, и он сказал мне, чтобы я отправлялся обратно в столовую, потому что оп уже послал подводу с продуктами на три дня, там есть и масло. Я пошел обратно. По дороге я видел господина курсанта Томеску Адриана из шифровального, который стоял и разговаривал с нездешним господином младшим лейтенантом. Я отдал им честь, но они мне не ответили. Не знаю, о чем они разговаривали, но оба сильно размахивали руками. В особенности казался расстроенным господин курсант Томеску. Лицо у пего было красное, будто он только что из бани вышел. Я как увидел его физиономию, сказал себе: «Поди знай, не из тех ли господ с горячим нравом этот младший лейтенант, который ни за что ни про что надавал курсанту затрешин, не глядя на то, что имеет дело с образованным человеком». Я знаю, что с тех пор, как мы па сторону русских подались, бить больше не разрешается, но не мне вам рассказывать, сами знаете... Есть еще такие горячие головы среди господ офицеров, которые пет-пет да и угостят пощечиной, когда вспыхнут. От такой болезни за однн-два дня вылечиться трудно

Пошел я дальше своей дорогой. Что там потом произошло между ними — не знаю. Вернулся я в столовую, доложил господину сержанту то, что велел господпп младший лейтенант Болопуцы, а потом отправился на кухню чистить картошку».

— Господин капитан, у нас один сюрприз за другим. Скажу вам по правде, я никак не думал, что в этом запутанном деле снова замешан кто-нибудь из шифровальщиков. Очень любопытно и вместе с тем очень неожиданно! — заключил Уля Михан, договаривая эти слова скорее всего для самого себя.

— Так имейте в виду, что показание Томеску действительно очень неожиданно. Вот оно:

«Я знаю младшего лейтенанта Войнягу Темистокле уже много лет. Мы из одного города: Брыила. /Кили па одной улице. Когда я был мальчишкой, мы мало соприкасались с ним, — он принадлежал к так называемому хорошему обществу, а я происходил из семьи бедняков.

Темистокле вырастили слуги и гувернантки. Родные держали его в строгости. Ему не разрешали играть с «оборванцами» ироде меня. Впрочем, своим воспитанием они сделали его гордецом. Когда мы, дети бедняков, наполняли улицу шумом наших игр, он приходил смотреть па нас сквозь решетку железных ворот. Смотрел свысока и едва достаивал ответом, если кто-нибудь из нас обращался к нему. Позже я понял, что, в сущности, он был неплохим парнем. В этом я убедился, когда мы учились и лицее Там мы подружились, и я даже был доиущеп к ним в дом.

Он любил меня, хотя частенько в нем вспыхивала зависть, и тогда он становился злым и пытался унижить меня. Но это у пего быстро проходило, и, вопреки всей внешним проявлениям своего характера и воспитания, он оставался хорошим товарищем, искренне каялся и всем чем мог старался задобрить меня. Мне вспоминается один случай, когда из зависти он глубоко оскорбил меня.

Еще с первых классов лицея он начал брать уроки игры на скрипке. Часто случалось, что и я присутствовал на них. Мне тоже очень хотелось научиться играть на скрипке. Но откуда было взять денег? Моему отцу едва хватало заработка, чтобы прокормить нас и заплатить *а наше обучение в школе, за то, чтобы мы — как он говорил — не остались неучами. Мне так хотелось

иметь скрипку, что иногда по ночам, во стю, я видел, как отец, каким-то чудом раздобыв ее, приносит мне.

И однажды это чудо действительно произошло. Я получил скрипку. Дешевую скрипку, которая стоила гроши, по я-то знал, как трудно было отцу купить ее для меня.

Само собой разумеется, что я, получив скрипку, первым делом помчался к Тсмистокле. Скрипка эта была, как я уже сказал, жалкое создание из дешевого дерева с отвратительным звуком. Мне же казалось, что нет на свете лучшей скрипки. Когда я пришел к Тсмистокле, как раз закапчивался урок. Учитель взял в руки мою скрипку, настроил ее, тронул струны, чуть заметно покривившись; прошелся еще несколько раз по струнам смычком, потом вернул ее мне. Не знаю, может он пожалел меня, видя, с какой любовью я прижимаю к груди мою бедную скрипку, но вдруг я услышал от него: «Ты знаешь ноты, мальчик?» — «Да, господин! Я изучил их в школе». — «А с кем ты будешь заниматься?» — «Я еще не знаю. Посмотрю, что отец скажет. Учителю надо платить много денег, а у отца их нет». — «Не хочешь ли взять первый урок у меня?»

Он объяснил мне, как держать скрипку и смычок, как звучит каждая из четырех струн. Потом заставил меня повторить за ним первую гамму и, довольный, спросил меня: «Тебе еще кто-нибудь показывал всё это до меня, мальчик?» — «Мне никто больше не показывал, господин!» — «Значит, ты первый раз держишь в руках смычок?» — «Да!» — «В таком случае могу тебе сказать: браво».

После ухода учителя, ошастливленный его похвалой, я поднес скрипку к подбородку и начал повторять гамму, которую он мне показал. Один, два, три... много раз. Наверя я переживал свой несказанно чудесный сон.

К действительности меня вернули жестокие слова Тсмистокле, которому явно хотелось унижить меня:

— Перестань же наконец, Адриан! Ты даже сам не понимаешь, до чего твоя скрипка отвратительно скрипит! Она звучит хуже, чем бухай,¹ ей-богу!.. Послушай хоть немного мою.

И он стал водить смычком по струнам. Я понял, что

¹ Г> у х а й — рулшнекий народный инструмент, иыш и реющий реп быка.

он прав. Его скрипка, которую родственник привез ему из-за границы, издавала такие ясные, красивые зпукк, в то время как моя... Между ними была та же разница» какая бывает между трелями соловья и ревом осла.

Я с трудом удержал слезы и ушел, не сказав ему ни слова. Дома я швырнул свою скрипку на землю и растоптал ее ногами. Отец избил меня до полусмерти, по изменить ничего уже было нельзя.

Темистокле очень жалел о том, что случилось. Он просил у меня прощения, даже плакал. Я помирился с ним, но с тех нор никогда больше не брал в руки скрипку.

Такой был у Темистокле характер. Бее годлл, проведенные в лицее, мы поддерживали более или менее дружеские отношения. После лица наши пути разошлись. Он уехал в Бухарест, я — в Яссы, где мой отец устроил меня на службу, которая давала возможность посещать университетские занятия и снимала с него всякие заботы обо мне. Мы встречались с Войнягу несколько раз на ка-никулах, но не делали попыток возобновить наши прежние отношения. Б годы войны я его ни разу не встречал и ничего не слышал о нем. Недавно я случайно узнал, что г» полку «Оирет» есть офицер, который носит его имя. Я подумал тогда, что это, может быть, он и есть, по не стал узнавать точнее.

Сегодня я его встретил. Я шел в сапожную мастерскую чинить спои ботинки. Темистокле догнал меня. Казалось, он был рад нашей встрече. Я тоже обрадовался. Как-никак*, мы водь были когда-то друзьями. Л потом здесь, далеко от родины, каждому доставляет удовольствие встреча с земляком. Так как нам было по путл, мы пошли вместо до сапожной мастерской, болтая обо всякой всячине. Там мы расстались. Он предложил мне проводить его до того места, где он оставил свою повозку, но я отказался. Было уже поздно, и до занятий я должен был успеть привести в порядок своп ботинки.

Это всё, что я могу рассказать о встрече с младшим лейтенантом Войнягу Темистокле».

«Вопрос. Когда вы встретились, вы пошли вместе, по останавливаясь?

Ответ. Разве это имеет какое-нибудь значение?

Вопрос. Я вам задал вопрос и прошу на него ответить. Имеет ли он значение или пет — вас не касается. Повго-* ряю: остановились ли вы с ним на дороге?

Ответ. Да, на несколько мгновений. На столько, сколько нужно было, чтобы пожать друг другу руки и обменяться обычными слонами, которые произносят дна человека, встртптпсь после долгой разлуки.

Вопрос. Вы сказали, что эта встреча доставила нам удовольствие, не так ли?

Ответ. Да. Мне кажется, что это естественно.

Вопрос. Бы также утверждали, что остановились с пич лишь на столько, сколько нужно было, чтобы пожать друг другу руки и обмспяться обычными приветствиями?

Ответ. Так точно.

Вопрос. Как же могло случиться, что в течение эти* нескольких мгновений, во время которых вы обменивались приветствиями, между вами вспыхнула ссора?

Ответ. Ссора? Мы совсем не ссорились! Я не знаю, как вы пришли к такому заключению. Оно не соответствует действительности.

Вопрос. Но кое-кто слышал, как вы ссорились. Почему вы это отрицаете?

Ответ. Не знаю, кто мог слышать ссору, которой не было.

Вопрос. И всё-таки кое-кто слышал, как вы ссорились, и заявил об этом. Никто не проходил мимо вас в то время как вы... обменивались приветствиями?

Ответ. Не могу припомнить, чтобы кто-нибудь проходил мимо.

Вопрос. Попытайтесь вспомнить!

Ответ. Возможно, что кто-ппбудь и проходил, а я не заметил. Но что это доказывает? Я же говорю вам, что мы не ссорились. Тот, кто вас информировал таким образом, просто-напросто лгал. Если *ои* слышал, как мы ссорились, то мог попать п причину нашей ссоры. Есть ли у вас такие сведения?

Вопрос. Нет, потому что вы вовремя позаботились о прекращении ссоры. В последний раз: из-за чего вы ссорились?

Ответ. Прошу прощения, но я уже перестал что-нибудь понимать. Кто-то утверждает, что мы ссорились. Но если он слышал эту ссору, значит, он должен знать, по какому поводу шла ссора, иначе как же *ои* мог сделать вывод, что мы ссорились?

Вопрос. Слушайте, Томеску! Заппмая такую позицию, вы ухудшаете свое положение. Вы человек образованный

гг должны понимать, чем рискуете, скрываясь за доводами, которые убедительны только па первый взгляд. Если смотришь в окно соседского дома и видишь, как два человека ссорятся, но-ватпему лельзя никак судить об этом факте, потому что не пмеепгь возможности услышать то, о чем они говорят? Но совершенно необязательно слышать их. Когда люди ссорятся, они усиленно жестикулируют, лица у них воспаляются, они смотря] друг на друга с ненавистью. По выражению лиц, но тому, как они шевелят губами, можно понять, какими они обмениваются «любезностями».

Тот, кто сообщил пам о вашей встрече, пришел к заключению, что вы ссорились, но тому, как вы размахивали руками. Он утверждает, что у вас лицо покраснелось так, будто вы получили несколько пощечин. Как видите, вам нет смысла отрицать очевидные вещи. И вас спрашиваю в последний раз: из-за чего вы ссорились?

Ответ. Я еще раз говорю вам, что мы не ссорились. И буду на этом настаивать.

Вопрос. Хорошо. Пока пойдем дальше. Значит, вы шли вместе до сапожной мастерской, то есть до штаба. Точно?

Ответ. Не совсем до штаба, потому что мастерская немного ближе.

Вопрос. Будем считать, примерно до штаба, так как дома эти расположены рядом. Вы не могли бы мне сказать, который час был, когда вы расстались?

Ответ. У мепя нет часов, так что точно я не могу сказать. Думаю, что это было в три часа пятнадцать млпут. Может быть, несколькими минутами больше... или меньше.

Вопрос. Когда вы разошлись, поблизости никого не было на шоссе или во дворе мастерских?

Ответ. Я не заметил.

Вопрос. Вы слышали звук выстрела?

Ответ. Слышал.

Вопрос. Где вы в этот момент находились? Сапожник чинил вам ботинок?

Ответ. Нет, он уже несколько минут как закоичнл.

Вопрос. Значит, вы уже вышли оттуда? Вы шли обратно?

Ответ. Нет! Я был еще во дворе мастерских.

Вопрос. Что вы там делали? Вы с кем-лпбудь разго-

варивали? Л когда вы слышали выстрел, вы не выбежали на шоссе?

Ответ. Я не мог.

Вопрос. Почему?

Ответ. Потому что... потому что в тот момент я находился в уборной. Если вы намерены арестовать меня как предполагаемого убийцу Темистокле, то можете это сделать. Моя беда состоит в том, что я в тот момент находился в таком месте, где приличия не позволяют иметь свидетелей»!.

Вопрос. Я должен заметить, что ваша ирония дурно пахнет. Но это между прочим. Важно другое: когда вы покинули двор мастерских, труп младшего лейтенанта Войнягу был увезен?

Ответ. Да.

Вопрос. Вы наверное знаете место, где он упал?

Ответ. Да, потому что я увидел несколько солдат, толпившихся у этого места. Я остановился, чтобы спросить, что случилось... На земле виднелись пятна крови.

Вопрос. Вы моите мне назвать несколько имен тех солдат, которых вы там встретили?

Ответ. Конечно* Там были денщик господина майора Братоловяну, старшина Панделеску из санитарной части. Был еще...

Вопрос. Достаточно! Какое расстояние, по-вашему, между мастерскими и местом, где упал младший лейтенант Войнягу?

Ответ. От сорока до пятидесяти метров. Хочу еще уточнить для вас, что я был без оружия... я оставил свое оружие на квартире. Впрочем, я плохой стрелок.

Вопрос. Пока вас никто не обвиняет. Я бы хотел вас спросить еще об одном — не показалось ли вам, что младший лейтенант Войнягу спешит?

Ответ. Но знаю, что ответить вам на этот вопрос. Он тел довольно быстро. Но, насколько я знаю, у него всегда была быстрая походка.

Вопрос. Можете вы еще что-нибудь добавить к сказанному?

Ответ. Абсолютно ничего!»

Капитан Георгиу сунул листки протокола в панку, потом обратился к Уле Михаяу:

— По-моему, Томску лжет, Лжет, когда утверждает, что между ним и младшим лейтенантом Войнягу не было

никакой ссоры, и лжет, когда говорит, что проводил его до сапожной мастерской. Но в этом я убедился лишь после допроса. Я не хотел бы, чтобы вы думали, что я полностью убежден в его виновности, хотя показания старшины Доробыца говорят не в пользу Томеску. Но прежде чем вы будете знакомиться с ними, я хочу вам рассказать, в каком направлении я повел свое расследование.

Первым делом я допросил тех, кто работает в мастерской. Мне надо было выяснить, в котором часу явился Томеску в сапожную. Сапожник называет время, которое ни о чем не говорит: «около трех часов». Я потребовал, чтобы он точно указал, сколько времени ему понадобилось, чтобы зашить ботинок. Он сказал, что при черной пятнадцать минут. Следовательно, ничего интересного этот допрос не дал. Не многим больше дал и допрос остальных солдат из мастерской. Никто не видел, как Томеску разговаривал с Войнягу, никто не видел, когда он пришел и ушел, и заметьте, что всё это время два солдата пилили: дрова во дворе мастерской. Но, как я ни пытался, мне не удалось ничего от них добиться. Ничего другого, кроме: «но знаем», «мы не видели», «мы его не знаем».

Когда я увидел, что от людей из мастерской мне не удастся ничего вытянуть, я решил допросить сотрудников штаба. Мне хотелось знать, не видел ли кто-нибудь шедших Томеску с Войнягу в тот момент, когда они проходили мимо штаба. Не знаю почему, но у меня было предчувствие, что Томеску проводил его не только до мастерской. Писарь штаба, сержант Тондики, отсутствовал в это время. Он уходил вместе с поваром за продуктами. Трое солдат из наряда, которых посадили чистить картошку, воспользовавшись тем, что повар ушел, улеглись спать и заснули мертвым сном. Они даже выстрела не слышали.

Единственным, кто мог дать мне интересные сведения, оказался старшина Доробыц. Я вам прочту его показания:

«Я видел курсанта-капрала Томеску Адриана, проходившего мимо канцелярии вместе с незнакомым младшим лейтенантом. Это было в пятнадцать часов двадцать семь минут. Я могу вам точно назвать время, потому что всего несколько секунд до этого посмотрел на часы. Я стоял у окна. Вы, вероятно, знаете, что господин капитан Медреа курит сигары. Он всё утро работал с сер-

ядагтом Топдики, и комната была полна дыма. Я не курю, и так как мне тоже нужно было работать, я открыл окно. В тот момент я и увидел проходившего мимо курсанта-капрала Томеску Адриана. Через десять минут, когда я подошел к окну, чтобы закрыть его, он шел обратно. Нл этот раз один. Шел он очень быстро. Я не придал этому значения, подумав, что он спешит, чтобы не опоздать на занятия.

Я закрыл окно и начат работать. Ладо было составить отчеты, которые требовал Первый отдел. Немного спустя, — я не знаю точно, через сколько минут, — раздался выстрел. По правде сказать, я не обратил па пего никакого внимания. Несмотря^ на категорическое запрещение, солдаты иногда балуются оружием и постреливают. Впрочем, я бы напрасно стал воображать, что смогу найти клрушптеля. Так что я продолжал заниматься своим дет>м. Обо всем случившемся я узнал гораздо позже от сержанта Топдики. Но мне и в голову не могло прийти, что убитый офицер — тот самый, которого я видел проходившим мимо вместо с курсантом Томеску.

От сержанта Топдики я узнал, что на шоссе собрались солдаты, которые обсуждали это происшествие здесь же, па глазах у местных жителей. Я оставил работу и пошел, чтобы разогнать их всех по своим гвартнрам. П не пожалел, что пошел, потому что высланный вами для патрулирования шоссе наряд, вместо тою чтобы навести порядок, присоединился к толпе любопытных, чтобы раз-узнать подробности.

Навести порядок оказалось нелегко. Стоило рпзогпать группу любопытных в одном месте, как они собирались в другом. В конце концов мне удалось всех их отправить по своим местам. Пока я вернулся в канцелярию, прошло больше часа. В кабинете меня ждал повар, чтобы сообщить, что у него пропала винтовка. Оп объяснил мне, что, когда уходил за продуктами, винтовка висела на гвозде па кухне. Он подозревал одного солдата из наряда, который оставался чистить картошку. Люди были еще на кухпо, и я вызвал их п по очереди допросил. Все они клялись, что ничего не знают. Я думаю, что никто из них винтовки действительно не брал. Скорей всего, взял кто-то Третий, чтобы поиздеваться над владельцем винтовки. Вы же знаете, что у повара всегда найдется несколько недоброжелателей, особенно среди обжор.

Именно поэтому я склонен думать, что винтовку взял один из тех, кого повар обижает. Вероятно, кто-нибудь из них приходил в штаб и, заглянув на кухню — обычно все так делают, — увидел винтовку, висящую на гвозде, и спящих солдат из наряда. Вот он и унес винтовку, решив таким образом отомстить повару. Я убежден, что в конце концов ее вернут.

Это всё, что я хотел вам заявить».

«Вопрос. Скажите, Доробыц, когда Томеску я младший лейтенант Войнягу проходили мимо вас, вы не заметили — разговаривали они дружелюбно? Вас ничем не поразило поведение одного из них?

Ответ. Теперь, когда вы меня спрашиваете... мне кажется, будто... Но я бы не мог этого утверждать категорически.. Курсант Томеску показался мне чем-то расстроенным. Он что-то объяснял, размахивая рукой. Если бы вы не спросили меня, эту подробность легко было бы упустить.

Вопрос. Теперь другое: не заметили ли вы, возвращаясь, заходил ли Томеску в мастерскую?

Ответ. Нет. Как я вам уже говорил, мне показалось естественным, что он торопится, поэтому я только посмотрел ему вслед.

Вопрос. Скажите, существует ли еще какой-нибудь проход от штаба к мастерским, кроме того, что выходит на шоссе?

Ответ. Существует. Оба двора разделены забором. Кто-то из солдат оторвал от забора три доски, так что из одного двора в другой легко пройти, не выходя на шоссе».

— Ну вот, я прочел вам самые интересные показания из протоколов, остальные прочтете сами. Таким образом, по-моему, ясно, что Томеску лгал, когда говорил мне, что он проводил Войнягу только до мастерских. Почему он лгал? Пока это одному богу известно. Завтра я устрою очную ставку. Посмотрим, что он скажет, когда узнает, что существует свидетель, который видел, как он проходил мимо канцелярии.

— Если он заупрямится, то может не признать этого так же, как не признал и того, что они ссорились, хотя кто-то и видел их ссору. Впрочем, мне кажется, что не имеет значения, проводил ли Томеску Войнягу дальше мастерских или нет.

Капитан Георгиу удивленно взглянул на Улю Михая,

явно раздосадованный тем, что тот не придает значения факту, который, по его мнению, являлся зерном всего допроса.

— Не понимаю! Если это не имеет значения, так почему же он отрицает этот факт?

— Господин капитан, у нас уже есть сложившееся мнение? Вы знаете, кто убил младшего лейтенанта Войнягу?

— Не знаю!.. То есть, *еще* не знаю. Судя по материалу, который собран в этом дате, у меня есть вполне основательные причины арестовать Томеску Адриана как предполагаемого убийцу младшего лейтенанта Войнягу.

Уля Михай покачал юловой в знак сомнения:

— Я с вами согласен, что есть причины для ареста Томеску. Одно только мне совершенно непонятно: почему он его убил? Можно сделать несколько предположений. Так, например, из его заявления достаточно ясно вытекает, что младший лейтенант Войнягу не был ему симпатичен. Может быть, я не очень ошибусь, утверждая, что он ненавидел его. Между нами говоря, ваш младший лейтенант возможно и был превосходным офицером контрразведки, но как человек, разрешите вам сказать, он был настоящим подлецом. Эпизод со скрипкой, скажу я вам, искрение меня растрогал. А как вы думаете, почему Томеску рассказал об этом случае с таким множеством подробностей? Именно и потому, что ненависть оказалась сильнее его самого.

Вот одна причина, которой можно было бы объяснить преступление. Человек, ненависть которого к другому человеку уходит корнями в далекое детство, может прийти к преступлению. Посмотрим теперь, какие другие предположения можно сделать.

Давайте не оказывать никакого доверия Томеску и будем считать, что весь его рассказ об унижениях и оскорблениях, которым подвергал его Войнягу еще в детские годы, всего-навсего выдумка. По одно не подлежит сомнению* они были знакомы прежде. С детских ли лет, с университетских, или с другого времени — неважно. Здесь они встретились случайно. Войнягу известны какие-то факты из прошлого Томеску, факты, которые могли его запятнать, и — скажем — особенно заинтересовать Второй отдел, — тем более, что Томеску работает шифровальщиком. Мы можем предполагать, что Томеску старался убе-

дить Войнягу не выдавать его. Он объясняет, просит, из себя выходит. Солдат из хозяйственной команды утверждает, что лицо у него было таким красным, словно ему кте-то надавал пощечин. Старшин сержант Доробыц, в свою очередь, говорит, что Томеску показался ему очень озабоченным. Он говорил и жестикулировал, в то время как Войнягу мрачно его слушал. Но, сколько он ни старается, Войнягу не дает себя \ говорить. И тогда, в отчаянии, Томеску решается его убить. Вот второе объяснение. Но возникает вопрос, впрочем важный и для первого варианта: откуда Томеску мог знать, — а он это знал, — что Войнягу вернется? Потому что совершенно точно известно, что Томеску зашел предварительно в сапожную мастерскую. Затем, почему Томеску, после того как он убил младшего лейтенанта Войнягу, не скрылся, не бежал от места преступления, зная, что никто не сможет подтвердить его невиновности?

Накопец, последний вопрос, который встает перед нами и который фактически приводит меня к третьему предположению: почему вернулся Войнягу? Вам он сказал, что спешил, так как не хотел, чтобы ночь застала его в дороге. Вы спросили Томеску, не было ли у него впечатления, что Войнягу спешит, на что он вам ответил, что у Войнягу вообще быстрая походка. Так или иначе, можно сделать вывод, что он спешил возвратиться в часть еще до темноты. В таком случае, что заставило его возвращаться в штаб? Вероятно, только очень серьезная причина.

Можно предположить следующее.

Младший лейтенант Войнягу покидает вас, торопясь поскорее попасть к себе в полк. По дороге он встречает Томеску. Они давно не виделись. Вероятно, Томеску снова вспоминает о прошлом, в чем-то упрекая Войнягу. Томеску не владеет собой, он волнуется, размахивает руками. Младший лейтенант торопится, но не может оставить бывшего товарища, не закончив разговора. Тогда, чтобы не терять времени, он предлагает пройти вместе часть дороги. Неожиданно, в одном из дворов, Войшлу замечает нечто такое, что заставляет его немедленно вернуться, чтобы сообщить вам о том, что он увидел. Но прежде он должен избавиться от Томеску. Неожиданно оставить его — значит обидеть. Сказать, почему ему надо вернуться, он не может.

В конце концов они расстанутся. Младший лейтенант выживает, пока Томеску уйдет, и возвращается назад. Но ему не дают вернуться и по дороге убивают. Что это значит? Это значит, что убийца, убедившись, что младший лейтенант его узнал, решил любой ценой избавиться от него. Я предполагаю, что он шел следом за ним на расстоянии, выжидая подходящей минуты. Вероятно, он не ожидал, что Войягу повернет назад, это видно по тому, что действовал он слишком поспешно и с такой дерзостью, которая могла бы ему дорого стоить. Оказавшись в безвыходном положении, он скрылся где-то возле здания штаба, мастерских или на чердаке одного из ближайших крестьянских домов и выстрелил оттуда. Совершенно ясно, что стрелял отличный и хладнокровный стрелок.

Теперь убийца младшего лейтенанта -- может быть, он и есть агент, которого мы ищем, — в безопасности. Единственный человек, который мог его выдать, уже не может ничего сказать.

Вот три моих догадки. Возможно, что одна из них верна. В таком случае, вы, ведя расследование, сумеете найти верное решение... если только вы уже не нашли своего собственного решения проблемы.

Капитан Георгиу машинально открывал и закрывал объемистую нанку, лежавшую перед ним, потом задумался на несколько секунд, пристально глядя па красивую мраморную чернильницу, стоявшую перед ним на письменном столе.

— Я должен признаться, — начал капитан с обычным своим апломбом, — что мнение, которое у меня сложилось, в какой-то мере совпадает с вашим первым предположением. Виновником убийства является Томеску. Он ненавидел Войягу. Эта ненависть сохранилась даже после того, как он его убил. Дело не в том, что он совершил этот поступок только из чувства мести. У него не хватило бы смелости рискнуть только из-за этого. Должно быть, появилось нечто более важное, что заставило его решиться на такой шаг... А что если Войягу тоже ненавидел ею в по меньшей мере? А что если у обоих были старые сче-ты, которые необходимо было наконец свести? Л что если из них двоих Войягу был сильнее, располагая такими фактами из прошлого Томеску, которые могли привести его в военный трибунал? В таком случае к ненависти,

корнями своими уходящей в детство, прибавился страх. И тогда Томеску убил.

Вы выдвинули следующие возражения, которые могут быть признаны действительными для всех трех вариантов:

Откуда мог знать Томеску Лдриан, что Войнягу пойдет обратно в штаб? Это действительно важный вопрос. Его решение даст нам ключ ко всей загадке; я тоже задал его себе. И он вызвал, в свою очередь, другой вопрос: когда именно он решил убить Войнягу? Перед тем или только увидев, как Войнягу повернул назад? Я думаю, что, когда они расстались с Войнягу, Томеску был убежден в том, что уговорил его не выдавать старого товарища. Вероятно, ему даже удалось вырвать у младшего лейтенанта какие-то обещания в этом смысле. Значит, он уходил успокоенный, может быть с легким сомнением в душе. Во всяком случае, без чувства страха неред опасностью. По дороге Томеску зашел в сапожную мастерскую. После того как ему починили ботинок, вышел на улицу и вдруг увидел, что Войнягу возвращается. Оп в ужасе. Зачем тот возвращается? Никаких сомнений. Для того, чтобы выдать его. Значит, он обманул его! Что делать? Как пометать ему? И тогда, обезумев от страха, он решается. Достает — не знаю еще, каким путем, — оружие, может быть даже винтовку повара, об исчезновении которой говорит старшина Доробыщ, и, спрятавшись в подходящем месте, поджидает Войнягу. Когда тот проходит мимо, он стреляет.

Вы спрашиваете, почему Томеску — если это он убил младшего лейтенанта Войнягу — не поспешил скрыться? Мне кажется, что именно этот вопрос сбивает вас с толку. Но ответ на него есть. Томеску остался, чтобы убедиться в том, что действительно убил своего врага. Оп знал, что его ожидает, если Войнягу только ранен и заговорит. Томеску сказал, что он плохой стрелок. Волможно! На этот >аз страх и отчаяние сделали из него иревосходного снайпера.

В заключение вот мое мнение: Войнягу был убит Томеску. Однако вы, насколько я понял, не считаете его виновником.

— Нет.

— В таком случае, и я задам вам тот же вопрос: откуда знал ваш убийца, что Войнягу пойдет обратно?

— Он следил за каждым его шагом.

— Допустим!.. Но почему он с таким же успехом не мог подумать о том, что Войнягу поручил Томеску сообщить во Второй отдел о слоем открытии? Ведь тогда нерпой жертвой должен был стать Томеску, а не Войнягу. Что может мне помешать рассматривать события с такой точки зрения? Доводов достаточно. Предположим, что в какой-то момент убийца стоял лицом к лицу с Войнягу. И всё же тот не схватил его тотчас за шиворот, не а ростовая? Почему он шадил его? Из чувства милосердия? Нет! Тогда — из расчета? Немедленный арест сопряжен был, вероятно, с некоторым риском, в то время как йотом Войнягу рассчитывал взять его без риска и, главное, без особого гаума. Это вывод, к которому пришел убийца. Он понял также, что Войнягу необязательно самому идти но Второй отдел. Всё, что ему известно, он может передел*» туда с помощью Томеску.

Не исключено, что всё произошло именно таким образом. В таком случае, почему он не убил Томеску раньше?

Уля Михай пересел с одного стула на другой:

— Господин капитан, мпе кажется, что убийца был уверен в том, что младший лейтенант Войнягу не доверит Томеску свою тайну.

— Почему?

— Просто-напросто потому, что Войнягу не мог бы этого сделать.

— Что значит «не мог бы этого сделать?» Мне это непонятно.

— Это значит, что сообщение Войнягу об этом человеке было до такой степени серьезно, что доверить его третьему лицу было просто невозможно. Убийца решил избавиться от Войнягу именно потому, что был глубоко убежден, что тот не может попросить Томеску доставить вам его донесение. Томеску не представлял для него непосредственной опасности.

— Доказывайте, пожалуйста... Аргументируйте.

— Да ведь лучшим аргументом является именно сам факт, что убит был Войнягу, а не Томеску.

— Мпе этот аргумент совершенно не кажется убедительным, — чуть насмешливо возразил капитал Георгпу.

Уля, сделав вид, что не почувствовал иронии, продолжал:

— Но это не значит, что жизнь Томеску н сейчас вне опасности.

— Чтл вы сказали? — спросил ошеломленный капитан, выронив из рук карандаш.

— Сказал, что вполне возможно, что жизнь Томеску и сейчас находится в опасности! Преступник, которого, по моему убеждению, только чрезвычайные обстоятельства вставили прибегнуть к такому крайнему средству, как убийство, боится сейчас следствия. Точнее говоря, он боится того, что следствие пойдет по ошибочному пути и приведет к аресту Томеску, в котором могут заподозрить убийцу младшего лейтенанта Войнягу.

— Но ведь то, что вы утверждаете, абсурдно. Наоборот, арест Томеску должен был бы обрадовать убийцу.

— Не думаю. И вот почему: Томеску арестован. Но он совершенно невиновен. Не чувствуя за собой никакой вины, спасая свою жизнь, не будет же он сидеть сложа руки. Он начнет искать доказательств своей невинности. Он будет напряженно думать, вспоминая всё, что произошло с момента его встречи с Войнягу до той минуты, когда они расстались. Мы точно знаем, что Томеску был не очень внимателен к тому, что происходило вокруг него, разговаривая с Войнягу. Когда вы сказали ему о якобы возникшей ссоре между ними, он был, как вам показалось, удивлен. Думаю, что его удивление было искренним. Это подтверждает мою мысль: он действительно мало обращал внимания па всё, происходившее вокруг.

Так вот. Мы арестовываем Томеску. В заключении, обдумывая случившееся, он начинает припоминать факты, которым до сих пор не придавал значения, но теперь... теперь он всё вспомнит и заговорит о них. И кто знает?.. Может быть, оп п направит нас на след того, кто действительно убил младшего лейтенанта Войнягу.

Я не так наивен, чтобы думать, что убийца будет рассуждать обязательно так же, как я. Наоборот, мне кажется это маловероятным именно потому, что преступник не мог знать, насколько рассеянным был в тот момент Томеску. Не зная итога, он и боится, что Томеску может помочь нам напасть на верный след. Обо всем этом я подумал, когда предположил, что жизнь Томеску в опасности. Полагаю, что н для пего и для нас будет лучше, если мы его арестуем. Преступник может второпях сделать глупость, которая станет для Томеску роковой.

Но капитан Георгиу, который сам еще подавно утверждал, что Томеску виновен, — сейчас, когда Уля предлагал арестовать его, колебался. И колебался именно потому, что не был теперь так уверен в его виновности. Доводы Ули поколебали его уверенность, хотя он не хотел и этом признаться даже самому себе.

— Я предлагаю оставить решение этого вопроса до завтра, пока у меня не сложится окончательное мнение.

— Хороню! До завтра я сам позабочусь о том, чтобы с Томеску ничего не случилось.

После этого они расстались, пожав друг другу руки.

Когда Уля вошел во диор дома, где размещались шифровальщики, собака хозяина бросилась па него с отчаянным лаем, но, узнав, прижалась к ногам, повизгивая и жалобно подывая. Потом она снова залилась коротким, отрывистым лаем, ухватила зубами полу его шинели, потянула к себе.

— Что, псинка? Что с тойон стряслось? Злишься, что тебе сон перебили? Ничего, до утра еще успеешь выспаться!

Он приласкал собаку на ходу и вошел в дом.

Все еще бодрствовали, слушая рассказывавшего о чем-то Бурлаку.

С первого же взгляда Уля Ммхай заметил отсутствие Томеску.

— Где Томеску? — спросил он.

— А где ты хочешь, чтобы он был? По бабам бегают. По твоим стопам пошел, — ответил Барбу Ваеиле.

Сделав усилие, чтобы ничем не выдать своего беспокойства, Уля продолжал расспрашивать:

— Бросьте шутить: вы действительно не знаете, где Томеску?

— Не знаем, браток! Тебе же Барбу ясно сказал, — подтвердил ефрейтор Полиною.

— И давно его нет?

— А сразу вслед за тобой и он улизнул. Примерно пол-одиннадцатого. Мы уже давно иод одеяла все забрались, а он еще не раздевался и всё чего-то около своего сундучка хлопотал. Мардаре еще спросил, чего это он всё на часы поглядывает, будто опоздать боится. Верно, Мардаре? — обратился к *нему* за подтверждением Бурлаку,

— Точно! Боялся, небось, опоздать на свидание. А потом как вскочит — и к дверям... «Ты куда собрался?» — спросил его Пел иною. «А куда мне идти? Иду по своей нужде!» Мы ему было поверили. Ждем-пождем... Проходит четверть часа, полчаса, а Томеску и не думает возвращаться. Тогда я и говорю шутя: «Не иначе как свалился наш бедный Томеску в яму и утонул». А Барбу и говорит: «Ты что, так уж глуп был и поверил ему? Я уверен, что он где-нибудь пристроился с венгерочкой. Я же за ним выходил. Никого там не было. Говорю вам, что он пошел по той же дорожке, что и Уля». Верно, Барбу, твои слова?

— Верно, я так и сказал! Ты должен знать Уля, что в лице Томеску имеешь крупного конкурента.

— А сам-то ты где шатался, кавалер? — поинтересовался Бурлаку Александру.

Уля Михай ничего не ответил и возмущенно посмотрел на всех. «Болваны! — подумал он про себя. — Сидят, бездельничают, и никому даже в голову не придет, что, может быть, в эту минуту Томеску грозит смертельная опасность».

Но он тут же упрекнул себя за эту мысль. У них-то не было никаких причин тревожиться за товарища.

— Мы тут как раз разговаривали по поводу того, что случилось с младшим лейтенантом Войнягу, — объяснил Пелиною. — А что ты обо всем этом думаешь?

Но Уля Михай даже не слышал вопроса.

«Что же делать? — лихорадочно думал он. — Пойти сказать капитану Георгиу?»

Протяжный, жалобный вой раздался в ночи.

— Опять эта собака воет, чтоб она взбесилась! — выругался Мардаре.

— А говорят, что собаки ноют только на луну. Но сегодня и ночь безлунная, а этот проклятый нес всё воет и воет.

Охваченный мрачным предчувствием, Уля неожиданно, не сказав ни слова, повернулся и выбежал во двор.

Оставшиеся в комнате недоуменно посмотрели друг на друга.

— Куда он сорвался, этот сумасшедший? — спросил Бурлаку.

— А черт его знает! — ответил Барбу Басило, поворачиваясь лицом к стене.

Уля Михай тем временем выбежал во двор. Собака опять подскочила к нему и снова принялась жалобно подвывать, хватать его зубами за полу шипели.

— Да, да, псина, иду. Кажется, теперь я понимаю, чего ты хотел от меня. Давай, давай води меня туда...

Собака побегала впереди, непрерывно потягивая. Уля зажег фонарь и пошел за собакой, которая исчезла в саду. Оттуда послышался ее лай. В ничем не тронутой тишине ночи, в угольной темноте, тоскливый вой разносился далеко по деревне, словно весть о приближающейся беде.

Уля побегал в глубь сада. У подножья молодой черешни он наткнулся на тело Томеску. Тот лежал на спине, широко раскинув руки и ноги. Лицо его было искажено, словно он испытывал острую боль. Тонкая струйка крови медленно стекала из левого угла рта.

— Мертв!—прошептал Уля, заскрежетав зубами от острого чувства ненависти, которое владело им в эту минуту.

Машинально притронулся оп ко лбу Томеску. Холодный? Да, но это еще не был ужасающий холод, каким замораживает смерть тело человека. Жизнь, едва-едва теплившаяся в нем, отказывалась угасать. Лихорадочным движением Уля расстегнул его китель и приложил ухо к сердцу. Слабыми, едва ощутимыми ударами сердце еще продолжало биться.

Томеску был жив.

Вне себя от радости, Уля поднял на руки его тело, тяжелое, как тело покойника, и пошел с ним к дому.

Собака, бежавшая впереди него, выла, лаяла, визжала, словно радуясь вместе с ним.

Уля толкнул дверь ногой и вошел в дом. Увидев его с Томеску на руках, шифровальщики словно окаменели.

Уля Михай подошел к столу, на котором поджав ноги, сидел Бурлаку, от волнения не сообразивший, что надо освободить место.

— Сойди! — крикнул Уля с ненавистью.

Окрик вернул Бурлаку к действительности. Соскочив со стола, он принялся помогать Уле укладывать раненого. После того как Томеску уложили, Уля, обессиленный, свалился на стул. На одну секунду ему показалось, что он теряет сознание. Остальные, одеревенев от страха и нервного потрясения, смотрели издали, не смея подойти.

Единственным, кто не потерял присутствия духа, был Барбу Васнле.

— Он умер? — спросил он голосом, не выдававшим ни малейшего волнения. И, сойдя с топчана, потрогал лоб раненого: — Еще нет, но мне кажется, что он долго не протянет

Может быть, имешю эти слова помогли Уле вновь овладеть собой.

— Мы должпы снасти его во что бы то ни стало,— решительно сказал он, обращаясь ко всем. — Каждая секунда промедления может стать для него роковой... Бурлаку, беюм к подполковнику С ты теску. Скажи ему, что это очень серьезное дело. Пусть захватит с собой всё, что нужно. Быстро!.. Да не стоп же ты, беги!

— Ты с ума сошел? В рубахе п кальсонах?

— Накинь на себя шинель и не теряй времени... Ну! Винтовку возьми!

Тон его приказании был таким решительным, что Бурлаку невольно 1 годчин ил с я.

— Ты, Мардаре, пойдешь в штаб. Скажи дежурному офицеру, кто бы он там ни был, чтобы немедленно вызвал сюда по телефону капитана Георгиу. Немедленно! Пусть передаст ему, что речь идет о чрезвычайном происшествии. Позвони и автороту, чтобы дежурная машина доставила сюда подполковника Стытеску. Ты, Целиною, иди сообщи господину капитан} Смеу. У пего на квартире телефона нет. Он педатеко отсюда живет.

— Л я? — спросил Барбу Вас иле. Уля холодно посмотрел на *нею*, лотом сказал безразлично:

— Ты останешься тут, со мной!

Когда все ушли, Уля подошел к раненому. Он снова приложил ухо к его груди, к тому месту, где билось сердце, и прислушался. Сердце еще билось, но тихо-тихо, едва слышно.

Когда Уля поднял голову, лоб его был покрыт мелкими капельками пота. Он стер их ладонью. Взглянув потом на мертвенно бледное лицо, перекошенное, искаженное болью, он вздохнул.

— Помоги мне повернуть его! — попросил он Барбу. — Его ранили в спину.

Уля заметил, что, помогая ему, Барбу Васнле смертельно побледнел. Лицо его приобрело почти такой же оттенок, как у раненого. Руки дрожали.

— Иди разбуди хозяев. Пусть сейчас же затопят печь и вскипятят коду и чистой кастрюле.

Оставшись один, Уля нашел в своем сундучке ножицы, разрезал китель раненого и рубаху, обнажи его спину. Глубокая рана зияла между лопатками. Из псы сочилась кровь.

«Парень умрет от потери кропи», — с отчаянием сказал себе Уля.

Возле дома остановилась машина Залайла собака. Послышался голос подполковника Стытеску.

«Шконец-то!» — подумал Уля, чувствуя, как теплая волна радости и надежды прихлынула к сердцу.

Подполковник медицинской службы Стытеску вошел в сопровождении сашпара Пайдслеску, который нес за ним сумку с перевязочным материалом. Стытеску осмотрел рану и проговорил, словно восхищаясь:

— Страшный какой удар!..

— Как вы думаете, чем его закололи?

— Штыком! Не ножом же кухонным.

Закончив перевязку, Стытеску распорядился:

— Вызовите по телефону санитарную машину. Парня нужно немедленно отправить в госпиталь.

Четверть часа спустя санитарная машина везла Томеску Адриана в ближайший полевой госпиталь.

Собираясь уходить, подполковник Стытеску успокоил капитана Смеу, который больше других был удручен случившимся:

— Дорогой Смеу, по-моему, у него еще есть шансы выскочить. Я зайду сейчас в штаб и позвоню майору Кочну, начальнику госпиталя, попрошу, чтобы он присмотрел за нашим парнем. Я завтра сам заеду туда. Спокойной ночи!

После ухода врача капитан Георгиу обратился к Уле:

— Как это случилось?

— Не знаю...

И он рассказал всё, что узнал от остальных шифровальщиков, и то, как ему благодаря собаке удалось обнаружить раненого.

— Пойдемте, покажите это место.

Шифровальщики хотели идти за ними, но капитан Смеу приказал им остаться на своих местах и укладываться спать.

Когда Уля и два капитана вышли во двор, собака по*

дошла к Уле и прижалась тихонько к его ногам. Он нагнулся и погладил ее:

— Ах, псина, псина, своим поступком ты заслуживаешь награду, ей-богу! Но ничего, я позабочусь о тебе. Пока мы будем в этой деревне, котелок хорошего варева днем и вечером тебе обеспечен...

И он повел офицеров в сад.

— Смотрите! — сказал он, светя фонарем. — Я нашел его на этом месте. Ого! Какая лужа крови... Да, но что всё это значит? — проговорил он и направил луч света в глубь сада. Там виднелась небольшая кровавая полоса, которая вдруг обрывалась. Осмотрев это место внимательно, Уля заметил, что полоса крови не обрывается, а проходит, сузившись, чуть заметной змейкой. Он пошел по ее следам. Полоса привела к луже крови в нескольких шагах от уборной, которая представляла собой примитивное сооружение из неотесанных досок.

— Вы видите? Его ударили на этом месте. Убийца выследил его, спрятавшись за уборной. Ударив в спину и сбив с ног, он уволок свою жертву в сад, чтобы убитого не обнаружили, прежде чем убийца успеет скрыться. Бедный Томеску! Если бы я знал, что враг будет действовать так быстро, я бы настоял на немедленном его аресте.

— Так или иначе, было слишком поздно. В то время, когда вы мне говорили о необходимости ареста, Томеску был уже час как ранен.

— Да, по мы бы нашли его на час раньше, и шансов на спасение его жизни было бы значительно больше. Подумайте, сколько крови он потерял за это время!

— Это правильно.

Капитан Смеу посмотрел на них с недоумением:

— Ничего не понимаю! Вы собирались арестовать Томеску? За что?

— Дорогой Смеу, ни я, ни господин Уля еще не успели ввести вас в курс событий, которые произошли сегодня. Это целая история. Я расскажу вам всё по дороге.

— Одного я не понимаю, — сказал Уля, задумчиво глядя на лужу крови: — почему убийца, прежде чем скрыться, не убедился в том, что его жертва мертва? Неужели он был так уверен, что ударил безошибочно? Или он уже не успел? Во всяком случае, если Томеску выживет, эта поспешность или неосторожность дорого обойдется убийце.

— Вы думаете, Томеску узнал бы его? — с сомнением в голосе спросил капитан Георгиу.

— Я не это имею к виду. Конечно, он мог бы и не угнать убийцу в такую ночь, как эта. Тут и собственных пальцев не разглядишь. Да и напали на него сзади. Если убийца действовал так быстро, — значит, у него были серьезные причины опасаться того, о чем мог бы рассказать Томеску.

— Два убийства меньше чем за двадцать четыре часа! — прошептал капитан Георгиу.

Уля Михай вздохнул:

— Это значит, что враг чертовски опасен. Он действует быстро, хладнокровно и безжалостно. К тому же, он, как видно, не лишен сообразительности.

— Кто? — спросил капитан Смеу.

— Агент Абвера.

— Вы считаете, что убийство младшего лейтенанта Войнягу, а теперь Томеску — дело рук этого агента?

— Боюсь, что да!

— А вы что думаете, Георгиу?

— Вначале я подозревал, что убийца Войнягу — Томеску. Теперь, когда он сам пал жертвой того же преступника, я тоже начинаю думать, что оба убийства дело рук агента Абвера. Подумайте, ведь даже профессиональные бандиты не совершают по два убийства подряд, за исключением тех случаев, когда им угрожает смертельная опасность. Вспомните, при каких обстоятельствах был убит Войнягу. Только сумасшедший или отчаявшийся субъект мог осмелиться убить офицера посреди бела дня, в нескольких шагах от КП дивизии. В то, что убийца сошел с ума, трудно поверить. Скорее всего, он пошел на этот Шаг, оказавшись в безвыходном положении. Он убил, чтобы помешать Войнягу дойти до штаба и раскрыть подлинное лицо того, кто его потом убил.

— Откуда вы всё это знаете? Ведь это только предположение, — заупрямился капитан Смеу.

— Я это и высказываю в качестве предположения, — уточнил капитан Георгиу.

Уля Михай, удивленный тем обстоятельством, что впервые начальник Второго отдела принял во внимание его точку зрения, поддержал Георгиу:

— Это единственное возможное предположение, если иметь в виду данные, которыми мы располагаем... Нет

сомнений, штлеровский разведчик никак не думал, что его здесь кто-нибудь может узнать. Увидев, что его обнаружили, и спасая свою шкуру, он вынужден был пойти на убийство. Я думаю, что он сам предпочел бы, чтобы события не принимали такого оборота. Для того чтобы выполнить свое задание, ему нужны спокойствие и тишина. Тишина и покой усыпляют бдительность, в то время как чрезвычайные события обостряют. Л тут вдруг одно за другим возникают такие события: убийство шофёра Пантелеймона, неудавшаяся попытка убить меня, убийство Попнягу, покушение на убийство Томеску. Агенту Лбвера решительно не везет. Еще один такой случай — и, ей-богу, я тоже стану суеверным.

— Л какие же меры теперь вы думаете принять? — спросил капитан Смеу.

— Меры! — удивился Уля Михай. — Помимо того что мы должны обеспечить надежную охрану шифровального материала, ей-богу, не зная... Какие еще мы можем принять меры? Да и против кого? Мы могли бы, конечно, выстроить всех работающих в штабе, в том числе и офицеров, и арестовать каждого второго. Но и тогда у нас не было бы никакой уверенности, что виновнику событий опять не повезет.

— Это верно! — согласился капитан Георгиу.

— Находясь в совершенно особых обстоятельствах, — снова заговорил Уля, — мы не имеем нрава шуметь, чтобы не напугать зверя. Но у нас есть преимущество, так как *мы* знаем, где он должен появиться.

— Л не скроется ли этот агент, узнав, что мы отправили Томеску в госпиталь? — спросил Улю капитан Георгиу. — Ведь он убил из боязни, что тот его выдаст?

— Это может случиться. К несчастью, не зная его, мы не можем помешать ему скрыться.

— Хорошо, но ведь у вас есть некоторые подозрения. Почему бы вам их всех не арестовать, — настаивал капитан Смеу.

— Кого вы имеете в виду?

— Бурлаку, Барбу...

— Бы хотите, чтобы мы ликвидировали вашу группу шифровальщиков? — пошутил капитан Георгиу.

— Если это необходимо, ликвидируйте. А мне дадите новых людей из других частей.

Словно не слыша совета капитана Смеу, Уля спросил капитана Георгиу:

— Вы не считаете, что сведения, которые вы запросили относительно Барбу, слишком задерживаются?

— Я вызову завтра по телефону полковника Поуло-пола и попрошу, чтобы он снова их там паверху потре-вожил.

— Я не знаю, чего вы еще ждете, Георгиу! — возмутился капитан Смеу. — Вы же подозреваете, что Барбу был в Берлине в 1939 году и что он заинтересован в том, чтобы об этом никто не знал? Так чего же вы ждете? Я бы немедленно допросил его и узнал, был ли он действительно в Берлине или не был. Я бы узнал также, почему он скрывает это.

— Если материал долго не поступит, придется так и сделать.

Уля, который выслушал этот разговор не вмешиваясь, открыл ворота, пропустив вперед офицеров. И лишь в тот момент, когда они собрались уйти, он сказал им:

— Я забыл вам сказать: Барбу пошел в уборную несколько минутами позже Томеску.

— Его нужно немедленно арестовать! — не выдержал Смеу. — Я говорил вам, что этот человек совершенно не внушает мне доверия. В ваших руках лучшее доказательство...

— Я не знаю, надо ли его арестовывать, но во всяком случае, нужно будет его допросить, — сказал капитану Георгиу. Уля Ми хай возразил:

— И всё-таки я попрошу вас подождать несколько дней. Может быть, к тому времени нам пришлют данные, которые мы запросили.

— Хорошо, я подумаю. Пойдем, Смеу, спать.

Уля Мпхай еще несколько минут смотрел вслед удалявшимся офицерам и потом закрыл ворота

„АЛЛО!.. АЛЛО!.. ПРИЦЕЛ БОЛМПШ“

Прошло три дня. Надежда Ули на спасение Томеску оказалась напрасной. Он умер несколько часов спустя, не приходя в сознание.

Капитан Георгиу был вне себя от ярости и склонился к тому, чтобы арестовать Барбу Васпле. Особешно настоя-

вал па этом аресте капитан Смеу. Оп упрекал капитала Георгиу в нерешительности и с откровенной насмешкой говорил о некоторых воепных, которые тянутя на поводу у «штатских», имея в виду влияние, которое оказывал Уля на начальника Второго отдела.

Спор дошел до генерала. Не рискуя на свой страх п риск отдать приказ об аресте Барбу Василе, он вызвал всех троих к себе. Вые л угнав точку зрения каждого, генерал сделал следующее заключение:

— Господа, доводы, выдвинутые вами, не кажутся мне достаточно вескими, чтобы онравдать арест Барбу. У нас есть причины подозревать его. С этим я согласен. Но у нас также имеются причины подозревать п Бурлаку. Что же нам, арестовать их обопх? Предположим, что Барбу именно тот человек, которого мы ищем, хотя это и маловероятно. Разве мы добьемся того, чтобы он заговорил? Господин Уля прав, утверждая, что тот, кто убил среди бела дня младшего лейтенанта Войнягу и несколькими часами позже заколол Томеску, не такой человек, чтобы признаться, как бы мы этого ни добивались. Тем более, что он-то знает об отсутствии у нас веских улик против него. Я считаю, что лам не следует торопиться. Один неосторожный шаг — и мы можем всё испортить. Наоборот, если мы выждем и станем тщательно следить за Барбу, у нас будет некоторая уверенность в том, что хотя бы с его стороны не последует каких-нибудь сюрпризов.

Шифровальщики были встревожены п подавлены всем случившимся. Не зная подлинной причины смерти Томеску, они связывали ее с тем, что он работал в шифровальном отделе. Они еще не забыли того, что случилось с У лей Михаем. С беспокойством и тревогой спрашивали они себя: кто следующий? Ходили теперь всегда вооруженные и вместе. Единственным человеком среди них, кто не проявлял никакой тревоги, был Барбу, хотя все остальные были убеждены, что и оп побаивается, но щеголяет своей невозмутимостью.

Короче говоря, моральное состояние шифровальщиков было отвратительным. Капитан Смеу пытался вдохнуть в них мужество, но без особого успеха. Уля также по-своему старался поддержать настроение своих товарищей. Он, как и прежде, уходил всегда в одиночку и возвращался поздно ночью.

— Вы видите, — говорил он им, — "со мною же ничего не случается. Если кто-нибудь задумал против нас недоброе, почему же он не начинает с меня? Им было бы трудно убрать меня » эти безлунные ночи, когда так темно. Поперьте мне! Этот слепой страх, который овладел вами, просто смешон! Стыд и срам!

Упрек этот больше других разозлил Бурлаку:

— Оставь-ка нас в покое, жеребенок! Да-да, именно так, я и не скрываю, что мне страшно. Но это совершенно ничего не значит. Я не трус, и не раз это доказывал. Хотел бы я видеть тебя в атаке или под артиллерийским обстрелом. Убежден, что ты наделал бы там в штаны. А я прошел через все это, и уверяю тебя, что со мной ни разу не произошло конфуза. Я не бежал ни тогда, когда минометы засыпали землю вокруг меня осколками, ни тогда, когда пулеметы косили людей, словно снопы, ни тогда, когда пуля визжала в ушах, как птенцы ястреба. Но там было другое дело. Там я знал, откуда может прийти смерть, и защищался как мог. Но теперь совсем другое. Теперь смерть тебя подстерегает с любой стороны, а ты не знаешь, откуда ее ждать. Можешь получить удар штыком в спину — и не успеешь даже никнуть, как это случилось с беднягой Томеску. Можешь получить в подарок гранату *пачью* через окно — и не успеешь очухаться, как отправишься прямехонько в лучший мпр, к праведникам. Мне это падоело. Предпочитаю отправиться на передовую. Я даже попрошу капитана послать меня в какую-нибудь часть.

Остальные поддержали его. И так как им показалось, что Уля подсмеивается над ними, они почти возненавидели его. Даже Пелиною и тот был обозлен.

— Перестань задаваться, — набросился он на Улю. — Ты почаще вспоминай поговорку про того кота, которому не всё масленица. Боюсь, как бы мы и тебя не патили однажды с пробитой башкой. Но если тебе жизнь не дорога — это твое личное дело, а мне еще хочется жить. А если уж умирать, то умирать, падая «лицом к врагу», как говорил один поэт. Подыхать же подобно заколотой скотине, не видя, кто наносит тебе удар, и не имея возможности защищаться, — слуга покорный! Меня это не устраивает.

— Что меня возмущает, — нашел нужным прибавить Мардаре, — это абсолютная бездарность нашего Второго

отдела. Подумайте только! Убит среди бела дня младший лейтенант, несколькими часами позже заколот Томеску,— а они хоть бы не ^евелнлмсь! И зачем они только небо коптят, если не могут найти виновника!

И такие разговоры шли из вечера в вечер.

С другой стороны, шифровальщики как бы выросли в глазах писарей, сержантов, старшин и даже некоторых офицеров

— Смотри, это ребята из шифровального!— толкал кто-нибудь своего соседа, видя, как они группой возвращаются к себе на квартиру.

Сознавая, что они являются предметом всеобщего почтительного внимания, шифровальщики принимали невольно серьезный и даже торжественный вид. Разговаривали они солидно, неторопливо, взгляд их выражал значительность и сосредоточенность. Они уже не перекидывались шутками, как прежде, старались держаться поодаль от остальной, штабной братин. В часы отдыха, когда на улицах бывалолюдно, они испытывали особое удовольствие, проходя плечо к плечу с серьезными и значительными лицами перед этой толпой, которая, казалось, ю<това была приветствовать их как героев.

Это не мешало им, возвращаясь поздно ночью к дому, где они размещались, бояться собственной тени. Дчи того чтобы подбодрить себя, они громко все сразу разговаривали, направляя лучи своих фонарей во все стороны.

Приходя домой, шифровальщики запирали двери, занавешивали окна, л уж никто не претендовал на широкую лавку, которая стояла под самым окном и пз-за которой вначале, поселившись в этом доме, они подолгу спорили и в конце концов решали спор жребием.

В этот вечер шифровальщики давно должны были бы отправиться отдыхать, но они ждали капитана Смеу, которого вызвал к себе генерал.

Они начали терять терпение, когда капитан появился в дверях. Он был задумчив, сосредоточен, а это значило, что у него есть для них важное сообщение.

— Ребята, — начал капитан, — завтра утром три человека поедут вместо с господином генералом в деревню, куда-то возле самой линии фронта. Кажется, пришло время подниматься и нам с места, и господин генерал хочет лично познакомиться с обстановкой. Поедут: Бурлаку, Барбу и Целиною. Завтра утром в четыре часа быть

возле штаба. Я тоже еду с вами. Берем с собой шифровальную машину. Я сам ее сейчас подготовлю. Вы, Уля, останетесь мне помогать. Остальные свободны. Спокойной ночи!

Барбу Василс подошел к письменному столу капитана Смеу:

— Господин капитан, прошу меня кем-нибудь заменить.

Капитан Смеу удивленно взглянул на него и, с трудом скрывая свою неприязнь, холодно спросил:

— Почему?

— Господин капитан, я болен. У меня температура. Сегодня я кое-как дотянул, но боюсь, что завтра мне не подняться с постели. Не знаю, где ото меня угораздило, но чувствую, что ужасно простужен. Чем тащить меня с собой без пользы, лучше заменить кем-нибудь. Боюсь, что я чего-нибудь напутаю, а потом от нас потребуют повторения радиограммы. До сих пор я вас никогда не подводил, и *мно* не хотелось бы этого делать и в будущем. Впрочем, вы знаете, что я еще никогда не отка*ывался от работы.

— Он болен, господии капитан, - подтвердил Бурлаку. — Весь день дрожит как собака. Я ему уже говорил, чтобы он сходил в санчасть, но он меня не слушал,

Катштан Смеу внимательно взглянул па Барбу. Тот действительно выглядел плохо. Глаза глубоко запали и блестели как в лихорадке, лицо побледнело, а па щеках выступил нездоровый румянец. Сутулые плечи еще больную сгорбились и слегка дрожали.

-- Хорошо. Я согласен. Пусть едет кто-нибудь дру-
10И.

— Если позволите, я поеду! — предложил Уля Мнхай.

— Уля вас заменит. Теперь идите спать.

Па следующий день утром в указанное время все трое шифровальщиков ждали перед домом, где разместился штаб. Тьма еще безраздельно царила над притихшей деревней. Вскоре появился капитан Смеу, который нес шифровальную машину, а немного спустя вышел генерал в сопровождении начальника штаба и капитана Мыгуриану Онидн, начальника оперативного отдела.

На шоссе их ждали две открытые машины. В одну сел генерал и два сопровождавших его офицера, в другую

капитан Смеу со своими тремя шифровальщиками и радистом с портативной радиостанцией.

Машины двинулись к линии фронта ио шоссе, разбитому во время артиллерийского обстрела.

Утро стояло холодное. Дул ледяной, пронизывающий до костей ветер. На небо одна за другой гасли звезды. Тяжелые, низкие тучи надвигались с востока, заполняя собою всё небо.

Машины мчались одна за другой ио пустынному шоссе. В постепенно редееющем мраке стали видны деревья по обочинам дороги. В неверном свете утра они казались летящими куда-то уродливыми чудовищами.

К месту назначения прибыли еще до полного рассвета. Машины остановились перед домиком, притаившимся в большом саду с разросшимися яблонями и персиковыми деревьями. Генерал вышел из машины и в сопровождении начальника штаба и капитана Мыгурапу пошел к наблюдательному пункту артиллеристов.

Капитан Смеу с шифровальщиками вошел в домик.

В единственной комнате стоял стол, на котором сиротливо торчала чернильница с фиолетовыми чернилами, возле нее лежали ручки и папка с писчей бумагой. Несколькo стульев и топчан в глубине комнаты составляли всю обстановку. В углу перед аппаратом полевого телефона дремал телефонист, который до того, видно, устал, что не проспнул даже тогда, когда в комнату, громко разговаривая и стуча ботинками, вошли шифровальщики.

— Эй, друг, проспись! — крикнул Бурлаку. — Молочница пришла.

Телеграфист вскочил на ноги. Он посмотрел на вошедших красными от бессонных ночей воспаленными глазами. Увидев офицера, щелкнул каблуками и старательно, словно новобранец, выкрикнул:

— Здравия желаю!

Потом опустился на стул и, еще не совсем придя в себя после сна, начал яростно крутить ручку аппарата. Только услышав на другом конце провода голос человека, который ответил ему, телефонист окончательно проснулся.

— Ничего!.. Ничего!.. — крикнул он в трубку и положил ее. Потом протер глаза, порылся в карманах и, не найдя там того, что искал, повернулся к Пел иному, кото-

рый находился к нему ближе других: — Вы не скажете, скрлько сейчас времени?

— Пять!

— Пять? — удивился оп. — А сигаретки у кого-пибудь пе найдется?

Бурлаку протянул ему кисет:

— Угощайся, дружище!

Телефонист не спеша открыл кисет, взял листочек бумаги, изрядную щепотку табаку и, так же не спеша, стал скручивать такую толстую папиросу, что листок чуть ие лопнул. Прикурив, оп вернул кисет:

— Спасибо, господин курсант!

— На здоровье! А ты, братец, из каких мест? — спросил Бурлаку, никогда не упускавший случая поболтать.

— Из Путпы, из самого Стрыоанм. Может, бывали когда у нас?

— Не бывал, по слыхал, что в ваших краях много вина.

— Да-да, много, и хорошее! — и он заулыбался, дружелюбно поглядывая на Бурлаку.

— У тебя виноградник есть? — поинтересовался Бурлаку.

— Есть! Невелик правда, по есть, спасибо госпуду богу. А вы откуда сами, господин курсант?

— Я сам моц, бралец, из-под Кымпени. Небось, и слышать пс слышал про Кымиень?

— Нет, слышал, слышал. Значит, вы моц, из хориевских? ¹

— Из его! Верно!

— Значит, вы моц! Слышал я, что моцы — богатыри, молодцы один к другому, что им ничего не стоит гору да плечи подхватить и с ней бегом в долину спуститься..* Но, видать, пе все моцы одинаковы?

— Это почему так? — спросил Бурлаку, догадываясь, к чему клонит молдаванин.

— Вы уж не обижайтесь, господин курсапт!.. Спль-* ный-то вы сильный, ничего не скажешь. Но ведь моцы, юворят, такие богатыри, каких свет пе видел.

— Да, а я вот не совсем такой, как остальные моцы.

¹ Хори я— им к вождя крупного антифеодального восстания р\мынеких крестьян и горнорабочих в Трпсильвании в 1784 10;и

Это оттого наверное, что мать меня прежде времени, семимесячным, родила. Испугалась усов жандарма

— Нот это да, господин курсант! Ведь я тоже семимесячным родился! Нот какие совпадения бывают!.. Когда кончится война п вам случится проезжать через Молдову, заезжайте к нам в Стрыоаны. Спросите Штефаиаке Бургеля. Меня там каждый ребенок знает. Я угощу вас стаканом такого вина, какого вы никогда в жизни не пили! Только бы поскорее покончить с этими людоедами, с этими «гитлсрцами» л вернуться домой. Недь это они — проклятые! — виноваты в том, что столько народищу побито. Чтоб их земля больше не носила, чтоб они в аду все погорели!

— Ничего, брат, позади больше осталось, теперь уже ждать недолго! Не сегодня-завтра пм крышка. Еще один скачок, — и с ними будет покончено!

Разговор продолжался бы п дальше, если бы в дверях не появился генерал в сопровождении подполковника Барбата, капитана Мыгуряну и артиллерийского лейтенанта.

Генерал был в хорошем настроении. Он грузно опустился на стул, обтирая лоб носовым платком:

— Вызови, парень, «Сирот». Господина полковника!

— Слушаюсь, господин генерал!

Ему удалось быстро связаться:

— Можете говорить, господин генерал!

— Хрубару, вы сделали то, что я вам приказал? — спросил генерал оживленно. — Отлично... Хорошо. Будьте очень осторожны. В установленный час жду вас. Привет. — Он передал трубку телефонисту, потом обратился к начальнику штаба: — Дайте мне карту, Барбат. Вы, Мыгуряну, приготовьтесь писать донесение.

Генерал развернул карту на столе п начал с довольным видом изучать ее:

— Я считаю, что двух батальонов достаточно. Направление атаки...

Он по успел закончить фразу. В саду разорвался артиллерийский снаряд. Взрыв потряс дом до основания.

— Они с ума сошли! Неужели опередили?

Другой снаряд взорвался еще ближе. Потом еще одни... второй... Посыпались стекла из окон дома, часть штукатурки с потолка рухнула вниз, завалила стол.

Менее хладнокровно, чем обычно, подполковник Барбат обратился к генералу:

- Господин генерал, они засекли нас и теперь взяли этот дом и «вилку».

Румынские орудия ответили без промедления. В воздухе стоял оглушительный непрерывный грохот. Не имея точных данных и предполагая, что неприятель дошел в контрнаступление, румынские артиллеристы открыли залп. Затрещали пулеметы. Постепенно и действие вступили все огневые средства, сосредоточенные на этом участке фронта. Неприятельские гаубицы упрямо давят свою цель — маленький дом; в саду у шоссе. Одни снаряд упал на дороге, другой — посреди двора. Осколки изрешетили стены дома и разворотили часть крыши. Снаряды падали один за другим. Справа... слева... впереди и позади дома... Положение становилось отчаянным, по покинуть дом было так же опасно, как и оставаться на месте. Даже еще опаснее. В доме, пока его не накрыли прямым попаданием, стены и крыша в какой-то мере спасали от осколков. Зато во дворе шел настоящий дождь из осколков.

Генерал побледнел, но сохранял спокойствие.

— Свяжите меня с командованием артиллерии. Быстро! — крикнул он телефонисту, стараясь, чтобы тот услышал его в этом адском шуме.

— Алло, Озатта! Алло, Озана! Озана! Господин генерал, Озана отвечает! — крикнул телефонист, лицо которого от страха приобрело вдруг землистый оттенок.

— Алло, Молдовяну! Прицел больше! Ищите батарею гаубиц. Они обстреливают дом, в котором я нахожусь. Быстро! Положение очень серьезное!

Он бросил трубку и прислонился к стене.

В это мгновение вернулся Уля, который незаметно вышел из комнаты.

-- Господни генерал,--сказал он так спокойно, как будто ничего не случилось, — у этого дома есть погреб. Он не очень удобен, но всё-таки более надежен, чем эти четыре стены. Разрешите предложить вам спуститься в погреб. Это будет лучше для всех нас.

Генерал не спешил с ответом. Он не хотел, чтобы его считали трусом. Но еще один снаряд, взорвавшийся прямо перед окнами и обрушивший остаток штукатурки потолка, заставил его решиться:

-- Хорошо, давайте спустимся в погреб! Показывайте нам дорогу, солдат!

Вход в погреб находился в сепях. Последним туда спустился Уля.

Внизу канонада звучала глуше, но каждый раз, когда во дворе падал очередной снаряд, всем казалось, что удар пришелся *прямо* по убежищу, в котором они укрылись.

Румынские орудия уточнили теперь свой прицел в поисках вражеской батареи. Они вели шквальный огонь.

Па переднем крае было спокойно. Пехотинцы с одной и другой стороны иопяли, что всё происходящее их не касается, так как идет *настоящая* артиллерийская дуэль.

Гитлеровские гаубицы послали еще несколько снарядов, лотом умолкли.

Вскоре прекратила огонь и румынская артиллерия.

И снова наступила тишина. Та потрясающая чудесная типпта, которая приходит всегда после артиллерийского обстрела. Только глубоко под землей степы погреба еще слегка дрожали и на голову людей сыпался песок и комочки глины.

Пока падали снаряды, никто не вымолвил ни слова. Все притаились в углах погреба, прислушиваясь к разрывам, которые отзывались учащенными и неровными ударами сердца. Только Уля, спускаясь в погреб, задержался на ступеньках. Он стоял с папиросой во рту, засунув руки в карманы брюк. В темноте его папироса казалась светлячком, который то вспыхивает, то гаснет.

— Я считаю, что теперь мы можем выйти! — и генерал грузно зашевелился в углу, где он сидел, опустившись на корточки. Его слова прозвучали почти весело и были явно предназначены для того, чтобы вырвать всех из оцепенения.

Выбравшись во двор, в тусклом свете дня все увидели, что из четырех стен дома осталось стоять лишь три. Рухнула и большая часть крыши. Солдаты и офицеры, прятавшиеся в погребе, с ног до головы были в пыли и паутине.

— Не плохо мы выглядим, — пошутил генерал, к которому вернулось хорошее настроение, — очень похожи на чернорабочих!

Прежде чем покинуть двор, Уля забрался в дом и вытащил из-под обвалившейся штукатурки забытую на столе карту. Он вернул ее начальнику штаба дивизии, услышав в ответ какое-то невнятное бормотание, обозначавшее, видимо, благодарность.

Генерал подозвал Улю к себе и сказал торжественно:
— Солдат, вы «ели себя достойно. Вашей: инициативе мы обязаны своим спасением. Господин полковник, прошу заметить себе и отдать в приказе: солдату краткосрочной службы Уле Мнхую возвращается чип капрала, Л те-перь, госиода, поищем себе другую крышу и возьмемся за дело.

И он торопливо пошел в сторону от разрушенного дома, сопровождаемый остальными офицерами.

На главной дороге их встретил полковник Панаитсску, командир полка «Тротуш», которого сопровождал лейтенант.

— Слава богу, господин генерал! Л я уж думал, что...

— *Вы* думали, что меня на тот свет отправили, не так ли? Ничего у них *не вышло*, пе повезло им, так сказать! Где у вас тут можно помыться и почиститься?

Бурлаку, подойдя к Уле Мнхаго, дружески толкнул его в бок:

— Эй ты, жеребенок, я же всегда говорил, что ты настоящий человек. И как это ты, черт возьми, не растерялся, когда мы все, во главе с генералом, чуть голову пе потеряли? Верно ты сам сатана и тебе пичего не страшно?

— Как так не страшно! Признаюсь тебе по секрету, я никогда л жизни так не боялся!..

— Ну, а что ты скажешь про генерала? Мужик что надо, правда? Ни одной секунды пе захотел оставаться л долгу перед тобой. Вот ты и опять «господин капрал». Между нами говори, он мог бы вместо этого чина дать тебе отпуск на две педели. Я бы на твоём месте так прямо ему об этом н сказал.

Телефонист, который шел позади группы, тихонько потянул за рукав лейтенанта артиллерии:

— Господин лейтенант, а мне что делать? На старом месте оставаться?

Выглядел он довольно забавно, с пилоткой па затылке, с запыленным лицом, на котором нот словно выта-тировал различные рисунки.

Улыбнувшись, лейтенант ответил ему:

— Где оставаться, Штефанаке? Ты что, не видишь, что от этого дома осталось? Вернись, забирай свой аппарат и беги в роту!

Группа офицеров во главе с генералом подошла к кра-

сквому дому на главной улице деревни, раскипавшейся вдоль шоссе. Шифровальщики остались во дворе. Через несколько минут капитан Смеу позвал их:

— Нам придется подождать. Господин полковник Бар-Сат готовит донесение.

— В таком случае, мы можем выкурить опче по сигаретке, — обрадовался Бурлаку Александру, который был заядлым курильщиком.

— Ля ломкого пройдуся, — сказал Уля. — Во дворе я видел колодец, и мне хочется помыться

Капитан Смеу, войдя в комнату, где генерал разговаривал с офицерами, услышал, как Панаптеску сказал:

— Я не могу попят, господин генерал, как смогли гитлеровцы узнать о том, что вы прибыли сюда и остановились в том домике. Они отлично пристрелялись к нему, и если бы наша артиллерия не спутала их карты...

Полковник Ланаитеску остановился, явно смущенный. Он чувствовал себя прямым виновником всего, *что* случилось.

— Кто еще, кроме вас, знал, что я приеду? — спросил генерал, у которого при этих словах пропало хорошее пастроенис.

— Филппеску и офицер службы информации лейтенант Сытдулеску... Кто устанавливал телефон? — спросил полковник, в свою очередь, у артиллериста.

— Мы, господин полковник, — ответил лейтенант артиллерии. — Я сам отдавал приказ, хотя и не знал, для какой цели нужен телефон. А мне приказ давал господин капитан Сывину. Я думаю, что и он не знал, для чего нужен телефон.

— П всё же кто-то разболтал? И так громко, что услышали немцы. Интересно, о чем думают эти господа из контрразведки. Представляете себе, как будут недовольны госиода из «Орла», когда они узнают обо всем, что здесь произошло.

Капитан Смеу вырвал листок из блокпота и написал на нем: «Господин генерал! Когда мы вернемся в штаб, прошу вызвать меня, Георгиу и Улю. Я смогу сообщить вам имя того, кто передал гитлеровцам информацию о нашей поездке». — Он* сложил записку и подал ее генералу.

Генерал прочел, потом разорвал записку па мелкие кусочки. На его лице легко можно было прочесть выражение беспокойства.

— Мы иогонорпм обо всем позже, Панаитеску. А теперь да канте работать. Лейтенант, схема с разведанными объектами у вас с собой?

— Разумеется, господин генерал!

Лейтенант поспешно вынул из папки для карт схему.

Генерал работал над ней вместе со своими офицерами почти до обеда. Донесение, которое необходимо было передать в штаб армии, было длинным, и шифровать его пришлось больше часу.

Стало почти темно, когда оперативная группа во главе с генералом вернулась из командный пункт дивизии.

Спустя час после прибытия оперативной группы капитан Георгиу, капитан Смеу и Уля входили в кабинет генерала. Там их уже поджидали командир дивизии и начальник штаба подполковник Барбат.

— Я вас вызвал, — начал генерал, — по просьбе капитана Смеу. Вы, Георгиу, надеюсь, уже знаете, что с нами сегодня произошло. Не сомневаюсь, что гитлеровцы получили сведения о поездке нашей оперативной группы. Мало того, они были осведомлены о том, где я установлю свой командный пост. Кажется, Смеу может сказать нам, кто этот осведомитель. Не правда ли, Смеу?

— Так точно, господин генерал!

— Пожалуйста. Слушаем вас.

— Вчера вечером, получив ваш приказ, я собрал своих людей и выделил группу, которая должна была ехать со мной. В эту группу был назначен и Барбу. Я хотел, чтобы он сопровождал меня не потому, что он лучший шифровальщик, а потому, что я предпочитаю не спускать с него глаз. Когда он возле меня, мне легче за ним следить. К моему удивлению, Барбу попросил заменить его кем-нибудь, мотивируя свою просьбу тем, что он болен. Разумеется, я вынужден был согласиться, потому что он действительно выглядел очень плохо. Вместо него я взял Улю, который здесь присутствует. Если вдуматься в то, что произошло с нами в деревне, становится ясно, что гитлеровцы не случайно направили огонь гаубиц на дом, где разместилась оперативная группа. Им было точно известно, кого приютил тот домик. Теперь я задаю себе и вам следующий вопрос: почему Барбу Василе отказался

с нами ехать? Неужели только потому, что он плохо себя чувствовал? Какие у нас есть доказательства, что он не притворялся? Я считаю, что он отказался сопровождать нас именно потому, что заранее знал о сюрпризе, который на.: там ждет, и хотел снасти свою шкуру.

Подумайте, господа, Томеску погибает, заколотый возле дома, и Барбу «случайно» проходит мимо места преступления всего несколькими минутами позже; гитлеровцы, пользуясь точной информацией, пытаются ликвидировать оперативную группу штаба дивизии во главе с ее командиром, и опять всё тот же случай дает возможность Барбу внезапно заболеть и избегнуть опасности.

Не кажется ли вам, что все эти совпадения выищядят очень странными? А что мы еще знаем об этом Барб\? Мы знаем, что он добивался отправки на передов>ю и, конечно, не зря. Более того, у нас есть основания думать, что этот субъект был в 1939 году в Германии.

Так вот, госиода, я думаю, что пришло время покончить с этим Барбу! Я знаю, что господин Уля до вчерашнего дня не соглашался на арест Барбу. Не знаю, придерживается ли он своей точки зрения и сейчас, после того, что произошло. Арест Барбу он ставил в зависимость от получения некоторых дополнительных данных. Я не знаю, придут они или нет, но мне кажется, что это не имеет особого значения. Мне ясно одно: поскольку мы можем предъявить Барбу два серьезных обвинения, надо его арестовать и подвергнуть строгому допросу. Это всё, что я хотел доложить, господин генерал.

— Господин генерал, если разрешите, — попросил слова капитан Георгиу, вынимая из кармана лист бумаги, — я бы хотел доложить вам, что в ваше отсутствие принтея ответ, которого ждал господин Уля,

— Вот как? Тем лучше. Нам легче будет принять какое-нибудь решение. Ну, и что же сообщают о нем? Положительные факты?

— Наоборот, господин генерал, отрицательные,

Уля Михай раздавил в пепельнице сигарету, которую только что закурил, избегая торжествующего взгляда капитана Смеу.

— Господин Уля, — продолжал капитан Георгиу, — хотел знать, существуют ли в продаже такие же карты, какими пользуется Барбу. Нам сообщают, что таких карт в продаже нет.

— Любопытно! — заметил капитан Смеу, всё еще пытаясь поймать взгляд Улп. Но тот, обнаружив пятнышко на письменном столе генерала, старательно счищал его рукавом. — Однако это не самое интересное в том сообщении, которое мы получили. Гораздо интереснее другое. Во-первых, подтверждается, что Барбу был в Германии. Год не уточняется. Но мы знаем от друга Нелипою Алчибаде Стоина, что Барбу был в Германии в 1939 году Другой важный факт: до 1938 года Барбу известен, как выяснилось, в качестве видного легионера, затем он исчез из поля зрения на неопределенный срок. Оказывается, он находился в Германии, а с началом войны добровольно ушел на фронт. В сообщении обращают наше внимание на то, что, поскольку есть данные, компрометирующие Барбу, не следует доверять ему. Если же имеются основания обвинить его в серьезных проступках, необходимо его арестовать и отправить в Румынию для последующего дознания. Вот краткое изложение документа, полученного нами из генерального штаба. Думаю, что добавлять к этому иначе не надо и арест Барбу становится необходимостью.

— Па этот раз, — сказал капитан Смеу с явной иронией, — я думаю, что и господин Уля не станет возражать против ареста Варбу. Не так ли?

— Меня волнуют три вопроса, — медленно заговорил Уля, продолжая усердно счищать пятнышко с письменного стола. — Первый вопрос: как это Барбу мог заранее знать, в каком доме вы установите свой командный пост? Второй вопрос: каким образом он передал информацию на ту сторону фронта? Третий вопрос: неужели он не подумал о том, что отказ поехать с оперативной группой под предлогом болезни может вызвать подозрения? ЭПР три вопроса меня чрезвычайно волнуют.

Капитан Смеу горячо возразил ему:

— Если каждый из нас задастся целью во что бы то ни стало доказать, что Барбу кристально чистый человек, мы найдем не три, а тридцать три вопроса такого рода. И, дорогой господин Уля, если мы будем ждать, пока вы найдете ответы на все эти вопросы, возможно мы потеряем еще не одну человеческую жизнь. Сам генеральный штаб приказывает арестовать его, а вы этому противитесь.

— Откуда вы взяли, что я противлюсь?

— Из того, что вы только что сказали,

— Иы меня неверно поняли. Бы хотите его арестовать? Арестуйте.

— Вы это говорите таким тоном, как будто хотите добавить: «Я умыкаю руки!..»

Генерал, который к этой минуте нарисовал множество ромбиков на листе бумаги, спросил Улю:

— Б самом деле, вы и сейчас не согласны с арестом Барбу? Или данные, полученные нами, кажутся вам недостаточно убедительными?

— Господин генерал, оии достаточно убедительны для того, чтобы считать Барбу «подозрительным номер первый»

— Невероятно! — воскликнул возмущенный капитан Георгиу. — Что же вам еще нужно? Чтобы генеральный штаб прямо написал, что Барбу и есть агент Абвера? По для этого, мы здесь существуем. И вас для этого послали сюда. Мы его арестуем и, как бы он ни был изворотлив, заставим всё-таки признаться.

В эту минуту дверь приоткрылась и адъютант генерала лейтенант Смрышдою просунул голову в дверь:

-- Простите, господин генерал! Дежурные офицер, младший лейтенант Параскивеску, хочет обязательно видеть господина капитана Георгиу. Он говорит, что у него есть важное сообщение.

— Идите, Георгиу! Что опять там случилось?

Капитан Георгиу поспешно вышел. Оставшиеся беспокойно зашевелились на своих стульях, предчувствуя новые неприятные известия.

Капитан Георгиу скоро вернулся. Бее смотрели па него вопросительно.

— Барбу Басило исчез! — объявил он многозначительно.

— Слишком поздно! — прошептал капитан Смеу, с трудом удерживая ругательство.

— Что это значит: исчез? —спросил возмущенный генерал. — Я прошу объяснить, что это значит?!

— Параскивеску докладывает, что четверть часа тому назад к нему пришел Бурлаку и сообщил, что Барбу Изасиле исчез. Утром он остался на квартире, так как был болен. Во время обеда один из шифровальщиков, я но запомнил его имени...

— Вероятно, Мардаре, — вставил капитан Смеу, —< остальные были со мной.

— Пусть это *был* Мардаро. Он принес ему обед. Барбу чувствовал себя лучше. Он поел, потом снопа лег. Вечером, когда Мардаро принес ужин, он Барбу уже не нагнел. Стали расспрашивать хозяйку, искать его повсюду, но безрезультатно. Тем временем вернулись и все остальные. Тогда Бурлаку, не зная, где найти вас, Смеу, пошел к Параскивеску, который сегодня дежурит. Параскивеску пришел ко мне. Это не^е. Да, вот еще что: Параскивеску сказал, что ребята из шифровальной команды совершенно деморализованы. Они думают, что Барбу постигла та же участь, что и Томеску.

— На этот раз они ошибаются, — зло проговорил капитан Смеу. — Барбу почуял, что его ждет, и смылся. Так нам и надо, если мы уж настолько щепетильны! — нашел нужным добавить капитан Смеу, с досадой и укором глядя на Улю Михая.

Тот стоял, скрестив руки, опустив голову, словно чувствуя себя виноватым. «Неужели я до такой степени ошибся? спрашивал он себя. -- И всё-таки Барбу исчез'.. Нравится мне это или не нравится, но факты именно таковы!»

Уля чувствовал, что все взгляды направлены на него.

Генерал, видимо понимая его душевное состояние, решил избавить Улю от возможных упреков и закрыл со-
вещание:

— Господа, вы свободны! Георгиу, примите срочные меры, какие вы считаете необходимыми. Может быть, нам всё-таки удастся поймать его. Я но думаю, чтобы он слишком далеко ушел. Держите меня в курсе дела. До свидания, господа.

Быйдя от генерала, Уля Михай пошел к дому, где размещались шифровальщики. Он шел медленно, засунув руки в карманы, стараясь собраться с мыслями. Но мысли бродили в голове расплывчатые, отрывочные, они возникали вдруг и снова исчезали, и трудно было поймать ускользнувшую нить. В том, что приходило в голову, не было никакой связи с главным, с тем, что волновало и на чем необходимо было сосредоточиться. У генерала над левой бровью бородавка... Л в погребке, где они укрывались днем, пахло квашеной капустой... Не забыть бы завтра подстричься... Когда кончится война, он напишет Франсуа, чтобы тот выслал книжки, оставленные ему па хранение...

Уля прошел мимо своего дома, даже не заметив этого. Его догнал мотоцикл с коляской:

— Кто такой?

Капрал узнал голос лейтенанта Тымнлару, командира полицейской роты.

— Это я, господин лейтенант, солдат краткосрочной службы Уля Мнхай.

— Л, это вы! Не ходите без дела по улице. Запрещено. Отправляйтесь сейчас же на квартиру.

— Слушаюсь! Л вы куда, господин лейтенант, на ночь глядя?

— Приказано! Черт побери этих шифровальщиков. всегда мне из-за них хватает работы. Опять не придется спать всю ночь!

Лишь когда мотоцикл отправился дальше, Уля сообщил, что прошел мимо своей квартиры, и повернул обратно.

Своих товарищей он нашел в скверном пастроешш.

— Ты слышал? Исчез Барбу! — встретил его на пороге Пелиного.

— Слышал. Мне капитан сказал.

— Томеску... Барбу! Нас осталось всего четверо. Это возмутительно. Мы решили завтра подать рапорт и просить, чтобы нас послали на передовую.

— Это ваше дело!

— Л ты с нами не согласи? — набросился на него Бурлаку

— Подите вы все к черту и оставьте меня в покое. Я спать хочу!

Он бросился на лавку под окном, на которую уже давно никто не посягал, и укрылся иппелью с головой. Не прошло и пяти минут, как в окно постучали.

— Вы что там, все заснули? — спросил голос со двора.

— Кто там?

— Посыльный из штаба! Господин капитан Смеу приказал всем немедленно явиться в штаб. Только быстро, братцы!

— Ладно... Иди, мы скоро придем!

— Чего еще от нас хотят? — спросил Мардаре.

— Чего могут хотеть, — ответил Бурлаку, соскакивая со стола, на котором он лежал прямо в ботинках. — Хотят нас допросить в связи с исчезновением Барбу. Теперь

только держись! В эту ночь нам опять предстоит развлечение»

И Бурлаку плюнул прямо на пол посреди комнаты.

— Не будь свиньей, <старик>! — упрекнул его Мардарс — Ты, может, и свою нужду справлять будешь здесь в комнате?

— ИДИ ТЫ...

«Бедняги! — подумал Уля Михай, который, укрывшись с головой шинелью, слушал весь этот разговор. — Страх совершенно выбил их из коней. Они стали ссориться друг с другом».

Бурлаку крикнул ому в самое ухо, одновременно встряхнув за плечи:

— Вставай же! Ты что, не слышал? Нас капитан в штаб вызывает.

— Идите без меня. Меня же тут не было, и мне всё равно нечего рассказывать.

— Пойдемте, братцы! Этот, должно быть, совсем рехнулся!

Несколько минут спустя Уля уже спал глубоким сном, без всяких сновидений.

В ЗАСАДУ ПОПАДАЕТ ПК ТА ДОБЫЧА

Начало моросить... Непроглядно черные тучи низко стлались над землей. На всем протяжении фронта царила тишина. Люди, укрывшись плащ-палатками, забрались и окопы и старались задремать...

Дождь лил монотонный и непрерывный. Па дне окопов начали образовываться лужи. Многие спали стоя.

Сержант краткосрочной службы Пыркылабу Марин стоял в окопе и слушал, как надают капли дождя на его плащ-палатку. Их шуршаипе было похоже на жалобный стон какого-то маленького и больного существа. Сержант прислушивался к этому звуку и даже не пытался уснуть. Впрочем, ему и некогда уже было: через некоторое время он отправлялся на задание с группой своих солдат. Рядом с ним солдат Рункану Ион спал стоя и громко храпел.

«Спит на ногах и храпит!.. Боже, что может сделать с человеком война!» — подумал сержант и глубоко вздохнул. Неожиданно он вспомнил свой нервный фронтовой день.

..Вечером они запыли позицию, а утром пошли в атаку. Их заливал огненный дождь. Сделав несколько бросков, они не могли больше продвигаться вперед. Получив приказ закрепиться, начали зарываться. Земля была твердая как камень. Его сосед справа вскочил было, чтобы продвинуться вперед до еле заметного б\горка, по но успел даже встать, как мина взорвалась у его ног и оторвала их до колен, разорвав живот и раздробив кисти рук. И тогда Пыркылабу увидел то, чего никогда не забудет: безногий человек, опрокинутый на спину, окровавленными обрубками рук пытался засунуть обратно в разорванный живот собственные кишки. Пыркылабу стало рвать, и он потерял сознание. Целую неделю потом он не мог взять в рот мяса. Достаточно ему было увидеть кусок мяса, чтобы почувствовать тошноту. Потом он привык. А позже, в другом наступлении!.. Н атаку пошли па самом рассвете, и она продолжалась почти до обеда... Но затем их прижали огнем и они те смогли больше сделать ни одного шагу... Перед ним, на расстоянии меньше чем в двух метрах, разлагался труп лошади... Из своего укрытия он вплеп .мух, больших н чехе пых мух, которые кружились над трупом, распространявшим зловоние... Кму вдруг захотелось есть... Он вынул из рюкзака кусок хлеба и принялся неторопливо жевать, не чувствуя никакого отвращения.

И опять мелькнула прежняя мысль: «Боже, что может сделать с человеком воина!..»

Словно споткнувшаяся лошадь, солдат Рункану опустился на колени прямо в лужу на дно окопа. Поднявшись, он зевнул, покряхтел, снова зевнул и потом тихо спросил:

— Вы спите, господни курсант?

— Нет.

— А н вот заснул. И такой красивый сон видел!

— Что же ты видел, Ион?

— Я видел, будто я в воздухе. Лечу как птица. Но крыльев у меня как будто не было... Я так тихо летел, словно плыл в воздухе, и только иногда чуть-чуть руками взмахивал, знаете, как это делаешь, когда плывешь в воде. Л потом, не знаю, как это получилось, но я свалился. К чему бы это?

— Не знаю. Ион!

Ион умолк и снова вздохнул. Спустя некоторое время он спросил:

— Пора ли нам отправляться, господин курсант?

с а н т ?

" 2 -

I

— Нет еще. Попробуйте-ка поспать!

— Теперь я не смогу... Пропал мой сон!.. Паршивое же время сейчас!

— Да, мерзкое времечко!

— Теперь уж недолго осталось и до заморозков. —*
Потом, помолчав немного: — Эх, и красиво же было!

— Что?

— Да во сне!.. Вам когда-нибудь снилось, что вы летите?

— Снилось... Давно уже, еще когда я маленьким был!

— Не думаю, чтобы много толку было от пашего похода в такую проклятую погоду. Как вы думаете, господин курсант?

— Посмотрим, Иоп. Может, именно в такую-то погоду нам и повезет на добычу.

— Кто его знает! — ответил Иоп недоверчиво и вздохнул. — Теперь, господин курсант, труднее. Раньше я говорил так: кому как повезет, кому какое счастье! Сколько пароду пропало! А чем я лучше? Доведется, так и я пропаду. А вот теперь, перед самым шапочным разбором, очень хочется дожить, повидать тот денек, когда мы домой воротимся. У меня жена калека, что она сделает бедняга с тремя ребятами на руках? Сейчас еще мои старики помогают ей, ну а завтра, послезавтра и они могут на тот свет отправиться. А потом, как рассказывают, дома все лучше становится, особенно для нас, бедняков, у которых меток с нуждой всегда за плечами. Как вы считаете, правду рассказывают, господин курсант?

— Правду, Пои. Новая власть помогает нуждающимся, горой за них стоит.

— И землю дадут нам?

— Я думаю, что дадут!

— А если у меня два погона* есть, дадут мне еще?

— А почему бы и нет? Хватило бы только на всех земли!

— Если разрешат нам прибрать к рукам землю господина Костакe, то хватит на всех, да еще и останется.

Погон — румынская мера земли (около полгектара).

— Иол, пойдп-ка подыми остальных! Пора отправ-
ляться.

— Слушаю, господин курсант.

После того как вышли за линию передовых дозоров, солдаты стали продвигаться ползком. Дождь прекратился, и надо было соблюдать очень большую осторожность.

Солдат Ион Рупкану двигался впереди. Остальные держались одной группкой возле сержанта Пыркылауу Марина. Кромешная тьма не мешала им строго придерживаться памечешшго маршрута. Пока было светло, они хорошо изучили местность, и теперь каждый знал, что ему нужно делать. Коночной целью их вылазки был небольшой овраг под самым носом у немецких передовых постов. Этим оврагом иногда пользовались и сами гитлеровцы, когда хотели незаметно пробраться в деревню, занятую румынами. Пыркылабу получил задание подготовить засаду в самом овраге, как можно ближе к линии неприятельских постов. Они л прежде делали попытку добраться сюда, но безуспешно.

Солдат Рункапу полз, извиваясь змеей по липкой грязи. Хотя живот и грудь его были насквозь мокры, ему было жарко, я он чувствовал, что вспотел. Продвинувшись на несколько метров вперед, оп останавливался и прислушивался. Убедившись в том, что кругом по-прежнему тихо, он двигался дальше.

Откуда-то слева взлетела ракета, на несколько мгпо-
ненний осветив ноле, изрытое снарядами. Люди прижались к земле, не дыша. Потом желтый свет ракеты погас, и темнота поглотила безграничный ночной простор...

Снова двинулись вперед. Почти час добирались они до оврага. Вот и цель опасного путешествия. Пыркылабу переползал от одного к другому, давая солдатам последние указания» Солдат Ион Рупкану и старшина Пингплие расположились у входа в «мешок», который образовали остальные солдаты, укрывшиеся на расстоянии одного метра друг от друга. Пыркылабу охранял дно «мешка».

Когда последние приготовления были закончены, группа притаилась в ожидании.

Тем временем снова стал накрапывать дождь. Насквозь промокшие люди дрожали от холода. Им казалось, что они лежат не на мокрой земле, а на какой-то ледяной глыбе.

С каждой секундой ожидание становилось всё мучительней и нестерпимей, и казалось, что ему не будет конца.

Пыркалабу, лежа на животе, дышал в кулак, чтобы хоть немного согреть руки. Он думал о том, что говорил ему Ион. Да, в самом деле, теперь, когда война должна скоро кончиться, смерть и его страшит больше, чем прежде, когда впереди не было никакого просвета.

Вдруг он вздрогнул. Откуда-то, он и сам не мог бы дать себе отчета, с какой именно стороны, послышался шорох. Сержант прислушался. Пет, он не ошибся. Шорох повторился. Кто-то шагал по грязи.

Сержант подполз к одному из своих людей, укрывшихся неподалеку:

— Слышал?

— **Да.**

— Будь наготове. Не шевелись!

Он мог бы этого и не говорить. Люди, приготовив оружие, так и застыли на своих местах, стараясь даже дышать потише.

На несколько минут опять воцарилась тишина. Раздавался только бесконечно однообразный-шум дождя. Потом снова слышались таги. Но странно... звук шагов доносился не со стороны неприятельских постов, а сзади.

Пыркалабу весь превратился в слух. Неужели оп ошибся? Может, начавшийся ветер обманул его? Нет, это не показалось ему! Он снова слышит шаги... шаги — сзади... Может, ото вражеские лазутчики возвращаются после вылазки, захватив какого-нибудь зазевавшегося часового?.. Но в таком случае слышно было бы, что идет несколько солдат. Оп же ясно различал шаги одного человека.

«Черт побери* — сказал оп себе. — Может случиться, что это один из тех негодяев, которые иногда пытаются перебежать к фашистам».

Оп пополз от одного солдата к другому, приказывая им запясть новые позиции. Теперь «мешок» раскрылся навстречу расположению собственных войск. И снова началось ожидание. Каждая секунда казалась вечностью. От нетерпеливого волнения люди непрерывно глотали слюну.

Шаги приближались. Сомнений больше не было: засада имела дело с одним человеком.

«Конечно какой-нибудь дезертир! — подумал снова Пыркалабу. — Подожди, голубчик, от нас ты не уйдешь.

Только бы гитлеровцы не услышали и не открыли огонь. Топает, идиот, будто по бульвару гуляешь!»

Тот, кому был адресован этот упрек, словно услышав его, стал осторожнее. Он двигался теперь осмотрительней, часто останавливаясь и прислушиваясь. Пыркылабу чувствовал, что их разделяет не больше двадцати шагов. И он стал считать шаги невидимого противника: «Двадцать... девятнадцать... восемнадцать...»

Оставалось сделать еще несколько шагов — и беглец оказался бы в «мешке», который был раскрыт ему навстречу, но он вдруг остановился, словно чувствуя опасность. Однако колебался он недолго и решительно зашагал дальше. Когда он вступил в «мешок», солдат Рункану и его напарник бросились на свою жертву и свалили па землю.

Рункану прошептал, стараясь пажать ему рот ладонью: — Ни ахова, а то я заколю тебя, как свинью.

Пойманный приподнялся на локтях. Направив пистолет, который он держал под шинелью, в собственную грудь, выстрелил. Пуля пробила его насквозь, вышла через спину и, встретив плечо Иона Рункану, навалившегося сверху, раздробила ему ключицу.

Звук выстрела разбудил (ближайшего) гитлеровского дозорного, и он в испуге наугад открыл стрел вбу.

Пыркылабу подполз к Рункану.

-- Ты ранен, Ион?

— Ранен, господин курсант... Меня ударило в плечо.

— Братосин, возьми па спину Иона! Я понесу добычу. Может, он еще жив. Назад пробираться поодиночке!

Где ползком, где перебежками вся группа успела уйти далеко, пока гитлеровцы очухались и, освещая всё вокруг ракетами, повели бешеный огонь. Но дождь и темнота помешали им обнаружить румынских разведчиков.

Рота, к которой принадлежала группа Пыркылабу, в свою очередь открыла огонь из пулеметов и автоматов, прикрывая отход товарищей. После небольшой перестрелки, длившейся не больше десяти минут, автоматы и пулеметы умолкли, и снова стал слышен только шум дождя, который лил и лил без конца... Один за другим бойцы группы Пыркылабу возвращались к назначенному месту. Последним явился сам Пыркылабу, волоча за собой тело человека, которого им удалось захватить.

— Кого нет? — спросил командир группы, едва переводя дыхание.

Все здесь. Мы уже стали за вас беспокоиться, гос^а и один курсант.

— Кто-нибудь раиси?

— Только Л он.

— Где ты, Л он?

— Здесь, господин курсант. Обо мне не беспокойтесь. Он, правда, ударил меня в плечо, но я думаю, что от этого не помру.

— Кратосин, раз ты его сюда донес, так уж помоги добраться и до поста первой помощи.

— Да не надо, господин курсант, я и сам дойду.

— Тогда иди, чего же ты стоишь?... Двое пусть возь^амут этого. Тащите его за мной к господину младшему лейтенанту. Мне кажется, что он умер, по нужно посмотреть, что за добыча попалась к нам в сеть.

Двое солдат поспешили выполнить приказ. Неся неизвестного за голову и за ноги, они пошли за Иыркылабу к командному пункту взвода, расположившемуся в какой-то хибарке. Младший лейтенант Думбравы Сабин, командир взвода, вышел им навстречу:

— Это вы, Пыркылабу?

— Я, господин младший лейтенант.

— Вернулись с какой-нибудь добычей?

— Вернуться-то я вернулся, только не лпаю, что за добыча попалась. Боюсь, это птица румынская.

— Всё возможно. Есть еще такие птицы, которые любят высидывать свои яйца в гитлеровском гнезде. Сейчас мы посмотрим на него при свете.

Они вошли все вместе в хату. Солдаты положили труп на пол и выткнули.

Младший лейтенант Думбравы взял копилку, стоявшую на печке, и наклонился над телом убитого:

— Похоже, что он мертв!

— Так точно, мертв, господин младший лейтенант. Я забыл вам доложить.

— Да он из наших!.. Черт побери! Пыркылабу, смотри, какой у него чин: сержант краткосрочной службы. Из какой же части этот подлец, интересно? Ясно одно, что не из пашей.

Взглянув на труп еще раз, Пыркылабу воскликнул:

— Господин младший лейтенант, эта физиономия мне знакома, но убей меня бог, если я помню, где его видел!

— Эх, не могли поймать его живым! Кто его застрелил?

— Не мы. Он сам себя застрелил, когда мы его схватили. Та же нуля ранила в плечо Иона. Кажется, у него раздроблена челюсть.

— Этот тип заработал себе хорошенький залп карательного взвода, но избавился от него... Жаль!

Пыркылабу, который пристально всматривался в лицо мертведа, хлопнул вдруг себя ладонью по лбу:

— Черт его побери! Господин младший лейтенант, кажется, я вспомнил, где его видел!

— На КП дивизии. Помните, осенью я две недели был связным при штабе дивизии?..

— Что ты говоришь, Пыркылабу? Ты уверен?

— Поклясться не могу, но думаю, что не ошибся.

— Ну и вонючая же история! Ты представляешь, что было бы, если бы ему удалось перебраться к фашистам⁰

— Еще бы!

— Посмотри-ка получше, может он еще не совсем кончился, а я тем временем сообщу в июль.

И он, подойдя к телефону, изо всех сил крутанул ручку аппарата:

— Ллло! «Жяжя»! Дай-ка мне поскорее «Нутну!» Только быстро! Господина полковника... Господпп полковник? Имею честь! Младший лейтенант Думбравы... Да, -поди вернулись. Я как раз об этом хотел доложить вам... Нет, «языка» они не привели, но зато поймали какого-то сержанта краткосрочной службы, который пытался перейти к противнику... Что он говорит? Нпчего не говорит, потому что... — младший лейтенант Думбравы вопросительно взглянул на Пыркыдабу.

— Он умер! — подтвердил тот.

— ...потому что он умер, господин полковник... Нет, мы его еще не обыскивали. К го только что принесли. Сержант Пыркылабу его знает. Он говорит, что видел его в «Молдове»... Да, господин полковник. Я понимаю... Конечно. Конечно, я его сейчас же поттлю. Имею честь!

Младший лейтенант Думбравы бросил трубку на рычаг:

— Что я тебе говорил, Пыркылабу! Вонючая история! Полковник даже верить пс хотел. Надо его немедленно доставить в полк. Пошли ко мне двух человек с нлащ-палаткой. Да смотри, полковник приказал никому пи слова. Военная тайна! Кроме нас двоих, никто не должен знать, кто этот подлец. Ясно?

— Не беспокойтесь!

И Пыркылабу вышел, чтобы послать двух солдат за телом убитого.

Уже больше часа капитан Георгиу допрашивал шифровальщиков. Капитан Смеу также присутствовал при допросе, хотя вопросов не задавал, довольствуясь ролью слушателя. Начальник Второго отдела не считал нужным допрашивать каждого в отдельностн, полагая, что в коллективном разговоре шифровальщики смогут дополнить ДРУГ друга. Особенно длительным был допрос Мардаре, который ухаживал за больным Барбу.

Но как ни старался капитан Георгиу узпать больше того, что рассказали ему шифровальщики в периые же десять минут, ему это не удавалось. И хотя данных, полученных при допросе, было не так уж много, они укрепили его в убеждении, что именно Барбу и был агептом Абвера. Разозленный тем, что шпион ускользнул от них

только из-за глупости Ули, человека, присланного генеральным штабом помочь ему, капитан Георгиу дал себе слоно па следующий же день отправить подробное донесение с описанием всех ошибок капрала.

Удовлетворенный!! результатами расследования, он решил отпустить шифровальщиков:

— Смеу, у вас есть к ним какие-нибудь вопросы?

— Нет, никаких!

— Тогда я считаю, что ребята могут идти спать.

Капитан Георгиу поднялся. За ним встал и капитан Смеу.

Но Бурлаку не спешил следовать их примеру:

— Господин капитан, прошу уделить мне несколько минут.

— Пожалуйста, Бурлаку! Вы можете что-нибудь добавить к тому, что говорили? Я с удовольствием выслушаю вас!— И он снова сел.

— Господин капитан Георгиу и господин капитан Смеу, я прошу послать меня на передовую. Я уже бывал там и знаю, чего это стоит, так что, прошу поверить, я серьезно подумал, прежде чем просить вас об этом, Я предпочитаю вступать в схватку с госпожой Смертью ежедневно, а не ждать, пока меня ударят в спину, как это случилось с Томеску или с Барбу, о чем мы завтра или послезавтра наверняка узнаем.

— С такой же просьбой обращаюсь и я! — проговорил за ним Полиною.

— Л я, господин капитан! — присоединился к ним Мардаре.

Капитан Георгиу посмотрел по очереди на каждого из них, раздумывая над тем, что, пожалуй, следовало бы рассказать им, в чем обвиняется тот, кого они до сих пор считают жертвой.

Но в эту секунду зазвонил телефон.

Раздраженный неожиданной помехой, капитан Георгиу поднял трубку, но после первых же слов вскочил со стула:

— Ты уверен?.. Невероятно! Немедленно отправьте его сюда для опознания... Нет... Подождите! Я пошлю вам машину. Кто командовал группой?.. Сержант краткосрочной службы Пыркылабу? Я буду просить господина генерала о представлении его к награде. Да!.. Да!.. Имею честь, господин полковник!

Он л овес ил" трубку, потом серьезно взглянул на шифровальщиков:

.- Я понимаю ваше душевное состояние. Но поверьте мне, у «ас нет прилип для беспокойства, Инаито же, что Барбу, которого вы онлакнваето, — предатель. Некоторое время тому назад он был убит при попытке перейти на сторону противника. Можете идти!

Эта новость распространилась молниеносно. Па следующий день весь штаб только об этом н говорил.

Генерал с первой минуты проявил к нему участие и доброжелательность. Пригласив его сесть, он обратился к нему самым дружеским тоном:

— Ну что, господни Уля, вы пришли проститься со мной? Я думаю, что теперь, когда вы уезжаете, пет нужды в тех мерах предосторожности, которые принимались, когда вы должны были пожаловать к нам. Впрочем, если вы считаете, что ото всё же необходимо, мы легко можем найти предлог для вашего отъезда. Можем, например, дать вам отпуск на десять дней. Когда вы думаете покинуть нас?

— Господин генерал, я пришел не прощаться, так как не собираюсь еще уезжать...

Генерал ничем не выдал своего удивления, хотя и не ожидал такого ответа.

— Пожалуйста, можете оставаться! Мне лично доставляет удовольствие сознание, что вы находитесь среди нас. Впрочем, вам не следует оюрчаться. Каждому слу-чается иногда олгигаться. Вы думаете, этого не случалос» со мной? Я рад, что всё кончилось именно так. Откровенно говоря, вся эта история начала действовать мне на нервы.

— Я благодарен вам, господин генерал, за ваше доброе отношение ко мне. Я бы хотел, чтобы вы забыли, при каких обстоятельствах я прибыл сюда, н считали меня отныне тем, за кого меня принимают здесь все: простым шифровальщиком. Я надеюсь, что капитан Смеу не будет этому противиться, потому что, насколько я понимаю, как шифровальщик я никогда не давал ему повода быть недовольным мною. Кроме того, с моим отъездом, в шифровальном отделе осталось бы только три человека, а этого слишком мало. Конечно, вы можете их доукомплектовать

людьми из других частей. Но их трудно обучить за оди-два дня. Так что, но крайней мере до тех пор, пока группа шифровальщиков не будет укомплектована обученными людьми, я хотел бы остаться на своем месте. Разумеется, я не требую никаких привилегий и буду подчиняться всем приказам и требованиям устава наравне с моими товарищами.

— Я уже сказал, что ничего не имею против того, чтобы вы остались. Я только спрашиваю себя, как вы можете здесь задержаться? У вас есть, конечно, свое начальство, которому вы подчинены. Поскольку вы закончили работу по выполнению задания, ради которого посланы были сюда, вам, вероятно, следует явиться для отчета?.. Или вы полагаете, что вам разрешат оставаться здесь и дальше?

— Безусловно. Я должен буду доложить обо всем в личном рапорте. Поэтому я хочу обратиться к вам еще с одной просьбой: отпустить меня только на три дня. Этого срока будет достаточно, чтобы я мог добраться до штаба армии и представить свое донесение. Пользуясь случаем, я прошу вас утвердить меня в качестве шифровальщика.

Генерал некоторое время в педоумении смотрел на Улю, хотел было что-то спросить, но передумал. Вопрос, который он задал потом, не имел никакого отношения к тому, что он действительно хотел узнать:

— Когда же вы хотите ехать?

— Завтра утром. В четверг, к началу занятий, я вернусь обратно.

— Насколько я понял, вы уверены в том, что ваша просьба будет удовлетворена! — заметил генерал, который не поверил ни одному слову из того, что сказал ему Уля.

— Я не совсем в этом уверен, но мне хочется думать, что на этот раз мне разрешат то, в чем до сих пор отказывали.

— Ну что же, раз вы так хотите остаться среди нас, — желаю вам удачи.

— Благодарю вас, господин генерал!

После ухода Ули генерал сказал себе, задумчиво глядя в окно: «Почему он остается, не знаю. Во всяком случае не потому, что его увлекает шифровальное дело. Но, не-

взирая па истинную причину, в одном я совершенно уверен: с той минуты, как я узнал, что он остается, я почувствовал себя спокойней и уверенней».

письмо, котожок менякт всю обстановку

Фронт снова продвинулся.

Гитлеровские части и остатки хортистов были отброшены далеко назад. На направлении главного удара действовали части дивизии «Молдова», которые при поддержке других соединений армии прорвали сильно укрепленную оборону противника, проходившую по холмистой местности.

За героизм и решительные умелые действия, благодаря которым в первые же часы наступления удалось продвинуться далеко вперед, развивая первоначальный успех, дивизия «Молдова» была отмечена приказом командования 2-го Ук ран и с кого фронта.

Особенно отличились два батальона полка «Путна». Бойцы этих батальонов яростной атакой обратили в бегство противника, намного превосходившего их числом, а йотом стремительным броском отрезали и окружили два полка венгерских фашистов, которые сдались вместе со своими штабами.

Громкой славой покрыли себя и артиллеристы дивизионной артиллерии, поддержавшие метким прицельным огнем наступление пехоты и не раз прикрывавшие се огнем заслоном от отчаянных контратак противника.

Возвратившись из отпуска, Уля Михай нашел штаб дивизии в городке, который серьезно пострадал от артиллерийского обстрела.

Городок был забит войсками: пехотой, артиллерией, кавалерией, саперами и связистами. Пушки и зарядные ящики, грузовики и подводы, кавалерийские эскадроны и колонны пехотинцев — всё это находилось в непрерывном движении, направляясь в сторону фронта или возвращаясь оттуда и так запрудив улицы, что пройти по ним можно было лишь с большим трудом. Все жилые дома были заняты войсками, и солдаты тех частей, что прибывали позже, но могли отыскать себе местечка для отдыха.

Командный пункт дивизии расположился в одпоэтаж-

ном здании школы. Здесь теснились все службы и отделы штаба.

Шифровальщики встретили Улю Михая радостными возгласами:

— Ну, брат, хорошо, что ты вернулся! Без тебя нам тут досталось не на шутку. Бот уже три ночи, как не удастся послать больше одного-двух часов, да и то на ходу.

Впрочем, они могли бы и не рассказывать ему об этом: всё было написано па их лицах — небритых, бледных, с глубоко запавшими глазами, красными от усталости и бессонных лочей.

Капитан Смеу также встретил Улю вполне дружелюбно, стараясь дать ему понять, что всё происшедшее по может повлиять на их добрые отношения.

— Раз уж вы вернулись, то садитесь к машпике, смениите Полиною, — попросил Улю капитан Смеу. — Вот посмотрите, что пас еще ждет. Ребята неплохо поработали, но мне некем было их подменить, и они немного устали.

— Немного! Хорошо сказано! — подхватил Бурлаку Александру, который, пользуясь тем, что он старше Других, даже капитана Смеу, позволял себе иногда некоторую фамильярность в разговоре с начальником.

Капитан Смеу добродушно возразил ему

— Бросьте! Я же пошутил. Теперь, когда вернулся Улл, будет легче. Нам бы еще одного шифровальщика — и всё было бы отлично.

— Господин капитал, а вы не собираетесь просить об укомплектовании па шеи группы?

— Конечно! Обязательно буду просить. По я не хочу брать людей из строевых частей. Хотя мы сравнительно немного потеряли бондов в таком большом и успешном наступлении, но всё-таки потери есть, и этого нельзя не учитывать. Я думаю, что через несколько дней мы снова идем в наступление, а в строю дорог каждый человек. Вы слышали, Улл? Наша дивизия была отмечена приказом командования 2-го Украинского фронта.

Бурлаку шепнул Уле на ухо:

— Если бы ты видел «факира». Он на седьмом небе от радости!

Капитана Смеу вызвали к генералу, и шифровальщики ома'лись одни.

— д[у, что 'здесь еще произошло, пока меня не было? — поинтересовался Уля Михай.

— Почти ничего! — ответил ему Целиною. — Впрочем, было ли у нас время интересоваться тем, что происходит!.. Столько работы, что мы просто из сил выбились! Знаешь, я видел Барбу. Его сюда привозили. Он ужасно выглядел. Лицо грязное, вс* в крови. Капитан Медреа вызвал всех нас и опять произнес одну из своих знаменитых речей. Жаль, что он не стал попом. Он бы читал проповеди лучше, чем сам Иоанн Златоуст. Да, одна подробность, которой ты не знаешь. Помнишь, все говорили о том, что Барбу был убит при попытке перейти к фашистам? Л на самом деле, он покончил с собой, когда его схватили. Почему они сразу не сказали об этом, не понимаю!

Мардаре насмешливо заметил:

— Причины особой не было об этом говорить. Так оно красивой звучит: «был убит при попытке перейти к немцам»! Куда эффектней, чем «покончил с собой в тот момент, когда его схватили».

— Л вы откуда про ото узнали? — поинтересовался Уля Михай.

— Об атом все знают. Как ни сохраняй тайну, но в конце концов такие вещи всё равно становятся известными. Но мы-то всё узнали из первого источника. «Старик» потянул за язык одного старшего из «Путны». Да и Смеу проговорился, рассказал нам, что при обыске у Барбу в обмотках нашли припрятанную тысячу марок. Кислый он был как лимон, себялюбивый и злой, — всё что угодно мог я про него думать, но что он переметнется к пгпероицам, мне бы никогда в жизни в голову не пришло.

— Говоришь, тысячу марок у пего нашл? — повторил Уля Михай тдумчиво.

— Да, тысячу марок!

Мардаре возмущенно добавил:

— Если бы этой скотине удалось добраться до немцев, нам пришлось бы сжечь все коды.

— Л заодно с ними отправить на свалку и шифровальную машину! — добавил Пелипоу.

— Ото значит, что Пыркулабу действительно заслуживает награды! — восторженно заключил Бурлаку.

— Кто это Пыркулабу? — спросил Уля Михай.

— Сержант, который поймал Барбу. Рассказывают,

будто этот сержант ловкий парень. Ходят слухи, что в последнем наступлении он заработал себе еще одну награду. Во время атаки его рота осталась без офицеров. Тогда он принял па себя команду и так попел людей, будто всю жизнь только и делал, что командовал в бою целыми ротами.

И Бурлаку долго бы еще, наверное, расхваливал Иыркылабу, если бы не обнаружил, что Уля его уже не слушает.

— Мне кажется, тебя не очень-то интересует мой рассказ...

— Наоборот! Я думаю о том, как было бы хорошо, если бы твоему Пыркылабу удалось поймать Барбу живым.

На другой день утром у ворот дома, где размещался штаб дивизии, Улю Михая остановил какой-то сержант-артиллерист:

— Господин курсант, здесь командный пункт дивизии?

— Здесь!

— Пхз, чертовщина, сколько я его искал! Кого ни спрошу, все меня в другую сторону отправляют. И ведь подумать только, сколько раз я уже проходил мимо этого дома! Ну да ладно, благо всё-таки нашел. Вы, может, здесь служите?

— Здесь.

— Господина курсанта Барбу знаете? Где я его могу найти?

Уля ответил равнодушно:

— Знаю. А зачем он тебе?

— Да вот в чем дело... Я только что из отпуска вернул. Когда я туда уезжал, господин курсант Барбу попросил меня отвезти письмо по адресу...

Уля Михай почувствовал, что от этого артиллериста можно узнать немало интересного. Он схватил его за руку и потянул за собой:

— Пойдем, браток, со мной к курсанту Барбу.

Он прошел по коридору к комнате, где размещался Второй отдел, и попросил доложить о нем капитану Георгию. Тот немедленно принял его.

— Вы вернулись? Я рад! — Но тон, которым было про*

износецо ->то, и" вид начальника Второго отдела опровергли его слона. И действительно, капитал Георгиу, подозревая, что Уля остался в дшшзшг не ради любкп к шифровальному ремеслу, был раздосадован, что этот упрямец всё еще пытается найти решение вопроса, который для капитана был окончательно решен самоубийством Барбу.

— Господин капитан, там ждет сержант-артиллерист, который только что вернулся с родины. Он был в отпуску. Перед отъездом Барбу поручил ему отвезти письмо. Хотя операция уже завершена, — Уля намеренно подчеркнул слово «завершена», — я подумал, что, может быть, вы всё-таки захотите с ним поговорить.

Капитан Георгиу спросил небрежно:

— Где вы говорите, зтот артиллерист?

— 13 той ком пате!

— - Давайте его сюда, хотя, честно говоря, я не понимаю, к чему всё это!

— Вы разрешите и мне присутствовать при разговоре?

— К чему этот вопрос? Вы думаете, я не догадываюсь, почему вы всё-таки решили остаться у нас? Само собою разумеется, я согласен, чтобы вы присутствовали при этом разговоре. Надеюсь, вы быстро поймете, что зря теряете время, оставаясь у нас. Но я восхищен ванптм упорством и прошу поверить, что пичего не имею против вас. Может быть, вы...

— Нисколько, госиодин капитан. Я попросил вашею разрешения, потому что уже не исполняю здесь своих служебных обязанностей.

— Прошу вас, позовите, пожалуйста, артиллериста

Артиллерист робко сел на стул, который предложил ему Уля. Оп немного трусил, не понимая, зачем капрал привет его к тому капитану, хотя ему нужно было видеть курсанта Барбу Василе, Что-то здесь не так. Оп давал себе слово быть осторожным, хотя и не чувствовал за собой никакой лины. Когда он ездил на родину, у него все бумаги были в порядке. Машинально нащупал он в кармане отиускион билет, подписанный командирОхМ полка.

— Вы возвращаетесь из дому, сержант?

— Так точно, господин капитан! У меня был отпуск, который дал мне господин полковник. Если хотите, я могу показать отпускной билет, подписанный самим господином полковником. Он у меня в полном порядке.

— Не нужно. Сколько дней он вам дал?

— Четырнадцать дней, господин капитал, из которых шесть я был в пути.

— Откуда вы знаете сержанта Барбу Василе?

— Я узнал его здесь, у вас. Видите ли, до моего отъезда в отпуск я был связным, приносил и уносил корреспонденцию. Так что, приходя каждый день, я и познакомился со всеми, кто работает здесь у вас. Только вот их никогда не видел, — показал он на Улю Михая. — Они, наверное, новенький. Господина курсанта Барбу я сначала знал только в лицо. Как-то раз мы поговорили немного. Он был дежурным по штабу и передал мне письмо для господина полковника. Потом угостил меня сигаретой, — у меня свои кончились, — и спросил, откуда я родом и чем занимался дома. Когда узнал, что я из Бухареста, очень обрадовался и мы долго с ним разговаривали. Дня за два перед отъездом в отпуск встретил я его во дворе штаба, говорю, что уезжаю и могу письмо отвезти. Когда он услышал об этом, то очень обрадовался. Будто сейчас слышу: «Дорогой товарищ, очень прошу вас, если не застанете моей жены дома, найдите, пожалуйста, время зайти еще раз. Не оставляйте письмо у хозяйки. Мы с ней все в ладах, и боюсь, что она не передаст его». — «Ладно, господин курсант, — ответил я ему, — нечего меня так упрашивать. Можете быть уверены, что письмо попадет прямо в руки вашей жены». Он снова стал благодарить, мол, я оказываю ему большую услугу и он чувствует себя в долгу передо мной, а после войны мы обязательно выпьем как следует вместе. Я вам прямо скажу, господин капитан, мне редко приходилось встречать такого симпатичного человека, как господин курсант Барбу.

— Постарайтесь говорить короче, — оборвал его капитан Георгиу, многозначительно взглянув на Улю Михан. -- Что вы сделали с письмом? Вы отнесли его?

— Разумеется, в тот же день, как приехал. Я живу на Колептине, а господин курсант Барбу — на Тей. Так что мы почти соседи. Я позвонил, и мне открыла пожилая дама. Очень она гордо на меня посмотрела. Я сказал ей, кого мне надо. «А зачем она вам? Вы, может, с фронта приехали?» — «Да, сударыня, с фронта. И принес письмо от ее мужа». Когда она это услышала, то прямо чудо как сразу подобрела. «Дорогой мой, — говорит, — вы не сможете выполнить его поручения. Дама, которую вы ищете, уже здесь не живет». — «Она переехала? — спрашиваю. — *

Бы но знаете ее нового адреса? Ее муж ждет от нее вестей, и мне бы пе хотелось возвратиться с пустыми руками. Недь какая радость для солдата получить весточку из дому». — «Мне очень жаль, но я не знаю ее нового о;п/еса. Она мне ничего не сказала, да я ее и не спрашивала».

Что было делать? Я ушел. Госпожа проводила меня до ворот. И тут вдруг слышу, издыхает и говорит: «Господин солдат, — сразу видно, в чипах не разбирается,—хочу я вам рассказать кое-что по секрету. Только вы ни в коем случае не говорите ничего господину Барбу. Там у него и так хватает огорчений, незачем ему новые подбавлять. Но ведь так обычно случается: хорошим мужьям не везет на стоящих жен. Так и у господина Барбу. Человек он порядочный, СПОКОЙНЫЙ, никогда ничем меня не задел, не обидел. «Чаю уж жена его. . С кем хотите направо и налево изменяет ему... Ну я могу понять, когда женщина однажды потеряет голову. С кем не случается. Это можно даже простить, закрыть на это глаза. Но когда переходят всякие границы!.. Последний, с которым она спуталась, делает, должно быть, большие дела. С ним у нее что-то серьезное. Несколько дней тому назад она приехала на грузовике, сложила все вещи и уехала. Наверное, переехала к нему. Сказала, ЧЮ потребует развода. Как вы сами \же поняли, она просто-напросто беспутная женщина. Она и за квартиру еще мне не уплатила. За шесть месяцев осталась должна. Когда я потребовала деньги, она сказала, что мне господин Барбу заплатит, когда вернется. А что если, пе дай бог, юсподпн Барбу уже не вернется, кто мне тогда заплатит эти деньги? Вот, господин солдат, какие еще бывают на свете женщины! Мужья на фронте, а они тут вытворяют бог знает что». Жаль мне Барбу, всё-таки он порядочный человек.

— Да-да, очень порядочный, — иронически подтвердил капитан Георгиу.

— Не так ли, господин капитан? Я тоже это говорю! Очень мне было грустно, когда я всё это услышал!.. Но рассказывать ему я и не подумаю. Пока я шел сюда, у меня сложился план. Я решил обмануть его. Скажу, что заходил одни раз, а больше, мол, у меня времени не было.

— Письмо у вас?

— У меня. Где я могу увидеть господина курсанта, чтобы отдать ему?..

— Дайте-ка ого сюда!

«Не иначе как с господином курсантом Барбу дело нечисто! — подумал артиллерист. — Неужели падодал каких-нибудь глупостей и я попадусь заодно с ним?»

Испуганно глядя на капитана, артиллерист пробормотал:

— Господин капитан, я хотел иросто оказать ему то-варищескую услугу. Если нам нужно ото письмо, я отдам вам его. Я бы не хотел, чтобы вы подумали...

— Я ничего не думаю, а прошу у вас письмо потому, что сержант Барбу умер.

— Умер? Бедный господин курсант!.. Как же это случилось? Дне недели тому назад он выглядел совершенно здоровым.

Артиллерист откозырял и вышел, растерянный и огорченный.

— Как видите, мы напрасно потеряли время! — подвел итог капитан Георгиу, когда они остались вдвоем. — Если бы я знал, что речь идет об обычной семейной драме, я бы поручил итог сержанта вам и вы бы его обо всем расспросили. Давайте посмотрим, о чем он говорит в письме.

Он открыл конверт и вынул оттуда несколько листов бумаги, исписанных с обеих сторон.

— Бог мой!.. Целый роман. Это свыше моих сил. Почитайте-ка его сами и, если найдется что-нибудь интересное, расскажите мне.

— Здесь читать, пли я могу его взять с собой?

— Можете взять с собой и, если ото вам доставит удовольствие, оставьте себе на память.

— Я предпочел бы прочесть здесь. У нас там в шифровальной очень тесно. Но если это вам помешает...

— Мие это нисколько не помешает, тем более, что я всё равно должен идти к начальнику штаба.

Капитан Георгиу просмотрел папку с бумагами, предназначенными для подписи начальника штаба, и, прежде чем выйти, сказал Уле:

— Если будет звонить телефон, не отвечайте. Я передам на станцию, где меня можно отыскать.

Оставшись один, Уля Михай закурил сигарету, потом начал читать письмо.

«Дорогая Ралука!

Благодаря счастливой случайности я могу написать тебе письмо, которое ты получишь, минуя военную почту. Наливаю это «счастливой случайностью», потому что написанное здесь ни в коем случае не должно попасть на глаза военным цензорам. Вести, которые стали известны в последнее время, крайне меня беспокоят. Боюсь, что в конце концов коммунисты станут хозяевами положения. Нетрудно догадаться, что нас ждет и, в особенности, чего мы ждем. Ты ведь знаешь, что у меня есть все причины бояться преследования после того, что случилось в Яссах. Я ни о чем не жалею и ни в чем себя не упрекаю. Именно поэтому мне совсем не хочется пострадать однажды за то, что я не считаю своей ошибкой. Меня всё время преследует мысль, что рано или поздно придется давать отчет за то дело. Эта мысль преследует меня как кошмар... днем и ночью. Я пытаюсь взять себя в руки, но мне это не удастся. Но если сейчас это кое-как можно терпеть, то что же со мной будет завтра, когда кончится война! Мы все вернемся домой. Наконец-то наступит мир, правда с коммунистами у власти, по всё же мир. Те, которые сейчас выживут, смогут, но крайней мере лет десяти наслаждаться жизнью, радоваться тому, что не надо надевать шипель, тому, что смерть не подстерегает их каждый день, каждую секунду, радоваться, что наконец-то они избавились от грязи и вшей, могут переодеться, лечь спать в свою чистую постель, могут любить. Многого я тебе еще не называю... Но и тою, что я перечислил, для солдата было бы вполне достаточно, чтобы чувствовать себя на вершине блаженства. Водь это всё, о чем он мечтает! Скажи мне, а я смогу ли радоваться всему этому, зная, что меня ждет? Нет, конечно. (Я уже не говорю о горьком чувстве, которое испытывает человек, когда видит крушение всего, во что он верил, и торжество того, что он ненавидел.) Я долго думал: как же мне быть? Ждать сложа руки, пока придет моя очередь? Говорят, что, когда человек тонет, он хватается и за соломинку. Ладно, ведь и я не в лучшем положении, чем этот тонущий. Сидеть сложа руки и ждать развязки, приближение которой неизбежно, — от этого можно сойти с ума. Не знаю! Может быть, я просто трус. Наверное так оно и есть. Может быть, это страх человека, приговоренного к

смерти, человека, который кончает самоубийством, потому что яе в силах больше переносить ожидание казни?

Слава богу, я еще не дошел до этого. Не дошел, потому что однажды в мутном потоке отчаяния увидел соломинку, за которую могу уцепиться. Мне пришла и голову мысль перейти к немцам. Но как это осуществить? Когда работаешь в штабе дивизии, который обычно находится самое меньшее в десяти километрах от переднего края, и когда очень приблизительно знаешь, как проходит линии фронта, — а чаще всего и этого не знаешь, — надо быть очень наивным, чтобы рассчитывать на успешный переход.

Разумеется, дело обстояло бы иначе, если бы немцы хоть разочек заставили нас отступить. Я бы спрятался и сдался первому же немецкому разведчику.

Единственная возможность представилась бы мне, если бы меня послали на передовую. Я бы хороиюяко изучил местность и однажды темной ночью, — в этих местах ночи теперь темны, — может быть, мне бы удалось перейти линию фронта. Конечно, я рискую получить пулю в голову или разлететься на куски от взорвавшегося снаряда. Но я готов пойти на такой риск.

Но почему я просил капитана отправить меня на передовую. Он отказал мне. Это было для меня большим ударом. Рухнула моя последняя надежда, и я потерял соломинку, за которую в отчаянии готов был уцепиться.

Отказ капитана кажется мне необъяснимым. Я чувствую, что я ему неприятен. Он питает ко мне глубокую неприязнь, хотя внешне этого никак не проявляет. Л ведь именно на его антипатию я рассчитывал, думая, что он рад будет избавиться от меня. Странно! Несмотря на всю неприязнь ко мне, он не отпустил меня. Почему? Проще всего было бы думать, что он не хочет терять одного из шифровальщиков недавно укомплектованной группы. Но я чувствую, что не в этом подлинная причина отказа. Есть другая, но какова она, не могу понять. Иногда мне кажется, что я читаю в его глазах угрозу, и она страшит меня. Поэтому, если раньше он был мне ьгубоко неприятен, то теперь я неаиавижу его. Если бы я мог, я убил бы его без малейших угрызений совести.

Я убил бы его и по другой причине. Мой капитан принадлежит, кажется, к тем кадровым офицерам, которые решительно отреклись от прошлого и душой и телом от-

пали себя на службу новому, ненавистному мне строю. Мне отвратительны и ненавистны все они и в том числе капитан Смеу.

Я ненавижу всех этих «товарищей» из шифровального. Между ними и мной пет ничего общего. И это естественно. Я не был простым зрителем в том мире, который все они стараются сейчас уничтожить. Они не очень много понимают из того, что происходит вокруг, но я чувствую, как жадно впитывают они в себя это новое, с каким интересом относятся ко всему небывалому, революционному.

За это я их тоже ненавижу. Ненавижу за их оптимизм, за те надежды, которые они возлагают на завтрашний день. Для них завтра — это день, когда они побьют немцев. И нет ни одного, который не желал бы этого: когда наступит мир и все разойдутся по домам. «Дом» для большинства из них понятие очень относительное, не имеющее конкретного содержания. Например, для Мардаре. ГСойна застала его на последнем курсе университета. Дом? Студенческое общежитие¹ Стол? Студенческая столовая!.. Перспективы? Диплом об окончании юридического факультета!.. И всё-таки, если бы ты могла слышать, как он говорит об этом призрачном и обманчивом «завтра»! Таковы они все. Для одного «завтра» — это жалкая судьба учителя в несчастной деревне, затерянной в Западных горах, для другого — ничтожная служба в каком-нибудь министерстве или налоговом управлении и, наконец, для третьего — беготня с портфелем под мышкой по залам суда в поисках наивного клиента, пришедшего искать справедливости там, где, фактически, она раздается только избранным.

Я спрашиваю себя, откуда этот оптимизм, эта вера в чудесное «завтра»? Мне кажется, я нашел ответ. Они верит в лучшее «завтра» потому, что им нечего бояться. Они не задают себе постоянно вопрос, как это делаю я: когда же придет моя очередь?

Вот почему я ненавижу их. И так как у меня нет другого способа ее выразить, моя ненависть сделала своим оружием постоянную насмешку. Я не упускаю ни одного случая укусить. Я кусаюсь и радуюсь, когда они выходят из себя, ругают меня, лезут в драку. Я бываю очень доволен, когда мои стрелы попадают в цель и делают им больно. Но это случается очень редко. Потому что обычно они остерегаются принимать меня таким, каков я есть.

При этом они, впрочем, исходят из очень здравого суждения, что не бывает человека без недостатков. Мой недостаток? Насмешливость, склонность к иронии, сарказму, короче, язвительность. Но, в сущности, я, по их мнению, ничем не хуже других. И эта снисходительность в оценках бесит меня, заставляет еще больше ненавидеть их, ненавидеть за то, что они лучше меня, за то, что с этой точки зрения я чувствую себя ниже их.

Видишь, я пишу тебе ничего не скрывая. Перечитав написанное здесь, я ужаснулся тому, что осмелился доверить всё это бумаге. Но, пойми меня, я больше не могу!.. Месяцами думать об одном и том же, месяцами терзаться одними и теми же сомнениями, не имея рядом никого, кому можно было бы открыться. Это ужасно! Поэтому, когда появилась неожиданная возможность поговорить с тобой хотя бы таким способом, я очень обрадовался. Наконец-то представился удобный случай «исповедаться» перед тобой, единственным существом, которое знает меня лучше других и, понимая, не осудит.

Эта потребность излить свои муки была сильнее страха перед возможным риском. Впрочем, чтобы быть до конца искренним, этот риск кажется мне незначительным. Человек, которому я доверяю письмо, по-моему, слишком наивен, чтобы распечатать его.

Дорогая моя, кто знает, увидимся ли мы еще когда-нибудь. Может быть позже, значительно позже. Может быть! Почему? Потому что в минуту полного отчаяния у меня появилась исключительная возможность осуществить свой план. Если бы я верил в бога и в дьявола, я был бы убежден, что сам сатана пришел мне на помощь.

Но лучше я расскажу тебе, что со мной произошло. Два-три дня тому назад один из тех, кто работает так же, как и я здесь, в штабе, завел со мной довольно скучный разговор, представь только себе, об астрономии. Слово за слово, мы разговорились и в конце концов, к моему крайнему удивлению, мой собеседник рассказал мне со множеством подробностей о том несчастном случае в Яссах. Изложив всю историю, он сказал тоном, не терпящим возражений, что, если я не хочу, чтобы эта история дошла до Второго отдела, мне придется согласиться с его предложением.

И какое, ты думаешь, предложение он мне сделал?

и обы в тот день и чао, который он назначит, я перешел л т к' немцам. Представляешь себе, как я обрадовался. Разумеется, я не стал говорить об этом и ответил, что в принципе согласен, по сомневаюсь в удачном исходе. Он чаверыл меня, что всё обойдется хорошо, так как он знает участок, где можно перейти липию фронта без всякого риска.

Я спросил его, когда назначен переход. Он ответил, что самое большее через сорок восемь часов, а возможно ц рапыше.

Так что, моя дорогая, теперь я весь — ожидание!

Я знаю, что многим рискую, хотя он и пытался меня успокоить. Но я полон решимости. У меня есть причина думать, что и он очень заинтересован в том, чтобы я добрался на ту сторону целым и невредимым.

Скажи сама: разнo всё это пе похоже на сказку? Я уже не говорю о том чувстве удовлетворения, которое я испытываю теперь, зная, что здесь, под носом у Второго отдела, немецкий агент делает свое дело. Этот субъект чувствует себя в полной безопасности, потому что сам черт — извини меня, пожалуйста, за это выражение — по сможет заподозрить его. Когда я вспоминаю об этом, мне хочется смеяться. Не правда ли, весело смотреть, как шпион водит всех за нос, выдавая себя за того, кем он никогда не был?

Теперь, когда ты знаешь все подробности, ты иопи-масть, почему я говорю, что это последнее письмо, которое ты получишь от меня. Сойдет ли всё благополучно? Один бог знает! Если мне удастся перейти линию фронта и добраться до Германии, я надеюсь, что найдется способ известить тебя о том, где я, и ты сможешь меня разы-скать, еслп решишься бежать из Румынии. Я уверен, что такие возможности существуют и что на некоторое время они еще сохранятся. Нам часто приходилось встречать здесь группы беженцев или перемещенных лиц, возвращающихся домой. Значит, если ты захочешь последовать за мной, ты сумеешь это сделать.

Дорогая моя Ралука, унижу ли я тебя когда-нибудь? Я очень люблю тебя и никогда не перестану любить, что бы ни случилось. Твоя фотография будет для меня и там поддержкой и надеждой. Я только это унесу с собой: твою фотографию... Нет, я унесу еще и другое: воспоминания о счастливых минутах, которые ты дала мне. Большим

счастьем было бы для меня получить от тебя несколько строк. Но пока вернется из отпуска податель этого письма, я буду па той стороне, или меня не будет совсем. Поэтому не отвечай мне.

Я обнимаю тебя издалека и прошу хоть иногда думать обо мне.

Силе»,

Уля Мпхай прочел письмо и теперь расхаживал но кабинету капитана Георгиу из одного копия в другой. Его лицо ничем не выдавало чувств, которые владели им. Оно только стало строже, а глаза блеснули сильнее обычного. В нем боролись два противоречивых чувства. С одной стороны, - - удовлетворение, с другой — растущая тревога. Удовлетворение тем, что есть доказательство его правоты; растущая тревога потому, что теперь, больше чем когда-либо, он отдавал себе отчет в том, что ему приходится бороться с чрезвычайно ловким и оласпым врагом. Таким ловким, что до сих пор, всякий раз, когда он решался действовать, ему удавалось успешно решать свою задачу.

Единственное удовлетворение, которое получил Уля в борьбе с неизвестным врагом, было убеждение, что, в отличие от капитана Георгиу, он не дал себя обмануть и, не приняв Барбу за настоящего агента Абвера, не впал в ошибку. Он не поверил в то, что со смертью Барбу его задача выполнена. Наоборот, он был убежден в обратном. Ол и остался здесь для того, чтобы добиться своего — раскрыть и арестовать подлинного агента Абвера, которого все, в том числе и генерал, видели в Барбу. Чтобы разубедить их, ладо было иметь доказательства. Этих доказательств у него не было.

И вот теперь — письмо Барбу. Доказательство, которого не сможет оспаривать ни капитан Георгиу, ни капитал Смсу. Тем более этот последний, который особенно горячо ратовал за арест Барбу.

От этих размышлений Улю отвлек капитан Георгиу, который в чрезвычайно хорошем настроении вошел в ка-« бивет:

— Вы еще здесь? А я и забыл про вас. Прочли пись-« мо? Ничего интересного, не так ли?

— Я прочел письмо, господин капитан, и ждал вас* Наоборот, письмо весьма интересное.

— Что вы говорите? Ну, рассказывайте!

— Я бы предпочел, чтобы вы сами прочитали.

— Бросьте, бросьте. Это невозможно, Я не могу терять время на пустяки.

— Тогда прочитайте хотя бы те места, которые я подчеркнул. Я сделал это нарочно, предполагая, что вы откажетесь читать письмо целиком. Впрочем, это займет немного времени. Максимум десять минут увлекательного чтения.

— Что вы говорите? Увлекательного чтения? Вы начинаете меня соблазнять. Дайте сюда листки!

Уля протянул письмо, и капитан Георгиу начал искать подчеркнутые места. И по мере того, как чтение захватывало его, Уля, не спускавший с него глаз, мог наблюдать на лице капитана отражение всех чувств, которые овладевали им, постоянно чередуясь: сосредоточенное внимание, удивление, возмущение, беспокойство, тягостное смущение. Когда он прочитал последние слова, густой румянец залил его лицо. Собранный в складки лоб сделал лицо вдруг постаревшим. Он снова принялся читать письмо, па этот раз не пропуская ни слова,

Уля, удовлетворенный тем, что ему удалось подметить на лице капитана Георгиу, подошел к окну. Улица опустела. Пехота ушла вперед, к фронту, обозные повозки, артиллерия спешили за ней. Мимо штаба проезжали иногда грузовики да тянулись длинные колонны повозок с артиллерийским имуществом. Возницы понукали усталых лошадок, ругая их на чем свет стоит.

Они шли сбоку, засунув руки в карманы шинелей, с кнутами под мышкой, и пшиках, надвинутых низко на лоб; изо рта у каждого торчал окуроч потухшей сигареты. Они шли так же медленно, как и их лошади, и наверное так же были измучены и утомлены.

— Ха, белый! Ты что, думаешь, что только рыжему надо тянуть! Думаешь, я не раскусил тебя, волки бы тебя съели! Тяни, дьявол, а то как ожгу кнутом, будешь помнить меня, вонючая скотина!

Слова капитана Георгиу заставили Улю повернуться СПИНОЙ к окну.

— Господин УЛЯ, Я испытываю такое чувство неловкости, которое трудно даже сразу высказать... Я искренне сожалею, что судил слишком поверхностной... так ошибаясь в вас, так недооценил наши способности. Мне становится немного легче от сознании, что решение аре-

стонать Барбу уже не могло повлиять на ход событий. В тот час, когда мы еще решали вопрос об его аресте, птица уже улетела. И всё-таки я спрашиваю себя, почему вы, будучи так уверены, что арест Барбу — ошибка, решительно не протестовали. Хоть и неохотно, вы всё же дали согласие на его арест.

— Да, я согласился! — признался Уля Михай, вздохнув.

— По тому, как вы вздохнули сейчас, я понял: вы согласились, потому что мы настояли.

— Вы ле угадали. Я дал согласие на арест Барбу потому, что считал, что этим самым мы можем ввести в заблуждение настоящего преступника. Убийца младшего лейтенанта Войнягу и Точеску, убедившись в аресте невиновного человека, почувствовал бы себя в безопасности и начал бы действовать смелее

— Л чем бы ото вам помогло?

— Я надеялся, что он, чувствуя себя в полной безопасности, будет действовать менее осторожно и даст мне возможность поймать его. Разумеется, мой расчет оказался ошибочным. Я недооценил, так сказать, способностей этого агента, который заманил Барбу в ловушку именно для того, чтобы направить Второй отдел по ложному следу.

— Другими словами, — поспешил опередить все выводы капитан Георгиу, — поступая таким образом, шпион одним ударом убивал двух зайцев: во-первых, он выполнял свою задачу, отправляя в подарок германской разведке человека, знакомого с пашен системой шифра, а во-вторых, направив наше подозрение на Барбу, он обеспечивал себе свободу действия для другой агентурной работы.

— Кто знает, хотел ли агент Лбвера в действительности, чтобы Барбу дошел туда цел и невредим?

Капитан Георгиу взглянул на Улю с недоумением:

— Вы в самом деле считаете, что...

— Подумайте сами, господин капитан. Откуда агент мог знать, что исчезновение Барбу будет воспринято Вторым отделом, как его переход к немцам? Разве ему было известно о том, что Барбу находится на подозрении? Нет, конечно. Если бы Барбу просто-напросто исчез, мы могли бы считать, что его постигла участь Войнягу или Томеску, с той только разницей, что на зтот раз убийца, по

неизвестным причинам, позаботился о том, чтобы труп
⁰³ Постарайтесь оставить в стороне все наши подозрения относительно Барбу... Мы узнаём, что он пропал. Еще очин человек из шифровального отдела исчез, человек, которого мы считали совершенно честным, над которым не висит никаких подозрений. И это после того, как застрелен Войнягу и заколот Томеску... Разве могли бы мы предположить что-нибудь другое, кроме того, что его постигла участь первых двух? У нас не было никаких оснований думать, что он перешел к гитлеровцам.

— М-да! *Вы правы!..*

— Не знаю, — продолжал Уля Михай, — возникло ли у вас желание изучить карту того участка фронта, где Барбу пытался перейти к гитлеровцам. Я сделал это и обнаружил очень любопытную деталь. Л именно, что на участке, занятом полком «Путна», в этот час было удобнее всего вести наблюдение. Осмелиться перейти там линию фронта значило пойти па чрезвычайно опасную и безнадежную авантюру. Зато немного левее, там, где левый фланг полка «Тротуш» смыкается с частями кавалерийской дивизии, успешный переход был возможен. Так почему же Барбу попытался перейти именно там, где это было труднее всего сделать? Если бы мы не знали совершенно точно, что он действовал по указаниям, данным ему агентом, можно было бы предположить, что он случайно попал именно в тот сектор, где переход линии фронта был особенно опасен. Но из письма становится совершенно ясно: агент убедил его, что облегчит его побег, укажет точку перехода, где меньше всего риска. В действительности всё произошло как раз наоборот. Можно ли поверить, что вражеский разведчик не знал положения в данном секторе? Нет. Что до меня, то я в это не верю.

— Я с вами согласен. Но, спрашивается, не подумал ли агент о том, что, если Барбу поймают, он обо всем расскажет?

— Господин капитан,* на это трудно ответить. Я не знаю, что вам сказать. Видимо, агент хорошо изучил своего человека. Он заранее знал, что Барбу не даст себя поймать живым. Так оно и случилось. А потом, не рискуя, нельзя и выиграть. Вы хорошо знаете, господин капитан, что ремесло разведчиков полно риска. Я понимаю, что та»

кой ответ может вас не удовлетворить. По это единственное, что сейчас приходит мне на ум.

Теперь рассмотрим события в другом повороте. Если агент непременно хотел, чтобы Барбу добрался на ту сторону цел и невредим, разве не было у него другого пути: По-моему, избранный им путь устарел. Он часто применялся в первую мировую войну, да и то в самом ее начале... Позднее для этих целей широко использовалась авиация, а в нынешней войне вообще невозможно себе представить агентурную разведку без активной поддержки авиации

Почему Барбу послали вперед, а не назад, где его в каком-нибудь заранее условленном месте мог бы взять лч борт самолет и доставить на ту сторону? И потом, в конце концов, зачем непременно было отсылать его на ту сторону? Наивно было бы думать, что у нас в тылу не сохранились центры гитлеровского или хортистского шпионажа. Барбу могли доставить в такой центр, заставить рассказать обо всем, что он знал, и потом без всякой канители отправить па тот свет.

Таким образом, у нас достаточно причин считать, что агент Абвера, заманив Барбу в ловушку, рассчитывал не на его переход на ту сторону, а, наоборот, на его поимку нашими.

Капитал Георгиу задумался на несколько минут, потом возразил не без некоторой горячности:

— Н чем-то ваши рассуждения кажутся мне ошибочными. Какой вывод мы можем сделать из того, что известно до сих пор? Давайте коротко вспомним: мы получаем сведения — проверенные позже — о том, что среди нас имеется агент Абвера. Какова его цель? Открыть, в чем состоят изменения, внесенные в шифровальную машину. (Оставим сейчас в стороне те два убийства, которые совершены были по необходимости или, как вы выразились, по стечению обстоятельств.) Удача сопутствует агенту. Один из шифровальщиков, имеющий на совести тяжелые грехи, которые необходимо скрыть, может быть использован для выполнения главного задания. Иначе говоря, агент может решить задачу, даже не рискуя своей шкурой. Что же он делает? Требуется, чтобы Барбу перешел на ту сторону фронта! Почему? Потому что таким образом Абвер заполучит человека, который может не только дать сведения об изменениях, внесенных в шифро-

чью машину, но сообщит данные в вивошении всех ^пов шифра, применяемого крупными войсковыми соединениями.

Вы не согласны с этой точкой зрения и утверждаете, что агент, заманивая Барбу в ловушку, хотел, чтобы его поймали. Мне кажется, что именно в этом заключается ошибочность ваших рассуждений. Возникают три довода, которые опровергают вас. Во-первых, почему агент так лох-иш воспользовался своими сведениями о Барбу? Во-вторых, если агент заранее знал, что Барбу будет пойман, зачем длл ему *тысячу* марок? Барбу ведь согласился, не требуя никакой оплаты. В-третьих, зачем он принес в жертву Барбу, зная, что от него можно узнать больше того, что агент мог бы здесь разведать? Другими словами, зачем он подчинил этой цели — ликвидации Барбу — свои» главную цель? Этот вопрос представляется мне главным! Следуя вашей логике, может показаться, что агент действовал как игрок в покер, который, получив тузовос каре, сбрасывает три карты, надеясь получить взамен другие и составить королевскую квинту. Может быть, пример и не очень удачный, но другого я не могу сейчас подсказать.

— Я попробую ответить только па два ваших вопроса. На один, откровенно говоря, у меня нет пока удовлетворительного ответа. Что касается первого вопроса, то я думаю, что агент Абвера раньше не знал черного пятна из прошлого Барбу. Вспомните исчезновение и таинственное появление фотографий в солдатских книжках. Правда, мы не знаем, исчезала ли фотография Барбу, но допустить это можно. Можно предположить, что фотография Барбу попала куда следует, ее там проверили и обнаружили то, что он хотел скрыть от всех. Оказавшись обладателем этого секрета, агент понял, что Барбу вынужден будет плясать под его дудку.

Второй вопрос — как раз тот, на который, как я уже сказал, пока еще нельзя ответить.

Последний вопрос по существу является самым главным и ответить на него совсем нелегко. Я могу предположить следующее: или агент знает теперь, в чем состоит изменение, внесенное в шифровальную машину, — значит, цель достигнута и ничего не стоит пожертвовать Барбу, — или, по причинам, которые пока ускользают от меня, необходимо было убрать Барбу.

— Если вант догадка верна, господин Уля, — иначе

говоря, если агенту известно теперь, в чем состоят пзмкнения, внесенные в шифровальную машинку, — значит дела наши плохи и Абвер может расшифровать все наши радиogramмы.

— Безусловно. Но это только предположение. Чтобы установить, насколько оно соответствует действительности надо его проверить.

— Каким образом?

— Надо будет, широко используя систему шифровки на машине, передать радиogramмы с ложным текстом. Ну, скажем, о том, что мы готовим широчайшее наступление. Если они смогут расшифровать нашу радиogramму, они, естественно, должны будут принять контрмеры. А если нет, значит Абвер еще не владеет секретом шифровальной машины. Конкретная задача сводится к тому, чтобы вы — *военные* — составили такой план, узнав о котором противник не мог бы не принять заметных для лаптей разведки контрмер. План должен быть составлен немедленно, потому что мы должны срочно знать, можем ли мы еще пользоваться шифровальной машиной.

— Я доложу господину генералу о новой ситуации. Он предпримет те меры, которые сочтет возможными, — ответил капитан Георгиу в достаточной мере сдержанно, так как ему показалось, что в подсказке Ули есть что-то противоречащее воинской дисциплине. И, словно для того, чтобы занять свои руки, он стал перелистывать страницы письма Барбу

Спустя минуту капитан добавил, иронически улыбаясь:

— Ну что же, нельзя сказать, что в нашей профессии случай не играет важной роли. Если бы вам не удалось напасть на это письмо...

Не закончив свою мысль, он удовлетворился тем, что похлопал ладонью по сложенным страницам письма.

— Мне бы понадобилось много времени, чтобы убедить вас, что, избежавши и иск от Барбу, мы не избавились еще от агента Абвера, — быстро возразил Уля Михай. — От агента, про которого Барбу пишет жене, что сам черт не смог бы заподозрить его. Черт не может его заподозрить, а мы должны найти. Да еще подумать над тем, что могут означать эти слова. Почему «сам черт не заподозрит»? Потому, что благодаря своему чипу и положению он вне всякого подозрения? Или «сам черт не заподозрит»

тому что ^{это личность} лишенная всякого значения, какой-нибудь невзрачный солдатик?

— В первом случае, — уточнил Уля Михай, — под подозрение попадает господин капитан Смеу, вы, начальник штаба и вообще все офицеры. Во втором случае — все младшие командиры и личный состав вспомогательных сл\жб, в том числе денщики и вестовые, иначе — всё управление дивизии. Идти *по* этому пути — значит искать иголку в возе сена. Не так ли?

Капитан Георгиу не ответил. Он лишь пожал плечами.

Тогда Уля Михай ответил себе сам:

— И всё-таки, это единственная нить, которая у нас есть, и за неимением другой мы должны использовать эту.

Он поднялся и стал ходить по кабинету, заложив руки за спину, погружившись в свои мысли.

Капитан Георгиу провожал его взглядом, в котором можно было прочесть зависть.

— Господин капитан, у меня к вам просьба! — заговорил спустя некоторое время Уля Михай. — Я бы хотел, чтобы пикто, кроме меня, вас и господина генерала, не знал о существовании письма Барбу. Может быть, это пожелание покажется странным. Но мы не можем совершенно не учитывать намек, содержащийся в письме Барбу, каким бы неясным он нам ни казался. Это с одной стороны, С другой стороны, если действительно, как я предполагаю, агент Абвера пожертвовал Барбу, чтобы поводить нас за нос, будет лучше, если мы дадим ему возможность потешиться этим самообманом.

— Даже начальник штаба не должен знать?

— Даже оп!

— И Смеу мы ничего не скажем?

— Нет. Если начальник штаба не должен знать, тем более это касается господина капитала Смеу. Для него я остаюсь простым шифровальщиком.

— Хорошо, сударь, если вы так настаиваете... Что касается начальника штаба, следует узнать о согласии генерала.

— Есть еще одно, господин капитан!

— Пожалуйста! Я слушаю...

— Прошу вас, напомните господину генералу, что он обещал вернуть мне чин капрала.

— Хорошо, я ему напомним. Но скажите, почему вы хотите обязательно получить обратно свой чин? Что это может для вас значить?

— Ничего особенного. Но хорошо, чтобы все знали, что я примерный шифровальщик, который к тому же проявил смелость и шшщпатиу.

— Я не совсем понимаю, зачем вам это нужно, но не настаиваю на объяснениях. Теперь я иду к господину генералу, чтобы проинформировать его обо всем случившемся и узнать о его решении.

— Вы позволите мне выйти раньше?.. — На пороге Уля Михай повернулся и добавил: — Еще раз, господин капитан, прошу вас не забыть и напомнить о моем чине капрала

Б* ТЫЛОЧКА С „ВА Л КРЫШ КОЙ“

На следующий день в кабинете генерала Поппнкариу происходил следующий разговор между ним и капитаном Смеу:

— Садитесь, Смеу! Ну, что нового у шифровальщиков? Как идут дела?

— Как обычно, господин генерал. Плохо, что у меня осталось всего четыре человека и, когда бывает большая нагрузка, я могу работать только в одну смену. В последние дни ребята просто измотались, тем более, что и Ули не было. С тех нор как он вернулся, у меня хоть один человек есть в запасе. Придется мне, господин генерал, просить об укомплектовании второй группы.

— Из строевых частей людей и не просите, всё равно пе дам. Берите из тыловиков.

— Но пока они там раскachaются, война кончится, господин генерал.

— Ничего не могу поделать, Смеу. Из строевой части нельзя брать ни одного человека. И так тыловикам придется сократиться. Кое-кого из них мы отправили на передовую. Скажите спасибо, что та история благополучно закончилась. Если бы негодяю Барбу удалось перебраться к противнику, могло бы быть очень скверно. Вы отлаете себе отчет, что бы произошло?..

— Все наши коды стали бы неприемлемы.

— Да. Но я вас вызвал не для этого разговора. Вот

здесь у меня совершенно секретный пакет, который нужно передать только в собственные руки генерала Войнеску, Я подумал о вас. Сейчас ведь у вас не так много работы?

-^ Господин генерал, благодарю за доверие.

— Не надо меня благодарить. Я хорошо знаю своих офицеров и знаю, на кого из них могу положиться. Кета-» ти могу вам сказать, что весьма доволен вашей работой в отделе. Идея ареста Барбу в значительной мере исхо-» дила от вас. То, что потом случилось — случилось... это уж друг^е дело. Мы можем быть довольны, что в конце концов он получил по заслугам.

Ничего не ответив, капитан Смеу поклонился. Он был нолыцеп похвалой генерала.

— Значит, так, — продолжал генерал, — вы отправитесь в штаб «Орла» и передадите конверт прямо в руки господина генерала Войнеску. Ответа не ждите, потому что его не будет. Возьмите машину, и за два часа вы доберетесь туда и обратно. Возьмите пакет, — и он протянул Смеу большой конверт с несколькими печатями на нем.

Пока в кабинете генерала происходил этот разговор, в кабинете капитана Георгиу заместитель начальника штаба по тылу капитан Медреа мрачно выслушивал то, что говорил ему капитан Георгиу.

— Дорогой Медреа, господин генерал очень недоволен тем, как ты командуешь своими людьми. Ты просто-напросто позволяешь им валять дурака. У тебя целая армия денщиков, вестовых, поваров, шофёров и не знаю кого там еще. И все они целыми днями ничего не делают, шалются по городу, расхлестанные, небритые, с нечище-» ными ботинками, черт знает в каком виде. Мы компроме-* тируем себя перед местными жителями. Несмотря па приказ господина генерала ежедневно собирать их всех па два-три часа и проводить занятия, ты даешь им полную волю.

Капитан Медреа ударил себя по голенищу пилоткой и возразил:

— С кем мне проводить занятия, дорогой Георгиу? С писарями?

— Оставь писарей в покое. У них хватает работы в штабе. Ты хорошо знаешь, что ни один из них не ложится раньше полуночи.

— Тогда с денщиками? С вестовыми?

— С ними.

— Но ведь когда я пытаюсь вытащить их па занятия, по вы ли вое начинаете трезвонить мне по телефону: «Моего сегодня не трогай, он должен выгладить мне белье». Разве и ты не поступаешь так же? А если я не могу забрать денщика ни у тебя, ни у Слеу, ни у Братодовяну, так с кем же мне проводить занятия? Если случается, что заболевает вестовой и попадает в сапчатку, немедленно раздается звонок: «Медрса, что там со Станом случилось?» — «Ои болен, лежит в санчасти». — «У тебя некем его заменить? Мне нужен вестовой». Давай говорить серьезно. Если господин генерал хочет, чтобы я проводил с ними занятия, пусть запретит вам задерживать под любым предлогом своих людей денщиков и вестовых. Вы так оберегаете сиих людей, будто у них от двух-трех-часовых занятий желчный пузырь лопнет.

— Дорогой Медреа, я не могу сказать, что ты неправ. С сегоднншпсго дня с этим покончено. Выводи их всех на занятия. Всех без исключения. Кто станет нросить за них, не поддавайся, держись крепко: «приказ генерала». И я тебе советую начать сегодпя же. Иди к себе в канцелярию и ион мл Доробыца собрать людей. Когда ои их всех соберет, дай мне знать. Я доложу генералу об исполнении его приказа.

Капитан Медреа вышел, пробормотав что-то неопределенное,

...И пока капитан Смеу мчался к командному пункту «Орла», пока денщики, вестовые и повара маршировали в строю мимо штаба, направляясь к пустырю, расположенному на окраине городка, Уля Михай без помехи пробрался в дом, где жил капитан Смеу.

Ни капитан Смеу, который ехал в машинс к командному пункту «Орла», ни денщики и повара, выполнявшие на пустыре ружейные приемы, не могли знать, что и в том и в другом случае идея принадлежала Уле. Он собрался заглянуть в ком дату канитапа Смеу и не хотел, чтобы его застал там денщик.

Были и другие причины, толкнувшие его на этот шаг. Во-первых, теперь, когда он знал правду относительно Барбу, ему казалась странной ярость, с какой каяитан обзинул его. И нотом — сама форма, в которой излагалось обвинение, очень похожа была на инсценировку. Чего, на-

пример, стоила записка, которую Смеу сунул генералу как раз в тот момент, когда тот выражал свое недовольство хорошей осведомленностью неприятеля и бездеятельностью нашей контрразведки. И что говорилось в записке? Что он, Смеу, знает, кто осведомитель Абвера. Только вместо того, чтобы здесь же сообщить его имя, он просит генерала созвать всех на совещание. Вот это совещание и представлялось Уле хорошо разыгранным спектаклем. Когда все собрались в кабинете генерала, Смеу сделал собрание, которое прозвучало как неожиданно взорвавшаяся бомба: виновник всех бед — Барбу! Доказательство? Разве он не уклонился от поездки в первый эшелон, мотивируя свой отказ воображаемым гриппом именно потому, что знал об артиллерийской ловушке генералу и сопровождающим его лицам? Ни генерал, ни капитан Георгиу не подумали тогда о том, что агент, притаившийся в штабе, не мог в такой короткий срок узнать и сообщить противнику место, где будет установлен временный КН, — хотя бы потому, что этого не знал даже сам генерал, пока не прибыл в прифронтовую деревушку. Из сведений, собранных впоследствии, Уля Михайл знал, что ночью домик был оборудован иод временный командный пункт. Впрочем, и остальные обвинения отпадали при более внимательном рассмотрении. Вероятно, капитану Смеу никого не удалось бы убедить в виновности Барбу, если бы на помощь не пришел случай. Действительно, совершенно случайно именно в тот же самый день пришел ответ из генерального штаба. Этот ответ, неблагоприятный для Барбу, рассеял последние сомнения капитана Георгиу.

И всё-таки по мог же капитан Смеу заранее знать, что долгожданные сведения наконец получены. Уля енраши* вал себя, не рассчитывал ли капитан Смеу, обвиняя Барбу, па что-то другое, помимо своих доводов? Не рассчитывал ли он, что, пока в кабинете генерала произносятся обвинительные речи, будет обнаружено исчезновение Барбу. Если это действительно так, то расчет был верным: весть об исчезновении Барбу была последним звеном в цепи неожиданностей, — она сумела рассеять все сомпе-

Но предполагать всё это — значило подозревать капитана Смеу. Особых причин для этого не было. Единственным доводом, который мог как-то оправдать подозрения

Ули, была чрезмерная горячность, с какой Смеу обвинял Барбу. Ио и это только предположение. Само по себе оно пи в коем случае не может служить поводом для каких бы то пи было обвинений. Вставало много неясных вопросов, на которые стремительный ход событий не дал Уле возможности найти ответы. Приходил ли в действительности к капитану Смеу ночной гость? Что иредставлял собой Некулаи, денщик капитана Смеу? Ведь он первым обнаружил труп шофёра Пантелеймона. Хотя, по общему мнению, Некулаи был немного придурковат, к тому же и капитан Смеу ручался за него... Правда» теперь, когда существовали некоторые подозрения относительно капитана, его ручательство могло быть поставлено под сомнение.

Разумеется, всё это ни в коей мере не давало оснований видеть в капитане Смеу агента Лбвера. Но раз вопросы возникли, на них нужно было найти ответ, особенно теперь, после того как Уля познакомился с содержанием письма Барбу. Разве Барбу не писал, говоря о резиденте Абвера, что «сам черт не заподозрит *ого*»? Кто бы мог заподозрить капитана Смеу? Или его денщика Некулая, которого все жалели, словно он был деревенским дурачком?

В конце концов именно письмо Барбу пробудило в Уле желание поближе познакомиться с тем, как живет капитан Смеу.

Квартире капитана Смеу, которую ему удалось для себя раздобыть, могли бы позавидовать многие офицеры штаба. Это была просторная, со вкусом обставленная комната, с очень красивым персидским ковром на полу. Два больших окна выходили на улицу.

В комнате поддерживалась образцовая чистота. На умывальнике в абсолютном порядке, словно солдаты, готовые к осмотру командиром отделения, были расставлены мыльница, зубная щетка в стакане, кисточка и бритвенный прибор. Между окном и дверью помещался письменный стол, на котором стояла чернильница из мрамора, лежала папка с кожаными углами и нож для разрезания бумаги. На ручке ножа неумелой рукой было выведено «Карлсбад». Б левом углу рядом с чернильницей лежали одна на другой три книги.

Уля осмотрел обложку папки, прочел названия книг (ото были три популярных романа), перелистал их страница за страницей. Попробовал открыть единственный

ящик стола. Он был заперт, но ключ торчал в замке. Уля открыл его. Всё, что содержалось в ящике, носило венгерские названия и принадлежало бывшим хозяевам.

У стены, вблизи кровати, стоял походный чемодан капитана Смеу. Его содержимое особенно интересовало Улю, и он готов был любым способом открыть чемодан. Но отмычка не понадобилась, так как ключ торчал в замке.

«Может быть, здесь найдется хоть что-нибудь интересное», — подумал Уля, поднимая крышку.

В чемодане тот же совершенный порядок. Белье, но-эки, носовые платки, теплые вещи. В особом отделении — фотография в рамке. Портрет очень красивой женщины — несомненно жены капитана. Пачка писем, написанных одной и той же рукой. Он бегло проглядел их. Содержание, с небольшими вариациями, было почти одинаковым. Обычные сообщения о здоровье родных. Телеграммы о бракосочетаниях и смертях, случившихся в знакомых семьях, бесконечные жалобы на трудности снабжения. Все письма неизменно заканчивались словами: «Обнимаю тебя и жду с нетерпением твоего возвращения».

Но хотя писала она об этом каждый раз, холодность писем заставляла думать, что на самом деле эта красивая женщина с чувственным ртом и страстным взглядом без особого нетерпения ждала возвращения капитана Смеу.

«Боюсь, — сказал себе Уля, — что Смеу не очень счастлив в семейной жизни».

В том же отделении он нашел ножницы, две катушки ниток, конвертик с иглами, несколько сигарет, коробку с пуговицами, коробочку с таблетками против невралгии и бутылочку темного цвета, на которой было написано «валерьянка». Бутылочка была наполовину пуста.

«Смотри-ка, у капитана большое сердце, а он скрывает это от нас!»

Уля поднялся и, оглядываясь вокруг, подумал: «Кажется, я напрасно теряю здесь время». Потом подошел к большому шкафу с тремя отделениями и открыл его. Полки были пусты. Видимо, хозяйка, уступив комнату, позаботилась освободить шкаф от белья. В отделении для верхней одежды висела парадная форма капитана. Он обыскал карманы, отуил подкладку. Напрасный труд!

Налево была еще дверь. Он внимательно прислушался, но ни один звук не доносился оттуда. Легко нажал ручку. Небольшое помещение, нечто вроде кори-

дорчика. В углу матрац, свернутый валиком, под ним походный сундучок. В этом коридорчике безусловно спал дендик.

Пожитки денщика также подверглись тщательному осмотру, по и это не дало никакого результата.

Уля закрыл дверь, еще раз осмотрел всё вокруг, чтобы убедиться, что не забыл ничего проверить, потом так же незаметно, как вошел сюда, выбрался на улицу.

Хотя он и не питал особых надежд на этот осмотр, однако результаты его совершенно разочаровали Улю.

«В конце концов, — говорил он, злясь на самого себя, — чего я, собственно, ждал? Если он невиновен, то, естественно, что я ничего не нашел, а если виновен... то же самое. Даже самый неопытный агент позаботится прежде всего, чтобы не дать в руки любопытным ничего ком прометрующего».

Несколько часов спустя Уля ЛТихай встретился на улице с капитаном Смеу, возвращавшимся из столовой. Капитан остановил его, стал расспрашивать о разных разностях. Потом попросил проводить до дому.

Смеу был в очень хорошем настроении, всё еще находясь под впечатлением лестных слов, сказанных генералом. Ему хотелось поболтать. Он рассказал Уле о своих впечатлениях от поездки на командный пункт «Орла», познакомил с тем, что делается на других участках фронта.

Уля, рассеянно слушая, вспомнил вдруг о бутылочке с валерьянкой и снова удивился тому, что никогда не слышал, чтобы капитан жаловался на сердце. Это показалось ему тем более странным, что все знали, как заботливо относится капитан к своему здоровью. При малейшей простуде он вызывал фельдшера, который ставил ему банки или делал втирания, глотал аспирин и пирамидон, заставлял денщика готовить чай, который нил очень горячим, и во всех случаях держал их в курсе дела, постоянно рассказывая о том, как он себя чувствует.

Переходя от одной темы к другой, Уля постепенно завел разговор о болезнях и стал жаловаться на то, что у него побаливает сердце.

— Послушайте меня! Не шутите с сердцем. Обязательно сходите к Стытоску, пусть он выслушает вас, — посоветовал ему капитан Смеу. — Если хотите, я могу с ним поговорить, чтобы од вас тщательно осмотрел.

— Прошу вас, господин капитан. Л у вас как с сердцем?

— У меня? Слава богу! Пока хорошо. Оно меня еще никогда не беспокоило, и я думаю, что сердце у меня здоровое. Так, по крайней мере, было до этого года. Вы знаете, что я имею обыкновение ежегодно проверять себя. Есть немало болезней, которые делают свое дело скрытно. Их можно обнаружить только с помощью анализов. И если запустить их, своевременно не принять мер, потом бывает поздно бороться. В лучшем случае врачам придется немало повозиться, чтобы поставить тебя снова на ноги. Слава богу, у меня крепкий организм и до сих пор, кроме гриппа и легких недомоганий, я не знаю других болезней.

— Вы счастливый человек, господин капитан. Впрочем, года два тому назад у меня сердце тоже было здоровым. Если бы я слушался врачей, которые осматривали меня в Париже, когда еще ничего серьезного не было!.. Но я, видите ли, не делал даже того небольшого, что они советовали. Например, они говорили, что, когда сердце начинает беспокоить, надо принять несколько капель валерьянки. Чувствовал я себя хорошо и, когда ехал сюда, даже не подумал захватить это лекарство. Так уж устроен человек: стоит ему почувствовать себя получше, как он забывает о предписании врача. Неужели в нашей санчасти нет валерьянки? Что-то мне не верится. Хотя на фронте нужны совершенно другие медикаменты, не так ли, господин капитан?

— Я думаю, что у них должна быть и валерьянка!.. Во всяком случае Стытеску мог бы вам достать. Я с ним обязательно поговорю.

Разговаривая таким образом, они дошли до дома, где жил капитан, и здесь расстались.

Уля Михай решил побродить немного по городу.

«Вероятно, в бутылочке когда-нибудь была валерьянка, а теперь капитан Смеу хранит в пей другое лекарство», — думал Уля, рассеянно оглядывая редких прохожих, которые попадались ему навстречу.

Удовлетворившись этим объяснением, он до самого вечера больше не думал о бутылочке с валерьянкой.

Но наутро бутылочка снова стала его беспокоить. Капитан Смеу сказал ему накануне, что никогда ничем не болел, кроме гриппа и легких проходящих недомогашш.

В таком случае, какое же другое лекарство может содержать в себе эта бутылочка с этикеткой, на которой пани-сано «валерьянка»? Может быть, какое-нибудь лекарство от простуды? Маловероятно.

«Мне кажется, что к обращаю внимание на вещи, совершенно незначительные», — сказал себе Уля.

И всё-таки несколько часов спустя, когда капитан Смеу работал у себя в кабинете, а денщик Некулай выполнял ружейные приемы на пустыре, расположенном на окраине городка, Уля снова пробрался в квартиру капитана Смеу. Он оставался там совсем недолго, ровно столько, сколько нужно было, чтобы отлить из бутылочки с «валерьянкой» несколько капель в пузырек, который он захватил с собой.

Выйдя оттуда так же незаметно, как вошел, Уля отправился искать капитана Георгиу.

— Господин капитан, как бы нам узнать, какое лекарство налито сюда? — спросил он, войдя к начальнику Второго отдела.

Капитан Георгиу потряс пузырек, посмотрел его на свет, потом ответил:

— Здесь у нас такой возможности нет. Но я думаю, что в «Орле» можно будет это сделать. Мне всё равно нужно утром туда ехать, так что оставьте мне пузырек, и я попрошу, чтобы это лекарство отдали на анализ. Вечером, когда я вернусь, вы узнаете результат. Откуда у вас эта бутылочка?

— Пока я вам ничего не могу сказать. И, честно говоря, не жду, чтобы результаты анализа принесли бы нам что-нибудь неожиданное.

— Тогда это?..

— Простое любопытство.

— Что ж, если не хотите, я не стану принуждать вас говорить. Во всяком случае, вы не из тех людей, чтобы делать что-нибудь из праздного любопытства.

Капитан Георгиу вернулся из штаба «Орла» поздно вечером. Уля ждал его возвращения, прогуливаясь перел штабом.

Увидя его, капитан Георгиу сказал:

— Зайдите ко мне. Есть результаты анализа*

— Я приду через пять минут.

Он, дал капитану войти к себе и спустя пять минут пошел за ним.

— Господин Уля, — скачал капитан Георгиу, встретив его на пороге, — хочу вас поздравить. Я уверен, что вы на верном пути. Знаете ли вы, что находилось в вашей бутылочке?

— Я жду, чтобы вы мне это сказали.

— Это состав, которым пользуются для проявления микрофотографии.

Уля Мпхай тихонько присвистнул:

— Ей-богу, не ожидал...

— Скажите мне теперь, где вы его нашли.

— Прежде чем я вам скажу, прочтите, пожалуйста, эту бумагу.

Он вынул из кармана кителя лист бумаги, развернул его и протянул капитану.

Начальник Второго отдела прежде всего заглянул в конец. Там стояла подпись командующего войсковой группой «Орел» генерала Войнеску. Впрочем, содержание этого документа было достаточно коротким. Генерал предоставлял Уле Михаю полную свободу действий в целях выполнения его задачи, указывал, что Уля подчиняется отныне только командующему «Орла», и приказывал Второму отделу дивизии «Молдова» оказывать ему всяческое содействие.

Капитан Георгиу прочитал всё это с явным раздражением.

— Вы полагаете, господин Уля, что такой приказ был необходим?

— Прошу вас, но обижайтесь на меня! Я хотел иметь уверенность, что меня не заставят делать ничего противоречащего моим планам, как это случилось тогда, когда восторжествовала точка зрения капитана Смеу, который — независимо от тех соображений, с которыми вы сейчас познакомитесь, — по-моему, превысил свои нравы. — Капитан Георгиу сложил бумагу и вернул ее, но сказав больше ни слова. — Я думаю, что ее лучше хранить в вашем сейфе, господин капитан. Хотя я умею охранять свои карманы, но всё же может случиться, что я окажусь в таком положении, когда мне придется пожалеть, что я ношу с собой такую документ.

— Хорошо, угодя я оставлю его у себя... По бутылочка?... Где вы ее нашли?

— В чемодане капитана Смеу.

Капитан Георгиу взглянул на него, совершенно ошеломленный.

— В чемодане капитана Смеу... — машинально повторил он. — Зачем Смеу *И* гонимый обился состав для проявления микрофотографий?

— Вот это еще надо разузнать. Завтра я снова произведу обыск у него на квартире, на этот раз более тщательный, чем в первый раз. Может быть, мне удастся узнать, для чего он использует этот проявитель. *И* попрошу вас позаботиться, чтобы и завтра капитан Смеу получил задание выехать куда-нибудь за город.

На следующий день Уля снова пробрался в комнату капитана Смеу. На этот раз он действовал более последовательно. Он мысленно разделил всё помещение на четыре части и начал внимательно осматривать каждую часть. Стены, паркет, картины, зеркало, стыки мебели, матрац, подушки и так далее. Короче, всё, что могло бы оказаться тайником, было проверено с большим вниманием. Наконец снова дошла очередь до походного чемодана. Уля выстукал дно, чтобы убедиться, что оно не двойное, развернул белье и осмотрел его по швам и обшивкам, раскрыл коробочки с таблетками от невралгии. Всё, вплоть до баночки с мазью, было вскрыто с помощью бритвенного лезвия.

Однако все старания оказались бесплодными.

Оставалось еще раз внимательно пересмотреть письма. И вот, пересчитывая их, чтобы убедиться, что они все на месте, Уля обратил внимание на мелочь, которая ускользнула от него при первом осмотре: на трех письмах отсутствовали марки.

Убедившись в этом, Уля Михай задал себе вопрос: может ли отсутствие этих марок объяснить назначение проявителя для микрофотографий?

Проверив почтовые штемпеля, он обнаружил, что все три письма были помечены старыми числами, относящимися еще к тому времени, когда дивизия участвовала в освобождении Трансильвании. На одном конверте стояла дата 31 августа, на двух других 15-е и 30 сентября. На всех остальных письмах марки были нетронуты и, как казалось, никогда не отклеивались.

Уля задумался. Что могло означать отсутствие марок только на первых трех конвертах? Весьма вероятно, что пока дивизия воевала в Трансильвании, капитан Смеу получал указания от какой-нибудь агентурной группы, находившейся на территории Румынии. Впоследствии, когда фронт продвинулся н особенно после форсирования Тиссы, капитан мог получать указания от Абвера другим способом. Но каким? Как сообщались между собой агенты Абвера в настоящий момент?

«Я напрасно ломаю себе голову! — подумал Уля, уложив конверты на место. — Пока надо довольствоваться тем, что я узнал». И, закрыв чемодан, он отправился искать капитана Георгиу.

Неподалеку от штаба Улю догнал старший сержант Доробыч.

— Я искал вас, чтобы передать хорошую новость! — предупредительно сказал он.

— Какую новость, господи старший сержант? — *спросил Уля, не проявляя ни малейшего любопытства, весь поглощенный своим открытием.

— Только что получен приказ, подписанный командиром дивизии, о возвращении вам чина капрала. Примите мои поздравления. — Доробыч поспешно стянул свою перчатку, чтобы пожать Уле руку.

— Благодарю вас, господин старший сержант! — сказал Уля, старательно подчеркнув звание Доробыча, отвечая таким образом любезностью за любезность.

Поговорив еще несколько минут, они распрощались.

Уля рассеянно посмотрел вслед удаляющемуся Доробычу, который шел уверенной походкой, как всегда подтянутый, щеголеватый, в хорошо пригнанной форме, офицерских сапогах и в перчатках из тонкой кожи.

«Какой аккуратный человек!» — подумал Уля о Доробыче, входя во двор дома, где размещался штаб дивизии*.

Капитан Георгиу уже ждал его:

— Ну, как успехи?

— Знаете поговорку: если не льет, так падает!

— И на вас что-нибудь упало?

— Упало в том смысле, что я кое-что узнал. Например, на что мог пригодиться господину Смеу проявитель.

И он рассказал о том, что ему удалось обнаружить*

— Невероятно! Такой превосходный офицер, с отлич-

ным послужным списком, не сегодня-завтра получающий звание майора, предан гитлеровцам!.. Но зачем? Ради денег? Я никогда не слыхал о его пристрастии к картам или женщинам, не знаю ничего о других его пороках... Политикой он тоже как будто не занимался... Несчастный! Признаться вам откровенно, я очень огорчен. Я о нем был очень хорошего мнения... Из вашего рассказа я понял, что жена имеет прямое отношение ко всем его делам. Как вы считаете?

— Это совсем необязательно. Надо дать знать в Румынию, установить за ней наблюдение и в том случае, если обнаружится, что она виновна, арестовать ее. Но не раньше чем мы арестуем капитала Смеу. Иначе, узнав о ее аресте, он может спутать нам всю игру.

— А почему вы не хотите арестовать его сейчас?..

— По очень важной причине. Я еще не знаю, вывел ли он. Подумайте только! Капитан Смеу — начальник шифровального отдела. Он знает секреты шифровальной машины и всех кодов. Если бы он был агентом Абвера, вся система нашего шифра уже давно перестала бы быть секретом для гитлеровцев. Но и проходить мимо тех фактов, которыми мы располагаем, тоже нельзя. Прежде чем его арестовать, я должен найти ответы на все вопросы, которые нас занимают и набрасывают тень подозрения на капитана Смеу. Пока еще в цене доказательств его виновности не хватает нескольких звеньев. Могу вас заверить, господин капитан, что в тот день, когда эта цепь замкнется, я сам буду просить об аресте господина Смеу. И вот еще что... Было бы желательно, чтобы все письма, которые будут поступать на имя капитана Смеу, проходили предварительно через вас. Хотя я и не убежден, что он использует старый способ, от которого однажды отказался, но лишняя предосторожность никогда не помешает.

— Совершенно с вами согласен. Кто знает, что на¹ еще готовит будущее! Вы разве не видите — с некоторых пор неожиданности нас подстерегают на каждом шагу

— Теперь я должен уйти. Капитан Смеу стал очень требователен. И если раньше он прощал мне некоторые отступления от дисциплины, то теперь, когда я стал обыкновенным шифровальщиком, он имеет право требовать от меня соблюдения режима, обязательного для всех остальных.

— Вы думаете, что он не подозревает, зачем вы остались среди нас?

- Конечно, подозревает! И если он действительно тот, кого мы ищем, то он дорого бы дал, чтобы отправить меня подальше. Да, чуть не забыл. Я хочу вас просить раздобыть для меня пистолет.

Если бы кто-нибудь со стороны видел, как он стоит и следит за окнами с опущенными шторами, из-за которых пробивается на улицу слабый свет, то поклялся бы, что видит перед собой бедного влюбленного, романтического и робкого, с тоской следящего за окнами любимой, в надежде увидеть ее хотя бы на миг.

Но Уля Михай не был влюбленным, и окна, с которых он не спускал глаз, не были окнами дома, в котором обитала хорошенькая белокурая венгерка. Свет на улицу падал из окон комнаты капитана Смеу. За ними-то и следил Уля Михай, стоявший под аркой ворот на другой стороне улицы.

Ночь выдалась темная, безлунная. Широкая мощеная улица была пустынна. Местные жители запирались в домах с наступлением темноты. Кое-где еще можно было видеть фигуры солдат, которые перебежали из дома в дом, но скоро и их не стало видно. Воцарился покой, словно городок вымер. Даже привычный лай собак не нарушал тишины, в которой отчетливо раздавались тяжелые мерные шаги ночного патруля. Уля прижался к воротам. Патруль прошел мимо, не заметив его, и опять наступила полная и хлубокая тишина, какая, наверное, бывает только в сказочном спящем царстве.

Про»пел еще час, пока в окне капитана погас свет.

«Теперь он ложится!» — подумал Уля и невольно вздохнул.

Засунув руки в карманы брюк, он пошел было вниз по улице, направляясь к дому, где были расквартированы шифровальщики. Но, сделав несколько шагов, остановился, медленно повернул обратно и снова занял свой наблюдательный пункт в арке ворот напротив дома капитана Смеу.

Он стоял неподвижно, застыв в терпеливом ожидании. Ол умел ждать, научившись этому нелегкому искусству еще в те далекие годы, когда служил в таможне и вылавливал контрабандистов.

Правда, тогда он точно знал, что рано или поздно контрабандист появится. Теперь он ждал без всякой уверенности, подчиняясь внутреннему чутью, которое жизнь, полная опасностей, обострила в нем до предела. Это чутье редко его обманывало.

На башне собора часы пробили двенадцать раз, низкими, звучными ударами извещая всех бодрствующих о том, что наступила полночь.

Когда смолк последний удар башенных часов, Уля услышал, что напротив через улицу раздался сухой звук, словно там повернули большой ключ в замке. Уля лег на землю и, затаив дыхание, стал всматриваться в темноту. В следующее мгновение в воротах дома, где жил капитан Смеу, появилась фигура человека.

«Это не капитан, — решил Уля. — Капитан намного выше».

Человек взглянул направо, йотом налево и быстро зашагал вниз по улице, стараясь, однако, ступать как можно тише.

Посмотрев ему вслед, Уля Михай чуть слышно присвистнул. «Странно... Это ведь Некулай, денщик капитана! Куда бы это он мог отправиться в такой час?»

Уля узнал его по походке. По той необычной и смешной походке, которая забавляла всех, знавших Некулая. Денщик шел выбрасывая ноги в стороны, раскачиваясь как утка.

Уля дал ему уйти вперед и двинулся вслед, стараясь одним звуком не выдать своего присутствия.

То, что ему довелось увидеть несколько минут спустя, просто ошеломило его. Некулай, который шел до поворота обычной своей походкой, откидывая в стороны на каждом шагу то правую, то левую ногу, за углом вдруг чудесным образом выпрямился и подпел обыкновенным, нормальным шагом. На какую-то секунду Уле даже по^{*}казалось, что он ошибся и что впереди идет не Некулай, а какой-то другой человек. Но Уля быстро отбросил все сомнения и с возросшим интересом стал следить за Некулаем, пробираясь за ним вдоль стен и заборов, стараясь не отстать от него и не потерять из виду.

Так они шли довольно долго, — каждый по своей стороне улицы, и только Уля Михай задал себе вопрос, долго ли будет продолжаться эта ночная прогулка, как вдруг Некулай пропал из его поля зрения.

Уля сделал еще несколько шагов и остановился.

Притаившись возле каких-то ворот, он всматривался в темноту. В том месте, где Некулай исчез, дома кончались. Дальше смутно вырисовывалось сооружение, напоминавшее своей формой ворота с навесом или укрытие для пассажиров на остановках трамвая, с той только разницей, что навес был сделан в виде острого треугольника.

Уля Михай не знал, что ему делать. Подойти ближе к этому сооружению? Но его могли заметить. А что если Некулай почувствовал, что за ним следят, и спрятался там, чтобы заманить преследователя в ловушку? Уля решил переждать и ничем не выдавать своего присутствия. В конце концов Некулай должен будет выйти оттуда, и тогда станет ясно, что надо делать.

Ждать пришлось недолго.

Фигура Не кула я вскоре показалась из-под навеса. Он осмотрелся и осторожно, стараясь идти как можно тише, пустился в обратный путь той же дорогой, какой пришел сюда.

Теиерь Уля решил посмотреть, что же это за строение, которое Некулай отважился навестить в столь поздний час.

Подойдя ближе, он различил в темноте малепькую часовенку, похожую на те, что часто встречаются на проселочных дорогах. Особенно много их в Олтении, где обычно они содержатся за счет состоятельных прихожап.

У часовенки пе было дверей. Сюда свободно мог войти кто хотел. Вся площадь ее составляла шесть квадратных метров. Стенами служили цветные стекла. Посредине возвышалась статуя мадонны.

Освещая помещение часовенки узким лучом фонаря, Уля думал о том, что Некулай приходил сюда копечно не для того, чтобы побыть наедине с мадонной. Если он хотел помолиться, то мог прийти днем, пе рискуя попасть в руки к патрулю. Раз он решил рискнуть, значит у пего были на это совсем другие причины, о которых нетрудно догадаться. Некулай пробыл в часовенке пять, может быть десять минут. За это время можно успеть прочитать горячую молитву перед вечно девственной матерью божьей, а также успеть взять или оставить какое-нибудь по*слапие. И если эта догадка верпа, значит где-то в часовпо находится скрытый тайничок.

Уля водил лучом света, освещая каждый уголок, но не

мог обнаружить ничего такого, что могло бы служить тайником. Луч фонаря скользнул по фигуре мадонны. Эта статуя из мрамора, не будучи подлинным произведением искусства, была тем не менее высшепа очень тщательно и даже с некоторым художественным вкусом.

«Если существует какой-нибудь тайничок, то его надо искать только здесь», — решил Уля, спрятав фонарь в карман.

Обеими руками он начал ощупывать мрамор, сантиметр за сантиметром. На уровне шеи Уля обнаружил чуть заметную неровность, которая кольцом охватывала ее. Л га, видно, голова отделяется от туловища! Он попробовал отвинтить голову статуи и через несколько секунд держал ее в руках. Держа голову мадонны па левой руке, словно футболист, позирующий перед объективом фотографа, Уля другой рукой стал ощупывать тайник, находившийся в туловище статуи, но ничего там не нашел. Тайник был пуст.

Это могло означать, что Некулай проделал свой путь

к часовне мадонны по для того, чтобы положить, а для того, чтобы взять послание от Абвера.

Уля привинтил обратно голову статуи и отправился домой

Торопливо шагая по пустынным улицам городка, он вспомнил вдруг слова из письма Барбу: «...Этот субъект чувствует себя в подпой безопасности, потому что сам черт не смог бы его заподозрить».

«Да! В самом деле, — подумал Уля, — сам черт не смог бы заподозрить нашего Некулая!»

Пока Уля Михай размышлял таким образом, Не кула и в своем закутке, где он приготовил себе постель на ночь, яри свете свечи читал письмо, написанное на листочке бумаги, может чуть большем, чем нужно для того, чтобы свернуть папиросу.

Закончив чтение и усмехнувшись каким-то своим тайным мыслям, он свернул бумажку и сжег ее на пламени гкочи. Потом открыл окно, сдул пепел с подоконника во двор, потушил свечу и в темноте стал раздеваться.

СОЛДАТ ШНИЛАЙ СЫРШЛШАН, ПГОЗВАІШЫЙ НККУЛАКМ ТУПИЦЕЙ

Солдата Некулая Сырмыгаапа хорошо зпалп в штабе. Пожалуй, не было человека, начиная с генерала и кончая последним солдатом из караульной команды, который не улыбнулся бы при одном упоминании этого имени.

Он был маленького роста, узкоплечий, сутулый, с выцветшими водянистыми глазами и впалыми щеками. Голова на очень длинной шее поросла редкими, седыми на висках волосами. Был он так худ, что, казалось, ветер мог легко унести его, и всё-таки ему стоило больших усилий передвигать свое хилое тело. Походкой своей он вызывал жалость окружающих. Но, жалея его, никто не мог удержаться от смеха, глядя, как он вышагивает. Можно было подумать, что его ноги приводятся в движение мотором, который работает с перебоями. Шагал он неравномерно, нелепо размахивая руками. Казалось, что он с трудом вытаскивает ноги из какой-то клейкой лужи и поспешно выбрасывает их далеко в сторону, чтобы второй раз не ступить в эту лужу.

В мобилизационных книгах и боевом расписании он

числился под своим настоящим именем: Некулай Сырма-шап. Но все звали его Некулаем Тупицей, имея в виду его неразвитый, ограниченный ум и эту смешную нелепую походку. Некоторые называли его попросту Некулай-дурачок.

Было известно, что на Восточном фронте его засылал землей взорвавшийся рядом тяжелый снаряд. Некулай остался жив, но с тех пор страдал сильными головными болями. Когда начинался приступ, Некулай так заикался, что с трудом можно было попятить, что он хочет сказать.

А вообще-то по натуре своей был он человеком веселым, обладающим чувством юмора, о котором сам, должно быть, и не подозревал. Он чудесно играл дойны на дудке и неплохо пел трансильванские песни. Кроме того, про запас у него всегда имелась шуточка или веселый рассказик, и он очень забавно умел преподнести их своим слушателям.

Хотя Некулай и был придурковат, но обязанности свои выполнял старательно, и когда капитан Смеу спрашивали, доволен ли он своим денщиком, он неизменно отвечал, что предпочел бы более ловкого человека, но что, в общем, у него нет особого повода жаловаться на Некулая.

Нелепая походка, заикание, ответы невпопад, шуточки и веселые рассказы, искусная игра на дудке сделали Некулая Тупицу очень популярной фигурой: он постоянно потешал окружающих. Даже начальник штаба, когда ему случалось встретить Некулая во дворе, не мог скрыть улыбки, глядя на его мешковатую одежду, ремень, висящий где-то под животом, плохо заправленные обмотки и пилотку, каким-то чудом держащуюся на затылке.

Некулай появился в дивизии, когда она уже воевала в Трансильваниитг. Заместитель начальника штаба по тылу капитан Медреа был возмущен этими «мерзавцами» из управлетгия тыла, посылающими в дивизию людей, которых давно нужно было бы демобилизовать. Он даже хотел отослать Некулая обратно, но, так как нужда в людях была очень велика, оставил его. Капитан Медреа утешал себя тем, что для службы в качестве денщика или коновода может пригодиться и такой, как Некулай.

Бурлаку, который оказался случайным свидетелем первой встречи капитана Смеу с Некулаем Тупицей, когда он явился, чтобы вступить в должность денщика, — со смехом рассказывал об этом остальным шифровальщиками

— Я только что был у Смеу. Он забыл здесь свой дождевик, и когда начало моросить, я Юпес ему плащ. }Вы же знаете, что его денщика отправили в госпиталь. Отдал я ему дождевик и только собрался уходить, вдруг вижу — кто-то входит в комнату, даже не постучав в двери. Смотрю — солдат. Но какой солдат! Вы такой образины в жизни не видели. Шпингалетнк — от земли два вершка. Пилотка сдвинута на затылок. Китель на нем такой, что в нем поместился бы еще один солдат, а на ногах ботинки, похожие на лодки.

Смотрю я на него и не могу удержаться от хохота. Л Смеу улыбается. «Чего тебе, служивый?» — спрашивает он. «Здравия желаю, господин капитан, докладывает солдат Некулай Сырмышан!» — «Очень прприяго позпакормиться, — говорит капитан, а сам еле удерживается от хохота. — Какой тебя ветер сюда занес?»

Тут Некулай вспоминает, что у него на голове пилотка. Он ее снимает, начинает крутить в руках, — ну, знаете, так, как крутят белье, когда его выжимают, и начинает объясняться. «Видите ли, — говорит эта пигалица, — меня прислали сюда из тыла. Я к вам прямо оттуда. Явился в штаб к господину капитану, не знаю, как его зовут, п говорю ему, кто я и что мне надо. Господин капитан выслушал меня, о том, о сем порасспросил, а потом и говорит: «Что же мне с тобой делать, Некулай?» — «Я вот что скажу, господин капитан, дали бы вы мне работу полегче, потому что я маленько контуженный. Меня землей прикрыло па том фронте, и с тех пор другой раз как схватят боли, ух! Будто кто-то мои мозги в ступе толчет. Пожалуйста, господин капитан!» — «Видишь ли, Некулай, вот в том-то и загвоздка: куда мне тебя определить? Те господа из управления не нашли никого получше, чем ты?» — «Л может, у них нет получше? Должен вам доложить, я ведь и сам просился сюда. Я так рассудил: если мне прислали повестку и я уже мобилизован, значит, они не собираются меня освобождать. Л раз дело обстоит именно так, то всё-таки лучше в действующей части, чем там, в деревне. Вы, может, знаете, что управление тыла стоит в деревне в Олтении. Об олтенах не будем говорить!.. Попьешь из их колодца воды — смотрят на тебя косо. Мелочные люди! Оли могут пачкать там же, где едят, — вы уж меня извините!.. Попросил я господина старшего сержанта на пункте мобилизации отправить

числился под своим настоящим именем: Некулай Сырмышап. Но все звали его Некулаем Тупицей, имея в виду его неразвитый, ограниченный ум и эту сметную нелепую походку. Некоторые называли его попросту Некулай-дурачок.

Было известно, что па Восточном фронте его засыпал землей взорвавшийся рядом тяжелый снаряд. Некулай остался жив, но с тех пор страдал сильными головными болями. Когда начинался приступ, Некулай так заикался, что с трудом можно было попят, что он хочет сказать.

А вообще-то по натуре своей был оп человеком веселым, обладающим чувством юмора, о котором сам, должно быть, и не подозревал. Он чудесно играл дойны на дудке и неплохо пел трансильванские поспи. Кроме того, иро запас у него всегда имелась шуточка или веселый рассказик, ц он очень забавно умел преподнести их своим слушателям.

Хотя Некулай и был придурковат, но обязанности своя выполнял старательно, и когда капитана Смеу спрашивали, доволен ли он своим денщиком, он неизменно отвечал, что предпочел бы более ловкого человека, но что, в общем, у пего нет особого повода жаловаться на Некулая.

Нелепая походка, заикание, ответы невпопад, шуточки и веселые рассказы, искусная игра на дудке сделали Некулая Тупицу очень популярной фигурой: он постоянно потешал окружающих. Даже начальник штаба, когда ему случалось встретить Некулая во дворе, не мог скрыть улыбки, глядя на его мешковатую одежду, ремень, висящий где-то под животом, плохо заправленные обмотки и пилотку, каким-то чудом держащуюся на затылке.

Некулай появился в дивизии, когда она уже воевала в Траттеильванитг. Заместитель начальника штаба по тылу капитан Медреа был возмущен этими «мерзавцами» из управления тыла, посылающими в дивизию людей, которых давпо нужно было бы демобилизовать. Он даже хотел отослать Некулая обратно, по, так как нужда в людях была очень велика, оставил его. Капитан Медреа утешал себя тем, что для службы в качестве дешняка или коновода может пригодиться и такой, как Некулай.

Бурлаку, который оказался случайным свидетелем первой встречи капитана Смеу с Некулаем Тупицей, когда он явился, чтобы вступить в должность денщика, — со смехом рассказывал об этом остальным шифровальщикам:

— Я только что был у Смеу. Он забыл здесь свой дождевик, и когда начало моросить, я понес ему плащ. Вы же знаете, что его денщика отправили в госпиталь. Отдал я ему дождевик и только собрался уходить, вдруг вижу — кто-то входит в комнату, даже не постучав в двери. Смотрю — солдат. Но какой солдат! Вы такой образины в жизни не видели. Шпипгалетик — от земли два вершка. Пилотка сдвинута на затылок. Китель на нем такой, что в нем поместился бы еще один солдат, а на ногах ботинки, похожие на лодки.

Смотрю я на него и не могу удержаться от хохота.]1 Смеу улыбается. «Чего тебе, служивый?» — спрашивает он. «Здравия желаю, господин капитан, докладывает солдат Некулай Сырмышан!» — «Очень приятно познакомиться, — говорит капитан, а сам еле удерживается от хохота. — Какой тебя ветер сюда занес?»

Тут Некулай вспоминает, что у него на голове пилотка. Он ее снимает, начинает крутить в руках, — ну, знаете, так, как крутят белье, когда его выжимают, и начинает объясняться. «Видите ли, — говорит эта пигалица, — меня прислали сюда из тыла. Я к вам прямо оттуда. Явился в штаб к господсрагу капитану, не знаю, как его зовут, и говорю ему, кто я и что мне надо. Господин капитан выслушал меня, о том, о сем порасспросил, а йотом и говорит: «Что же мне с тобой делать, Некулай?» — «Я вот что скажу, господин капитан, дали бы вы мне работу полегче, потому что я маленько контуженный. Меня землей прикрыло на том фронте, и с тех пор другой раз как схватят боли, ух! Будто кто-то мои мозги в ступе толчет. Пожалуйста, господин капитан!» — «Видишь ли, Некулай, вот в том-то и загвоздка: куда мне тебя определить? Те господа пз управления не нашли никого получше, чем ты?» — «Л может, у лих нет получше? Должен вам доложить, я ведь и сам просился сюда. Я так рассудил: если мне прислали повестку и я уже мобилизован, значит, они не собираются меня освобождать. Л раз дело обстоит именно так, то всё-таки лучше в действующей части, чем там, в деревне. Вы, может, знаете, что управление тыла стоит в деревне в Олтении. Об олтенах не будем говорить!.. Попьешь из их колодца воды — смотрят на тебя косо. Мелочные люди! Они могут пачкать там же, где едят, — вы уж меня извините!.. Попросил я господина старшего сержанта на пункте мобилизации отправить

меня сюда, он поколебался, но в конце концов согласился. И кот я здесь, господин капитан». Поглядел на меня господин капитан из управления, почесал в затылке и говорит: «Пока что я тебя определяю в помощники на кухню». Л рядом с господином капитаном стоял какой-то господин старший сержант. Как его звать, я тоже не знаю. Такой красивый и «алигантный», что я чуть было не принял и его за господина офицера. И вот слышу, как этот господин старший сержант говорит: «Господин капитан, а что если мы его дадим в денщики господину капитану Смоу?» Я как услышал ваше имя, так сразу и спросил: «Как, вы сказали, зовут господина капитана, которому вы меня денщиком хотите отдать?» — «Господин капитан Смеу Еуджел», — говорит господин старший сержант. Тут я обрадовался и спрашиваю: «А вы не знаете, господин капитан Смеу случайно не из Вылчеле? Я сам тоже оттуда». — «Не знаю!» — отвечает господин старший сержант. «Уж будьте тогда добры, господин капитан, — говорю я, — отдайте меня в денщики господину капитану Смеу. Он из нашей деревни, сын господина учителя Смеу. Он как узнает, что мы с ним из одной деревни, сразу возьмет меня к себе денщиком». — «Ладно, Некула и, иди поговори о господином капитаном Смеу, и если он согласится тебя взять, я не буду иметь ничего против».

Смотрит на Некулая Смеу и спрашивает: «Так ты говоришь, что ты из Вылчеле?» — «Из Вылчеле, господин капитан. А разве вы не сын господина учителя Смеу?» — этак боязливо говорит Некулай. — «Да, его сын». — «А я вас сразу узнал, хотя вы и здорово изменились с тех пор, как бывали в деревне. А меня вы, конечно, не помните, правда?» — «Нет! Как, ты говоришь, зовут тебя?» — «Некулан Сырмышан. Я сын Арона Некулая Сырмышана. Неужели вы не помните? А наш до*ч был совсем недалеко от вашего, около мельницы, со стороны пруда. Моя сестра Анка ходила с вамп в школу. Она рассказывала, что вы сидели с ней за одной партой». — «Ее я, кажется, вспоминаю, а тебя нет, Некулай». — «Это вполне возможно. И ничего удивительного, господин капитан, сколько лет уже прошло. А потом ведь я старте пас. Ну а теперь, когда вы знаете, кто я, возьмете к себе денщиком? Очень вас прогну, пожалуйста!..»

Не могу вам передать, братцы, как он умильно смотрел на капитана. До того умильно, что мне его даже жал-

ко стало. Видно* и капитан его пожалел: «Ладно, Пекулай возьму тебя на испытание». — «Ну хотя бы на испытание, господин капитан! Я буду стараться, чтобы вы остались довольны мною». — «Иди теперь в штаб и скажи господину капитану Медреа, что я беру тебя денщиком на испытание». — «Здравия желаю, господин капитан! Сейчас же иду».

Ушел Некулай рад-радехонек. Но посмотрели бы вы, какая у него походка. Идет, словно на ход\лях. Я в жизни не встречал такого забавного человечка Не.* смеха на него и смотреть нельзя. Приходится ли Некулай капитану на что-нибудь, не знаю, но скучать он ему не даст, аа это ручаюсь.

Старательно, не хуже настоящей горничной, убирал Некулай Тупица комнату капитана Смеу.

— Здорово, Некулай! Господина капитана нету дома?—спросил Уля Мпхай, входя в комнату.

— Л что ему делать здесь в такое время? Он в штабе.

— Его и там нет. Про него спрашивал господин полковник Барбат. Я думал, может он домой забежал, и пришел ему об этом сказать. А ты что делаешь, Некулай?

— А что я могу делать, господин курсант. Я от радости чардаш готов плясать.

— А что такое случилось, браток?

— А что могло случиться? Почти что ничего! Приснилось *мно* сегодня ночью, что у меня еще один нос вырос, и я так разозлился на него, что взял да и отрезал его штыком. С тех пор у меня здесь болит, будто я и в самом деле отхватил у себя кусок мяса.

— Так ты этим и огорчен?

— А кто вам сказал, господин курсант, что я огорчен? Разве я сказал? А вы не слыхали, как обдурил Стан Простован сборщика налогов?

— Нет, этого я не слышал!.. Ну-ка, расскажи!

— Ладно, в другой раз расскажу. Теперь у меня важная работа.

— Ну что ж. Тогда и я тебе пе скажу ничего...

— А что вы мне можете сказать?

— Хотел я тебе сообщить одну штуку, которая, наверное, обрадует тебя.

— Такую штуку, чтобы меня обрадовать, вы мне рассказать не можете. Это не в ваших силах. Вот, если бы

вы пришли мне сказать, что наступил мир, вот это да! А другое что...

— А если бы тебя домой отпустили, ты бы обрадовался?..

— Бросьте шутить, господин курсант, со мной так не пойдет. Пока не объявят мира, никто из нас домой не поедет. И вы это знаете лучше меня!..

— А вот ты, Некулай, поедешь, и довольно скоро.

— Не смейтесь надо мной, господин курсант!..

И Некулай Тупица недоверчиво взглянул на него. Поймав его взгляд, Уля вдруг заметил, что на него смотрят два умных и хитрых глаза. Эти глаза совсем не были похожи на обычные глаза Некулая Тупицы. Они принадлежали какому-то другому Некулаю, тому человеку, который в прошлую ночь тайком пробирался к часовне. Всего лишь па одну секунду выдали себя глаза. Потом они снова стали обычными, бесцветными и водянистыми глазами человека, страдающего неизлечимым насморком.

— Я совсем не смеюсь над тобой, Некулай. Вопрос уже решен: ты поедешь домой. И господтш генерал дал свое согласие.

— Если господин генерал согласился, значит, кто-то замолвил за меня словечко. И кто бы это мог позаботиться обо мне?

— Откуда я знаю. Может быть, господин капитан Смеу. Он ведь твой земляк... Он, наверно, так решил: «Сделаю-ка я для моего Некулая доброе дело!.. В конце концов, что ему здесь делать на фронте!» Ты же больной человек, и тебя давно уже должны были бы демобилизовать. Я думаю, что и понал-то ты сюда по ошибке. Нужно было отпустить домой какого-нибудь типа, который «подмазал» старшего сержанта на мобилизационном пункте, вот тебя и послали служить вместо него. Так?

— Не очень!.. Я сам просился на фронт.

— Ну что ж, что ты сам просился... Зато теперь, когда увидел, что тут творится — а хорошего тут нет ничего, — я думаю, ты рад вести, которую я тебе принес. Хоть бы ты мле за это рассказал шутку про Стана Простовапа.

— Вот что я вам скаю, господин курсант: я пе поеду!.. Я пойду к господину полковнику Барбату и скажу: «Господин полковник, спасибо вам за то, что подумали обо мне, по я домой не поеду. По прихоти немцев нас

послали воевать Г русскими И если я теперь не похож на всех людей, кто же в этом виноват, если не немцы! Я хоть не на передовой, а в денщиках у господина капитана Смеу, но это же не значит, что я нисколько не помогаю их побить поскорее». Вот что я скажу господину полковнику Барбату. А если я захочу остаться, посмотрим, кто заставит меня уехать отсюда?

— Конечно, Пскулай. Так и скажи господину полковнику! Если он увидит, что ты непременно хочешь остаться. ду^{маяю} оп тебя насильно отправлять не станет. Ну а теперь, брат Некулай, будь здоров, побегу в штаб!

Хотя время было еще обеденное, в шифровальном уже работали. Пока капитан Смоу зашифровывал донесение для Третьего отдела, шифровальщики быстро обрабатывали полученную радиограмму на шифровальной машине.

Когда Уля Мнхай вошел, капитан Смеу спросил, не подымая глаз от таблицы с кодом:

— Вы ходили обедать, Уля?

— Да, и заодно получил жалованье. Я, кажется, немного опоздал?

— Спросите у Пелиною. Пусть он вам ответит, ведь вы его должны были заменить.

— Что-то тебя ячневый суп долгонько задержал, — сказал Целиною, подводя черту под последним расшифрованным словом. — Иди-ка сюда, почтеннейший!

Уля сел на его место. Радиограмма, которую они зашифровывали, содержала распоряжения штаба армии, связанные с предстоящим на следующий день наступлением. Все шифровальщики, в том числе и капитан Смеу, были убеждены, что утром, на рассвете, части дивизии снова пойдут в наступление. Один Уля знал правду.

Хотя за последние двадцать четыре часа радиограммы, касавшиеся предстоящего наступления, так и летали между штабом армии и дивизией, никаких сигналов о передвижении войск неприятеля до сих пор не поступало. В гитлеровских укрепленных линиях царило полное спокойствие. Это значило, что опасения Ули не оправдались. Абверу еще не был известен секрет шифровальной машины. Трудно было предположить, чтобы неприятель, узгав о готовящемся наступлении, не принял контрмер. Если в течение ночи гитлеровцы не зашевелиятся, зна-

чит шифровальные машины можно использовать р
дальше.

Мардаре, работавший в одной смене с Улей Михаем сказал ему, пользуясь коротким перерывом:

— Кто знает, сколько еще завтра на рассвете погибнет народу! Хоть бы скорей уж всё это кончилось!

— Я не думаю, что у нас будут большие потери. Когда фашисты ночуют нашу атаку, они начнут отходить. Не за что им здесь зацепиться.

— Большие или маленькие, какое это имеет значение для тех, кого завтра в этот час уже не будет в живых!.

— Что поделат! Пока идет война, без этого не обойтись. Давай-ка лучше подиктуй мне.

При других обстоятельствах Уля Михай не стал бы так отвечать. Но на этот раз слова Мардаре не заделали ему сердца именно потому, что он знал много такого, о чем другие и не подозревали. Он знал, что на следующий день на рассвете, незадолго до установленного часа, наступление будет отменено. Но он не мог открыть этого Мардаре.

Через час приказ был расшифрован, и шифровальщики могли свободно вздохнуть.

— На сегодня мы кончили, — обратился к ним капитан Смеу, — не думаю, чтобы мы еще что-нибудь получили. Вы свободны, ребята. На всякий случай кому-нибудь придется здесь остаться.

Мардаре заявил, что ему идти некуда, и он останется. Остальные шифровальщики разошлись.

Уля Михай отправился во Второй отдел, чтобы узнать нет ли новых сообщений дивизионной разведки.

— Что нового, господин капитан? — спросил он, входя в кабинет отдела.

— Ничего!.. Тихо на всем участке. Только что Поуло пол сообщил мне, что разведывательная авиация не обнаружила никакой передвижения в войсках противника.

— Это хороню. Значит, они не сумели расшифровать наши радиogramмы. Гм-м! Как это ни невероятно, но дело обстоит, кажется, именно так: они пожертвовали Барбу отказавшись использовать его для выполнения своей задачи. И всё-таки я не вижу другого объяснения. Возможно, что мы ошибаемся, предполагая, что они хотели гибели Барбу. Можно подумать, что они указали ему наиболее опасный участок для перехода линии фронта, не зная действительного положения в этом секторе.

— Мне это кажется паиболее вероятным.

— М-да. Действительно! Пока ясно одно: надо выждать, не начнут ли они действовать.

— Почему вы говорите «они»? Разве их несколько человек? Один — это Некулап. Л другой? Смеу? Разве въз нашли п те звенья, которых вам не хватало в цепи?..

— Наоборот, я потерял несколько звепьев из тех, что держал в руках. Я почти уверен, что господин капитан Смеу совершенно не прнчастен к этому делу. Через не» сколько дней, я надеюсь, отпадут все подозрения относительно него. Теперь, мне кажется, мы на верном пути. Нам остается узнать главное.

— Что именно?

— Является ли наш Некулай в этом деле капитаном или денщиком. Есля он капитан, тогда всё в порядке. Но если он всего только денщик, тогда надо выяснить, кому он подчиняется.

Телефон протяжно зазвонил. Капитан Георгиу спял трубку:

— Алло!.. Да!.. Я, кто спрашивает?

Тот, кто звонил, говорил так громко, что Уля Михай мог слышать его голос:

— Говорит Смеу... Ты одип? Я могу зайти к тебе**
Мне необходимо с тобой поговорить.

— Что-нибудь случилось?

— Да, серьезное дело. Могло быть еще хуже.

Капитан Георгиу положил трубку:

— Вы слышали?

— Слышал!

— Что же там могло еще произойти?..

— Сейчас вы узнаете. Я ухожу, чтобы капитан Смеу меня не застал.

— Где я вас найду?

— Ищите меня у нас, в шифровальном.

Несколько минут спустя капитан Смеу, возбужденный, встревоженный, вошел в кабинет.

— Что случилось, Смеу?

Тяжело дыша, капитан Смеу опустилсЯ на стул:

— Подожди, дай дух перевести... В эти дни столько хлопот, что мы еле справлялись с расшифровкой и зашифровкой. Не могу понять, почему на этот рал так усердно пользуются нашей машиной. Сколько было более серьезных наступлений, и никогда еще так адски мы не рабо-

тали!.. Я воспользовался маленькой передышкой, чтобы часок-другой поспать до обеда. Прихожу к себе, и что бы ты думал я увидел там? Бедный Некулай лежит вниз лицом на ковре, а мой походный чемодан раскрыт, белье и вещи разбросаны по всей комнате.

Я было подумал, что Некулай мертв. Потом прислушался: нет, жив! Никаких ран на теле нет. И если бы не открытый чемодан и не разбросанные вещи, я бы подумал, что ему просто стало плохо. Стою и не знаю, что делать! Трясу его, зову, кричу — ничего! Вылил я ему на голову кружку воды, тогда он стал приходить в себя. Шелвелит губами, морщит лоб, потом открыл глаза и смотрит на меня так, будто с того света вернулся. Что такое, Некулай? Что случилось? — спрашиваю его. А он, бедняга, хочет что-то сказать, но так заикается, что я не могу ничего понять. И всё на затылок показывает. Тогда я сообразил, что его кто-то ударил по голове. Больше ничего добиться не мог. Поднял его, положил на кровать и побежал к тебе.

— И хорошо сделал! — одобрил капитан Георгиу. — Идем, я тоже хочу видеть Некулая, он наверное пришел в себя и сможет рассказать нам, что с ним произошло,

— Хорошо, идем, если хочешь.

Капитан стал собираться. Он запер ящики письменного стола, надел ремень, кепи. На пороге он остановился, словно только что о чем-то вспомнил... И потом спросил У Смеу:

— Как ты думаешь, Смеу, не взять ли нам с собой Улю? Он, правда, теперь не у дел, но, хотя его и постигла неудача, нельзя не признать, что он в этих делах разбирается.

— А почему бы нет? Давай возьмем. Я ничего против не имею. Только я не знаю, где мы его сейчас найдем? Я их только что всех распустил, а он не из тех, чтобы сидеть на работе, когда этого не требуется.

— Всё-таки попробуем.

Он вызвал по телефону канцелярию, где Уля уже ждал звонка.

Встретились они на улице.

— Я вам нужен, господин капитан? — спросил Уля капитана Георгиу, делая вид, что видит его сегодня первый раз.

По дороге к*йому Смеу капитан Георгиу рассказал Уле о том, что произошло. Заканчивая свой рассказ, он заметил* *

— Мне кажется, что дело снова принимает серьезный оборот. Не думаете ли вы, что нам придется всё начинать заново?

— Не знаю, что вам ответить, господин капитан. Теперь, когда Барбу умер, я не понимаю, чего можно опасаться и что нужно начинать заново? Но так ли, господин капитан? — обратился оп к Смеу.

—* Вы совершенно правы! Начать всё сначала значило бы считать Барбу всего-навсего перебежчиком. Эту мысль можно допустить. Но что значила в таком случае та тысяча марок, которую нашли у него?

— Послушаем, что нам скажет Некулай, — ответил Уля, рассеянно взглянув на девочку, которая в эту минуту переходила улицу.

Когда они пришли к Смеу, Некулай лежал, закрыв лицо руками. Увидев их, оп попытался подняться.

— Лежи спокойно, Некулай! — остановил его капитан Смеу. — Тебе лучше?

Некулай, не отвечая, покачал головой.

— Ты бы мог нам рассказать, что с тобой случилось? — спросил, в свою очередь, капитан Георгиу.

— М,..могу... Ух! 0...оче...ень бо...бо-лит у...у... ме... мс.меня го...го...лова!

Он поднял руку к голове, показывая место, где у него болело. Потом, сильно заикаясь, кое-как рассказал о том, что с ним произошло.

Как всегда, он вернулся с занятий в обычное время. Поставил винтовку в коридоре и зашел в комнату, чтобы приготовить постель капитану, который имел обыкновение полежать в обеденный перерыв. Войдя в комнату, оп застыл на месте. Чемодап капитана был открыт и вещи разбросаны. Сначала он хотел всё оставить так и бежать к капитану. Но потом подумал, что надо посмотреть, не пропало ли что-нибудь из вещей, подбежал к чемодану. И в тот момент, когда он нагнулся, чтобы собрать разбросанное белье, тяжелый удар по голове оглушил его. Что было потом, он не помнит.

Закончив свой рассказ, Некулай снова схватился за голову, стал жаловаться на головную боль.

Капитан Георгиу осмотрел его голову. Она, действительно, немного распухла в том месте, на которое показывал Некулай, но никаких следов удара не было.

— Чем же это они могли его ударить? — спросил капитан Смеу.

— Как во всех приключенческих романах, мешочком с песком, — объяснил капитан Георгиу. — Можно подумать, что нападавший па Некулая питает отвращение к крови. Но ты скажи мне: пропало у тебя что-нибудь?

— Может быть, какая-нибудь рубаша или кальсоны. Но не мог же только ради этого рисковать этот тип? Если бы Некулай не был таким растяпой и поймал его, дорого бы он за это заплатил.

— Вы разрешите мне высказать свое мнение? — вмешался в разговор Уля Михай.

— Разумеется. Для этого мы и пригласили вас с собой, — согласился капитан Смеу с подчеркнутым дружелюбием.

— Все знают, что военные секреты в походных чемоданах офицеров не хранятся, а особенно на фронте. Думать, что кто-то рылся в чемодане господина капитана Смеу, чтобы найти там секретные документы, значило бы видеть вокруг себя одних только шпионов, да и то не очень умных. Это во-первых. Во-вторых, не надо забывать, что Некулая ударили тогда, когда он хотел собрать разбросанные по всей комнате вещи. Это значит, что преступника застигли здесь врасплох. Между тем...

Капитан Смеу прервал Улю:

— Я не понимаю одного: если Некулая ударили в то время, когда он стоял, нагнувшись над чемоданом, то и упасть он должен был бы здесь же, на этом месте. А я нашел его там, где ты сейчас стоишь, Георгиу.

— Г...ГО...ГОСПОДИН ка...питап... к...когда я... в... во...вошел в... к...комнату, че...чемодан был... б...был... т...там. — И Некулай встал, чтобы показать место, где находился чемодан в ту минуту, когда он вошел.

Уля Михай торжествовал:

— Вот видите, теперь всё становится ясным, господин капитан. Значит, чемодан стоял там. Потом его передвинули на место. По-моему, нечего и беспокоиться. Тот, кто напал на бедного Некулая, был просто-напросто вор.

Давая понять, что сказал всё, что мог, Уля вынул из кармана платок и шумно высморкался.

— Вы действительно думаете, что это был во\$# —. спросил капитан Смеу.

— Я склонен думать, что Уля прав, — вмешался капитан Георгиу, который совершенно в этом не был убежден и понимал, что Уля Михай не без умысла выдвинул это предположение. — Подумай сам: если бы тот, кто рылся в твоих вещах, преследовал другую цель, он должен был бы предварительно убедиться, что ему никто не помешает. И ему было бы нетрудно узнать, что каждый день Некулай четыре часа находится на занятиях. Но откуда было знать об этом вору? Он пробрался в дом незадолго до возвращения Некулая. И потом — если бы он пришел сюда с другой целью, то я думаю, что Некулаю не отделиться бы так легко.

— Бе...бед...бедный я! — застонал Некулай.

— Да не нужно столько речей, чтобы убедить меня в этом, мой друг, — засмеялся капитан Смеу. — Действительно, глупо видеть во всем этом чьи-нибудь козни.

Несколько минут спустя капитан Георгиу ушел вместе с Улей. На улице он спросил его:

— Скажите, вы действительно убеждены, что речь идет об обыкновенном воре?

— Л вы как думаете?

— Я в этом совершенно не убежден.

— Как-то в Париже я видел фильм с участием Стапа и Врана. Если не ошибаюсь, он назывался «Стан и Вран в иностранном легионе». Наверно, его показывали и у нас в Румынии.

— Я слышал о нем, но никогда не видел.

— В зтод картине есть очень смешная сцена. Стан и Вран, вступив в иностранный легион, выходят на занятия. Взвод, с которым они шагают, выполняет различные повороты на ходу. Самое смешное состояло в том, что они оба одновременно делали движения, обратные тем, которые выполнял весь взвод. Зрители умирали со смеху, хотя мало кто понимал, в чем состоит весь комизм положения. Л он состоял в совершенном совпадении движений двух комиков, которые делали всё вопреки уставу и мешали своему взводу. Я вспомнил эту сцену там, в комнате, когда слушал рассказ Некулая Тупицы.

— А какая связь между сценой из фильма и тем, что рассказал Некулай?

— Эти две истории очень похожи одна на другую.

Единственная разница состоит в том, что я совершенно не похож на тех зрителей, которые умирали со смеху от проказ Стана и Браиа.

Капитан Георгиу понял, что Уля не расположен рассказывать ему больше того, что сказал, и не стал настаивать.

ЧТО МОЖЕТ СКРЫВАТЬСЯ В МОЛИТВЕННИКИ АББАТА

Фронт снова двинулся вперед. Два дня назад на юге, на участке, занятом кавалерийской дивизией, хортистские войска пытались перейти в контратаку, но их наступление было приостановлено. Потом румынские части при поддержке советской артиллерии сами перешли в наступление и прорвали оборону противника, вынудив его к отступлению на широком фронте.

Части дивизии «Молдова» также продвинулись вперед, преследуя врага, который оказывал упорное сопротивление, стремясь обеспечить отход основных сил.

Был обеденный час, когда штаб дивизии «Молдова» прибыл в большое село с красивыми домами, крытыми черепицей, и густыми садами, начинавшимися тут же, за домами.

Основные отделы штаба расположились в здании, принадлежавшем старосте деревня — примару, остальные — в ближайших к нему домах. Предполагалось, что фронт скоро двинется дальше, на запад, и поэтому отдан был приказ ничего не распаковывать, кроме самых необходимых для работы вещей.

Шифровальный отдел разместился в доме напротив, в двух больших комнатах. Одну из них отвели под жилье.

Капитан Смеу занял этот дом после долгих переговоров с майором Братоловяну, который хотел устроить там свой Четвертый отдел. Поэтому, когда шифровальщики наконец расположились, начало темнеть.

— Где этот Уля шляется? — спросил капитан Смеу, глядя, как тащат шифровальщики по лестнице железный сундук с кодами. — Почему он не помогает вам?

— Ничего, господин капитан, мы и сами справимся!

— Хорошо. Только где же он всё-таки ходит? У меня

он разрешения не спрашивал. Говорил он вам что-нибудь¹

— Разве вы не знаете, каков он? Не сидит на месте, хоть приклеивай его. Пошел, наверное, на добычу: поискать чего-нибудь поесть. Он часто нам делает сюрпризы.

Но шифровальщики ошибались, думая, что их неугомонный товарищ бродит в поисках еды. У него были совсем другие заботы. В эту самую минуту в одетом из дворов он разговаривал с обозным из полицейской роты. Этот солдат, крестьянин с берегов Бахлуя, заехав со своей повозкой во двор и загнав лошадей в конюшню хозяина, охранял теперь груз, который, согласно приказу, не распаковывался.

Уля быстро подружился с ним. Они стояли и разговаривали, как два старых и добрых друга. Собственно, говорил один возница, а Уля ограничивался тем, что изредка задавал вопросы, когда видел, что его собеседник склонен умолкнуть. Слушал он внимательно, как будто наслаждаясь тихой, неторопливой речью солдата, в которой раскрывалась вся прелесть мягкого молдавского диалекта. В то же время Уля не спускал глаз с дома па другой стороне улицы. Там Некулай Тупица устраивал па почлег своего капитана.

И на этот раз, как обычно, группа квартирьеров, высланная в деревню еще с утра, смогла выполнить свою задачу лишь наполовину. Она нашла лучшие квартиры для старших офицеров, от майора и выше, а остальные должны были устраиваться кто как сможет. Но денщики, которые хорошо знали вкусы и наклонности своих офицеров, обычно недовольных расквартированием, сами отыскивали подходящее жилье. В этих поисках ими руководил инстинкт, выработавшийся в результате длительной практики. Приобретенный опыт позволял им каждый раз добывать для своих офицеров самые удобные квартиры.

Этим же был озабочен и Некулай Тупица.

Уля, который всё время следил за ним, видел, как он заходил в несколько домов, пока, наконец, не нашел подходящей квартиры. Походный чемодан и остальные вещи капитана был¹ перенесены туда; и позже, наблюдая через открытое окно, Уля Михай видел, как Некулай со стара-

¹ С а х л у й — река в Молдавии.

телмгостью настоящей хозяйки приводил комнату в порядок.

Прошло уже больше часа. Капитан Смеу тоже пришел посмотреть на свое жилье. Вероятно, оло ему понравилось, и он через несколько милут возвратился в штаб, где, как обычно, шифровальщиков ждало много работы.

«Задаст ои мне жару, — подумал Уля, но не двинулся с места. — Вполне может случиться, что мой друг Некулай вздумает прогуляться по деревне в мое отсутствие. Мае было бы очень жаль, если бы я не мог сопровождать его в этой прогулке как верная тень».

И он ие ошибся. Уже совсем стемнело, когда Некулай Тупица вышел на улицу. Постояв немного у ворот, словно соображая что-то, он торой л и во зашагал в другой конец села. По улице взад и вперед бегали солдаты, разыскивая себе пристанище. Аппетитный запах фасолевого супа доносился со двора, где под открытым небом была развешена походная кухня.

Некулай Тупица проходил мимо солдат, не обращая на них никакого внимания, так же, впрочем, как и они на него.

Уля шел за ним довольно близко, не опасаясь, что тот может его заметить. Па улице бродило много солдат, которые догоняли и перегоняли Некулая, и трудно было предположить, что денщик сможет что-нибудь заподозрить.

Ночное паломничество Некулая Тупицы в часовню мадонны многое сказало Уле. Ему удалось на конец узнать один из путей, которым пользовался Абвер для связи ее своим агентом. Нетрудно было догадаться, что Некулай продолжает использовать этот способ, чтобы передавав агентурные данные своим хозяевам. Совершенно очевидно было, что противник, отступая, оставлял своих людей которые устанавливали непосредственные связи с агентами, действующими в частях армии. Через нпх передавались приказы и отчеты о том, что удалось узнать. Все эти данные какими-то тайными каналами поступали на ту сторону фронта.

Пока штаб дивизии стоял в полуразрушенном городке, часовня мадонны всё время находилась иод наблюдением. Но с той памятной ночи ни Некулай Тупица, ни кто-нибудь другой не приходил больше, чтобы обезглавить терпеливую мадонну.

Предполагая, что этот способ будет использоваться и дальше, Уля Мпхай решил не спускать глаз с Некулая Тупицы. Это было одной из причин, которая заставила его вступить в беседу с возницей, нашедшим себе приют во пьере дома, расположенного напротив квартиры капитана Смеу.

Прошагав не меньше двадцати минут, Некулай Тупица остановился перед церковью, расположенной посреди сада с фруктовыми деревьями, отгороженного небольшим забором. Это была вторая церковь на пути Некулая Тупицы.

Узкая мощеная аллея вела к входу. Сзади, почти вплотную к ней, примыкал дом священника. Угол, образованный оградой сада, выходил на перекресток двух улиц.

Некулай Тупица открыл калитку и вошел во двор. Но вместо того, чтобы идти по аллее, он двинулся прямо во траве, огибая церковь слева. Уля Михай. потеряв его из виду, ускорил шаги и, дойдя до перекрестка, свернул палево. Потом, пройдя вдоль забора, перепрыгнул через него и притаился. Переждав некоторое время, он пополз, скрываясь в высокой, давно не кошенной траве, пока не добрался до того места, где был расположен алтарь. Здесь он остановился. Отсюда хорошо видны были и церковь, и дом, примыкавший к ней.

Не больше чем в тридцати шагах от себя он увидел Некулая Тупицу, который, засунув руки в карманы, разглядывал дом священника. Если он пришел сюда только за этим, то вряд ли его труды могли оправдать себя. Обычный домик, сложенный из кирпича, покрытый черепицей, был по всем признакам выстроен не очень давно, — так же, как и сама церковь. Из четырех окон дома освещены были только два.

После того как Некулай Тупица в достаточной мере удовлетворил свое любопытство, он крадучись подошел к одному из освещенных окон и, приподнявшись на цыпочки, заглянул в него. То, что он там увидел, должно быть мало ему понравилось, потому что он тотчас заглянул и в другое освещенное окно. Наверное в этой коштате и находился тот, кого искал Некулай, так как он трижды то-ропливо постучал по стеклу.

Окно немедленно раскрылось, и мужской голос спросил по-венгерски:

— Кто здесь?

Хотя они говорили довольно тихо, Уля расслышал вопрос Некулая:

— Карл дома?

— Он давно уехал в Будапешт.

— По оставил ли он ключ от библиотеки?

— Библиотека открыта, — Затем человек фамильярно добавил: — Я не могу впустить вас через двери: Марта в кухне. Влезайте через окно.

Одним прыжком Некулай Тупица вскочил на подоконник и скрылся в комнате. Окно закрылось.

Покинув свое укрытие, Уля, в свою очередь, подобрался к окну. Чтобы заглянуть внутрь, ему пришлось ухватиться за выступ под окном и подтянуться на руках. То, что он там увидел, очень его заинтересовало, но вести наблюдение отсюда было рискованно: если бы кто-нибудь из находящихся внутри случайно посмотрел в его сторону, Уля был бы тотчас обнаружен.

В саду, в нескольких шагах от окна, раскинула густую крону яблоня. Сообразив, что это дерево может послужить отличным наблюдательным пунктом, Уля забрался на него.

С дерева он увидел всю комнату. Это была столовая. За столом посредине комнаты сидели друг перед другом Некулай Тупица и священник. Священник был не молод. Густые брови оттеняли его маленькие пронзительные глаза, которые казались чужими на пухлом розовом лице.

На столе под рукой у священника лежал открытый молитвенник.

Они дружелюбно беседовали. Священник изредка улыбался Некулаю. Потом он поднялся, подошел к буфету и вернулся с бутылкой и стаканчиком, который протянул Некулаю Тупице, наполнив его вином. Тот одним глотком опорожнил его и подал священнику, давая понять, что не прочь выпить еще. Но священник сделал вид, что не понял намека. Тогда Некулай Тупица придвинул к себе бутылку, сам налил стаканчик и стал пить — на этот раз неторопливо, потягивая глоток за глотком.

Дорого бы дал Уля Махай, чтобы услышать, о чем говорил священник с Некулаом Тупицей!.. Но так как это

было невозможно, он старался по мимике и жестам догадаться, о чем шла между ними речь.

Потом он увидел, как священник, размахивая руками, пытается что-то объяснить. Уля понял, что духовный отец показывает, как надо пройти в какое-то место. Когда наконец Некулай кивнул утвердительно головой, давая понять, что усвоил маршрут, священник взял нож и, просунув его в переплет молитвенника, стал отклеивать необычно толстую, даже для молитвенника, обложку. Операция оказалась не из легких. Чтобы довести ее до конца, понадобилось несколько минут. Наконец из оторванного переплета священник вынул ключ и протянул его с улыбкой Некулаю Тупице.

Тот разматывал обмотку на правой ноге, снрядил ключ под штанину, потом ловко обмотал ее снова, проделав всё это с такой быстротой, какой не мог бы в нем предположить никто из знавших его.

Затем они встали, и Уля понял, что свидание окончено. Он быстро спустился с дерева и опять притаился в траве.

Минуту спустя окно открылось и Некулай Тупица выпрыгнул в сад. Но, вместо того, чтобы идти той же дорогой, которой он пришел сюда, Некулай направился в сторону Ули. Тот пережил несколько неприятных минут, потому что Некулай Тупица прошел очень близко, от него. Потом денщик без труда, как пастоящий спортсмен, перескочил через заборчик.

Улица, но которой пошел Некулай, вела в Сторону от штаба.

«Куда это он направился?») — спросил себя Уля.

Некулай Тупица шел быстро, и Уле было очень трудно поспевать за ним, не выдавая себя. Он часто отставал, догоняя Некулая только по звуку шагов. На каждом перекрестке Некулай Тупица останавливался, чтобы сориентироваться, потом шел дальше. Так они добрались до другого конца села и теперь двигались по широкой мощеной улице. Дома здесь были добротные, высокие. Должно быть, они принадлежали состоятельным хозяевам, которые притаились сейчас за закрытыми ставнями, потушив свет.

Добравшись до этой улицы, Некулай Тупица замедлил шаги. Он часто останавливался, освещая фонариком фасад какого-нибудь дома, потом отправлялся дальше. Наконец он остановился перед массивными дубовыми воротами. Вместо обычного дощатого забора направо и налево с/г ворот тянулась кирпичная стена в два метра высотой, выбеленная известью. Слева, возле самых ворот, на стене была прикреплена медная табличка, которая сообщала всем заинтересованным лицам, что в этом здании помещается

САДОВОДСТВО А. О.

Некулай попробовал открыть ворота, но они были заперты. Он постоял несколько секунд в нерешительности, примериваясь к забору. Из своего укрытия Уля видел, как он прошел вдоль стены до того места, где она кончалась и начинался забор соседнего дома, не выше метра высотой. Некулай Тупица взобрался на него, подтянулся на руках на кирпичную стелу и легко спрыгнул на ту сторону.

Уля, подождав несколько минут, воспользовался той же дорогой. На ступе он прислушался, всматриваясь в темноту, потом, поколебавшись секунду, благополучно

спустился во двор и, пригнувшись к земле, держа пистолет наготове, стал ждать, не произойдет ли чего-нибудь неожиданного. Однако ничего не произошло. Он находился в саду с цветочными клумбами, аккуратно подстриженными кустами, которые высажены были вдоль аллеи, посыпанных мелким носком. В глубине сада Уля разглядел одноэтажный коттедж, погруженный в темноту. Уля стал пробираться к нему, низко пригнувшись к земле и по-прежнему держа в руке пистолет. Каменные ступени по обеим сторонам широкой балюстрады вели к полукруглой террасе. На террасе стояли какие-то жестяные ящики, видимо предназначенные для цветов. В дом вела дверь с террасы. Она была открыта настежь.

«Вероятно, Некулай нарочно оставил ее открытой, чтобы в случае необходимости уйти без помех», — подумал Уля.

Он всё еще колебался. Осмотрелся еще раз, но не заметил ничего подозрительного и решительно поднялся по ступенькам. Войдя в дверь, он остановился, словно погружаясь в густую тьму, в которой невозможно было что-нибудь различить. Ни один звук не нарушал ночной тишины. Уля включил фонарь. Узкий луч света позволил ему увидеть большой, красиво обставленный холл, посреди которого возвышался дубовый стол с резными ножками. На столе в беспорядке разбросаны были газеты и журналы. Налево стоял широкий удобный диван. Вдоль стены в чинном порядке выстроились кресла и столики. С потолка свисала массивная и очень красивая люстра.

Это был вместительный элегантный почти круглый холл, из которого вели три двери: одна в глубине, прямо посередине, другие две — справа и слева. Убедившись, что в доме царит полная тишина, Уля решил войти в среднюю дверь.

Он легко нажал ручку, и дверь бесшумно открылась. Комната, в которую он вошел, была немногим меньше холла. Всю обстановку составляли два письменных стола, стоявших друг против друга, полка с отделениями для панок и несгораемый шкаф. В глубине виднелась еще одна дверь, из-за которой не доносилось ни одного звука. Уля открыл ее. Здесь также стояли письменные столы, стеллажи для папок, несгораемый шкаф. И опять две двери. За одной из них он довольно отчетливо услышал следующие слова, сказанные по-немецки:

— Немецкий солдат не имеет права думать. Он должен выполнять приказы тех, кто думает за него!

И хотя Уля мог слышать и даже видеть кое-что, подсматривая в замочную скважину, но он понимал, что это место нельзя считать надежным пунктом для наблюдения. Каждую секунду могла открыться дверь, и тогда у него не осталось бы времени, чтобы спрятаться. Рассчитывая, что комната, из которой допосылся голоса, также имеет два входа, Уля решил войти в левую дверь. Иптуция помогла ему найти верную дорогу. Миновав узенький коридор, разводчик оказался в ванной, откуда ему было слышно всё, о чем говорили в соседней комнате. Теперь Уля мог удовлетворить свое любопытство и не только слышать, но и видеть, через замочную скважину, что там происходит.

И он слушал и смотрел, не боясь быть обнаруженным, потому что понимал, что Некулай Тупица должен выйти той же дорогой, какой вошел.

Чтобы наш читатель лучше разобрался в том, что здесь происходит, оставим пока Улю на его наблюдательном пункте, в ванной комнате, и вернемся назад, чтобы проследить за Некулаем Тупицей с того момента, когда он забрался в сад общества <<Садоводство А. О.>

Прыжок, который он совершил, не был очень удачным, однако Некулай Тупица отделался легкими ушибами. Он вскочил и решительно направился к дому, который смутно виднелся в глубине сада. Переступив порог входной двери, он вынул пистолет и затем пересек холл и те две комнаты, с которыми читатель уже знаком. Подойдя к двери, из которой пробивался свет, Некулай остановился. Потом решительно нажал ручку и ударом ноги распахнул дверь. Он вошел в комнату, выставив вперед пистолет, по ата мера предосторожности оказалась ненужной, потому что человек, которого он думал найти бодрствующим, крепко спал.

Это был толстяк с жирным и круглым, как полная луна, лицом и светлыми растрепанными волосами. Он спал на диване, лежа лицом вверх, и громко храпел. Одет он был в серый костюм из хорошей шерсти, очень помятый и выпачканный. Рядом на столике валялись остатки еды, стоял стакан и несколько пустых бутылок из-под пива.

Довольно много таких же бутылок разбросано было па полу. На кровати и на ковре лежали газеты на венгерском и немецком языках.

Некулай Тупица с отвращением взглянул на спящего, потом, ударив его дулом пистолета, крикнул:

— Герман, привет тебе от оберштурмбанфюрсра Карла!

Человек вскочил и быстро сунул руку под подушку. Однако Некулай Тупица, приставив ему к виску дуло своего пистолета, почти весело сказал:

— Спокойно, дурень... Оставь в покое эту игрушку!

Человек, которого звали Гермапом, скрипнув зубами, отдернул руку.

Некулай Тупица быстро отбросил подушку и достал оттуда пистолет. Сунув его в карман, он сел верхом на стул и сказал:

— Теперь, Герман, давай потолкуем!

Толстяк тупо посмотрел на него.

— Ты не узнаёшь меня? Не так ли? — иропически спросил Некулай Тупица.

— Нет. А кто ты?

— Это по имеет значения. Впрочем, мы с тобой видимся впервые. Но я кое-что слышал о тебе.

— • И что тебе от мепя надо?

— А ты и не подозреваешь? Я же сказал тебе, что привез привет от оберштурмбанфюрера Карла. И тебе, негодяй, это ничего не говорит?

Гермаи вздрогнул, словно его ударило электрическим током, и в глазах, налитых влагой от непрерывного пьянства и бессонных ночей, отразился животный страх.

— Ну так как? Теперь тебе понятно, что меня сюда привело? — усмехнулся Нскулай Тупица.

Но, удивительное дело, после этих слов Герман преобразился. Страх его исчез. Он взял со стола папиросу, спокойно закурил, сбросив спичку щелчком пальца к ногам Некулая Тупицы, потом, глубоко затянувшись, презрительно сказал:

— Карл — идиот!

— Скотина, как ты можешь так говорить о герр оберштурмбанфюрере Карле?

Герман расхохотался:

— Не злись. Ты его знаешь?

— Нет!

— Так чем же ты возмущаешься? Я его знаю и говорю тебе, что он идиот!

— Герр оберштурмбанфюрер Карл — мой начальник, и я не желаю плохо думать о своем старшем товарище. Я хочу ему верить.

Гермаи пристально посмотрел на Некулая, и в этом взгляде не было несправости, насмешки, была только жалость.

— Я понимаю тебя!.. Я тоже когда-то был таким, по юперь...

Он некоторое время сидел задумавшись, потом расхохотался:

— И всё-таки говорю тебе, что он идиот, этот твой Карл!

— Если ты еще раз это скажешь, я тебя застрелю.

Герман пожал плечами:

— Ну и что же?.. Ты сначала послу/пай, что я тебе скажу. Я знаю Карла давно, с 1930 года. Было время, когда и я пенил его. Все ценили его. Даже рейхсфюрер Гиммлер был о нем неплохого мнения. Но когда мы иа-

чали вместе работать, я понял, чего он стоит, твой хваленый Карл. Спору нет, голева у него есть, только пустая. И он это знает. Иго всё-таки хватает на то, чтобы понять это. Поэтому он всегда старался иметь около себя кого-нибудь, кто умел бы думать вместо него, выдвигать идеи, проявлять инициативу. Это была его тактика. Она помогла ему подняться, выдавать чужие идеи, чужую инициативу за свои собственные. И группенфюрер говорил ему: «Я доволен вами, Карл. Ваша идея превосходна!» А эта превосходная идея была чужой. И с тех нор как мы стали работать вместе, все идеи были моими. Но он никогда не говорил мне: «Герман, ваша идея интересна». Наоборот, он морщил нос, он говорил мне: «Герман, у вас голова вместо мозгов набита паклей. Вы хауптштурмфюрер, но я думаю, что в голове у какого-нибудь, обершарфюрера больше мозгов, чем у вас».

Это было в то время, когда мы оба работали в гестапо. Впоследствии, в те дни, когда мы готовились войти в Чехословакию, Карла послали работать в Абвер. И хотя он считал, что я глупее какого-то обершарфюрера, он добился всё-таки, чтобы меня перевели вместе с ним. Да, да, он не мог обойтись без моей глупой головы!

Тебя я не знаю, не знаю, кто ты, но я догадываюсь по форме, которую ты носишь. Зато я знаю другого. Его я никогда не видел, но хороню знаю. Он тоже работал для гестапо, был умен, осторожен и решителен. Я видел его личное дело Интересное, очень интересное... Это он тебя послал?

— Я же тебе сказал, что пришел от оберштурмбанфюрера Карла.

— Ерунда! Что ты мне тычешь обертптурмбанфюрером Карлом?.. Сразу видно, что ты из партии, иначе ты бы его не называл так. Но это не имеет значения. Я только хочу сказать, что и эта идея моя. Карл присвоил ее себе. И план тоже мой. И человек, которому ты подчиняешься, тоже мой. Это я его предложил. Потом мне пришлось в голову кое-что получше. Карла не было. Его вызвали в Братиславу. Не дожидаясь его, на свою ответственность, я приказал людям действовать. И всё провалилось, хотя план был превосходным. Тебе известны подробности?

— Неизвестны, и они меня не интересуют. Мои полномочия ограничены.

попят, что случилось». — «Давай посмотрю. Я неплохо разбираюсь в моторах, работал механиком».

Мотоциклист за несколько минут приводит мотор в движение и одновременно пускает подрывной механизм. И ровно через сто метров машина взлетает на воздух, а мотоциклист собирает плоды искусно выполненного ялана. Хорошо придумано, не так ли?

— М-да... Хорошо придумано, но плохо выиолнепо! — возразил Некулай Тупица.

— Фатум, рок! Всё было подготовлено до малейших подробностей. Я ждал только подходящего дня. И вот румыны наступают, мы отступаем. Вначале всё шло по плану. Регулировщик ликвидирован и заменен нашим человеком. Машина стала из-за порчи мотора. Остается только начать действовать нашему мотоциклисту. Но секунды проходят, а он не появляется. Наш человек начинает беспокоиться. Всякое промедление может стать для него роковым. Он понимает, что обман может раскрыться с минуты на минуту.

Что же происходит? Мотоциклист ждет своего часа. В условленное время он собирается ехать. И, невероятно, но факт, — мотор не заводится. Пока он запустил его, прошло четверть часа... И когда, наконец, он подъезжает к развилке дорог, оказывается поздно. Там никого нет, и он, человек осторожный, перестает действовать. И хорошо делает, потому что к этой минуте офицер, введенный в заблуждение нашим регулировщиком, возвращается и арестует его. Наш человек, зная, что его ждет, кончает жизнь самоубийством.

А теперь ответь мне: чем же я виноват, что злой рок помепгал выполнению моего плана? Случайпо отказал мотор мотоцикла, случайно проезжал по шоссе офицер, тогда, когда там должны были двигаться только тыловые обозы. Как видишь, я проиграл из-за глупой случайности!..

Герман вздохнул, потом сплюнул сквозь зубы, прямо иод ноги Некулага Тупице.

— Из-за тебя, — загог>орил Некулай, — всё могло пойти насмарку. Чтобы снасти положение, я должен был прикончить шофёра. Представляешь себе, что произошло бы, если бы он обнаружил причину порчи мотора?

— Зпачит, ты его убил?

— Да! И я же сделал так, чтобы машина остановилась па дороге.

— Мне говорили, что подробности тебе неизвестны.

— Я их не знал. У меня была ограниченная задача, и я ее выполнил. Я не спрашивал, для чего это нужно сделать. Я не спрашиваю, я просто выполняю. Я должен или выполнить то, чего от меня ждут, или умереть!

— Выполнить или умереть! — повторил его слова Герман, покачав головой. — Этот недостаток присущ многим из нас. Мы слепо выполняем то, что от нас требуют, не спрашивая, во имя чего надо это делать. Нам правится, когда кто-то думает за нас.

— Когда думают все, начинается анархия!

— Идиот!.. Но оставим это. Мне ничего не удалось сделать. Ну, а вы? Что сделали вы до сих пор? Ничего!..

— За нас не беспокойся!

— И вам ничего не удастся сделать. У вас не хватит сообразительности. У вас нет такой головы, как моя.

— Что ты говоришь? — насмешливо возразит Некулай Тупица. — Твоя голова — это голова труса! Удрал, спрятался, боишься отвечать.

— Да, да, да! Я удрал... Удрал, потому что знаю, что ждет меня, когда вернется Карл. Эге, если бы ты его знал так, как знаю я!.. Если бы он был так же умен, как свиреп, Карл мог бы считать себя гением. И потом я знал, что оп меня ненавидит... Он может обмануть других, выдавая себя за улаого человека, но он не может обмануть самого себя. Он-то ведь знает, что его поступками руководжу я. Он знает, что и гроша не стоит без меня. И чем больше он это понимал, тем больше ненавидел меня. Прежде чем решиться бежать, я хоронго всё обдумал. Я спросил себя, что перевесит: нужда во мне или ненависть, которая его снедает? И я понял, что ненависть будет сильнее, — она перевесит. Я понял, что так же, как оп наплюл меня, он сумеет найти другой мозг. Я удрал, я спрятался... И не понимаю, как он меня разыскал?

— Не знаю!

— И именно сейчас, когда я почувствовал себя вне всякой опасности.

— Ты хотел предать нас, не так ли?

— Что ты хочешь сказать?

— Ты остался за линией фронта, чтобы предложить свои услуги противнику? Ты решил, что им будет интересно узнать правду о деятельности агентурной группы,

которой руководит майор Карл Рихтер, и особенно о тех сведениях, которые исходят от его заместителя Германа Гартмапа...

— Проклятье! Как ты можешь так думать обо мне? Я остался здесь для того, чтобы избавиться от мести Карда. Я знал, что если останусь здесь, то мне легко будет скрыться, избежать всяких сюрпризов. Я составил себе план... Великолепный план! Я уже давно понял, что всё проиграно. Корабль тонет. Войну мы проиграли! Нас ничто уже не может спасти!..

— Неправда! Фюрер требует от нас доверия. Скоро новое оружие поможет уничтожить всех наших врагов,

— Пустяки!.. Никакое оружие нас уже не спасет. Только глупец может верить этим басням. Я знаю больше тебя: корабль тонет. Кто может спастись, пусть сделает это, пока не слишком поздно!.. И ты бы послушался меня, если бы в твоей башке сохранилась хоть капля здравого смысла.

— Нет! Я верю в фюрера! Фюрер обещал нам победу, и он сдержит свое слово.

— К несчастью, он не может этого сделать. Русские на границе Германии... На всех фронтах нас бьют... Наши города рушатся... Население голодает... Генералы начали ворчать... Я тебе говорю, что нет никакого спасения. Мы скоро будем раздавлены... Слушай, я сказал тебе о своем плане. Это отличный план. Если ты хочешь спасти свою шкуру, я помогу тебе. Этот плап поможет спастись нам обоим.

— Ты собираешься уговорить меня стать предателем? Зря теряешь время! Я и так достаточно долго слушал тебя. Мне некогда.

— Значит, ты хочешь убить меня?..

— Нет, наказать. Это приказ оберштурмбанфюрера.

— Ты хочешь стать убийцей?

— Я не люблю пышных слов. Ты прекрасно знаешь, что не может идти речь об убийстве там, где выполняется приказ.

Герман снова потерял самообладание. Глаза его с ужасом смотрели по сторонам, словно он еще искал способа спастись.

— И как ты собираешься это сделать? — спросил он дрожащим голосом.

— Я сосчитаю до трех и потом выстрелю. Куда ты

хочешь, чтобы я целился? У мспя рука, которая никогда не ошибается.

— Я предпочел бы сделать это сам. Дай мне пистолет.

— Нет, миленький! Я тебе не очень доверяю.

— Я" даю тебе честное слово.

— У *тебя* пет честн. Ты предатель, и потом — это приказано сделать мне. Если бы ты был даже моим отцом, я бы исполнил этот приказ именно так, как он отдан.

— Ладно! Тогда стреляй. Вот я встану, сделаю шаг к тебе, и тогда стреляй!

Вытаращив глаза, дрожа с головы до ног, словно его била лихорадка, Герман поднялся. Он закрыл глаза и сделал шаг вперед. В тот же миг Некулай Тупица выпустил в него все шесть пуль обоймы:

— Вот тебе, свинья!

Герман, перегнувшись пополам, свалился вниз лицом.

Некулай Тупица нагнулся и повернул его лицом кверху. Несколько мгновений он смотрел на свою жертву с гадливостью, потом, вынув из кармана второй пистолет, принадлежавший Герману, всадил ему еще несколько нуль в голову, отбросил его и вышел, не оглядываясь и не закрывая за собой дверей.

Уля Михай, который видел и слышал всё из ванной комнаты, посмотрел на часы. Была половина десятого. «На сегодня, я думаю, хватит».

Выждав несколько минут, Уля вошел в комнату, где г. луже крови валялся труп того, кто недавно был Герма^ ном Гартмапом из агентурной группы майора Карла Рихтера.

Уля посмотрел на лого с отвращением и прошептал:

— Эти господа неплохо рассчитываются друг с другом.

Он нагнулся, чтобы обыскать карманы убитого, но не нашел в них ничего интересного и вышел, плотно прикрыв за собой дверь.

Теперь у него было достаточно доказательств того, что Некулай Тупица, которого все считали несчастеньким дурнем, на самом деле является опасным шпионом. Уля знал теперь правду о том, что касалось самоубийства фальшивого регулировщика и убийства шофёра Пантелеймона. Эти два факта всегда казались ему загадкой. Каждый раз, когда он пытался связать их с остальными собы-

тиями, ему это не удавалось сделать. Теперь он убедился, что не ошибался в некоторых своих предположениях.

План Гартмана провалился, и его создатель был мертв. Зато Некулай Тупица живет и полон решимости не повторять его ошибок. Из всего, что узнал Уля, главное состояло в том, что Некулай действует не один. Гермап с похвалой отзывался о том, с кем работает Некулай, значит Некулай только исполнитель, а всеми его действиями руководит кто-то другой.

«Кто же, собственно говоря, этот Некулай Тупица, который играл с таким мастерством роль дурачка?» Уля просил Второй отдел штаба армии навести справки в деревне, где родился Некулай. Ответа еще по было, но после всего, что он узнал, нетрудно было предположить, что сведения поступят самые неожиданные.

Пока что за Некулаем Тупицей надо было хорошенько присматривать, во избежание новых сюрпризов. Но если за Некулаем можно было установить наблюдение, то как быть с тем, другим, который до сих пор неизвестен и остается постоянной угрозой? И эта угроза окажется тем более реальной, чем в меньшей безопасности будет чувствовать себя Некулай. Инсценированное нападение на него было настолько шито белыми нитками, что принимать его всерьез не приходилось. Яспо, Некулай хотел отвести от себя возможные подозрения.

«Они решили, — рассуждал Уля Михай, — что нападение среди бела дня на денщика начальника шифровального отдела легко будет объяснить намерением похитить какие-нибудь секреты, касающиеся работы отдела. Кто станет подозревать денщика, если он сам стал жертвой нападения?»

Но если Некулай Тупица действительно начал подозревать, что над ним нависла опасность разоблачения, почему он избрал именно этот путь для собственной реабилитации? Какой смысл был в том, чтобы поднимать тревогу во Втором отделе штаба дивизии и привлекать его внимание к шифровальному отделу? Разве не для того пожертвовали они Барбу, чтобы заставить в нем подозревать убийцу Во и ягу п Томеску?

Сколько Уля пи старался, ему пока не удавалось найти ответы на все эти вопросы. Потом он вспомнил цветущее лицо аббата. Допрос этого человека, наверное, принесет много интересного.

Ему придется рассказать, от кого получен ключ, который так заботливо был спрятан в обложку молитвенника.

О назначении этого ключа нетрудно догадаться. С его помощью Некулай Тупица должен будет открыть сейф, в котором хранится шифровальная машина.

Этот ключ окончательно снимал всякие подозрения с капитана Смеу.

„111 П ЗАБАВНАЯ ЯКЕ ШТЗКА ЭТОТ ГАДИНО!"

Радиостанция находилась неподалеку от штаба. Ее начальник сержант Пылимару Георге, здоровенный парень из-под Торжа, считался одним из самых лучших радистов во всей армии. Радиogramмы он передавал и принимал с удивительной быстротой. Радисты всех штабов армии узнавали его по «почерку» и мечтали когда-нибудь добиться такой же быстроты и сноровки.

«Это Пылимару!» — говорили они, когда раздавались удары его ключа, и слушали, как он передает радиogramмы, с таким же восторгом, с каким любители и знатоки слушают музыку.

Сержанта Пылимару ценили не только как лучшего радиста, но и как отважного солдата. В тяжелых боях за освобождение Трансильвании, когда одному из гитлеровских соединений удалось проникнуть глубоко в тыл румынской армии, случилось так, что под угрозой оказались штаб дивизии и радиостанция. В бою с фашистами сержант Пылимару сумел не только защитить свою станцию, но и захватить в плен двух гитлеровцев.

За отвагу он был отмечен приказом и награжден. Генерал Понинкариу ценил начальника своей радиостанции и, сколько ни требовал штаб армии его перевода к ним, сумел отстоять прославленного радиста.

Особенно славился сержант Пылимару умением перехватывать шифрованные радиogramмы противника. Ежедневно с его станции отправлялось множество расшифрованных текстов. Отличными мастерами своего дела слыли и два его помощника.

На следующий вечер после тех событий, с которыми уже знаком наш читатель, на радиостанцию будто невзначай зашел Некулай Тупица.

До этого он ни разу здесь не появлялся.

Радисты были рады приходу Некулая, рассчитывая пволю повеселиться.

— Здравия желаю, господин сержант! — отдал честь Некулай сержанту Пылимару, тщетно пытаясь встать в положенную по уставу стойку «смирно». Но это ему так плохо удавалось, что радисты не могли не расхохотаться, глядя на его нелепую фигуру.

— Какой ветер тебя к нам занес, Некулай? — спросил сержант Пылимару.

— Думал, что найду здесь моего господина капитана. Всюду его искал, только у вас еще не был. Не заходил он к вам?

— Не был, Некулай, — дружелюбно ответил ему сержант.

Один из телеграфистов, желая вызвать неожиданного гостя на разговор, пошутил:

— Да оставь ты в покое господина капитана! Может быть, он развлекается сейчас в компании какой-нибудь вдовушки или жены, у которой муж загулял...

Но Некулай Тупица, вместо того чтобы подхватить шутку, рассердился:

— Мой господин капитан?! Этого быть не может, товарищ! Он не похож на других. Он — как красная девица. Должно быть, любит очень свою женку и хочет сохранить ей верность. Ни одна бабенка не посмела строить ему глазки. Было раз: хозяйка, у которой мы квартировали в одной деревне, не помню уж ее названья, — разве упомнишь все деревни, — прямо умирала по нем, глазами его пожирала. Как только мой господин капитан домой, она — гои и в комнату: не желаете ли кофею, варенья, а то яблоков притащит каких-нибудь ИЛИ еще чего. И так она на него смотрела, так смеялась, что голову потерять было совсем нетрудно. Ну а господин капитан не сдался. Эта бабенка чуть не захворала, до того уж он ей нравился, а когда пришло время уезжать, она так ревела, что даже жалко ее стало, беднягу.

— Ну, хорошо, Некулай. Если ты видел, что твой господин капитан не хочет над ней сжалиться, то почему же ты не постарался ее утешить?

— Что сделать?

— Утешить!

— Как это «тешить»?

—* Ну, составить ей компанию вместо господина капитала.

— Эх, я был совсем не прочь!.. Но куда мне? Разно она посмотрела бы на такого, как я? Ей господина капитана подавай.

— А ты бы всё-таки не отказался?

— Еще бы отказался! Не стапу хвастать, по если бы она мною не погнушалась, то хуже бы ей от этого не было. Радисты расхохотались. Даже дежурный телеграфист, сидевший на приеме, прервал запись, чтобы посмеяться вволю.

Между тем Некулан Тупица подошел к рации и стал разглядывать ее.

— Значит, вот ты какой, Некулай, — проговорил сержант Нылимару.

Некулай Тупица, не отрывая взгляда от аппаратуры, ответил:

— Вы не смотрите, что я на вид хилый. Насчет того, чтобы поухаживать, я, благодарение богу, могу с любым молодцом посоревноваться. И неизвестно еще, чья возьмет.

Новый взрыв смеха разразился с такой силой, что его слышно было даже на улице.

Когда смех немного стих, Некулай Тупица восхищенно сказал:

— Пш-шш... большая же штука этот радиово. Я такого еще никогда не видел. У пас в деревне у попа радиово был, у учителя. Ну, так то были вот такие маленькие коробочки. Л этот на хороший курятник похож. В нем как раз бы поместились все куры моей старухи.

Видно, Некулай Тупица решил уморить сегодня всех своими шутками.

— Слышите, господин сержант? Будто курятник!.. — хохотал один из радистов, у которого от смеха даже слезы выступили.

— Л что? Разве нет? — паивпо удивился Некулай Тупица. — Большой-то оп большой, да что-то ничего не играет.

— Играет, когда нужно, — объяснил ему дежурный.

— А теперь-то почему он пищит? Ох, что-то испортилось!

— Да он совсем не испорчен! Он теперь передает ра-

диограмму. Это — морзянка. Гляди сюда, я буду запись** вать то, что он говорит.

Некулай посмотрел на радиста с недоверием:

— Вы хотите сказать, что он с вами разговаривает и вы можете записать его разговор?

— Вроде того!

— Нечего надо мной смеяться. Это нехорошо, я же всё-таки старше вас, — рассердился Некулай.

Сержант Пылимару, удерживая улыбку, попытался объяснить:

— Ты не обижайся на нас, Некулай, никто над тобой не смеется.

— Как не смеются, господин сержант? Я ведь не оглох. Я же слышу, как в этом курятнике что-то пищит, а они болтают, что он разговаривает. Зачем они надо мной насмешки строят?

— Ну, давай я тебе объясню, и ты всё поймешь. Только слушай внимательно. Слышишь, там всё время попискивает: таа-ти-ти таа-таа-таа-ти-таа?

— Вот-вот, так и есть! — обрадовался Некулай, вытаращив от удовольствия глаза.

— Ну вот значит, пищит там не зря, у каждого звука свое значение есть. Ты грамоту знаешь?

— Не то чтобы знаю, но всё-таки..,

— А буквы ты знаешь?

— Вот это знаю.

— Тогда поймешь. Возьмем, например, слово «ад». Если я хочу написать «ад», я должен сначала на бумаге нарисовать букву «а», а потом «д». Ясно?

— Пока ясно!

— Ну а если я хочу, чтобы это *слово* «ад» дошло до Бухареста, как это сделать? Можно написать письмо или позвонить по телефону. Но у меня нет ни телефона, ни карандаша, чтобы написать письмо. Зато у меня есть этот «курятник». Писать он не может. Но он моячет передать этот писк, как ты говоришь. Ты слышишь, что и пищит он по-разному — сначала подлиннее, «таа-а», потом покороче «ти». Ну вот один ученый и придумал такую азбуку, в которой каждой букве соответствует определенное количество таких «писков», коротких и длинных. Долго он над этим бился, пока составил азбуку. Теперь, скажем, я хочу передать радисту из «Орла»: «Слушай, брат, у нас тут есть солдат, которого зовут Некулай». Я сажусь сюда

на стул, — сержант Пылимару сел на место дежурного телеграфиста, — кладу палец на этот «грибок» и начинаю передавать букву за буквой. Вот так. И пока я здесь стучу, он сидит на другой станции, слушает в наушники и записывает то, что я ему передаю. Вот и вся премудрость. Понял?

— Ну и забавная штука этот радиово! — изумился Некулай, покачивая головой. — Значит, только и всего! Ну и ну!

Он еще немного покрутился около аппаратуры и ушел.

На следующий день, почти в то же самое время, Некулай явился снова:

— Здравия желаю, господин сержант!

— Здорово, Некулай! Опять потерял своего господипа капитана?

— Да нет! Я пришел еще немножко послушать, как этот «куратник» пищит. Чертовски он мне понравился! Я долго вчера уснуть не мог. Всё думал и дивился, а в ушах так и пищит: «ти-ти, таа-таа»; «таа-таа», «ти-ти-ти». А потом, когда я заснул, мне всё это приснилось. Вот я и говорю себе: «Пойду-ка к господину сержанту Пылимару и шшпрошу его, пусть он включит маленько этот радиово». И вот пришел. Если, конечно, я не беспокою вас...

— Не беспокоишь, Некулай. Значит, тебе это понравилось?

— Грешно врать, очень понравилось. Ужас, как понравилось!..

— Ну, раз нравится, так слушай!

И сержант Пылимару, который как раз закончил передачу контрольного вызова, поймал станцию, передававшую морзянку.

Некулай Тупица, присев на кончик стула и разинув от удовольствия рот, слушал как завороченный.

— И вы понимаете, господин сержант, что он говорит?

— Л он говорит вот что: «К-Ж-О, передача закончена. Ответь, понял ли».

— Л что это значит... как это вы сказали, я но понял?

— Это позывные станции. Каждая станция имеет свои позывные.

— Вот как! Смотри пожалуйста, мне бы и в голову такое не пришло. Я думал, что только у полков... есть... как это называется, ну, чтобы не узнал враг, какие части

стоят перед ним. Наверное, и с этими сташщами такое ж^з пело. Господин сержант, а вы когда этому ремеслу научились?

— Да вот здесь, в армии.

— Так! А если, бог даст, кончится война? Бросите это ремесло?

— Брошу, Некулай! У меня дома хозяйство есть.

— Л если бы вы не захотели вернуться домой, могли бы вы с этим ремеслом па хлеб себе заработать? Или оно нужно только в армии?

— Л ты и этого не знаешь, Некулай? Это ремесло может пригодиться и на «гражданке». На почте служит много телеграфистов. Да вот наш Григоре, вон тот. Он радиотелеграфист па почте в Бухаресте.

Некулай Тупица взглянул робко на Григоре и спросил:

— Вы не обидитесь? Я хотел бы кое-что у вас разузнать.

— Спрашивай, Некулай, чего там обижаться!

— Ну, если не обидитесь, может скажете, какой вы там оклад получали?

— Около четырех тысяч лей.

— Сколько?..

— Четыре тысячи.

— Четыре тысячи лей?! — и Некулай Тупица в вос-
торге хлопнул себя по щеке.

— Это много, Некулай?

— Столько денег, сколько вы получаете за месяц, мне не попадает в руки и после целого года трудов.

— Возможно и так, Некулай. Но всё-таки наше ремесло не оплачивается как следовало бы.

— Так ведь и это деньги нешуточные! Четыре тысячи лей!.. Никогда не подумал бы... И очень это трудное дело?

— Нелегкое, — ответил ему Оержапт Пылимару.

— Должно быть, вы здорово грамоту знаете!

— Надо знать. Чем больше знаешь, тем лучше.

—* М-да! Так-то оно!

Некулай глубоко вздохнул, робко глядя на телеграфистов. Потом, пи слова не говоря, начал терзать свою пилотку, то свертывая ее валиком, то разглаживая на колене, чтобы через минуту снова съфутить из нее жгут.

— Что это ты вздыхаешь?

— Да вот так, вздыхаю. Какие люди бывают!..

— Ну, ну, не хитри, Некулай! Скажи-ка лучше, что у тебя на душе, может мы тебе поможем?

— Да есть у мепя одна мыслишка, но я всё не решился вам сказать, думаю, если я им скажу, они меня засмеют!

— Да говори же ты наконец, чего мы зря будем смеяться?

Некулай Тупица вздохнул еще несколько раз и в конце концов ренгился:

— Я говорил вам, госнодип сержант, что совсем не спал нынче ночью. Л не спал я потому, что думал об этой забавной штуковипе и от этого ворочался с боку на бок. А тут вдруг пришла мне па ум такая мысль: «Неужто, сказал я себе, не смог бы ты, Некулай Сырмышан, научиться ремеслу господина сержанта Пыглимару?» А потом подумал: «Брось ты, Некулай, это трудное дело. Надо голову иметь на плечах, да и грамоту зпать...» И очень мне горько стало, господин сержант. Не сегодня-завтра покончим с немцами, и придется мне ехать в свою деревню. А там у меня ни земли, ни скота. Одно только и осталось — дедов дом, в котором старуха моя живет. Ну, вернусь я в деревню, — и опять придется батрачить то у одного хозяина, то у другого, как и до войны. А уж как мне эта жизнь надоела, прямо сказать не могу, господин сержант. Очень хочется быть не хуже людей. Теперь понимаете, откуда пришла мне такая мысль. Только ничего не выйдет, для такого ремесла другая голова нужна.

— Вот оно что, Некулай! Так ты задумал стать радио-телеграфистом?

— Очень был бы рад, если бы только можно было, господин сержант. Может, возьмете меня в ученики. Чуть-чуть сегодня, пемпого завтра, — глядишь, пока кончится война, что-нибудь и пристанет к моей глупой голове.

Радисты переглядывались, с трудом сдерживая смех. Они были глубоко убеждены, что тупоумный Некулай и за десять лет не освоит азбуки Морзе. Но предположение Некулая давало им возможность немного развлечься. И они усиленно подмигивали сержанту Пылимару, взглядами уговаривая его согласиться.

— Что ж, Некулай, попробуем.

Лицо Некулая Тупицы расплылось в улыбке. Выцветите глаза заблестели от удовольствия.

— Бог вам этого не забудет, господин сержант, за

ваше доброе сердце. Если пристанет ко мне хоть немножко это ремесло, то, как кончится война, попрошу господина капитана замолвить за меня словечко у господ с почты. И если бы они меня приняли, мне бы довольно было и половины вашего оклада. А когда можно будет начать, господип сержант?

— Да хоть сегодня.

— С превеликой радостью, господин сержант.

И, к общему удовольствию, урок начался тут же. Сержант объяснил Некулаю самые простые буквы азбуки Морзе. Некулай слушал, наморщив от напряжения лоб, вытаращив глаза, ерзая на стуле. Всё его лицо было мокрым от усилий, которые он делал, чтобы понять объяснения учителя, и он непрерывно вытирал пот со лба.

Урок давался ему с трудом. После того как он, казалось, еле-еле выучил несколько букв, всё приходилось начинать заново, под веселый смех радистов, так как буквы тут же забывались.

— На сегодня хватит, Некулай, — сказал сержант Пылимару, кончая первый урок, — трудновато идет, по, я думаю, дальше будет легче. А как вы думаете, ребята? — спросил сержант остальных телеграфистов.

— Конечно, пойдет. Наш Некулай — толковый парень! — поспешили подтвердить остальные с самым ересьным видом.

Некулай Тупица, довольный своими успехами, поблагодарил радистов и ушел совершенно счастливый.

Уроки продолжались и в следующие дни.

Некулай Тупица оказался весьма аккуратным и добросовестным учеником. Правда, успеваемость его была значительно меньшей, чем аккуратность, но он не сдавался. Когда удавалось дать правильный ответ, Некулай был бесконечно счастлив. Когда же он запутывался и не знал, что ответить, то приходил в отчаяние и начинал упрашивать своего учителя:

— Вы уж не теряйте со мной терпение, господин сержант. Мне это трудно дается, но уж коли войдет в голову, не выйдет оттуда и через десять лет/

— Не беспокойся, Некулай. У меня терпенья хватит. Мы тебя учим, ты учишься, — вот время и идет быстрее.

— Вот только с азбукой трудно дело идет. Всё путаю

буквы, черт их возьми! Но в конце концов я и с ними справлюсь... — И расспрашивая то об одном, то о другом, Некулай крутил рычаги, переходя с одной станции на другую. Если он попадал на станцию, передающую музыку, он тотчас менял ее. Но стоило ему услышать азбуку Морзе, как он слушал, разинув рот.

Радисты потешались над Некулаем, но в то же время относились к нему с трогательной заботой. Сидящий перед аппаратом Некулай казался им ребенком, которому дали в руки чудесную игрушку. Он с трудом отрывался от нее и никак не хотел уходить даже тогда, когда у них было много работы, хотя сержант Пылимару никогда не допускал, чтобы кто-нибудь посторонний присутствовал при передаче радиোগрамм. Исключения не делали и для Нокулая Тупицы.

Железное упорство Некулая и его желание стать телеграфистом не могли остаться тайной. Радисты рассказывали об этой истории всем, кто хотел вместе с ними повеселиться. И скоро об этом знал весь штаб дивизии. Разумеется, все считали, что Некулай зря теряет время. Больше всех в этом был уверен капитан Смеу, который хорошо знал, на что способен его денщик.

— А какого вы мнения? — спросил однажды капитан Георгиу Улю. — Чем вызвана эта внезапная страсть Некулая Тупицы к ремеслу радиотелеграфиста?

— Ответ на ваш вопрос дать нелегко, господин капитал. Если бы мы не знали о существовании аббата, можно было бы предположить, что Некулай Тупица пытается подготовить почву для радиосвязи с теми, кто его сюда поелгл. Но аббат существует, он свободен, и у нас нет основания думать, что он чувствует какую-нибудь опасность. Одно из двух: или Некулай, предполагая, что не сможет связаться со своими люфами прежними путями, подготавливает почву на будущее, или ему необходимо передать сточное сообщение, о котором не должен знать аббат» Я разговаривал с сержантом Пылимару и остальными телеграфистами и знаю, как протекают «уроки». Пока что в них нет особой опасности. Ученик Некулай едва-едва выучил несколько букв азбуки Морзе. Таи что пока он выучит всю азбуку, — если это ему удастся сделать, — пройдет еще немало времени. Полагаю, что нам не придется дожидаться этого. Я подумываю о возможности подслушать то, что происходит на радиостанции, когда туда

приходит Некулай, тогда нам не надо было бы расспрашивать радистов.

— Я понимаю, о чем вы говорите, но, чтобы осуществить этот замысел, нам придется обратиться в штаб армии. У нас нет такой техники.

— В последнем донесении, которое я подал своему начальнику, я просил раздобыть мне этот аппарат, и надеюсь, что через несколько дней они пришлют его.

— Отлично!.. — кивнул головой капитан. — И подумать только, как ловко всё задумано! Если бы мы ничего не знали о Некулае Тупице, был бы повод посмеяться над его желанием стать радистом. И больше ничего.

— Безусловно!.. А ведь он сам мог бы давать другим уроки!.. Какое актерское мастерство! Если бы вы поговорили с кем-нибудь из телеграфистов, вы бы поняли, с каким совершенством он играет свою роль. Смешно слушать, как они рассказывают, что бедному Некулаю легче было бы самому запрячься в плуг и вспахать целый гон земли, чем сказать, из скольких точек и черточек состоит буква «к» или «х». Я утверждаю, что в нем пропадает великолепный актер, который мог бы прославить сцену любого театра мира. Иногда я спрашиваю себя: «Если этот Некулай Тупица играет роль второй скрипки, проявляя такие способности, то каким же должен быть тот, кто играет первую скрипку?» Вы помните, какую характеристику дал ему Герман? Человек большого ума, осторожности, решительности, человек изобретательный и инициативный. Эти слова говорят сами за себя. Что касается изобретательности, то Некулай дал нам достаточно доказательств основательности этой характеристики. Мы потеряли уже трех человек, — и вспомните л*ри каких обстоятельствах, — не считая Барбу, о гибели которого нам нечего жалеть.

— Кто бы это мог быть, черт возьми, кто бы это мог быть?.. Неужели у вас нет никаких предположений?

— Нет! Но мы это узнаем, господин капитан. Теперь мы знаем о них достаточно много, чтобы не дать им улизнуть. Надо полагать, что наши актеры готовы сыграть последний акт. И, как бы ни были они искусны, перед тем как опустится занавес, на сцену выйдёмумы.— Потом другим тоном Уля спросил: — Вы не могли бы мне сказать, каково положение дел на фронте? Долго мы еще будем стоять на месте?

— Почему пас это интересует?

— По двум причинам: во-первых, нотому, что наш аббат имеет возможность по-прежнему спокойно размышлять над сложными вопросами теологии. А мне бы очень хотелось узнать мнение его святости о некоторых других проблемах. Между тем, мы решили его арестовать лишь в тот день, когда начнем двигаться дальше. Во-вторых, я горю нетерпением узнать, как Некулай Тупица Судет использовать знания, полученные на уроках у наших радистов. У меня есть предчувствие, что мое любопытство не будет удовлетворено до тех пор, пока мы остаемся в этой деревне.

Капитан Георшу вынул из письменного стола карту и развернул ее на столе:

— Давайте взглянем на карту, и я вам объясню, как обстоит дело на фронте. Вот здесь проходит наш передний край. Как видите, последнее время мы наступаем в северо-западном направлении. Главная наша цель вступить в Словакию, потом в Моравию и так далее. Линия фронта противника проходит примерно вот здесь. Естественных рубежей, которые дали бы возможность гитлеровцам построить глубокую оборону, нет до этой реки. По полученным сведениям, они серьезно укрепляются именно по берегам реки. Это тем более удобно, что правый берег намного выше левого. Они рассчитывают, что здесь им удастся нас остановить. Однако оборонительные работы еще не закончены, и гитлеровцы пытаются задержать нас на прежних рубежах. Вот почему они оказывают сейчас такое упорное сопротивление, цепляясь за каждую пядь земли, и отступают юлько тогда, когда нет другого выхода. По мы не собираемся дать им закрепиться. Это значит, что долго мы задерживаться здесь не стаим и постараемся отбросить их назад.

Уля Михай прищелкнул пальцами и радостно воскликнул:

— Теперь ясно, почему наш друг Некулай так старательно изучает азбуку Морзе! — Капитан Георгиу вопросительно взглянул на собеседника. — Ведь это же ясно, господин капитан! Он готовится к тому, чтобы суметь быстро и без помех передать нужные сведения именно тогда» когда начнется большая битва за форсирование реки.

БЕДНАЯ БАРЫШНЯ ГУККРМАКТКА

Два дня спустя части дивизии «Молдова» перешли в наступление. Развернулись тяжелые бои. Противник, *стремясь* любой ценой остановить продвижение румынской армии, дрался ожесточенно, стараясь использовать все преимущества, которые давали ему укрепленные позиции.

Но, несмотря на упорное сопротивление, гитлеровцы были отброшены, и через три дня передовые подразделения румынской армии подошли к реке. На новых рубежах части дивизии «Молдова» перегруппировались, имея в виду предстоящее форсирование водного рубежа.

Дивизия заняла выгодные позиции. Однако работникам штаба приходилось трудно. Командный пункт находился в районе, где селения были разделены большим расстоянием.

На участке, занятом дивизией, были лишь две деревни: одна в непосредственной близости от переднего края, другая—далеко позади. Командный пункт мог расположиться в усадьбе венгерского магната, находившейся на поддороге между двумя деревнями. Для того чтобы выяснить возможность использования этой усадьбы, начальник штаба подпол коп пик Барбат послал туда группу квартиреров.

Группа состояла из капитана Медреа, заместителя начальника штаба по тылу, младшего лейтенанта Иараскивеску из Второго отдела, младшего лейтенанта Хиастру из Четвертой отдела и двух писарей.

Со стороны дороги, по которой мчались штабные машины, усадьба казалась старым и заброшенным средневековым замком. На фоне неба* мрачным, гордым силуэтом вырисовывались башни и зубцы стон.

— Насколько я понимаю, ребята, — обратился капитан Медреа к двум младшим лейтенантам, — нам не очень-то повезло* Не могу понять, как в этой старой развалине разместится наш штаб. Здесь, наверное, много лет уже никто не живет.

Но это первое впечатление оказалось ошибочным и рассеялось, как только они подъехали поближе. Усадьба, которая издала казалась полуразрушенным средневековым сооружением, в действительности была выстроена по более десяти лет тому назад. Хозяину ее, одному из са-

мых крупных венгерских землевладельцев, пришла фантазия построить свой дом в виде средневекового замка. Однако усадьба была оборудована вполне современно и предоставляла своим жильцам все ирелести европейского комфорта. В нижнем л двух верхних этажах было множество просторных комнат, оклеенных обоями светлых тонов, с вделанными в стены шкафами, паровым отоплением и электрическим освещением.

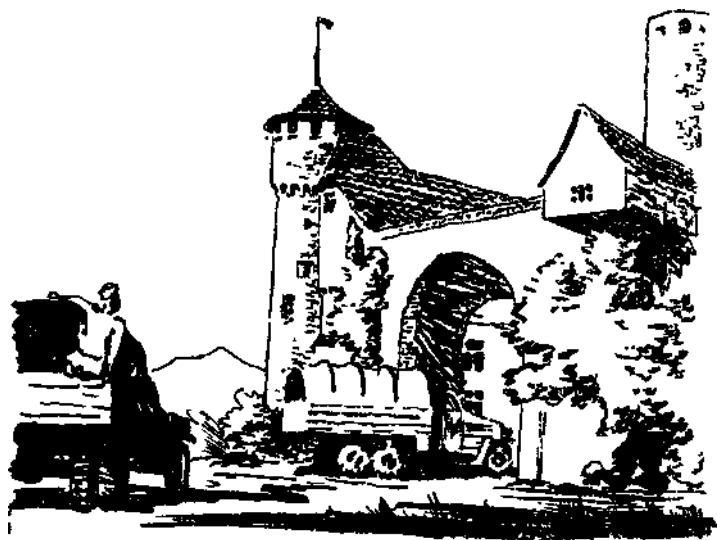
Немногая мебель, сохранившаяся в некоторых комнатах, свидетельствовала о роскоши, к которой привыкли ногжные обитатели замка. Но теперь он был почти пуст. Мебель, ковры, картины были заблаговременно вывезены предусмотрительным хозяином.

В дамке квартирьеров встретил управляющий.

Ныйдя им навстречу, он низко поклонился и дружелюбно поздоровался с прибывшими. Это был человек лет пятидесяти, с белыми усами и такой же белой, но густой шевелурой. Одет он был очень аккуратно, хороню сложен и, несмотря на седину, производил впечатление человека, полного сил. Из под черных густых бровей зорко и пастороженпо смотрели внимательные быстрые глаза. Ноздри крючковатого носа постоянно вздрагивали, словно он всё время к чему-то принюхивался, а сильная, выдающаяся вперед нижняя челюсть делала его похожим на первобытного человека, которому незачем жарпть мясо, если он собирается его съесть. Разговаривал он густым басом, сильным, но приятным, который звучал то нежно и предупредительно, то строго и повелительно, смотря по обстоятельствам, — искусство, которому он, видимо, научился на службе у надменного и капризного хозяина.

Узнав о цели, с которой прибыли сюда госиода румынские офицеры, управляющий предложил свои услуги, чтобы показать весь замок. Говоря это, он подчеркнул слово «замок», словно желая с самого начала рассеять всякие сомнения по поводу того, куда они попали.

Ключом, выбранным из тяжелой связки, надетой на железное цольцо, управляющий открыл дверь главного входа и, почтительно склонившись перед гостями, пригласил их войти. Офицеры возили в большой холл, выкрашенный масляной краской цвета кофе с молоком. Пустой и безлюдный, холл выглядел печально. Но не ладо было обладать богатым воображением, чтобы представить себе, как он *выглядел* прежде: огромный персидский ковер на

полу, низкие столики, комфортабельные кресла, обитые самой тонкой кожей, на стенах дорогие картины. Впрочем, достаточно было посмотреть на люстру, огромную, словно церковный купол — настоящее произведение искусства, — чтобы понять, как выглядел холл в то время, когда хозяин пахнулся в своем доме. Мраморная лестница в глубине вела на второй этаж. Направо высокая двустворчатая дубовая дверь открывалась в гостиную — длинный зал, стены которого на три четверти были обиты инкрустированным деревом.

Поднялись на второй этаж. С двух сторон широкого коридора располагались комнаты, которые сейчас также были пусты. Пройдя коридор, квартирьеры вошли в прямоугольную большую комнату — библиотеку хозяина. На полках, доходивших до потолка, и сейчас еще стояло много книг в кожаных переплетах, но зияющие пустоты на каждой полке свидетельствовали о том, что книги особенно дорогие были спрятаны в надежном месте. Те, что остались, в большинстве своем были изданы на венгерском языке, хотя встречались отдельные тома и на немецком и на французском языках.

Второй этаж почти целиком состоял из комнат для гостей. И здесь, так же как и во всем доме, поражали роскошь я вполне современный комфорт.

Привыкнув к обстановке и нридя немного в себя от всей этой еще не виданной ими роскоши, румынские сфичеры начали задавать вопросы.

— Спроси-ка его, — обратился капитан Медреа к младшему лойтоЕганту Хиастру, единственному из группы, гнавшему венгерский язык, — велика ли семья у хозяина?

Управляющий с серьезным видом ответил:

— У господина графа семья очень велика. Но здесь, в замке, жили только сам господин граф, графиня, а также виконт Гнула и виконтесса.

— И не скучно было им в этом громадном домище? — спросил младший лейтенант Хиастру.

Управляющий улыбнулся и снисходите л ьно ответил офицеру:

— Господин граф любил окружать себя людьми. Замок был всегда полон гостей. И, уверяю вас, что здесь не раз бывало даже тесно. Особенно осенью, когда господин граф возвращался из-за границы.

— Представляю себе, как они здесь бедняги скучали! — насмешливо заметил младший лейтенант Хиастру.

Но управляющий не уловил насмешки. Он тоскливо вздохнул и с грустью сказал:

— Если бы вы знали, как они умели веселиться! Какие давались здесь балы... Какие охоты!.. Было ли время скучать? Красиво умели жить, очень красиво! — и управляющий снова вздохнул.

Обойдя дом сверху донизу, все вышли во двор. Рядом с главным корпусом виднелось еще несколько зданий: охотничий павильон с несколькими комнатами, маленький кокетливый домик, предназначенный для приглашавшихся из столицы актеров и певцов, и помещение для слуг и батраков. Конюшня, выстроенная с большим искусством, вмещала не меньше сорока лошадей. Правда, сейчас она пустовала. За нею виден был гараж для автомашин, склады, сараи. Замок имел свою собственную электростанцию, которая сейчас бездействовала, так как не было мотора. По словам управляющего, он поломался и его отправили в ремонт. Вряд ли этому можно было верить. Видимо, мотор припрятали там же, где и мебель, картшшы, ковры и все наиболее ценные вещи. Офицеров поразила

предусмотрительность этого педрого и легкомысленного графа, который своевременно позаботился о том, чтобы спрятать даже мотор, снабжавший его дом электроэнергией.

Одним своим крылом замок вдавался в обширный парк, и котором росли столетние деревья. Аккуратные дорожки, посыпанные песком, бассейны, маленькие фонтаны, бьющие из-под земли, террасы и беседки свидетельствовали о том, что человек немало потрудился над этой первобытной красотой, дополняя ее удобствами.

Посредине огромного парка тянулось озеро площадью в несколько сот квадратных метров. На берегу у маленькой пристани лежало несколько лодок, персвернутых вверх днищем. На воду была спущена только одна, выкрашенная в белый цвет. Офицеры поглядывали друг на друга с удовольствием. То, что они увидели здесь, превзошло самые радужные их надежды. В замке могут разместиться все отделы штаба дивизии и вспомогательные службы. Во втором этаже хватит места для жилых комнат офицеров штаба. Кровати и матрацы можно взять из дома, где жили слуги, а что касается постельного белья, то о нем позаботится управляющий. Впрочем, офицеры были уверены, что в обширном складе, двери которого заперты на огромный замок, найдутся вещи, которые украсят жизнь офицеров штаба.

— Послушайте, господин управляющий, — начал младший лейтенант Хиастру, — как вы уже догадались, мы приехали сюда совсем не в качестве туристов. Здесь будет располагаться штаб воинской части. У вас есть план замка?

— К сожалению, я по могу предоставить в ваше распоряжение такой план. Даже если он и существует, то, вероятно, находится у господина графа.

— Жаль! Это нас избавило бы от липшей работы. Насколько мы поняли, из дома дывезли всё, что могли. Господин граф позаботился спрятать свою мебель, так что нам придется довольствоваться тем, что осталось. Насколько кроватей мы привезем, чтобы господам офицерам было па чем лечь. Я думаю, что и вы согласитесь с тем, что они не мог^т спать па иолу?

Управляющий церемонно поклонился:

— Здось всё в вашем распоряжении, господип офицер.

— Я вижу, что вы очень догадливы, господин управ-

ныгми офицерами. Ястрогапные слезами управляющего, волнение которого было очень искренним, они с большой охотой согласились послушать историю бедной барышни гувернантки.

"Венгр предложил им присесть на садовую скамейку и стал рассказывать:

— Она приехала сюда лет шесть тому назад. Ее привез господин граф откуда-то из-за границы. Было ей тогда лет двадцать. Господину виконту исполнилось шесть лет, и он не мог похвастаться сдержанностью и воспитанностью. Да что там говорить, очень был избалованный ребенок, упрямый и на всякие проказы большой мастер.

Немало перебывало здесь разных воспитателей и гувернанток, но все они, прожив несколько месяцев, уезжали сами или от них отказывались хозяева, потому что они только портили ребенка, не умея найти ключ к его сердечку.

Когда я увидел первый раз барышню гувернантку, я сказал себе, что нечего и думать, чтобы такая молоденькая девушка сделала то, что людям и постарше ее, и поопытнее не удавалось. Я ждал, что через неделю увижу, как она начинает складывать свой багаж. Но случилось то, чего меньше всего можно было ждать. Эта девочка совершила чудо.

Через месяц ребенок стал совершенно неузнаваем.

Господин граф радовался этому, но больше всего была рада графиня, которая полюбила воспитательницу своего сына как дочь.

Если бы барышня была не так скромна и хоть немного тщеславна, она, наверное, вызвала бы пена в петь многих дам, завидовав}них се красоте, но скромность и простота были надежным щитом, охранявшим ее от зависти и злобы.

Впрочем, бедная барышня никогда не чувствовала себя хорошо в этом доме. Как она ни скрывала это, я видел, что она грустит, мне казалось, что в ней живет мечта о другой, о совсем другой жизни. Бесчисленные развлечения, легкомысленное веселье, которые царили в этом доме, мало ее привлекали и она старалась избегать их по возможности. Самое большое удовольствие ей доставляла беготня с мальчиком по парку и те минуты, которые она проводила за роялем. Господин граф пе раз

говорил, что играет она как настоящий, большой артист...

Дойдя до этого места, совсем было успокоившийся управляющий снова полез за платком. Он вытирал глаза легкими прикосновениями платка, словно кокетливая дама не первой молодости, которая очень озабочена тем, чтобы слезы не испортили ей румян на щеках.

— Вы, конечно, спросите меня, — продолжал он свой рассказ, — были ли у бедной барышни поклонники? Да, господа офицеры, были!.. Граф любил окружать себя молодыми людьми. В доме часто бывали господа п.* самых знатных людей. Многие из них ухаживали за нашей барышней.

Но бедная барышня так держалась с ними, что совершенно обезоруживала всех этих рыцаре!.. Она давала им пенять, что между ними преграда, которую, как бы спи ни старались, пм никогда не удастся перешагнуть. Вероятно, она любила кого-то там, у себя на родине. Ничем другим нельзя объяснить ее холодности по всем этим молодым людям.

Был среди них молодой граф, лейтенант из гусар, который влюбился в нее так же, как и все остальные. Но в отличие от других, он не захотел и не смог примириться с ее равнодушием. Он просил ее, умолял быть его женой. Она оставалась непреклонной. И тогда, господа... Тогда случилось несчастье. Однажды вечером в своей комнате молодой граф пустил себе пулю в сердце. На столе мы нашли письмо, адресованное нашей барышне.

Когда она пришла, чтобы взглянуть на него, лицо ее было мертвенно бледным, она с трудом держалась на ногах. Открыв письмо, она прочла его и упала без чувств* Две недели пролежала она в постели. Потом медленно, с большим трудом пришла в себя, но с этого дня больше никто не слышал от нее ни одного слова... Вот, господа, история пашей бедной барышни!..

— Л что сказали доктора? Неужели нег никакой возможности вылечить ее!

— Граф сделал всё, что было в его силах. На копн сультацию были приглашены крупнейшие специалисты. Одшт утверждали категорически, что она обречена; другие считали, что она постепенно может поправиться; третьи говорили, что ей может помочь еще одно сильное

потрясение, столь же острое, как и то, что вызвало ее болезнью. Кто знает, может быть, они и правы!..

И управляющий снова вздохнул, взглянув наверх, на одно из окон в башне замка.

— Неужели она там живет? — спросил младший лейтенант Хпастру, поймав этот взгляд.

— Да, там, наверху. С тех пор как она приехата к нам, там и живет. Теперь она редко покидает свою комнату и почти всё время сидит там и нплет куклы из тряпое. Ннпз она спускается, чтобы побывать в оранжерее, где растут цветы, которые она так любит. Часто можно услышать, как она играет на рояле. Если вы сюда переедете, то сможете сами убедиться в том, как чудесно она играет.

Офицеры взглянули еще раз на план замка, который за это время составили приехавшие с ними писари, и стали трошаться. Провожая их, управляющий спросил с беспокойством:

— Простите меня за смелость... Я хотел бы спросить... можно ли быть спокойным в отношении нашей барышни?

— Сударь, вы можете быть совершенно спокойны и за нее и за себя. Нам нечего делить с местным населением.

По возвращении капитан Медреа л оба младших лейтенанта были тотчас приняты подполковником Барбатов. Он взглянул на план и согласился с тем, что в замке может разместиться штаб дивизии со всеми своими отделами и вспомогательными службами. Он сам распределил помещения замка между отделами п службами и приказал на следующее утро перебираться в замок.

— Господин ПОДПОЛКОТШПК, как прикажете поступить с гувернанткой? — спросил капитан Медреа перед тем как выйти от начальника штаба.

— Если ее безумие ограничивается только молчанием, то я ничего не имею прошв того, чтобы она осталась на месте.

На следующий день, до обеда, весь штаб дивизии «Молдова» разместился в замке.

УТРЕННИК КОНЦЕРТЫ КЛРЮОШИ ГУВКРНАНТКЯ

Шифровальному отделу отвели просторное помещение во втором этаже. В те времена, когда в замке жили хозяева, эта комната служила билиардным залом. Но сей-

Биллиардные столы были припрятаны под коврами. Окна комнаты выходили в парк, и из пах можно было видеть сверкающую гладь озера, окруженного столами столетних деревьев.

Шифровальщики скучали, так как на фронте наступило затишье. Они проводили время в болтовне и спорах на самые различные темы, вспоминали истории из школьных и студенческих лет, рассказывали старые анекдоты, обсуждали все события, происходившие в штабе. Болтая так и выкуривая немалое количество табака, они нередко упоминали имя Ули Михая.

И хотя эпитеты, которыми шифровальщики награждали своего товарища, вряд ли польстили бы ему, все эти слова были проникнуты симпатией к знаменитому кан- ралу.

Во многом содействовал росту авторитета Ули в глазах его товарищей вызов в штаб «Орла», куда он мог перейти работать в шифровальный отдел.

Вот как объяснил сам Ули тот факт, что его не стали задерживать в высшем штабе:

— Я явился к господину полковнику Поулонолу. Встретил он меня очень ласково и спросил, не хочу ли я работать у них, говорит, что слышал обо мне много хорошего. Я думаю, что он имел в виду мою подготовку как шифровальщика.

— Ну конечно, он именно это имел в виду. Должно быть, о твоих успехах у прекрасного пола сведения до него еще не дошли, — пошутил Мардаре.

— Не «должно быть», а безусловно не дошли, хотя вы и делаете всё возможное, чтобы меня скомпрометировать. Но ты же хочешь узнать, что я ответил Поулонолу?

— Еще бы не хотеть!

— «Господин полковник, — сказал я ему, — если это приказ, то мне ничего не остается другого, как подчиниться, но если вы мне делаете предложение, тогда я позволю себе сказать, что всё-таки, хотя и считаю для себя высокой честью служить у вас, предпочел бы остаться в штабе дивизии. С одной стороны, я очень привязан к своему начальнику господину капитану Смею, а с другой стороны — к ребятам, с которыми я работаю и которых очень люблю».

— И что тебе ответил полковник Поулонол? — поинтересовался Нелиною.

— Он прпзадудгался немного, а потом согласился мной.

— Что я вам говорил? — обратился Бурлаку к ост^апым шифровальщикам. — Этому Уле сам черт пе етт шеи!

В действительности же дело обстояло сове но так. Уля Михай и в самом деле побывал в «Орле но совершенно с другой целью: он сопровождал ту аббата.

В тот день, когда фро^пт двинулся вперед и штаб л кинул городок, направляясь к северу, два человека заде жались там: начальник Второго отдела капитал Георгп и Уля.

Аббата, который был арестован в последнюю минут тут же допросили.

Вначале он отказался в чем-либо признаваться, пр звав в свидетели самого господа бога, но когда ему ск зали, что тот румынский солдат, который побывал у не в доме, арестован и во всем признался, он решил лагов рить.

Рассказал он вот что:

— За два дня до того, как вы заняли городок, ко \и явился пожилой, изысканно одетый господин. Он заяви что послан моим начальством. Этот господин, воззвав моим патриотическим чувствам, попросил помочь ему деле, ничем самому мне не угрожающем, то есть переда! одгкшу патриоту, который явится ко мне в форме солдат румынской армии, ключ. Этот ключ был спрятан в нер« плоте молитвенника. Он счел нужным подчеркнуть, чт пе может открыть мне, для чего предназначен этот клю¹ но что он надеется на мою скромность, на то, что я п буду спрашивать его об отом. Назвав несколько приме- ло которым я смогу узнать человека, которому следуе передать ключ, он ушел, поблагодарив меня.

Вечером того же дня, когда вы заняли город, челове с в форме» румынского солдата явился ко мпе и я отдал ем ключ. Это всё. Я не знаю, кто ол — я увидел тогда вече ром его впервые, — не знаю его имени и не уверен, чт узнал бы его, если бы увидел еще раз.

— А вы, святой отец, знаете, — спросил его Уля Ми хай, — как называется поручение, которое вам дали и ко торое вы выполнили с такой благочестивой добросовост ностью?

— Вы назовете это шпионажем?

— А вы?

— Поступком патриота, если угодно. Но я хотел бы уточнить: соглашаясь выполнить это поручение, я не руководствовался патриотическим чувством. Вы — солдаты и обязаны подчиняться своим начальникам. Мы тоже солдаты, солдаты армии Христа. Как простой солдат этой армии, получив приказ от своего руководителя я должен был, повинаясь своей совести, выполнить его указание. Если бы я этого не сделал, я был бы плохим солдатом Христовой армии.

— Это все, что вы можете иам рассказать, святой отец?

— Абсолютно всё!

— А о чем вы еще говорили с тем человеком, кото^
рому отдали ключ?

— Несколько обычных образ, лишенных особого значения. Ничего такого, что могло бы вас заинтересовать.

— Можете вы иам сообщить некоторые подробности?

— Конечно. Когда принимаешь гостя, следует его чем-нибудь угостить. У меня была бутылка ликера, приготовленного моей экономкой. Вшю ему очень понравилось, и он попросил рецепт его приготовления, сказав, что заставит свою жену после войны приготовить ему несколько бутылок такого ликера.

— Еще о чем вы с ним говорили?

— О ходе войны. Должен вам нризнаться, что его оптимизм показался мне преувеличенным.

— Об обществе садоводов вы моглц. бы нам что-нибудь рассказать?

— Ничего другого, кроме того, что в городе существует такое садоводство.

— А вы но являетесь членом или акционером этого общества?

— Не имею к нему никакого отношения!

— Человек, которому вы передали ключ, не просил ли у вас каких-нибудь сведений относительно этого общества?

Аббат поколебался и затем сказал:

— Ах да!.. Я не подумал, что вас эта подробность может интересовать. Он спросил меня, как пройти до здания общества. Я ему объяснил, он меня поблагодарил, и неё.

— Имейте в виду, святой отец: пытаюсь скрыть от нас то, что вы знаете, вы только ухудшаете свое положение.

— Я сказал вам правду.

— Вы никогда не слышали о некоем Германе Гартмане?

— Я это имя слышу впервые.

— Л итого человека вы знаете?

И капитан Георгиу положил перед ним фотографию Гартмана.

Аббат смотрел несколько секунд на фотографию:

— Только в лицо. Я никогда с ним не имел дела.

— Что вы знаете о нем?

— Почти ничего. Кго зовут Зигмунд Дорн, насколько я помню. Он поселился у нас недавно в качестве представителя пемецкой фирмы по изготовлению химических удобрений.

— Его застрелили, отец!

— Да? Я этого не знал!

— Вы действительно этот не знали?

— Нет!

— Его нашли убитым в здании общества «Садоводство» час спустя после того, как вы рассказали человеку, который посетил вас, как добраться до этого общества.

— Вы хотите сказать, что это он его застрелил?

— Мы знаем это совершенно точно.

— Это возможно. Во всяком случае я нисколько не нрипчастей к этому делу.

— Это мы еще должны узнать.

— Я снова повторяю, что ничего от вас не скрывал. Я отвечаю за *все* свои поступки, но мне бы не хотелось, чтобы меня обвиняли в том, в чем я не виноват и о чем ничего не знаю.

Сколько ни старались они узнать еще что-нибудь от аббата, им этого сделать не удалось. Через два дня, выведенные из терпения, они решили отправить его в штаб армии, надеясь, что там им больше повезет. Это и было настоящей причиной поездки Ули в штаб группы «Орел», откуда он вернулся через три дня в замок графа Аидраса Комороми.

Спустя несколько часов после того как штаб разместился в замке, офицеры, унтер-офицеры, писари, вестовые и денщики знали во всех подробностях и обсуждали

романтическую историю барышни гувернантки. Переходя из уст в уста, эта история получила равные толкования и рассказывалась в различных вариантах, один фантастичнее другого. Всё зависело от способностей и выдумки очередного рассказчика. По одному из этих вариантов молодой граф действительно покончил с собой, но не по тем причинам, которые уже знакомы нашему читателю, а потому, что застал красавицу гувернантку в объятиях тайного обожателя. Другие рассказывали, что гусаре КИЙ лейтенант был просто-напросто убит хозяином замка — любовником гувернантки. Он-то и распространил версию о самоубийстве молодого графа. Третьи уверяли, что сама гувернантка убила гусара из ревности.

Передавалось много других вариантов, но мы не станем их приводить, потому что они могут занять целые страницы. Однако никто из рассказчиков и их слушателей не видел еще героиню всех этих историй, хотя прошло уже несколько дней с тех пор как они находились в замке. Зато все видели управляющего, который поднимался три раза в день в башню, чтобы отнести туда еду. И каждый раз смотрел на башню в надежде увидеть романтическую героиню в одном из окон.

Спустя несколько дней, однако, любопытство начало ослабевать, и очень скоро все попросту забыли бы об этой истории, если бы не произошло событие, которое снова возбудило всеобщий интерес.

Однажды утром звуки одной из сонат Шопена разнеслись по комнатам замка. Вероятно, никогда еще волнующая музыка этого несчастного композитора не трогала так человеческие сердца, как в то утро. Перья перестали папать бумагу, затихли пишущие машинки, рейсфедеры картографов застыли на кальке. Солдаты наслаждались музыкой!..

Как долго единственной музыкой, которую они слышали, была канонада артиллерии, взрывы мин и авиабомб, металлический треск автоматов, стон раненых, звон разбитых оков, монотонный скрип колес обозных повозок, плач детей, которых в полночь разбудил артиллерийский обстрел, вой ветра «ишш бесконечный шум осенних дождей... Теперь им представился неожиданный случай услышать иную, настоящую *музыку*. И эта музыка, тревожная и печальная, притягивала к себе, словно холодная вода из источника, к которому принял путник в знойный день.

Она насыщала их сердца и была так не похожа на всё, что они слышали каждый день все последние годы, так далека от их нелегких фронтовых будней. На некоторое время все они снова стали просто людьми и перестали быть солдатами. Они стали теми людьми, которые отреклись от своего «я», подчлшшв его долгу перед родиной, высшему долгу, который существует у человека.

Когда рояль умолк, несколько мгновений волшебство еще продолжало владеть ими. Потом, будто устыдившись своей минутной слабости, они с новой энергией закрипили перьями по бумаге, яростно застучали па машинках, стали отдавать и выслушивать приказы и распоряжения. Но, занимаясь своими делами, все ждали, не заиграет ли снова таинственная пианистка. Однако рояль оставался нем в течение всего дня.

Утром концерт повторился. Потом она играла каждый день.

Казалось, что барышня гувернантка всерьез решила развлечь непрощенных гостей. Она играла в самые различные часы дня. Иногда утром, когда они только входили в канцелярии, угрюмые, не успев еще протереть заспанные глаза, в другие дни — незадолго до обеда, после полудня или поздно вечером. Все так привыкли к этим концертам, что когда проходил день и рояль молчал, всегда находился кто-нибудь, кто спешил к управляющему узнать, не заболела ли барышня гувернантка.

Концерты стали таким важным событием в жизни этих людей, лпшеинных всяких развлечений, что почти не было беседы, в которой хотя бы мимолетно не упоминалось о них:

— Что ты скажешь о сегодняшнем концерте? Тебе понравилось?

— Здорово! Особенно вторая вещь. Как жаль, что мы не знаем, что она играет!

— Действительно, жалко. Пока мы еще тут стоим, у пас есть возможность узнать, что такое музыка.

— Во всяком случае благодаря «хозяйке замка» музыка получила в моем лице еще одного поклонника. Когда я вернусь домой, не буду пропускать ни одного концерта.

— И только подумать, что такая артистка...

— Бедняга! Неужели ее болезнь действительно неизлечима?

— Кто может знать?.. Ведь человек — такой тонкий механизм!

— Когда слушаешь, как она играет, — трудно покорить п ее болезнь.

-- Да, в этом-то и заключается лья трагедия.

Такие разговоры происходили каждый день. Неизвестно, кто из говоривших впервые присвоил гувернантке титул «хозяйки замка», но все стали называть ее именно так. И если после первых концертов слава загадочной пианистки еще не выходила за пределы замка, то вскоре о ней заговорили во всех частях дивизии.

Нередко можно было слышать, как по телефону кто-нибудь напоминал:

— ...Значит, завтра в девять вы у меня с отчетом, который я у вас просил. Может быть, вам повезет и вы поел у ига ете концерт.

— ...Эх, досада, если бы ты приехал на десять минут раньше, ты бы еще застал финал концерта.

— ...Я не слишком поздно? Концерт уже был?

Слава пианистки возросла в тот день, когда гувернантка спустилась впервые из своей башни и все увидели перед собой действительно красивую женщину. Те немногие, которым повезло — они находились вблизи от псе, — просто окаменели от восторга. Они увидели высокую жепншпу, величественной походкой пересекающую двор замка и исчезнувшую в оранжерее. Лишь тогда, когда она скрылась, свидетели этой сцены пришли в себя и поспешили сообщить об этом событии всем остальным. И неудивительно, что, когда «хозяйка замка» вышла из оранжереи, во дворе находилось необычайно много народу, а из всех окон свешивались гроздьи голов. Она шла, не замечая того, что происходит вокруг нее. Шла sloкойпо, ие торопясь, словно действительно была хозяйкой этого замка.

Было очень трудно онределртть, в чем состоит обаяние ее красоты. Природа немало потрудились над се лицом, добиваясь того совершенства, которого, по рассказам, умели достигать только мастера старой Эллады. С той же тщательностью был& вылеплена и ее точеная фигура. Если бы ие одежда, можно было подумать, что оттуда, из парка, идет ожившая каким-то чудом статуя, которая сошла со своего пьедестала и пошла бродить по парку, усыпанному листьями. Особую прелесть придавали ей рыже-

ватыс вел осы. В солнечном свете пряди ее волос вспыхивала, оттеняя неестественно бледное лицо.

Почти каждое утро она проходила через двор в оранжерею, где оставалась не больше часа. Несколько особенно любопытных солдат, заглянув туда, видели, как она останавливалась возле каждого цветочного горшка, поправляя стебли цветка или обрывая увядшие лепестки. И всегда, когда она выходила из оранжереи, в руках у нее было много цветов, обычно — хризантем. Если случилось, что какой-нибудь солдат шел ей навстречу, она подавала ему цветок, не останавливаясь, даже не взглянув на него и, конечно, не слыша тех слов благодарности, которые он бормотал ей вслед.

В сундучках многих солдат лежали засушенные между страницами какой-нибудь книги цветы, подаренные им «хозяйкой замка».

ЗМЕЯ € МУУМНОКЫШН ГЛАВАМИ

Это было во время обеденного перерыва. Трое шифровал ыпи ков гуляли в одной из многочисленных аллей парка. В этот час многие штабные офицеры и унтер-офицеры выходили в парк, чтобы размяться после долгого сидения над пишущими машинками, планшетами и картами. Если бы эти люди не были одеты в военную форму, можно было бы подумать, что они гуляют в городском саду в воскресный послеобеденный час.

Впрочем, подобные прогулки были так необычны и редки во фронтовых условиях, что многие на минуту забывали, где они находятся. Достаточно было видеть, как они прогуливаются, чтобы понять это. Тот, кто воевал, знает, как велика разница между походкой человека военного и гражданского. Военный человек, даже гуляя, помнит о своих обязанностях. Он словно забыл, что такое неторопливый шаг беззаботного человека. Следуя за ним, легко подсчитать ритм его шага: раз — два, раз — два...

Старшие и младшие офицеры штаба, прогуливавшиеся по аллеям парка, шли по-другому. Казалось, они слова обрели способность просто гулять. Группами по два-три человека двигались они по аллеям, шумно разговаривая, жестикулируя. Во всем их поведении была какая-то непринужденность. Больше всего говорили о прошлом,

сознательно или оессознательно стараясь не думать о фронтовых и штабных делах. Нсномилая о мирных днях, они полнее ощущали прелесть прогулки, возможность дышать свежим воздухом, не испытывая ежеминутной опасности. Каждый мог рассказать своим собеседникам что нибудь интересное о таких же прогулках по садам и паркам в родных мирных городах.

Только шифровальщики говорили не о прошлом, а о настоящем. Темой их разговора, как и всегда в последнее время, был их отсутствующий товарищ Уля Мнхай. Начал разговор Полиною:

— Что вы скажете, братцы, о нашем Уле? Он днюет и ночует у этого управляющего. Да простит моля бог, но мне эта крепкая дружба совсем не по праву.

— Л чем она тебе, собственно, не нравится? — спросил Бурлаку.

— Я не понимаю, что у них может быть общего? Если бы еще управляющий был помоложе, тогда другое дело. По так?

— Ты по финти и гогори прямо, о чем думаешь, — упрекнул его Мардаре.

После некоторого колебания Пел иною решил откровенно высказать друзьям свои опасения:

— Я бы не хотел, чтобы вы меня превратно поняли... Я люблю Улю и ценю его, по дружба его с управляющим мне, скажу прямо, не нравится. Мне кажется, что Уля сам стремится к этой близости. И вот я спрашиваю себя: зачем это ему нужно?

— И ответа ты еще не нашел? — поинтересовался Бурлаку.

— Пет, нашел!

— Тогда говори, брат, чего зря языком молоть.

— Мне кажется, что Уля набивается на дружбу с управляющим, чтобы через него добраться до «хозяйки замка».

— Так ты думаешь, что у него есть какие-нибудь тайные намерения? — с сомнением спросил Мардаре.

— Боюсь, что^ф. Такой бабник, как он!..

— Но ведь она же сумасшедшая... Разве ты забыл про это? — прервал его Мардаре. — Это было бы чудовишно!

— Сумасшедшая-то сумасшедшая, но какая? Она п кусается, не кричит, одним словом, не вытворяет ничего ужасного. Вы же видели ее не меньше, чем я. Я вам от-

кровешью признаюсь - мне доставляет большое удовольствие смотреть па лее. Оаа так хороша!.. Когда смотришь на нее и видишь, как она идет из оранжереи с цветами, разве можно подумать, что она но в себе? Правда, у нее несколько странная походка и взгляд какой-то блуждающий, по это и всё. В сущности, в чем заключается ее безумие? Она но разговаривает, — так, может быть, она уже забыла, как произносят слова, а в остальном она совершенно нормальный человек. На рояле она играет великолепно, любит цветы, умеет за ними ухаживать почтище любого садовника... Бот мне и кажется, что безумие «хозяйки замка» не может помешать тому, чтобы мужчина увлекся ею. Разве немую женщину, если она так же красива, как эта несчастная гувернантка, пельзя любить?

— О-о, ты в нее влюбился, жеребенок! — воскликнул Бурлаку, глядя на Полиною с восхищением.

— Не говори глупостей, «старик»! Речь идет не обо мне, а об Уле.

— Ты думаешь, Уля влюблен в «хозяйку замка»?

— Иначе я не могу объяснить, чего он привязался к этому управляющему?

Мардаре расхохотался:

— Ей-богу, Полиною, дружок, ты поглупел! И даже очень. Ты думаешь, наш Уля из тех, кто может влюбиться в женщину, у которой не все дома? Что верно, то верно до женщин он великий охотник. Но влюбиться в женщину, которую он, может быть, больше никогда не увидит?.. Нет, это немыслимо. Но допустим, что ел влюблен. Или, лучше, что она ему просто нравится. Так ты думаешь, стал бы Уля в этом случае терять время, добиваясь расположения управляющего, вместо того чтобы вести лобовую атаку? Насколько я его знаю, в это трудно поверить. Если уж у нею были серьезные намерения в отношении «хозяйки замка», можешь быть спокоен, что он давно бы любовался пейзажем, который открывается из ее окна оттуда, из башни, где она проводит дни и ночи.

— Чем же тогда можно объяснить, что каждый раз, когда его ищешь, то находишь у управляющего? И другое: стоит только «хозяйке замка» спуститься вниз, он уже тут как тут.

— А откуда тебе всё это известно, жеребеночек? — ехидно спросил Бурлаку.

— Я его видел при этом.

-- Ох, жеребеночек, я бы дал отрезать себе усы, если бы они были у меня, чтобы доказать, что ты влюблен в нес.

— Не будь идиотом!

— И всё-таки ты влюблен. Да еще так, что стал ревновать Улю.

— В конце концов можете думать обо мне что хотите, но вы мне ответьте на вопрос: чем объясняется интерес Ули к управляющему?

— Я могу дать тебе тысячу объяснений! — предложил Бурлаку.

Разумеется, из тысячи объяснений было дано лишь несколько. С ними согласился и Мардарс. И всё-таки никто из них не сумел толком объяснить близость Ули к управляющему, хотя спор по этому поводу у них отнял весь обеденный перерыв.

Действительно, Уля Мнхай довольно часто был гостем управляющего, который жил в домике из красного кирпича, расположенном в некотором отдалении от замка.

Домик состоял из двух комнат, разделенных маленькой прихожей, кухни и ванной. Скромную обстановку дополняли очень ценные персидские ковры, которые оказались здесь, вероятно, после того как из замка была вывезена вся мебель.

Владея венгерским языком, Уле нетрудно было подружиться с управляющим. Впрочем, тот проявлял дружелюбие ко всем румынским офицерам и унтер-офицерам. Только этим можно было объяснить, что в его домике постоянно торчало несколько солдат, приходивших к нему неизвестно за какой надобностью. Частенько бывали здесь с разного рода просьбами денщики. И управляющий из всех сил старался угодить им. Особенно ласков он был с тем, кто знал венгерский язык, а их было не так уж мало, потому что дивизия формировалась, главным образом, из жителей Трансильвании. С ними он дружелюбно беседовал, рассказывал занятные истории из жизни хозяев замка, а нередко угощал и стаканчиком лапки, крепкой настойки. Если же случалось, что кто-нибудь заглядывал в домик во время обеда, управляющий немедленно усаживал* его за стол.

Дружеские обеды, которые выгодно отличались от достаточно однообразной армейской пищи, служили хорошим поводом для откровенного разговора с румынскими

солдатами. Л, как известно, во время такого разговора можно без особого труда узнать много интересного.

Уля, к которому управляющий проявлял большое расположение, давно заметил, что хозяин домика сам никогда не задавал вопросов, которые могли бы возбудить подозрение. Он просто очень внимательно слушал, п солдаты, находя в нем приятного собеседника, становились за его столом чересчур словоохотливыми и болтали всякую всячину, к большому удовлетворению господина управляющего, роль которого была совершенно ясна Уле. Не рискуя жизнью, не навлекая на себя никаких подо»зрений, управляющий выполнял таким образом свою задачу тайного агента противника, остарленного в тылу у наступающих румынских и советских частей.

Конечно, хможно было принять меры, чтобы прикрыть этот источник информации врага. Но ведь невозможно запретить солдатам бывать здесь, не вызвав подозрений венгра.

Уля решил подружиться с управляющим по многим причинам. Во-первых, он хотел поближе узнать этого чело пека, чтобы понять, какое место занимает он в агентурной группе. Во-вторых, если он не ошибся и управляющий действительно был одним из агентов Абвера, то, вероятно, с ним попытаются установить связь. Уля надеялся, что его частые визиты к управляющему дадут возможность узнать об этом своевременно. Ему казалось, что непременно должна быть налажена связь между двумя лицами, например Некулаем Тупицей и управляющим. Однако, к его удивлению, Бюкулай еще ни разу не перешагнул порога этого дома. Он был единственным денщиком, которому удавалось выйти из всех затруднений, ие оГ>|ашаиc к услугам управляющего. Промедление с установлением связи Уля относил за счет чрезвычайной осторожности этих двух лпд.

Лишь несколько дней спустя Уля понял, как ошибся в своих расчетах, предполагая, что эти два агента попробуют установить между собой связь.

В тот день, но обыкновению, «хозяйка замка» вышла из оранжереи с большим букетом хризантем в руках. Проходя по аллее, ведущей к замку, она встретилаc с Вс.ччлаем Тупицей. Он не влпервые видел ее, по так близко еще не встречал. Взволнованный ее красотой, Нстеулай замедлил шаги, чтобы разглядеть ее получше.

«Хозяйка замка» шла ему навстречу, как всегда вьядя поверх голов и, казалось, совершенно его не замечала. Но когда женщина поравнялась с ним и протянула ему цветок, Нек>лай Тупица заметил на безымянном пальце руки толстое золотое кольцо в виде змеи. Змея подняла голову кверху, вместо глаз у нее сверкали два больших рубина.

Змея с рубиновыми глазами служила опознавательным знаком.

На этот раз не заикаясь, Нскулай Тупица произнес л а роль на немецком языке:

— Розы расцвели.

— Да, но у них еще не выросли шины. Будьте внимательны к тому, что я сыграю завтра утром,*-ответила «хозяйка замка», едва шевеля губами.

Эта сцена продолжалась всего несколько мгновений. Нскулай Тупица взял цветок, который она ему преподнесла, и пошел дальше, не оглядываясь. Дойдя до задней стены оранжереи, он бросил хризантему в ящик с засохшим навозом.

Наконец связь была установлена. Но Ули этого не мог знать. Хотя он и наблюдал издали за встречен Небулая с «хозяйкой замка», но не успел заметить, как ела неожиданно вновь обрела дар речи для того, чтобы произнести ответный пароль.

Зато некоторое удивление на лице Некулаи Тупицы вызвало у него подозрение, еще больше усилившееся, когда он увидел, как денщик бросил в ящик с мусором хризантему—дар «хозяйки замка». Он был единственным солдатом, который не захотел сохранить цветок, полученный в подарок от са-мой красивой женщины, которую ему когда-либо доводилось встретить.

Па следующий день, к большому разочарованию новоиспеченных поклонников музыки, пианистка заменила свой обычный утренний концерт каким-то попурри БШ шелепе. Можно было подумать, что пианистка нлкак не может решить, что именно ей сыграть. Она начинала одну мелодию, но через несколько секунд бросала ее, чтобы начать другую, потом третью.

Лели бы накануне Уля не стал свидетелем встречи «хозяйки замка» с Пскулаем Тупицей, может быть он и

не придавал бы значения этим музыкальным упражнениям. По именно потому, что он наблюдал на этом свидании необычайное утреннее поурри весьма его заинтсре сопало.

Он находился в кабинете капитана Георгиу, когда раз дались первые аккорды.

Капитан Георгиу, которого музыка покорила так же как и псех остальных, с нетерпением ждал концерта, и так же, как нсох других, ненопятные пассажи пианистку при ноли его в недоумение.

— Мне кажется, что у псе сегодня плохое настроение, -- заметил он, стараясь за улыбкой скрыть свое разочарование. Уля пожал плечами:

— Как знать, понлтно ли в этом плохое настроение.

— Что вы этим хотите сказать?

— Что я очень удручен споен музыкальной неграмотностью. Я хотел бы знать, не переговариваются ли они таким образом с Некулаем Тупицей?

— Используя музыкальный шифр?

— Л почему бы и нет? Проклятье!.. Оли над нами издопаются! Если после войны я не сменю профессию, то мне придется серьезно заняться музыкой.

Ог смял папиросу в пепельнице и, взбенженный, зашагал по кабинету. Через несколько секунд он остановился и стал внимательно прислушиваться. Его поразили равномерные музыкальные переходы от одной мелодии к другой, какие обычно можно услышать в поурри: пианистка давала прозвучать между мелодиями одной отчетливой ноте, почти сливавшейся с мелодией, по звучавшей в другой тональности. Можно было подумать, что, пока она вспоминала какую-то иьссу, чьи-то пальцы нажимали именно па те клавиши рояля, которые создавали впечатление полного диссонанса.

Вслушиваясь внимательно в эти отдельные ноты, Уля в конце концов уловил звучание знакомых букв азбуки Морзе.

Пораженный своеобразием и простотой этой системы шифра, он взял на столе у капитана лист бумаги и стал записывать буквы.

Когда последняя нота отзвучала и рояль умолк, Уля прочел вслух буквы, которыми он заполнил целый лист бумаги:

— б... х... и... м... д... х... р... Б... а... з... и... п...
С... Х... Т... С... ф... М... б... П... С... у... Д... Х...
О... у... а... и... р... в.

— Вы считаете, что вам удастся расшифровать текст? — спросил капитан Георгиу.

— Это будет нелегко. И всё-таки я попробую... Пойду к себе.

— Л что скажут остальные шифровальщики? Оставайтесь лучше здесь!

— Не беспокойтесь! Я скажу им, что пытаюсь составить новый код, более простой и остроумный, который собираюсь предложить взамен пышешнего шифра Д. Р. Б.

— И они вам поверят?

— Конечно. Это наше старое увлечение.* Среди лас пет ни одного, кто бы ради собственного удовольствия не попробовал составить но крайней мере хоть один собственный код. Конечно, мы их никуда не посылаем, петому что знаем, как трудно менять шифры, с которыми мы привыкли работать.

— В таком случае, можете идти. Желаю вам удачи, и, если вы чего-нибудь добьетесь, сообщите, пожалуйста, мне.

— Обязательно!

Больше двух часов понадобилось Уле, чтобы расшифровать засекреченный текст (правда, в нем недоставало пачала, а также нескольких букв, которые либо он пропустил при переписке, либо отш были пропущены самой пианисткой), но даже в таком виде текст давал многое*. Впрочем, недостающие слова легко дополнялись воображением.

Зашифрованный текст, посланный «хозяйкой замка», был следующего содержания:

...непременно с герр обергптурмбанфюрером Карл...
у... озеро... лодка... северо-запад... кустарник... с др... ждите... там... осторожно... подозрение... следят... встреча... возможность... оберштурмбанфюрер... на четверг обязательно».

На другом листе бумаги Уля без большого труда восстановил полный текст:

«Непременно <Г-ерр оберштурмбанфюрером Карлом в полночь буду па озере в лодке. В северо-западной стороне озера имеется кустарник па берегу. Ждите меня там. Будьте очень осторожны. Если подозреваете, что за вами

следят, встречу отменяю. Найду другую возможность обшить вам. Герр оберштурмбаифюрер Карл назна на чет мер г обязательно».

Уля тихо присвистнул, взглянув на Мардаре, сдш вешью шифровальщика, находившегося в канцеляр Но тот писал письмо и не обращал на своего товари никакого внимания. Уля сложил бумагу, на которой писал расшифрованный текст, и спрятал ее в карман с сто с черновиками, потом придвинул стул к окну и, об котившись па подоконник, стал смотреть во двор зам в этот час почти пустой.

Мардаре, который исписал уже лист бумаги и сек рался писать на втором, заметив Улю у окна, иасмешли улыбнулся. Оя был убежден, что Уля уселся там, что* увидеть «хозяйку замка».

На самом же деле Уля уединился, чтобы иметь «с можность всё спокойно обдумать. Вид, который открг; вался из окна, действовал успокаивающе и помогал е размышлениям. Отсюда хорошо был виден парк, озеро тихой неподвижной водой и немного дальше домпк упра ляющего.

«Одно несомненно, — думал Уля: — сегодня ночью них должен состояться военный совет, на котором я и могу не быть».

Он вспомнил то место в расшифрованном тексте, гд говорилось: «герр оберштурмбанфюрер Карл пазначил и четверо.

Что именно мог назначить на четверг этот Карл? Вероятно, заключительный и решительный удар. Очевидно «бедная барышня гувернантка» будет играть роль «трои с кого коня», но как именно, на этот вопрос он ответ! найти не мог.

Совершенно ясно, что Некулай Тупица, или один иг его сообщников, не будет стараться проникнуть в замок и течение ночи, так как все входы и выходы охраняются караульными из полицейской роты. С другой стороны, «хозяйка замка» не сможет незамеченной спуститься из своей башни во второй этаж, где располагаются шифровальщики. Чтобы добраться сюда, она должна будет воспользоваться либо главной лестницей, либо черным ходом. На первом этаже, возле кабинета генерала, днем и ночью стоят вооруженные автоматчики. Чтобы пробраться к шифровальной машине, «хозяйке» придется пройти

мимо часового. Это невозможно. На черной лестнице ее бы остановил дежурный, который стоит перед дверью Второго отдела.

Таким образом, «хозяйка замка» не сможет проникнуть в шифровальный отдел, не ликвидировав одного из часовых. Но, сделав это, она не достигла бы своей цели. Если бы агент Абвера собирался проникнуть в шифровальный отдел с помощью силы, то он давно иоиньтася бы это сделать... И всё-таки они решили действовать. Об этом ясно говорил расшифрованный текст. Иначе какой смысл имела концентрация агентурной группы — нескольких человек — в одном месте?

Оберштурмбанфюрер Карл назначил решающие действия на четверг. Оставалось еще три дня. Начало будет положено сегодня ночью.

«Кто его знает? Может быть, мне и сдается узнать, какой сюрприз они нам готовят?» От одной этой перспективы Уле стало весело, и он невольно улыбнулся.

Мардаре, который тем временем закончил письмо, заметил улыбку Ули и спросил:

— Кому ты улыбаешься, дружище?

— Никому. Я просто вспомнил кое-что сметное.

— А я думал, ты кому-то улыбнулся.

Уля нагл ян ул на него с недоуменном:

— Кому, черт иобери, я могу улыбаться?

— Как кому? Например, «хозяйке ,*амка».

— Прямо скажем, из-за такой женщины не стоит голову терять!.. Как бы хороша она ни была, но если нпаешь, что она ненормальна... Понимаешь, это меня останавливает.

— Безусловно... но ты должен признаться, что тебе доставляет удовольствие смотреть на нее.

Уля взглянул на Мардаре подозрительно. Казалось, он говорил одно, а думал совсем другое. Понимая, что надо быть очень осторожным, Уля решил отшутиться:

— Послушай, Ион, по-моему, ты просто соскучился по хорошенькой бабенке, иначе я не пойму, почему тебя так занимает наша бедная «хозяйка».

И, взяв свою няютку, которая неизвестно каким образом оказалась на иолу, Уля вышел из канцелярии.

Он решил пройтись по парку, чтобы днем познакомиться с тем местом, где этой ночью должны были встретиться агенты Абвера.

РУСІЛКІ С ОЗЕРА

Ночь была холодной. Всю вторую половину дня лил дождь, и только к вечеру ливень прекратился. Тучи, словно чудовищные черные кони, умчались далеко на запад, и теперь за ПИМИ ревятмп жеребятми торопились лохматые облака. Время от времени они плотно прикрывали луну, и тогда свет сменялся полным мраком.

Шла вторая половина ночи. Часовые второй смепы только что заступили на пост. Сонные и злые, караульные топтались на месте, пытаясь согреться, позевывая и недовольно ворча. Нет ничего противнее, чем эта вторая смена, после полупочи, в карауле. Даже солдатам из полицейской роты, которые, в оеию-вном, несли караул ночью, эта смена казалась особенно тягостной, хуже самого тяжелого наряда. Время идет медленно, сон то и дело подбирается к тебе, и даже мысли и тс дремлют. Особенно скверно, когда льет дождь, дует ветер или поднимается туман. Три часа на посту кажутся бесконечными.

Солдат Марин Нрикоие заступил на пост возле охотничьего домика, находившегося в парке, неподалеку от озера.

Он дрожал от холода и, стараясь согреться, непрерывно ходил. Зная по долгому опыту, что часы в карауле проходят тем быстрее, чем полнее удастся отвлечься от настоящего, он дал волю своим мыслям, унесшим его далеко от этого парка. Впрочем, в эту ночь ему не нужно было прикладывать особых усилий к тому, чтобы дать волю воображению. Стоя па посту, он вспоминал то, о чем рассказывал в караульном помещении солдат Петру Петре

Петру Петре очень любил рассказывать. Особенно в тех случаях — впрочем, довольно редких, — когда удавалось пропустить стаканчик-другой наливки. В этот вечер такая возможность ему представилась.

Петру Петре был родом из Трансильвании и хорошо знал венгерский язык. Благодаря этому ему удавалось устроиться лучше остальных. Две вещи никогда не оставляли его равнодушным: сытный кусок, — получше того, что достается пз общего котла, и теплая постель на ночь. Когда находишься в чужой стране, знание местного языка очень помогает раздобыть и первое и второе. Петру Петре еще до перехода Тиесы сумел использовать свое преимущество. В его продовольственной сумке всегда

можно было найти добрый кусок сала, калач из чистой пшеничной муки, немного брынзы, несколько луковиц и голсвку чеснока.

В замке Петре с первого же дня подружился с управляющим, и это также немедленно сказалось на его продовольственном мешке, который значительно разбух по сравнению с мешками его товарищей. Довольно часто Петре попадал к столу управляющего, и, так как был воспитанным человеком и понимал, что не следует обижать хозяина дома, отказываясь разделить с ним трапезу, охотно принимал приглашение; управляющий не мог пожаловаться на отсутствие аппетита у своего гостя.

В этот вечер ужин был обильнее, чем обычно, и к тому же сопровождался бутылкой шша марки «Токай», хранившейся в пузатой, покрытой пылью бутылке. Управляющий утверждал, что случайно нашел ее в погребе замка.

Петру Петре не принадлежал к числу тех людей, которые валяются с ног после нескольких стаканов вина, но в этот вечер, — случай совершенно пебыпатып, — возвращаясь от управляющего, почувствовал, что голова у него гудит, как котел. Однако он был в хорошем настроении и не прочь поболтать. И дело было не только в тех нескольких стаканах вина, которые он выпил, но еще и в необычайном рассказе, которым угостил его хозяин за ужином. Ему не терпелось поделиться этой историей с начальником караула и своими товарищами. Многие из них спали, в том числе и солдат Марии Нрпкопе. Но у последнего сон был очень чутким, и от шума, который поднял Петру Петре, Марин проснулся. Услышав первые слова рассказа, он уже больше не мог заснуть, хотя знал, что через некоторое время ему придется идти на пост.

— Господин капрал, -- начал солдат Петру Петре, обращаясь к начальнику караула. — Мне сегодня управляющий удивительную историю рассказал про то, что однажды случилось здесь в замке. Я такого еще никогда не слышал!

— Ну-ну, — ответил капрал, занятый составлением рапорта и явно нерасположенный выслушивать болтовню солдата.

— Ей-богу, господин капрал. Если хотите, я могу вам ее передать, и вы не пожалеете.

— Ладно, Петру. Рассказывай. Только говори потише

и пс разбуди никого. Люди устали. Может, и ты лучше ляжешь?

— Обо мне не беспокойтесь. Мне в третью смену наступать, н я еще успею выспаться. Ну л винцо же у этого управляющего! Если бы узнать, где он припрятал эти бутылочки, славное было бы угощение для всей роты! Такого вина, наверное, п сам господии генерал сроду не пил. В стакан оно течет, как масло, а уж запах!.. У кого голова не очень крепкая, от одного запаха захмелеть может.

Капрал засмеялся:

-- Перестань о пипе говорить, Петре, у мепя аж слюпки текут. Наверно год прошел, как кайли во рту не было. Ты лучше про тот случай рассказывай

— Вы уж простите мепя, господин капрал. Никак не думал, что и вам выпить захочется. Вы правы. Лучше я вам расскажу эту историю. Управляющий говорит, что случилось всё это много лет назад. В те времена хозяином этих земель был богатый помещик, такой богатый, какого во всей стране не было. Унаследовал он это богатство в ту пору, когда был еще совсем молодым. Ну, известное дело, что бывает, когда большие деньги в молодые руки поиадают. Начались попойки да веселье, кутежи с утра до ночи и с ночи до утра. Слава об этом гуляке пошла по всей стране.

Всё бы ничего. И на гулянки у него денег бы хватило надолго, по пристрастился он к картам. Эта страсть доконала его. В один прекрасный день остался барин с одним помещьем в руках, вот этим самым, где мы живем. Однако в бедности он жить не захотел и решил поправить свои дела, женившись на богатой невесте.

Разузнал он, что па другом конце страны у богатого барина ость дочь па выданье. На приданое, которое он давал за ней, можно было целую страпу купить. И всё-таки почему-то не ехали к ней женихи. Правда, и она по очень жаловала их и про замужество слушать ничего не хотела. А вся штука в том, что страшна она была как сам смертный грех и к тому же зла, как скорпион. Целыми днями разъезжала по полям своего отца, попукала батраков и щелкала арапником.

Узнал обо всем этом наш герой, но не испугался и отправился свататься. Л уродин я эта, как увидела молодого, красивого парня, так влюбилась в него по уши.

Подошел день свадьбы. Уж па что девица нехороша была в обыкновенном платье, а в подвенечном и вовсе будто нечистая сила. Л жениху хоть бы что. Шагнул оп к алтарю во всей своей красе, а с ним рядом уродина выступает.

После свадьбы пир задали на весь мир, и длился он, рассказывают, три дня и три ночи. Потом усадил муж смюю молодую жену в карету и отправился с ней домой... Но, прежде чем дальше рассказывать, господин капрал, должен я закурить, а у меня табаку совсем не осталось...

Капрал протянул рассказчику табакерку. Тот скрутил себе толстенную папиросу, затянулся и начал рассказывать дальше:

— Только теперь молодого барина будто кто подменил. Ни друзей, ни гулянок, ни карт. Поместья он свои выкупил и так стал хозяйство вести, что замучил вкопц всех батраков.

Но вы, конечно, спросите, что было с его уродиной-жегши? Не спрашивайте, сам скажу. Женей она ему так и не стала. Сколько он жил в доме, ни разу порога ее спальни не переступил. Хоть и почитали ее слуги как настоящую хозяйку, но была она в доме чужой.

Так прошел год. И вот поехал однажды молодой барин в Пшту но делам, а оттуда вернулся с молодой девушкой лет семнадцати — красавицей, каких мало на свете. Увидела ее жена помещика и поняла, что ей вместе с этой девицей в доме не жить.

Из того, что я вам дальше расскажу, господин капрал, вы сами можете убедиться, до чего бабы хитры бывают в любви...

Солдат Петру Петре, па этот раз уже не спрашивая, протянул руку к табакерке капрала п, соорудив себе новую самокрутку, так глубоко затянулся, что закашлялся и долго не мог успокоиться. Откашлявшись наконец, оп продолжал свой рассказ, сопровождаемый громовым храпом солдата, спавшего на спине с открытым ртом.

— Прошел месяц, как барин привел в дом свою любовницу. И в это вдрмя пошли слухи, что в окрестностях замка появилась банда разбойников, которая грабит всех без разбора. Нападали они обычно, появляясь неожиданно из лесу или из кукурузы, грабили и скрывались, будто сквозь землю пропадали.

Однажды ночью наш барин, который спал рядом со

своей любовницей, проснулся от выстрелов и громких криков. Догадываясь о том, что случилось, он быстро оделся и, взяв пистолеты, выбежал, чтобы схватиться с грабителями. Но разбойштки загнали всех слуг и батраков в хлев, а сами уже пробрались в дом. Барин не успел ахнуть, как его поймали, связали и рот кляпом заткнули. После этого начали грабители собирать ценные вещи, перерыли все комнаты и кладовые. Лихий атаман прямой дорожкой отправился в спальню к барину, да так смело, будто ему здесь всеходы-выходы известны. В спальне он никого не нашел. Пока суть да дело, девица сбежала через окно, и в парк. Выстрелил разбойничий атаман в воздух — п за ней. Бедная девушка бежит изо всех сил, но чувствует, что от разбойника ей не скрыться, и тогда решила она лучше умереть, чем живой в руки к нему попасться. Добежала до озера — и в воду. Плавать-то она не умела, а озеро было глубокое. Ну, разок-другой из воды ее вытолкнуло, а потом затянуло ко дну. И конец.

С той ночи никто больше на дорогах не появлялся и па усадьбы не нападал. Как появились эти разбойники неожиданно, так и исчезли...

Солдат Петру Петре шумно зевнул, потом спросил:

— Сколько теперь времени, господин капрал?

— Мигут через двадцать надо будить смеу.

— Ну, тогда я успею закончить свой рассказ. Теперь уж немного осталось... Через неделю батраки невод тащили из озера и вытащили распухшее тело молодой женщины, искусанное рыбами. Как узнал барин об этом, только застонал, в лице весь побелел, но ни одной слезинки не выронил и ни слова никому не сказал.

На следующий день после нохороп приказал он приготовить ему багаж для длительного путешествия и уехал, пс повидав жену, не попрощавшись с ней. Поехал он в чужие страны и с тех пор больше никогда пс возвращался в эти места. Л жена его умерла через год, будто бы от чахотки. Перед смертью она написала мужу, что разбойничьим атаманом, который посеял страх во всей округе, была она сама. И сделала это она не ради грабежа, а чтобы всех с толку сбить и отомстить своей сопернице.

Вот какой случай, господин капрал, рассказал мне сегодня вечером управляющий. Только у этого рассказа и

продолжение есть. Управляющий говорит, что не коре после того, как тело выловили из озера, одип из сторожей усадьбы увидел там русалку. И похожа была эта русалка на возлюбленную барипа как две капли воды. Из озера она высывалась только наполовину. А вторая половина, скрывавшаяся в воде, была начисто рыбьей. Русалка до сих пор иногда появляется на озере. Ее видели все слуги. Управляющий клялся, что и ему случилось увидеть ее разок, и он так испугался, что упал в обморок.

Было ли это па самом деле или только показалось, я лично не знаю. Как говорят, господин капрал: за что купил, за то и продаю...

Закончив свой рассказ, солдат Петру Петре еще раз зевнул и стал укладываться на нарах, где спали остальные караульные.

Капрал, который внимательно слушал рассказ солдата, сказал:

— Бедная девушка, жалко всё-таки ее.

— За грех платить надо, — назидательно ответил Петру Петре, устраиваясь поудобнее на нарах.

Капрал хотел было с ним поспорить, однако, взглянув на будильник, стоявший на столе, начал поднимать людей второй смены, решив отложить дпспут до следующего дня.

Часовой Марин Прикопе был гуцулом, а известно, что пигде так не верят в сказки, привидения, чертей, русалок и колдунов, как в местах, населенных гуцулами. Он и сам мог бы рассказать немало страшных историй.

Вот почему он п сейчас со страхом поглядывал в сто-* рону озера, скрытого в ночной темноте. Л тут, как назло, густая туча совершенно закрыла луну н воцарилась кро- мешная тьма, в которой шелест листвы казался особешю зловещим и напоминал бедному Марину то человеческие голоса, то жалобные стопы, то чью-то далекую песню. Все эти звуки усиливали ужас в душе суеверного Марина Прикопе. Всиомппв историю русалки, гуцул перекрестил- ся и подозрительно посмотрел па ближайшие сосны, будто одна из них могла «а его глазах превратиться в колдунью. В этот момент туча, скрывавшая лупу, проплыла дальше и лунный свет рассеял тьму, покрывая серебром высокие стволы деревьев п заснувшее в неподвижности озеро.

В следующее мгновение Марин Прикопе похолодел от страха. Он собственными глазами увидел на озере ру-

Алку. Оно тихо плыла, наполовину выглянув из воды, волшебной красивая при лунно-зеленоватом свете. Он ясно видел русалку минуту, две, пока заросли ивняка не скрыли ее. И тотчас большое облако снова закрыло серебряный диск луны.

Ну где было Марину Приколе, потерявшему голову от страха, догадаться, что он принял за русалку «бедную барышню гувернантку». Если бы солдат не был так напуган, он заметил бы, что, вопреки привычкам всех русалок, эта двигалась по воде в лодке, которой очень ловко управляла.

Лодка добралась до другого берега. Здесь в кустарнике притаился человек, на свидание с которым и прибыла «русалка». Чуть дальше, также спрятавшись в кустах возле самой воды, Уля Михай наблюдал за этой встречей. Из своего укрытия он не мог расслышать всех слов, зато хорошо видел всё, что происходило на берегу.

«Хозяйка замка» повернула лодку так, чтобы видеть и другой берег озера.

— Вы здесь? — тихо спросила она.

— Да, — ответили ей из кустарника, и Уля понял, что это не был Некулай Тупица.

— Я не могу долго с вами разговаривать и поэтому написала всё, что должна была сказать. Вот письмо. Протяните руку и возьмите его.

«Хозяйка замка» вынула спрятанное на груди письмо и, не поворачивая головы, положила его на берег, под кусты.

Через несколько секунд она спросила:

— Вы взяли?

— Да.

— Хорошо! После того, как прочтете, уничтожьте.

— Лишнее напоминание...

— Простите меня! Я это сказала по привычке. Есть у вас ко мне поручение?

— Нет, пока я не узнаю содержания письма.

— Мне хотелось бы знать...

— О чем?

— Чувствуете ли вы себя в полной безопасности?

— У нас нет причин опасаться.

— Тогда всё в порядке. Что говорят обо мне?

— Личего, кроме того, что вы хотели, чтобы о вас

говорили. Примите мои поздравления! Вы прекрасно играете свою роль,

— Благодарю. Когда вы прочитаете письмо, вы поймете, как необходимо передать завтра же это сообщение. Есть у вас такая возможность?

— Надеюсь, что такая возможность найдется.

— Это совершенно необходимо.

— Будьте спокойны.

— В таком случае успех обеспечен.

— Спокойной ночи!..

«Хозяйка замка» взялась за весла и, ловко развернув лодку, начала пересекать озеро в обратном направлении. Несколько минут спустя из кустов показалась голова человека. Он внимательно осмотрелся, убедился в полной безопасности и покинул укрытие. Он шел волчьим шагом, пробираясь между деревьями, и напряженно всматриваясь в темноту.

Из своего укрытия Уля увидел его..

Пошел дождь. На землю упали крупные холодные кайли. Свежий ветер взволновал спокойную гладь озера. Уля поднял воротник шинели, но не тронулся с места.

Когда он вышел из своего убежища, «хозяйка замка», так же как и ее собеседник, уже спали и наверное видела во сне, как успенлго закопилось дело, которое они задумали.

Вернулся к себе Уля, промокнув до нитки. Он разделся в темноте, повесил шинель на гвоздь, потом лег в постель.

«Завтра, пожалуй, мы сыграем последний акт иатей комедии!» — сказал он себе. И крепко заснул.

„В ПОЛНОЧЬ УПАДЕТ ЗВЕЗДА“

Читатель помнит, вероятно, из предыдущих глав, что библиотека замка находилась во втором этаже. И хотя генерал — командир дивизии — не был библиофилом, однако богатая библиотека произвела на него глубокое впечатление, и он запретил использовать ее в качестве рабочей комнаты.

Ключ от библиотеки хранился у управляющего, и никто не мог войти в нее без его ведома. Но если бы даже она и была открыта, вряд ли кого-нибудь из штаба привлекли бы эти тяжелые фолианты в кожаных переплетах. Во-первых, потому, что большинство этих книг было на венгерском языке, а во-вторых, потому, что и французские и немецкие книги едва ли кого-нибудь могли заинтересовать своим содержанием. Прайда, среди писарей, в большинстве своем людей с высшим образованием, были любители, которых могли бы соблазнить некоторые экземпляры из интересной библиотеки графа Лндраса Коморони, но их сундучки и так были битком набиты всякой мелочью, столь необходим ой в походах.

Если кому-нибудь из них приходила фантазия почитать, он, вспомнив о библиотеке, обращался к управляющему. В этих случаях управляющий вел себя как опытный и добросовестный библиотекарь. Выдаваемая книга записывалась в журнал, и взявший ее должен был расписаться в получении. К тому же, выдавая книгу, управляющий не забывал напомнить о необходимости вернуть ее в таком же состоянии. Читателей было немного, и управляющий не мог пожаловаться на то, что обязанности библиотекаря отнимают у него много времени.

Можно не сомневаться, что доморощенный библиотекарь был бы весьма удивлен, если бы узнал, что среди

солдат штаба есть один, который без его ведома целыми часами пропадает в библиотеке. Его удивление было бы особенно велико, если бы он узнал, что этот непрощенный юсть принадлежит к числу самых частых его гостей, одному из тех, кому он сам с удовольствием разрешил бы пользоваться библиотекой своего хозяина.

Но Уля Михай — это был он — проникал в библиотеку не считая нужным испросить па то разрешение управляющего. Уля сделал собственный ключ и каждый раз, когда у него было время, запирался там на долгие часы.

Утром следующего дня, когда во дворе стало светать, Уля, который имел обыкновение спать всего несколько часов, снова находился в библиотеке. Читатель ошибся бы, если бы вообразил, что наш герой сидел склонившись над страницами какого-нибудь толстого фолианта. Он, действительно, склонился, но не над книгой, а над большим листом кальки с тщательно вычерченным планом замка. План был так хорошо выполнен, что Уля, если бы он был меньше поглощен своими мыслями, отдал бы должное мастерству картографов Третьего отдела.

Уля изучал этот план уже много дней. И всякий раз после исследования чертежа принимался за работу, которая любому другому человеку не могла бы не показаться странной. Отложив в сторону план замка, он спинал книги с полок и старательно ощупывал и обстукивал стены библиотеки сантиметр за сантиметром. В предыдущие дни одна стена уже была исследована весьма тщательно. Но возвращение к этому кропотливому занятию доказывало, что при изучение карты, ни осмотр стены еще не принесли ему ожидаемых результатов.

Теперь снова, в течение получаса, Уля изучал план, выкуривая папиросу за папиросой. Потом, поднявшись из-за стола, он направился к тому же стеллажу, который осматривал накануне. Полки тянулись почти до потолка и сверху донизу были заставлены книгами.

«И всё-таки она должна быть здесь!» — сказал себе Уля, собираясь снова снимать все книги, закрывавшие стену.*

Пока Уля возился с книгами, радисты собирались опустошить котелок, наполненный взбитой яичницей. Едва они приступили к этому приятному делу, как в

дверях появился связист с полевым телефонным аппаратом **ПОД МЫШКОЙ**

— Что ото тебя к нам принесло, Трандафир? — спросил сержант Пылимару, с трудом выговаривая слова, так как рот у него был полон еды.

— Господин капитан приказал сменить у вас телефонный аппарат.

— А зачем его менять?

— Как будто он неисправен. Капитан сказал, что вы знаете.

Только сейчас сержант Пылимару вспомнил, что накануне, действительно, капитан предупредил его о том, что будет менять на радиостанции телефонный аппарат, в котором, как он утверждал, есть какая-то неисправность.

— Л этот хоть хорош?

Как вы уже, читатель, догадались, речь шла не о новом телефонном аппарате, а о специальном микрофоне подслушивания, о котором позаботился начальник Второго отдела. Уверенный в том, что Некулай Тупица в конце концов попытается использовать радиостанцию для передачи своих сообщений, капитан Георгиу запросил и получил через Второй отдел штаба армии аппарат для подслушивания.

Провода от радиостанции были протянуты в кабинет капитана Георгиу. Час спустя Уля, в отличном настроении, свидетельствовавшем о том, что на этот раз время, проведенное в библиотеке, не пропало даром, вместо с капитаном Георгиу слушал разговоры, которые велись на радиостанции.

Микрофон отлично регистрировал самые незначительные шумы и звуки. Слышны были и стук ключа и скрип стула, на котором сидел дежурный радиотелеграфист. Они даже слышал'; как телеграфист в минуту перерыва прилег на голую скамейку, чтобы, пользуясь случаем, немного подремать.

— Ну, что вы скажете, господин капитан?—довольный, спросил Уля.

— Аппарат работает отлично*

— Если Некулай Тупица попытается что-нибудь передать, мы тотчас об этом узнаем.

— В конце концов он это сделает.

— Не исключено, что это «в конце концов» будет именно сегодня.

— Вы так думаете?

— Я почти уверен в этом. А пока мне надо отлучиться на полчаса, у меня есть еще кое-какие срочные дела. Зато уж потом меня никто не сможет вытащить из вашего кабинета. Предварительно мне хотелось бы поболтать с управляющим. И подумать только, что он меня считает круглым идиотом, который охотно снабжает его полезными сведениями!.. Если без меня на станцию заявится Не кулан Тупица, пошлите, пожалуйста, за мной кого-нибудь.

Начало темнеть, когда Кекулай Тупица просунул голову в двери радиостанции.

— Можно? — спросил он, как обычно, робко и застесливо.

— Входи, Некулай! — пригласил его сержант Пылимару, который успел вздремнуть и находился теперь в превосходном настроении.

— Здравия желаю, господин сержант. Добрый вечер!

— Привет, Некулай! Ну, что слышно? — поинтересовался сержант Пылимару.

— А что может быть у меня слышно, господин сержант? Ничего. Вот явился на урок.

— Я так и понял, Некулай. Ты приходишь сюда только тогда, когда тебе это надо, а иначе и поздороваться бы никогда не зашел,—подразнил его сержант.

— Разве можно, господин сержант, так плохо думать обо мне, — защищался Некулай.

— Брось, Некулай, знаю я тебя. Вот я тебя спросил, что слышно, а ты мне ничего не рассказал. Разве я поверю, что ты ничего не знаешь? Не бывает того, чтобы денщики не разузнали какой-нибудь повостп первыми.

— А откуда я, грешный, могу что-нибудь знать, господин сержант?

— Вот это-то мне и не нравится в тебе, Некулай, И зачем ты притворяешься дурачком? Можно подумать, что твой капитан! вечером, когда ты помогаешь ему снять сапога или даешь помыться, не разговаривает с тобой и не рассказывает о том, что происходит в мире?

— Может быть, другие господа офицеры так и делают, не могу этого отрицать. Но мой господин капитан — из

другого теста. Пожаловаться на него я не могу, обра- щается он со мной хорошо, но разговаривает со мной только тогда, когда ему что-нибудь понадобится. Ей-богу, господин сержант! Жалко, что вы на меня сердитесь... имеппо сегодня.

— А почему именно сегодня на тебя нельзя сердить- ся? Насколько я помню, сегодня не пасха и не депь свя- того Некулая.

Некулай Тупица уселся па уголок скамьи и стал, как всегда, безжалостно мнть и трепать свою пилотку. Он казался смущенным больше обычного и бросал взволно- ванные взгляды по очереди на каждого радиста.

— Что же ты мне не отвечаешь, Некулай? — спросил Пылимару. — Что сегодня, праздник какой-нибудь, о ко- тором я ничего не знаю?

— Не в этом дело, господин сержант.

— А в чем?

— Сегодня я хочу, чтобы вы мне сделали икзампн. Я вам отстучу сегодня все буквы, без единой ошибки.

— Что ты говоришь?

— То, что вы слышите, господин сержант.

— Вот что, Некулай, если ты действительно сделаешь это, то получишь от меня в награду пачку табака. Но если ты сделаешь больше трех ошибок, пачка табака за ттую, согласен?

— Идет, господин сержант.

Радисты приготовились к развлечению. Они были убеждены, что Некулай проиграет пари. Правда, он за- помнил несколько букв азбуки Морзе, но в то, что он су- мее отстучать всю азбуку, они не верили.

— Слушай, Некулай, если ты не ошибешься больше трех раз, получишь и от меня пачку табака, — вступил в разговор другой радист.

— Я постараюсь.

— Подумай хорошенько, Некулай. Если ошибешься, пропраешь две пачки табака.

— Мне нечего думать. Я согласен, и всё!..

— Ладно, Некулай, ладно! Садись и берись за ключ.

Некулай Тупица, который, казалось, только этого и ждал, быстро подошел к рации. Он погладил ключ, потом поплевал в ладони.

Радиотелеграфисты расхохотались:

— Чего ты на ладони плюешь, Некулай? Ты же не

собираешься колоть дрова? Тебе понадобится только один палец.

Некулай Тупица, который был весьма удивлен смехом окружающих, ответил:

— Это у меня такая привычка, когда я берусь за дело. А здесь дело потруднее, чем колоть дрова. Сколько пота я пролил, пока запомнил эти буквы, черт бы их побрал! Наверно, мне не пришлось бы столько трудиться, если б господин сержант заставил меня расколоть сажень дров.

Радисты опять расхохотались:

— Ну, держись, Некулай! Давай вкалывай!

— Вот начинаю, господин сержант. Буква «а»: «ти-та». — Раздался стук ключа. — Хорошо, господин сержант?

— Пока ставлю тебе отметку «десять», Некулай!

— Буква «б» — та-ти-ти; буква «в» — «та-ти-та-ти»; буква «г» — та-ти-ти.

Некулай Тупица передал все буквы без ошибок до буквы «х».

— Ошибок нет, господин сержант?

— Пока нет, Некулай! Давай дальше! Если так дело войдет до конца, ты заработаешь две пачки табака.

Когда он отстучал последнюю букву, радиотелеграфисты громко захлопали:

— Браво, Некулай, браво!

Он смотрел на них счастливыми глазами, с раскрасневшимся от волнения лицом.

— Господин сержант, — спросил он робея, — как вы думаете, выйдет из меня что-нибудь?

— Л как же, Некулай, обязательно. Ты теперь вроде первый класс окончил. Выучил азбуку. Правда, пока ты еможенг читать газету, придется еще получиться немного. Но если будешь стараться, обязательно добьешься.

— Неужели я когда-нибудь буду знать хоть половипу того, что зтеаеа вы?

— Если не сдашься, будепгь знать, Некулай, — решил ободрить его сержант Пылимару.

— Да услышит вас бог, господин сержант!.. ' Есть у меня й вам еще одна просьба, если только вы не обидитесь, конечно!

— Ну?

— Я бы хотел, чтобы вы меня еще поикзамиповали на

выборку. Посмотрим, смогу ли я отстучать все буквы не по порядку. Я пробовал, и вышло.

— Ладно, Искулап, я буду называть буквы, какие мне в голову придут, а ты...

— Нот. я хотел бы не так, госиодип сержант, — прервал его Пекулай Тунада.

— Л как?

— Раньше дайте я нонробую сам, чтобы набраться смелости, иначе я могу растеряться. Если сумею, то йотом уже отстучу то, что вы мпе назовете.

— Давай ло-твоему, Некулан. Начинай!

— Подождите немного, господин сержант. Если это икзампи, то надо начинать по порядку, как будто я настоящий радист. Посмотрим, смогу ли я открыть станцию? Хорошо, господин сержант? Можно так?

— Можно, давай.

— Подождите секунду, пусть рука разоидется.

Некулай Тупица стал быстро нажимать на ключ, с улыбкой поглядывая вокруг.

Нпачале сержант Пылимару думал, что Некулай Тупица стучит ключом без всякого смысла. Но опытное ухо вскоре уловило повторение одних и тех же букв.

«К-р-к; к-р-к; к-р-к!» — повторил про себя сержант Пылимару.

— Ты знаешь, что ты сейчас делаешь, Некулай? — спросил сержант.

Некулай Тупица невинно посмотрел на него:

— А что я делаю, господин сержант? Я немного пробую эту штуку, чтобы рука разошлась. Боюсь, как бы не осрамиться на этот раз.

— Л ты знаешь, какие буквы передал?

— Разве я передавал какие-нибудь буквы? — спросил Некулай с таким выражением лица, что сержант Пылимару расхохотался.

— Ты передавал всё время буквы к-р-к.

— Неужели? Говорите, я отстучал к-р-к? Значит, это и есть к-р-к? Значит, я могу отстучать три буквы наугад. Л ну-ка, я попробую теперь другие.

И Некулай Тупица отстучал на ключе тридцать одну букву, из которых одна повторялась несколько раз.

Потом он остановился и, вытирая взмокший лоб рукавом кителя, сказал вздохнув:

— Больше я не могу, господин сержант, устал.

— Bravo, Некулай! — поздравили его радисты. — Ты выиграл две пачки табака. Завтра, когда получим паек, приходи и забери их.

— И я совсем не ошибался? — спросил Некулай Ту» лица, который казался в эту минуту совершенно счастливым человеком.

— Совсем!

— Теперь я набрался смелости, господин сержант, можете мне называть какие угодно буквы.

— Ладно, больше не надо! Я убедился, что ты прилежный ученик. Еще недельки две — и перейдем на прием,

— Да услышит вас бог, господин сержант!

Некулай Тупица посидел еще немного, потом ушел, не упустив случая еще раз поблагодарить радистов за их доброе к нему отношение.

Пока Некулай Туница держал па радиостанции свой первый экзамен, капитан Георгиу и Уля внимательно слушали всё, что там происходило.

— Что вы скажете, господин капитан? Не правда ли, великолепный актер? — спросил Уля.

— Действительно, превосходный актер. Жаль только, что этот талант служит нашим врагам.

В аппарате ясно был слышен голос сержанта Пылимару: «Ты передавал всё время буквы к-р-к».

— Бедняга сержант удивлен. Он и по подозревает, что это позывные — засмеялся Уля Михай.

«Неужели?» — послышался в аппарате вопрос Некулая Тупицы.

— Вы обратите внимание на его тон, господин капитан. С какой наивностью произносит он это «неужели»! Послушать, так можно решить, что он ни в чем и не замешан, Я уверен, что он сейчас начнет передавать свое сообщение.

Уля Михай не ошибся. Последующие буквы, которые выстукивал Некулая Тупица, якобы выбирая их наугад, составили фразу: «*В полночь упадет звезда*».

Капитан Георгиу посмотрел на Улю с недоумением:

— Что бы это могло значить? Вы что-нибудь понимаете?¹

— Думаю, что да! — ответил улыбаясь Уля.

«— Что же?»

•— Это значит, господин капитан, что в полночь будет

разыграно последнее действие этого спектакля. Иначе говоря, что они решили действовать в эту же ночь. Впрочем, об этом невольно сообщил мне и мой приятель управляющий. Я сказал ему, что зайду после десяти часов поболтать, как всегда, и, представьте себе, что человек, который готов был ирипимать меня с радостью в любой час, на этот раз отказал в свидании под тем предлогом, что плохо себя чувствует и хочет лечь пораньше в постель.

— «В полночь упадет звезда!» — повторил капитан Георгиу, задумчиво глядя через окно во двор. — Теперь ясно, что эти слова обозначают. Некулай Тупица так уверен в удаче, что даже не потрудился зашифровать свою радиограмму.

— Мы докажем ему, что он ошибся.

— Что вы собираетесь делать?

— Пока я не могу вам еще сказать, что предприму. Надо уточнить некоторые подробности. Через час я представлю вам план, который сложился у меня. Вы доложите его госнодипу генералу, потому что необходимо и его согласие. Но вот что я хотел вас еще спросить: каково положение на фронте?

— На нашем участке?

— Разумеется!

— Ничего особенного. На па|нем фронте без перемен. Может быть, к ночи будут сюрпризы.

— По всей вероятности, эта ночь будет спокойна. Абвер заинтересован в том, чтобы сегодня, когда его люди начнут действовать, на фронте было тихо. Поэтому я думаю, что закончить работу в птабе можно немного раньше обычного. Я имею в виду особенно работников Третьего отдела, у которых немало бессонных ночей.

— Это можно устроить.

— Было бы очень хорошо. Мне не хотелось бы подвергать тяжелому испытанию терпение агентов Абвера. Нужно иметь в виду, что среди них есть и женщины. А вы знаете, что у женщин нервы особенно чувствительны. Впрочем, откровенно говоря, мне и самому не хотелось бы оттягивать решающего часа. Если уж они решились на это, надо им хоть немного помочь, не так ли?

— Конечно, — рассмеялся капитан Георгиу.

— И знаете что: я думаю, что нам понадобятся младший лейтенант Параскивеску и лейтенант Тымнлару. Какого вы мнения о лейтенанте?

— Отличного!

— Кого бы вы выбрали: его или младшего лейтенанта Параскивеску?

— Разумеется, младшего лейтенанта Параскивеску. Он умнее, гибче, у него больше хладнокровия, и он не раз доказывал, что обладает инициативой.

— В таком случае именно ему мы поручим самую трудную задачу. Вы убедились, что Некулай Тупица чрезвычайно опасный и решительный человек. Поручите его младшему лейтенанту Параскивеску.

— Есть!

Кто-то постучал в дверь. Капитан Георгиу выключил связь с радиостанцией.

— Войдите!

Младший лейтенант Параскивеску заглянул в комнату:

— Господин капитан, к вам господин лейтенант Тымплару.

— Пусть заходит!

— Имею честь приветствовать вас, господин капитан!

— Что случилось, Тымплару?

— Я хотел бы вам доложить кое о чем, господин капитан.

— Слушаю вас,

— Я хотел бы поговорить наедине, господин капитан.

Капитан Георгиу понял, что лейтенант Тымплару не хочет говорить в присутствии Ули. Он взглянул на него, но Уля показал ему знаком, что желает обязательно остаться.

— Можешь говорить, Тымплару! С завтрашнего дня Уля будет работать во Втором отделе.

— Господин капитан, я пришел доложить вам о двух вещах, но не знаю, с чего начать.

— Начинайте с того, что кажется вам наиболее важным.

— В том-то и состоит трудность. Оба сообщения мне кажутся серьезными.

— Тогда начинай с того, что приходит прежде на ум.

— Господин капитан, мои люди не решаются стоять в карауле на посту № 6.

— А что это за пост № 6?

«— Охотничий домик, канцелярия управления штаба.

— А почему они не решаются?

— Они боятся русалки, господин капитан. Русалки с озера!..

— Послушайте, лейтенант! Вы думаете, что у меня есть время слушать ваши сказки? Что за чертовщина! Не в средние же века мы живем!

— Разрешите объяснить вам, — возразил задетый тоном капитана лейтенант Тымплару. — Разумеется, мы живем не в средние века, но, вероятно, мои люди поняли это еще не до конца.

— Хорошо, я вас слушаю!

— Вчера ночью на посту № 6 во второй смене стоял солдат Марин Приколе. Он из Буковины, из гуцульского края. Так вот. Когда пришли его сменять с поста, то нашли его лежащим на земле без чувств. Поначалу кап-рал, начальник караула, думал, что он мертв, и хотел было бить тревогу. Потом увидел, что солдат лежит без сознания. К го внесли в караульное помещение и облили водой. Когда он лршпел в себя, что, вы думаете, он рассказал? Он рассказал, что увидел на озере русалку.

— Может быть, ваш солдат не в своем уме? — спросил капитан Георгиу, делая вид, что понятия не имеет о событиях, происходивших минувшей ночью на озеро.

— Он не сумасшедший, господин капитан. Я уже объяснил вам, что он гуцул, а кроме того, перед тем как заступить на пост, он слышал одну историю, которая, видимо, подействовала на его воображение.

11 лейтенант Тымплару рассказал вкратце историю, уже знакомую нашему читателю.

— Конечно, никакой русалки там не было. Но я не думаю, что бедняга Марли Приколе упал в обморок только оттого, что ему померещилась русалка. Мне кажется, что за русалку он принял «хозяйку замка», которой взбрело в голову прогуляться ночью в лодке по озеру...

У ля вежливо прервал его:

— Извините, господин лейтенант, что я прерываю вас. Но из чего вы заключили, что предполагаемая русалка на самом деле была «хозяйкой замка»? Разве караульный на посту Л» 2 видел, как она выходила из замка?

Вопрос этот поставил в затруднительное положение лейтенанта Тымплару.

— Часовой с поста № 2 не видел ее выходящей из дому.

— Как же тогда она могла попасть на озеро?

— Во всяком случае вы должны согласиться, Уля, что русалок не существует и как бы человек ни был склонен верить в сверхъестественные силы, не могла же ему русалка померещиться ни с того ни с сего, даже ночью.

— Это правда!—признал капитан Георгиу, который понимал, что предположение лейтенанта Тылшлару вполне основательно.

— Но, господин капитан, я пришел к вам, чтобы рассказать не только об отом. Должен доложить, что один человек нашелся и выразил желание стать на ноет № 6. Это олтен, который посмелее самого Ивана Турбинки.¹ Если бы он даже наткнулся на сатану, и то не побоялся бы схватить его за горло и надавать по задку. Я пришел спросить вас, что прикажете делать? Если «хозяйке замка» придет охота еще раз прогуляться по озеру, приказывать моему Ивану Турбинке арестовать ее?

— Кто его знает, Тылшлару? Она ведь не в своем уме. Еще напугается, бедняга, и может сделать с собой что-нибудь. Будет ее жизнь у нас потом на совести!..

— Верно, господин капитан!—счел нужным поддержать его Уля. — Разве она кому-нибудь приносит вред своими прогулками по озеру, эта бедная умалишенная?

— Я об этом тоже подумал, господин капитан, поэтому и пришел узнать ваше мнение.

— Тогда договорились. Оставьте ее в покос. Что вы еще хотели мне сказать?

— Сегодня, проверяя караульное помещение, я обнаружил, что солома в матрацах для офицеров и солдат штаба посекалась, сваялась, и приказал коменданту поменять ее. Он послал своих людей на гумно. Один из них, Димофте, такой лентяй, каких ие сразу сыщешь... Он дошел до стога со старой соломой и, не желая больше сделать ни одного лишнего шага, стал рыться, чтобы набрать не очень гнилой соломы. И вдруг наткнулся на переднее колесо мотоцикла. Пока он весь мотоцикл раскопал, стало темно. Остальные давно закончили свое дело. Димофте, хоть и лентяй, по не дурак. Увидев, что дело здесь нечисто, он доложил о своей находке мне.

— Это значит, что иногда и лентяй может принести пользу, — пошутил капитан Георгиу.

¹ Олтои — житель Олтсаии. Иван Турбинка — герой румынской сказки.

— Это еще не всё, господин капитан. Мотоцикл военный, у коляски есть приспособление для установки пулемета. Од несомненно немецкого происхождения. Отстегнув клеенчатую покрывку, Димофте нагнел в коляске автомат, бидон с бензином и маслом. Я думаю, что надо бы допросить по этому поводу нашего почтенного управляющего. Убежден, что он мог бы нам кое-что рассказать о том, как попал мотоцикл в стог соломы.

Капитан Георгиу и Уля многозначительно переглянулись. Потом Уля спросил:

— Господин лейтенант, кроме вас, Димофте рассказывал еще кому-нибудь о мотоцикле?

— Насколько я знаю, нет! Я ведь говорил вам, что Димофте лентяй, но парень неглупый.

— Где он теперь?

— Я его взял с собой. Он ждет за дверью. Я подумал, господин капитан, что, может быть, вы захотите задать ему пссколько вопросов?

Капитан Георгиу по взгляду Ули понял, что ему следует поговорить с этим Димофте.

— Позовите его, пожалуйста!

Когда лейтенант Тымплару вышел, Уля сказал капитану Георгиу:

— Господии капитан, находка Димофте мне кажется очень серьезной. Но я не думаю, что солдат скажет нам больше того, что мы узнали от лейтенанта. Задайте ему несколько вопросов для отвода глаз. Обратите внимание этого Димофте, что, если он кому-нибудь расскажет о мотоцикле, ему несдобровать. Я уверен, что это предупреждение заставит его молчать. Ничего не говорите Тымплару о задании, которое собирается ему дать. Мы его вызовем через два часа и введем в курс дела. Подумайте, кого еще из надежных людей можно подготовить? Мне кажется, что нам понадобится несколько человек. Думаю, что я теперь здесь не нужен и могу уйти.

Спустя несколько мипут, пока капитан Георгиу делал вид, что слушает рассказ солдата Димофте, Уля спешил к гумну. Там он действительно пашел мотоцикл, который Димофте прикрыл слоем соломы. Большим камнем, который ему не пришлось долго искать, Уля разбил бак с бензином и, весьма довольный, спрятал мотоцикл на старое место.

„ЗПАДЛ НК УПДКТ В ПОЛНОЧЬ“*

Лил дождь. Один из тех холодных, нескончаемых дождей, которые вместе с порывистым ледяным ветром предвещают приближение зимы. Непроницаемым мраком окутана была вся земля. В замке царила глубокая тишина. Во всех отделах свет был погашен. Работа прекратилась в одиннадцать часов вечера. Лампы горели только в комнате дежурного офицера и рядом, в комнате дежурного писаря. Дверь между ними была открыта, и писарь Мокапу Григорс, который сидел за столом, мог видеть дежурного офицера, капитана Смеу, возбужденно ходившего по комнате, заложив руки за спицу.

Мокану Григоре имел все основания быть недовольным капитаном Смеу. Дело в том, что если для всех остальных писарей дежурить по штабу значило выполнять не очень приятную обязанность, то для тех, кто работал в Первом и Третьем отделах, это было настоящим отдыхом. Дежурный по штабу в спокойную ночь вполне мог передохнуть от обычных дел. Обязанности у него были несложные: ответить на телефонные звонки, принять телефонограммы от частей и расписаться в приемке и сдаче дежурства. Обычно до полуночи, когда части начинали передавать телефонограммы, и потом — со второй половины ночи и до утра, писарь, дежуривший по штабу, мог спокойно подремать.

Поэтому, принимая дежурство, Мокапу Григоре пришел в несвойственное ему хорошее настроение. Он рассчитывал, что до полуночи сможет поспать, в то время как остальные будут работать в отделе. Но в эту ночь ему не повезло. Во-первых, как назло, работа в Первом отделе прекратилась очень рано — в половине одиннадцатого, так что дежурство не давало ему никаких преимуществ, а во-вторых, офицер, с которым ему пришлось дежурить, капитан Смеу, страдал, по всей вероятности, бессонницей. Вот уже скоро полночь, а капитан, вместо того чтобы прилечь, ходит и ходит как одержимый из одного угла комнаты в другой.

«Что это с 4(им стряслось?» — думал дежурный писарь, чувствуя, как у него слипаются глаза.

Конечно, если бы дверь между комнатами была закрыта, он бы положил голову на стол и задремал на часок. Он и хотел ее закрыть под тем предлогом, что теле-

онные звонки тревожат господина капитана, но капитан Имеу не позволил этого сделать.

— Оставьте ее открытой, — сказал он. — Я еще по собираюсь ложиться.

— Как угодно, господин капитан!

Время тянулось чертовски долго!.. Клонило в сон, чадная жилка, как свинцом, была налита усталостью. Гишкна, царившая в доме, угнетала. Со двора непрерывно доносился шум дождя, и ветер посвистывал в трубе, как >удто стояли зима.

Мокану Григоре начинал дремать, потом делал над •бой усилие, поднимал тяжелую голову со стола, но аере.3 минуту снова засыпал. Капитан Смеу ходил, не •бращая внимания на своего помощника. Изредка он мотрел на часы, хмурился и снова начинал ходить, слов- [о торопился куда-то.

В тот самый момент, когда писарь совсем было заснул, ромко зазвонил телефон, заставив его вскочить как шпаренного:

— Дежурный писарь сержант краткосрочной службы локапу Григоре. Слушаю вас!

— У телефона капитан Георгиу. Дайте мне господина апитаиа Смеу!

Мояпу Григоре не пришлось звать дежурного офиера, так как тот уже стоял возле пего.

— Это ты, Смеу? — ясно услышал Мокану Григоре*

— Я.

-- Ну как, ничего?

— Пока ничего!

— До полуночи еще есть время.

— Знаю.

— Привет!

— Привет!

Хотя разговор этот был очень коротким, но он совершило рассеял соп Мокану. Не в привычках капитана Гс-ригу было беспокоить себя но ночам только для того, гобы узнать у дежурного офицера, не случилось ли чего-«ябудь необычного. Мокану не раз приходилось дежурить, этого никогда еще не случалось. Впрочем, и ответ капи-Іна Смеу был довольно многозначительным: «Пока ни- >го!» Это значит, что штаб осведомлен о каких-то важ-ых событиях, которые должны произойти в эту ночь. ;роятно, гитлеровцы готовятся к атаке. Перспектива лот-

ной атаки противника расстроила дежурного но штабу еще больше. Он знал по опыту, что это значит: бессонная ночь, десятки телефонных звонков, донесение за донесением, приказы и распоряжения командования.

— Черт побери! — выругался он с досадой. — Ну и наказание на мою голову. Л завтра придется снова запрягаться.

Во дворе послышались мерные шаги... Шла смена караула... Наступила полночь!..

— ...Произвести смену! — раздалась сквозь шум дождя отрывочная команда начальника караула.

Шаги удалились. Некоторое время Мокану слышал, как новый часовой ходил взад и вперед под аркой главного подъезда.

«На этого хоть дождь не льет, — подумал он, — но остальные...»

Во втором этаже также послышались шаги повой оме-лы караульных. Менялся часовой, охранявший кабинет генерала. Так уж было установлено, что солдаты из караульной команды, сменив часового у главного входа, поднимались на второй этаж черным ходом, чтобы не испачкать грязью мраморных ступеней главной лестницы. Одновременно менялись часовые у обеих дверей.

«Сейчас начнут трезвонить из частей», — вздохнул дежурный, пробуя свое перо на чистом листе бумаги и заглянув на всякий случай в чернильницу.

Капитан Смеу перестал ходить. Заложив руки за спину, он стоял возле окна и смотрел в темный двор. Носком левой ноги он легко постукивал по полу, словно отбивая такт какой-то мелодии, которую напевал про себя.

«Что-то уж очень он нервничает», — заметил Мокану Грпгоре, поднимая трубку, чтобы ответить на вызов.

— Кто вызывает? — спросил капитан Смеу, подойдя к двери.

— «Тротуш», господин капитан!

— Хорошо! Узнай, чего он хочет.

В то время как Мокану Грпгоре записывал донесение из части, во втором этаже, в библиотеке, происходило нечто необычное.

Нижняя часть стеллажа, покрывавшего стену слева, стала медленно сдвигаться в сторону. Уатем пришла в движение стена, скрытая книжной полкой. Это была по-

тайная дверь, которая открывалась с помощью хитроумной пружины.

В проходе показался человек. Он пригнулся, чтобы пройти под книжную полку, и секунду спустя оказался в библиотеке. Стряхнув с одежды пыль, он подошел к двери, приложил к ней ухо и внимательно прислушался. Так же, как и в библиотеке, в коридоре царила гробовая тишина. Удовлетворенный тем, что ни один звук не нарушал ночного покоя, человек вынул из кармана ключ, вставил его в замочную скважину и, соблюдая осторожность, повернул. Ни ключ, ни замок не издали ни малейшего звука, как будто они были заранее смазаны. Дверь открылась — и человек вышел. Не зажигая фонаря, он двинулся по коридору и, сделав не более пяти шагов, остановился перед соседней дверью. Чуть приоткрыв ее, он бесшумно проскользнул в комнату и только там облегченно вздохнул и вытер лоб, покрытый каплями пота. Потом зажег фонарь, но тотчас погасил, пробормотав какое-то ругательство. Окна комнаты, завешенные маскировочной бумагой, были открыты, и, прежде чем зажигать свет, надо было их закрыть.

Человек закрыл одно окно и хотел было подойти к другому, но в это время послышался короткий шелчок. Яркий электрический свет залил комнату, а насмешливый голос заставил неизвестного застыть на месте:

— Звезда не упадет в полночь, господин старший сержант Доробыщ. Руки вверх!

Только на одну секунду старший сержант Доробыщ потерял самообладание. В следующее мгновение он повернулся и молниеносно метнул в направлении, откуда раздался голос, нож с длинным узким лезвием, который держал наготове в рукаве. То ли предвидя этот удар, то ли повинувшись инстинкту, Уля опустился на корточки, и нож вонзился глубоко в дверь над его головой. Несколько секунд нож звенел словно дрымба.¹

— Спокойно, господин старший сержант. И поднимите руки вверх! Советую не делать глупостей, иначе вы получите пулю в лоб.

Вне себя от ярости старший сержант подчинился. Глава его горела ненавистью и злобой. Если бы они обладали

¹ Д р ы м б а — румыпекый народный музыкальный инструмент.

способностью убивать, Уля Михай был бы сражен с первой же секунды.

— Ты, именно ты!— прошептал, сжимая кулаки, старший сержант. — Если бы я только знал!

— Вы бы расправились со мной так же, как с беднягой Томеску, не так ли?

— Кто же ты в конце концов?

— Какое это имеет значение! Важно, что вам не удалось меня провести. Вам и вашим сообщникам.

— У меня нет сообщников. Я работал один.

— К чему эти слова? Я начинаю серьезно сомневаться в том, что характеристика, данная вам в вашей карточке агента Лбвера, соответствует действительности. Среди других качеств, которые признают за вами, там значится и ум. Если вы действительно умны, то должны попятить, что я не обнаружил бы вас, если бы предварительно не распознал ваших помощников.

Старший сержант казался совершенно разбитым. Вдруг

исчезло его обычное высокомерие. Последняя надежда на спасение сообщников рухнула. Он спросил, пытаясь сохранить обычный тон превосходства:

— Ты долго меня будешь держать с поднятыми вверх руками? Они у меня немеют.

— Простите, пожалуйста, — ответил Уля. — Еще несколько секунд. — И, не спуская глаз со шпиона, он поднял телефонную трубку:

— Свяжите меня с дежурным офицером... Господин капитан Смеу?.. Да, это я! Всё в порядке! Прикажите двоим подняться сюда. Вы также придете, не так ли?

Капитан Смеу был в коммате через несколько секунд. Когда он увидел перед собой старшего сержанта Доробыца, он был совершенно ошеломлен:

— Как, ото он?

Старший сержант не поднимал глаз. Он был мертвенно бледен.

Уля попросил к телефону капитана Георгию:

— Господин капитан, птица попалась в клетку!

Когда явился и капитан Георгию, Уля обратился к офицерам:

— Я пока оставляю его на ваше попечение. Надеюсь, что буду отсутствовать недолго. Вы, господин старший сержант, можете меня заранее поблагодарить: я постараюсь вернуться вместе с особой, общество которой несомненно доставит вам удовольствие.

После этого Уля Мпхай вышел из кабинета, где размещался шифровальный отдел, в таком великолепном расположении духа, какого давно уже не испытывал.

Как он и ожидал, дверь в библиотеку была открыта. Он вошел туда и при свете фонаря в течение нескольких секунд осматривал потайную дверь в стене. Потом, просунувшись в нее, держа пистолет наготове, стал подниматься по крутой, почти отвесной деревянной лестнице. Поднявшись в очень узкий коридор, который шел параллельно Гстлерее второго этажа, Уля достиг высокого узкого помещения с одной дверью, через которую он и вышел. Отсюда лестница вела прямо на чердак. Уля быстро поднялся по ней. До сих пор всё шло по плану, но куда теперь надо свернуть, чтобы попасть в башню? Ведь именно из башни спустился вниз, в библиотеку, Доробыц!

Постояв несколько секунд, Уля решил идти прямо. Эта дорога привела его к тяжелой дубовой двери. Открыв

ее, оя оказался па балкончике, к которому вела черная лестница замка. По этой лестнице обычно спускалась «хозяйка замка», отправляясь в оранжерею. Напротив двери чердака Уля увидел другую дверь, несомненно ведущую в банилю. Он находился на верном пути. Доробыц ничем не рисковал, пробираясь из башни на чердак. Часовые стояли лишь внизу, у входа со двора и в холле первого этажа.

«Проклятье, они могли здесь разыграть своп номер, и никто этого так бы и не узнал», — подумал с досадой Уля.

Открыв дверь, он стал подниматься по винтовой лестнице в башню, стараясь не шуметь. Лестница была небольшая. Поднявшись наверх, он попал в одну из смежных комнаток башни. В первой комнате было темно, вторую освещала керосиновая лампа. «Хозяйка залжа» полулежала в качалке. Глаза ее были закрыты.

Когда Уля сделал несколько шагов, «хозяйка замка» легко вскочила, полагая, видимо, что ото вернулся Доробыц, но, встретившись взглядом с Улей, невольно вскрикнула. Может быть, если бы она не заметила пистолета в его руке, она могла бы думать, что имеет дело с обыкновенным солдатом, проникшим к ней, по пистолет заставил ее думать иначе. Однако она ничем не выдавала себя, предпочитая делать вид, что не понимает, зачем солдат с пистолетом явился в ее жилище, и только когда Уля заговорил с нею по-венгерски, «хозяйка замка» поняла, что погибла.

— На каком языке вы предпочитаете объясняться? На том, которым я пользуюсь сейчас, или на немецком? Насколько я знаю, этот язык вам также хорошо знаком.

Рассчитывая, что Доробыц с минуты на минуту вернется сюда и спасет ее, «бедная барышня гувернантка» решила сыграть свою обычную* роль. В глазах ее вдруг появился безумный страх и, опустившись на колени, она стала ломать руки, безмолвно шевеля губами, но не произнося ни слова.

— Bravo!.. Отлично!.. Только со мной этот номер не пройдет. Зря с^раетесь, голубушка.

«Хозяйка замка» на какой-то миг заколебалась. Видимо, она никак не могла решить, продолжать игру или последовать совету Ули. В конце концов она выбрала нечто среднее, упав на ковер лицом вниз и продолжая

искусственно рыдать. Таким образом она выигрывала время.

— Вы арестованы! Следуйте за мной.

На этот раз дрожь, охватившая ее плечи, была не-притворной. Если этот солдат собирается ее арестовать, значит тот, другой, пойман и выдал ее. Она спросила вы-зывающе, но не очень уверенно:

— Вы меня арестовываете? Скажите, пожалуйста, за что?

— Л вы и не подозреваете? — спросил У ля с откro-венной насмешкой.

— Я не чувствую за собой никакой вины.

— Я арестовал старшего сержанта Доробыца в шифро-вальном отделе штаба. А сюда я пробирался тем же пу-тем, которым шел вниз ваш сообщник. Вам достаточно этого?

— Я впервые слышу это имя. Кто этот человек, о ко-тором вы говорите?

— Что этого его имени вы не знаете, вполне возможно, но зато вы очень хорошо знаете его самого. Полчаса тому пазад он был здесь. Вот на стуле его плащ. Я могу еще кое-что напомнить вам. Человек, о котором я вам говорю, встретился с вами вчера в парке на берегу озера. Вы пе-редали ему свое письмо. Теперь вы вспоминаете, краса-вица?.. Да, кстати, каково ваше настоящее имя? Ваш поч-тенный соратник, управляющий этим замком, утверждает, что вас зовут Марта и что вы гуверьянтка графа Андроса Коморомп.

«Хозяйка замка» не отвечала.

— Вы не хотите мне отвечать?

— Что я могу вам ответить?

— Ладно. Тогда идемте!..

— Куда вы хотите меня вести?

— Пока до второго этажа. Ваш приятель, с которым вы встретились прошлой ночью в парке, ждет вас.

— Хорошо, но я не могу идти в таком виде. Оставьте меня одну на несколько минут, чтобы я могла что-нибудь надеть на себя.

— Нет, голубушка, я не так глуп, как вы думаете. Советую вам накинуть сверху плащ, который висит на стуле. Подождите минуту, я только должен взглянуть, не спрятана ли у вас в карманах какая-нибудь опасная иг-рушка. Всё в порядке. Пожалуйста! — «Хозяйка замка»

набросила на домашнее платье плащ. — А теперь вперед, сударыня!.. Я следую за вами.

Пока Уля Михай поднимался в башню, чтобы арестовать «хозяйку замка», младший лейтенант Паракивеску собирался сделать то же самое с Некулаем Тупицей.

Он получил указание от капитана Георгиу не спускать с Пекулая глаз, но не арестовывать его раньше часа ночи.

Параскивееку действительно не спускал со своей жертвы глаз целый вечер. После ужина, в то время как остальные доищики готовились ко сну в общей комнате, Некулай Тупица отправился к дому управляющего, где оставался почти до полуночи. Когда он вышел оттуда, дождь лил как из ведра. Но, вместо того чтобы пойти лечь спать, Некулай, пробравшись незаметно под носом у часового, стоявшего на посту № 6, прошел в глубь парка к небольшой беседке. Там он укрылся от дождя. Зато Параскивееку, всё время следивший за ним из-за деревьев, не переставал проклинать дождь, который не прекращался ни на минуту и промочил его насквозь. Он дрожал в своем тоненьком плаще так, что зуб на зуб не попадал. Хотя

бы он мог видеть, что делает Некулай в беседке! Но их окружал густой мрак.

Впрочем, Некулай Тулица ничего особенного в беседке и не делал. Он смотрел наверх — туда, где находилась башня замка, и ждал. Он ждал, когда появится свет в одном из окон башни. Время тянулось невыносимо тягостно, томительно, и Некулай от нетерпения грыз себе ногти.

Справа и слева от него слышались голоса часовых*

— Стой! Кто идет?

- Начальник караула!

— Пароль?

Происходила смена часовых.

«После смены!» — сказал себе Некулай Тупица.

Он отгрыз уже все когти и взялся за пуговицу шинели, которая прикреплена была тонкой проволокой. Оборвать проволоку он по смог, зато ему удалось вырвать клоч шерсти, и пуговица оказалась у него в руках. Он вырублей и 01 бросил ее прочь.

Прошел еще час, но в башне огонь так и не появился. И вдруг глубокая тревога охватила его. Это не было то неясное беспокойство, которое часто приходило к нему. Инстинктом человека, который живет под постоянной угрозой и чутье которого обостряется, как у хищных зверей, издавелека чующих приближение врага, Некулай Тупица понял, что ему грозит опасность. Бросив последний взгляд на башню, он покинул свое укрытие.

Некулай Туница знал о существовании мотоцикла, спрятанного в стоге соломы. Он предназначался для одного из членов диверсионной группы на случай, если план был бы успешно завершен. Но, когда тонет корабль, каждый спасается как может. Пускай тот, другой, сам думает о своем спасении. Покинув беседку, Некулай направился к гумну.

Едва он сделал несколько шагов, как младший лейтенант Параскивеску ослепил его светом фонаря:

— Откуда ты, Некулай?

Некулай Тупица заметил, что младший лейтенант держит фонарь в левой руке, а правая спрятана в кармане плаща.

— Погасите фонарь, господин младший лейтенант, а то вы меня ослепляете. Я сейчас вам всё скажу.

Параскивеску неревел луч фонаря в сторону от лица Некулая Туницы.

— Ну. Но кула и! Скажешь ты мне, откуда идешь и такой час? Если бы мы стояли в какой-нибудь деревне, я бы подумал, что ты возвращаешься от молоденькой вдовушки*

Н скула и Тупица вздохнул,

— Это целая история, господин младший лейтенант*

— Не может быть! О какой истории идет речь?

— А разке вы не слышали, о чем рассказывают люди? Пудто на этом озере русалка водится. Что вы скажете на такую глупость? Я, господин лейтенант, не скажу про себя, что я очень уж умен, но и не так я глуп, чтобы поверить в эту ченуху. Но кое-какие сомнения у меня всё-таки были. Увидев, какая стоит погода, я решил: «Вот подходящее время для прогулки русалки. Пойду-ка я на нее посмотрю. Появится — хорошо! Значит, есть па свете русалки! Нет — значит, всё это выдумки».

— Ну и как, показалась тебе русалка?

— Откуда ей взяться, господин младший лейтенант! Если я услышу, что еще кто-нибудь будет болтать про нее, ей-богу, я плюну ему в глаза! Ну, а теперь я пожелаю вам покойной ночи и отправлюсь спать. Пойду по этой дороге, она ведет прямо к дому, не правда ли?

— Нельзя, Некулан. Ты должен идти со мной!

— Куда, господин младший лейтенант?

— А я тебе покажу русалку, миленький. Хочу тебя убедить, что они действительно на свете существуют. — И добавил уже совсем другим тоном: — Руки вверх, и вперед марш! Не пробуй делать глупостей, буду стрелять!

Чувствуя дуло пистолета у самой своей спиты, Некулай Тупица подчинился. Понимая, что игра проиграна, он уже не считал нужным переделывать свою походку.

В ту минуту, когда Некулай Тупица двинулся к замку в софовеждеши младшего лейтенанта Параскивоску, тишину ночи разорвала очередь из автомата. Ей ответили два выстрела из винтовки и один из пистолета. Потом снова послышалась автоматная очередь и снова выстрелы из винтовки и пистолета. В течение нескольких минут шла оживленная перестрелка, как будто вступили в бой передовые дозоры. Церестрелка закончилась взрывом гранаты.

Задача лейтенанта Тымплару, по замыслу самая легкая, оказалась самой трудной.

Капитан Георгиу дал ему следующие указания:

— Пошлете двух-трех надежных людей к стogu со-

ломать. Сами возьмете с собой несколько человек и будете охранять дом управляющего. Если увидите, что он выходит из дому, не препятствуйте, пусть идет куда хочет. А захочет он пойти к мотоциклу. Вот там его и надо арестовать. Если до часу ночи он не выйдет, вы должны его взять в доме.

Лейтенант Тымплару точно соблюдал все указания. Он послал к стогу соломы трех отборных солдат, а сам вместе с другими тремя бойцами окружил домик управляющего.

В указанный капитаном Георгиу час, видя, что управляющий не собирается выходить, Тымплару постучал к нему в дверь.

— Кто там? — спросил несколько мигот спустя управляющий из-за массивной дубовой двери.

— Господин офицер хочет с вами поговорить, — объяснил ему солдат, которого Тымплару взял в качестве переводчика. — Открывайте.

— Л что нужно от меня твоему офицеру ночью?

— Откройте и тогда узнаете!

— Подождите секунду, я схожу за ключом.

Управляющему показался подозрительным ночной визит офицера, которого сопровождал вооруженный солдат. Он увидел их в дверной глазок и решил бежать через одно из окон с другой стороны дома. С автоматом на груди он перелез подоконник и только хотел спрыгнуть во двор, как услышал окрик:

— Стой! Руки вверх!

Хотя управляющий не знал ни одного румынского слова, он без труда понял, чего от него требуют. У дверей офицер в сопровождении вооруженного солдата, здесь, позади дома, — другой вооруженный солдат, значит дом окружен и офицер пришел его арестовать. Понимая, что спастись невозможно, управляющий решил дорого отдать свою жизнь. Он выстрелил в солдата и ранил его. Потом забрался обратно в комнату и стал следить за тем, что происходит во дворе. Один из солдат попробовал подползти к нему. Управляющий выстрелил в него, быстро подбежал к другому окну и дал наугад в темноту несколько очередей из автомата. Так, перебегая от одного окна к другому, выпуская короткие очереди, он пытался помешать солдатам лейтенанта Тымплару подойти вплотную к домику. Однако несколько минут спустя граната, метко брошенная лейтенантом, взорвалась у ног управляющего.

УЗКІ РАЗВЯЗАН

Когда генерал Попипкариу Марнус появился в комнате, офицеры встали, приветствуя его. Он предложил им сесть и занял свое место у стола. Справа от генерала неподвижно сидел высокомерный и угрюмый начальник штаба подполковник Барбат Георге, невозмутимо перелистывавший страницы дела, лежавшего перед ним. Слева капитан Георгиу беспокойно приглаживал волнистые каштановые волосы. По другую сторону стола капитан Смеу, скрестив руки на груди, смотрел через голову капитана Георгиу на гвоздь, вбитый в стену, на котором когда-то висела картина. Возле него примостился младший лейтенант Параскивеску, который робко поглядывал на командира дивизии. Лейтенант Тымплару взволнованно потирал под столом руки. Рядом с ним Уля Михай рассеянно перелистывал записную книжку с разного рода пометками.

Генерал Попинкарпу Мариус обвел всех серьезным, почти торжественным взглядом. Когда глаза его встретились с глазами Ули, он улыбнулся ему теплой, дружеской улыбкой. Но тотчас снова принял серьезный вид и начал свою речь:

— Господа, от имени господина генерала командующего армией и от себя лично я позволю себе поздравить господина Улю с великолепной победой, которую он одержал, и с тем успехом, который он принес нашей контрразведке. Я должен также поздравить тех из вас, которые в большой или меньшей мере помогали ему в достижении этой победы. Лбвер получил серьезный удар. Он потерял четырех своих лучших агентов и не сумел осуществить тщательно разработанную операцию. К ударам, которые получили гитлеровцы на июле боя, добавлен еще один, нанесенный врагу нашей службой контрразведки. Мы доказали им, что можем их бить не только оружием, но и нашим умом и проницательностью. Разумеется, это было легким делом. Вы все это знаете. Не так ли, господин Уля?

— Действительно, — признал тот, — дело было не из легких. Долгое время пришлось идти ощупью, в темноте. Было сделано немало опрометчивых шагов, но в конце концов нам удалось достичь цели. •

— Очень хорошо, что вы вспомнили о поисках «в темноте». О них-то мне и хочется поговорить. Я не анаю всех подробностей, поэтому мне трудно связать между собой все этапы этой тайной битвы. Мне хотелось бы только знать, как вам удалось выйти из всех затруднений и найти объяснение очень противоречивым фактам.

— Господин генерал, — взял слово Уля, который не переставал ни на секунду перелистывать свою записную книжку, пока говорил командир дивизии, — чтобы объяснить всё, мне придется начинать сначала.

Вам известно, что в определенный момент Лбвер начал интересоваться нашей шифровальной машиной и что местом проникновения к ее тайнам он избрал штаб вашей дивизии. Наша особая служба контрразведки, узнав об этом, послала меня сюда помочь вашему Второму отделу.

Первый вопрос, который я задал себе, был: в какой службе или в каком отделе штаба скрывается агент врага? С самого начала я исключил шифровальный отдел, потому что предположить, что агент сумел проникнуть в среду шифровальщиков, значило заранее признать, что Абвер уже владеет секретом этой мапнгаы, так как сама по себе передача секрета на ту сторону не представляла особой трудности.

— И всё-таки вы подозревали некоторых из ваших товарищей по отделу, — заметил генерал.

— Да, некоторых я подозревал. Но это было ошибкой. Какие факты заставили меня совершить такую ошибку? Их было несколько. Во-первых, ситуация, которую я застал по приезде в дивизию: схваченный вражеский диверсант покончил жизнь самоубийством, шофёр с машины шифровального отдела застрелен. В ближайшие дни после моего приезда произошли следующие события: исчезла фотография из моей солдатской книжки; исчезла и вновь появилась фотография из солдатской книжки Бурлаку; выяснилось, что Барбу пользуется картами, которых не было в продаже в нашем тылу, кроме того, сам он, по имевшимся данным, также бывал в Берлине; прелестная Катюшка заманила меня в ловушку с явным намерением отправить на тот свет.

Вот перечень происшествий, запутанных и часто противоречивых, которые ввели меня в заблуждение и заставили подозревать и своих товарищей по шифровальному отделу. Пытаясь найти ответ на вопрос, как может агент

врага добраться до шифровальной машины, я рассуждал так: либо он сам попробует это сделать, либо с помощью одного из тех, кто работает с шифровальной машиной. Добраться до машины ему было очень трудно, во всяком случае не менее трудно, чем найти сообщника среди шифровальщиков. В этом-то и крылось мое заблуждение. Потому что, например, подозревая Бурлаку, я стал видеть в нем сотрудника агента Абвера. Эта мысль пришла мне в голову после того, как я увидел в его солдатской книжке фотографию, которая якобы исчезла, по его словам, некоторое время тому назад. Первая ошибка повлекла за собой вторую. Пропажу фотографии из своей солдатской книжки я объяснил следующим образом: агент, подозревая меня, поручил Бурлаку похитить карточку, чтобы отправить для опознания и выяснения, не являюсь ли я сотрудником контрразведки.

На самом деле всё было иначе. Шпионы искали своего союзника среди тех, кто находился «внутри крепости», но они были достаточно умны, чтобы понять, что им не удастся найти такого союзника среди шифровальщиков, не удастся найти человека, который добровольно бы согласился им помогать. Тогда они решили найти среди них человека, который вынужден будет стать их союзником сплосу обстоятельств. Они начали изыскивать в прошлом сотрудников шифровального отдела темные пятна, постыдные страницы жизни, для того чтобы путем шантажа заставить такого человека плясать под свою дудку. Этим и объясняется пропажа фотографий. Вы должны знать, что Некулай Тупица похитил фотографию не только у меня, но и у всех остальных шифровальщиков.

Я сделал неверный шаг, согласившись на арест Барбу. Правда, к этой ошибке меня толкнула решительность капитана Смеу. Хорошо, что этот арест не мог быть осуществлен благодаря тому, что к этому моменту Барбу уже выбыл из игры.

— Я ошибался, настаивая на его аресте, — сказал капитан Смеу, — но был прав, считая его виноватым.

— Верно, господин капитан, по с одной поправкой: Барбу был виноват только в том, что согласился дезертировать. Но он нисколько не повинен в тех делах, за которые мы решили его арестовать.

Начальник штаба, который, казалось, и не слушал всего этого разговора, неожиданно спросил:

— Как же объяснить тот факт, что они упустили из рук такой козырь, как Барбу?

— Дело в том, что они вынуждены были упустить его из рук. Причин к тому было три. Первая — неудачная попытка Германа изменить первоначальный, утвержденный полковником Карлом, план действий. Эта попытка привела к аресту лжерегулировщика. Она же заставила обоих агентов, действовавших в штабе дивизии, убить шофёра Пантелеймона. Второе: попытка покушения на меня, затеянная Катушкой и ее почтенным семейством. Наконец самое главное: тот факт, что младший лейтенант Войнягу узнал в Доробыще старого агента гестапо. Доробыщу не повезло, и он вынужден был застрелить Войнягу.

Вот как происходили эти события:

Доробыщ не лгал, когда на допросе заявил, что пошел открыть окно, чтобы проветрить свой кабинет. Но именно в этот момент проходил по шоссе младший лейтенант Войнягу в сопровождении Томеску. Войнягу узнал в Доробыще агента гестапо и стал немедленно прощаться с Томеску, чем немало его удивил. Обидчивый по натуре, Томеску принял это неожиданное прощание как оскорбление и ушел обиженный.

Младший лейтенант Войнягу подождал, пока Томеску скрылся, и повернул обратно. Но Доробыщ не сидел сложа руки. Понимая, что его ждет, он взял винтовку сержанта Тондики и поднялся на чердак. Оттуда он увидел младшего лейтенанта Войнягу, который спешил к штабу. Дав ему пройти немного дальше, Доробыщ выстрелял.

Вы хотите знать, зачем он убил и Томеску? Доробыщ объясняет это так: они заинтересованы были в том, чтоб Второй отдел сразу же нашел убийцу младшего лейтенанта Войнягу. Им нужно было усыпить бдительность Второго отдела. Разумеется, лучшим выходом был бы арест Томеску. Но Доробыщ понял, что, несмотря па его ложное показание, не было веских оснований для осуждения Томеску. И тогда он решил оказать пажим па капитана Георгиу, заставив его считать Барбу виновником убийства Войнягу.

— И всё-таки, — настаивал начальник штаба, — я не понимаю, почему они толкнули на гибель Барбу. Если они могли перебросить его на ту сторону, задача была бы выполнена, и здесь, в замке, не понадобилось бы сосредоточивать агентурную группу из четырех человек. С дру-

гой стороны, если они действительно решили пожертвовать им, то почему предварительно не заставили раскрыть им секрет шифровальной матшшы?

— Господин подполковник, допрашивая Доробыца, я спросил его и об этом» Оказывается, они боялись, что Второй отдел решит, будто Барбу удалось благополучно перейти линию фронта и генеральный штаб перестанет пользоваться шифровальной машиной и существующими кодами» Тогда вся задуманная операция оказалась бы лишённой всякого смысла. «Нам жалко было трудов, потраченных на поиски путей к шифровальной машине, я не говорю уже о риске, который был с этим сопряжен», — сказал Доробыц. Как видите, Доробыц предпочитал рисковать и дальше своей лшзны и жизнью остальных агентов, но не ставить под удар хорошо задуманный план.

— Вы полагаете, что Второй отдел мог прийти к заключению, будто Барбу успешно перешел линию фропта?

— Доробыц считает, что именно так могло случиться. Он рассуждал достаточно логично: Барбу исчез после убийства Войнягу и Томеску. Чтобы Второй отдел счел и его убитым, должен быть обнаружен его труп. Если тело никто не найдет, значит, Барбу не погиб. Где же он? Естественно подозрение, что он, виновник гибели двух наших людей, перешел линию фронта. Если же Барбу убит при переходе фронта, то все подозрения падут па него и вместе с его гибелью розыск агента Абвера прекратится. Так они пожертвовали Барбу. Замысел их в какой-то мере удался. Вы все были убеждены, что Барбу — агент Абвера. Раз Барбу больше не существует, Второй отдел с облегчением вздохнет, а они, Доробыц и ого сообщники, спокойно могут взяться за осуществление своей задачи.

— Одну минуту, если позволите, — снова прервал Улю начальник штаба, которого, видимо, не удовлетворил ответ. — Вы мне не ответили на вопрос, почему Доробыц, прежде чем пожертвовать Барбу, не узнал у него секрета шифровальной машины?

— Именно и^ этот вопрос я и собирался сейчас ответить вам, господин подполковник, тем более, что он не очень сложен. Нам известно, что в гитлеровском штабе не могли расшифровать наши радиোগраммы, так как они не знали секрета детали шифровальной машины, изобре-

тенной нашими инженерами. Барбу мог рассказать им об этой детали, но не мог передать ее и не мог ее сфотографировать. Для того чтобы иметь снимки шифровальной машины, он должен был бы сделать фотографии каждой детали, но, разумеется, выполнить такую работу днем было невозможно, а ночью опасно, тем более, что у Барбу в таких делах совершенно не было опыта. Может быть, в конце концов агенты Абвера встали бы на этот путь, но для этого требовалось много времени. А события нарастали с каждым днем. Доробыц вынужден был действовать незамедлительно. И он это сделал, как вам известно, пожертвовав Барбу. Кстати сказать, Доробыц и не считал гибель шифровальщика очень большой жертвой, так как уже имел тогда образец ключа от сейфа, где хранятся коды.

— А как смог Доробыц раздобыть образец ключа? — спросил капитан Смеу, который был явно смущен происходившим разговором и старался не смотреть на Улю.

— С вашей помощью, господин капитан! Вы помните тот ночной визит, который нанесли вам однажды, предварительно усыпив. Вы знаете, кто был этот ночной гость? Некулай. Он сделал слепок ключа. Затем был изготовлен ключ, который и попал в молитвенник благочестивого аббата.

Младший лейтенант Параскивеску поднял вверх два пальца, точно так, как делают это ученики в классе:

— Господин генерал, если позволите, я *бы* хотел задать вопрос господину Уле.

— Пожалуйста.

— Благодарю!.. Господин Уля, вы сказали, что младший лейтенант Войнягу узнал в Доробыце агента гестапо. Откуда он знал его?

— Ответ на этот вопрос, который и меня интересовал, дал Доробыц. У младшего лейтенанта Войнягу была невеста, которая работала для гестапо и даже пыталась завербовать его самого. Но Войнягу порвал с ней, отказавшись служить гитлеровцам. Выдать же он ее не мог, так как хорошо понимал, что люди Антонеску не осмелятся тронуть и волоса на голове женщины, служившей Гитлеру.

В ее доме младший лейтенант Войнягу и встречал иногда Доробыца. Предлагая лейтенанту работать для гестапо, она объяснила, какие существуют отношения

между нею и Доробыщем, чтобы младший лейтенант Войныгу не ревновал ее к нему.

Капитан Смеу тоже задал вопрос, который давно его интересовал:

— А как же с этими письмами, которые посылала мне жена?

Уля Михай улыбнулся.

— Должен вам сказать, что в деле Барбу вы сделали неё, чтобы навлечь на себя подозрение.

— Я?! — возмутился капитан Смеу.

— Вы. Конечно, подозрения не шли так далеко, чтобы принять вас за агента Абвера. Но непримиримость, с которой вы обвиняли Барбу, заставила меня искать какой-то другой причины, которая могла скрываться за этими обвинениями.

— То есть?

— Причины этой антипатии могли быть и личного порядка. А желание избавиться от Барбу было так велико, что вы дошли до обвинений в несовершенных им преступлениях. Прошу простить меня за то, что я позволил себе так думать о вас, но вы прекрасно понимаете, что, когда ищешь истинного виновника, приходится иногда совать нос и не в свое дело. Вот почему я вынужден был заглянуть в ваш чемодан.

Проявитель для микрофотографий, а также отсутствие марок на письмах вашей супруги поставили меня в весьма затруднительное положение. И хотя объяснить всё это было нетрудно, но я не находил достаточных оснований для того, чтобы обвинять вас в столь серьезных преступлениях. Самым главным аргументом в вашу пользу было то обстоятельство, что вы — начальник шифровального отдела. Если бы вы принадлежали к числу агентов, то Абвор давным-давно стал бы обладателем секрета шифровальной машины. Мимо этого факта я не мог пройти. Косвенно отсутствие трех марок помогло мне пойти по правильному следу, то есть по следу Некулая Тупицы.

Теперь мы знаем правду. Бутылочку с так называемой валерьянкой положил в ваш чемодан Некулай. Она давно уже перестала быть нужной ему, но было время, когда он пользовался ею. С помощью писем, которые вы получали от жены, Некулай и Доробыц получали указания своих шефов. Вам следует знать, что они только впоследствии за-

плялись шифровальной машиной, а до того ограничивались сбором разведывательных данных.

Я еще не знаю точно, как всё это произошло — ведется расследование, — но мы можем предположить, что где-то на пути к почте эти письма проходили обработку и обычные марки заменялись марками с шифрованным текстом

Затем письма отправлялись по назначению. Вы их получали, прочитывали и, как это делает каждый из нас, сохраняли. Некулай в ваше отсутствие отклеивал марки, проявлял и таким образом получал указания своих шефов.

Когда фронт двинулся дальше, они получали приказы и передавали донесения разными путями: через агентов, оставшихся в тылу, через связных, задачи которых были очень ограничены, таких, например, как аббат. Немало было случаев, когда им указывались особые места, где они смогут найти приказ или оставить сведения, например часовня мадонны.

Первым, кто стал проявлять особый интерес к шифровальной машине, был Герман Гартман. Он составил план похищения секрета шифра. Впоследствии он же сам внес изменения в этот план и потерпел поражение.

Боясь последствий, Герман вынужден был скрыться, но они напали на его след, и Некулай Тупица получил задание ликвидировать беглеца. Спрашивается, почему эта задача, сопряженная с немалым риском, была поручена именно Некулаю Тупице, хотя, как известно, не принято рисковать головой агента, получившего более важное задание.

Доробыц подозревает, — и я думаю, что он прав, — что этот полковник* Карл слишком поздно узнал о том, где скрывается Гартман, и, не имея другого выхода, приказал Некулаю убить его. Мне кажется, что между полковником Карлом и его заместителем шла борьба за первенство. Они были соперниками. Это видно из оценок, которые дал Герман своему шефу, а также из того, насколько полковник Карл был заинтересован в расправе с ним. Ради этого он даже поставил под угрозу Некулая Тупицу.

— Но откуда они все знали, что штаб будет размещен именно здесь, в замке? — спросил неожиданно лейтенант Тымплару.

— Нетрудно было предположить, что перед форсированием реки дивизия остановится в этом секторе для не-

ре группировки. В этом случае совершенно ясно, что наиболее удобным местом для гатаба был бы этот замок. Взгляните на карту, и вы поймете, что нет более подходящего места для расположения командного пункта дивизии.

Могло случиться и иначе. Мы могли остаться позади, а сюда выслать свой первый эшелон. Но, господа, когда садиться играть, не всегда имеешь все козыри на руках. У Абвера не было всех козырей в руках, но это не помешало ему тщательно подготовиться, зарпее перебросив сюда двух своих агентов. Они предположили, что мы разместимся здесь, и не ошиблись в своих предположениях. Л то, что их замысел не осуществился... это другое дело. Впрочем, нужно сказать, что онн совершили здесь кардинальную ошибку, назначив встречу в парке. Эта ошибка дала мне возможность узнать решающие факты, которые определили ход дальнейших событий. Я узнал о существовании секретного кода и увидел, что союзником Некулая является Доробыц. Ведь именно Доробыц пришел па свидание в парк.

— Как, господин Уля, вы подозревали Доробыца и раньше? — спросил капитан Георгиу с изумлением. — Мне вы об этом ни разу не говорили...

— Не говорил именно потому, что были всего лишь подозрения. Первые подозрения — правда, очень неясные — появились у меня, когда я прочитал протокол его допроса. Через несколько дней у меня появились новые факты. Может быть, вы помните, господин капитан, как мы обманули Некулая Тупицу, сказав ему, что господин начальник штаба решил отправить его домой. Зачем мы это сказали, я и сам не очень хорошо понимаю. В какой-то момент я даже пожалел обЧгом. Но после разговора с Доробыцем я понял, что сделал это не зря. Через несколько дней Доробыц вызвал меня в штаб — якобы для того, чтобы взять у меня некоторые данные для дополнения какого-то отчета Первому отделу. Ответив на все его вопросы, я собрался уходить. Он задор/кал меня, стал разговаривать о разных пустяках, а потом спросил, не знаю ли я каких-нибудь новостей в связи с отправкой на родину Некулая Тупицы. Я притворился уд явленным тем, что еще нет такого распоряжения, и сказал ему, что, вероятно, он скоро обо всем узнает, так как отправка Некулая в тыл решена. Доробыц нашел нужным сообщить мне, будто Пекулай приходил к нему просить похлопотать

за него, так как он хотел бы остаться служить у капитана Смеу. Разумеется, ему и в голову не могло прийти, что кто-нибудь вздумает демобилизовать Некулая. Но я понял, что перспектива отправки Некулая на родину чем-то его очень задела.

После этого разговора мои подозрения стали еще более определенными.

Я сказал вам, что считаю встречу в парке большой ошибкой агентов Абвера, так как я в ту ночь узнал о существовании секретного входа в замок. Я не стал терять времени на его розыски.

— Почему? — спросил лейтенант Тымплару.

— Потому что не это меня интересовало. Мне важно было узнать, каким образом удастся им добраться до второго этажа, где находится шифровальный отдел, в то время как оба входа постоянно охраняются часовыми. Надо было выяснить, нет ли в этом этаже секретного хода. Признаюсь, это было нелегким делом. Дважды снимал я с полок в библиотеке сотни книжных томов, пока не обнаружил секретный вход. Трудиться пришлось немало, но я об этом не жалею. Это потом дало мне возможность спокойно ждать, пока Доробыц не явится в шифровальный отдел.

— В конце концов, кто же он такой этот старший сержант Доробыц? — спросил капитан Смеу. — Вероятно, он такой же старший сержант, как я римский папа?

— Вопрос господина капитана Смеу заставляет меня сообщить вам некоторые биографические данные относительно каждого агента в отдельности.

— Начиная с Доробыца. Само собой разумеется, что его зовут не Доробыц и он совсем не старший сержант. Его зовут Оливер Заган. Он был завербован как шпион в 1937 году. В ту пору он жил в Орадя и был служащим с хорошим жалованием. По у него была приятельница, которая стоила ему немалых денег. За один месяц он не только растратил все свои сбережения, плоды нескольких лет умеренной жизни, но и наделал немало долгов. Однажды в воскресный день в кафе с ним заговорил господин средних лет, сидевший за соседним столиком. Из кафе они вышли вместе. Господин назвал себя публицистом и признался ему, что работает над историей города. Но работа продвигается с трудом, потому что он очень занят и ему некогда собирать документальные материалы, крайне не-

обходимые для книги. Он ищет человека, который мог бы за определенную плату собирать эти документы. Он был бы счастлив, если бы нашел такого сотрудника, как Оливер Заган. Может быть, он хочет попробовать?

Сумма, которую назвал господин, была так велика, что Заган, разумеется, сразу согласился, тем более, что этот симпатичный незнакомец тут же предложил ему несколько кредитных билетов. Заган, он же Доробыц, утверждает, что, хотя щедрое предложение показалось ему подозрительным, он всё-таки не сразу понял, что ему предлагают заняться просто шпионажем. А позже, когда понял, путей к отступлению уже не было. Шпион держал его в руках. Впрочем, он не особенно жалел о своем падении, так как нужда в деньгах была велика, приятельница его с каждым днем становилась всё более требовательной, и в конце концов он примирился со своей участью. Вскоре он обратил на себя внимание своих шефов умом, ловкостью и сообразительностью. Получая всё более трудные задания, Заган начал вербовать и других. Короче, он вскоре стал очень ценным агентом. Сам факт, что ему было поручено выполнение задания, которое принесло всем нам столько забот, доказывает, как ценит его Абвер.

Что касается настоящего старшего сержанта Доробыца, то он, действительно, служил в егерском полку и погиб в России в боях под Севастополем.

Некулая Сырмышана, прозванного Некулаем Тупицей, ловут Генрих Рихтер, и родом он из Траисильваншт. Когда Гитлер стал канцлером, Генрих Рихтер уехал в Германию и вступил в национал-социалистскую партию. Фанатичный, жестокий и достаточно умный человек, он быстро поднялся до чина оберштурмфюрера. В 1938 году его послали работать в Румынию в качестве служащего немецкой фирмы музыкальных инструментов. Я думаю, не стоит говорить о том, что настоящего Некулая Сырмышана сейчас также нет в живых.

Что до нашей красавицы — «хозяйки замка», то история ее жизни могла бы составить сюжет для романа. Авантюристка международного масштаба, она была завербована немецкой службой шпионажа еще до прихода Гитлера к власти. Эта женщина с успехом занималась своей оласпой работой в Испании, в странах Латинской Америки и во Франции. Ее весьма ценили за искусство перевоплощения.

В заключение я должен был бы добавить несколько слов об управляющем. Но, как вы знаете, его нет в живых, и поэтому мое любопытство, так же как и ваше, остается неудовлетворенным. Можно иредголожить, что и он прожил не менее «интересную» жизнь, чем все остальные.

— Одно мне неясно, — проговорил капитан Смеу. — Георгиу говорил мне о новом пристрастии Некулая к профессии радиста. Чего он добивался, в сущности?

— Очень важной вещи. Он хотел иметь возможность в нужное время, когда все другие способы будут закрыты, передать донесение Абверу. Вам следует знать, что Добрыц ждал подкреплений здесь, в замке, и должен был сообщить своим хозяевам, когда ему удастся овладеть секретом шифровальной машины. Передать это сообщение можно было только по радио. Идея принадлежала Некулаю. Безукоризненно играя свою роль, он сумел известить Абвер об успешном окончании дела. Они были так уверены в успехе, что заранее передали донесение о выполнении задачи. «В полночь упадет звезда» значило, что в полночь секрет шифровальной машины окажется в их руках. Но о пи поторопились: звезда не упала, а они попали в ловушку.

— А если предположить, что они достигли бы своей цели, — спросил капитан Смеу, — то каким же образом они снова соединились бы с Абвером? Опять через радиостанцию?

— Нет, на этот раз Абвер, получив донесение, должен был сам позаботиться о необходимой информации. Вы хотите знать, как могли они это сделать?.. Сегодня вечером неподалеку от замка приземлится самолет. Мотоцикл, спрятанный в стоге соломы, должен был доставить управляющего к месту посадки самолета. В условленное время ему следовало зажечь огонь, чтобы нилот знал, где посадить самолет.

Таков был план. Он будет осуществлен, только с некоторыми изменениями. Вместо управляющего огни зажжет кто-нибудь другой. И еще: самолет приземлится» но уже не вернется туда, откуда вылетел.

Теперь, господа, я считаю, что познакомил вас со всеми подробностями дела, достаточными для того, чтобы вы могли в них разобраться.

Уля Михай положил в карман свою записную книжку,

которой, впрочем, совершенно не пользовался, излагая ход событий.

— Есть ли еще у кого-нибудь вопросы? — спросил генерал. И так как все молчали, он добавил: — В таком случае вы свободны, господа. Господин Уля, вас я попрошу задержаться.

Когда офицеры вышли, генерал Попинкариу спросил Улю:

— Когда вы думаете покинуть нас?

— Завтра же, господин генерал.

— Так скоро! Вы уже допросили всех агентов?

— Они все будут отправлены в штаб армии, и там расследование продолжится. Я сам буду принимать в этом участие.

— В связи с тем, что вы едете в штаб армии, я и хотел сказать вам несколько слов. Генерал Воинеску поручил мне сообщить вам, что наше ходатайство о вашем награждении удовлетворено. Я хотел бы сам вручить вам эту награду.

— Это, действительно, приятная новость, господин генерал, за которую я вам очень благодарен. Я рад, что сумел выполнить свой долг и отомстить за бедного Томеску. Вы разрешите мне зайти к вам перед отъездом, чтобы попрощаться?

— Конечно, я сам хотел просить вас об этом. В таком случае — до завтра!

Уля Михай пожал руку, которую ему протянул генерал, и вышел. Когда дверь за ним закрылась, генерал Попинкариу проговорил:

— Молодчина парень!

ОГЛАВЛЕНИЕ

Совещание у командующего группы «Орел»	
Группа шифровальщиков комплектуется	
Дьявольская неполадка с мотором, или что может случит! когда перепутаны стороны света.....	
Человек со шрамом.....	
Ночной гость.....	
Приключения капрала Уля Михая	
Почп» воспоминаний	
Инсценировка, не лишенная смысла	
Саш решил заговорить	
Бубновый туз обличает.....	
Почему был убит младший лейтенант 13ойпягу Темистоклс «Алло!.. Алло!.. Прицел больше!..»	
В засаду попадает не та добыча.....	
Письмо, которое меняет всю обстановку	
Бутылочка с «валерьянкой»	
Солдат Некулай Сырмытай, прозванный Некулаом Тупи Что может скрываться в молитвеннике аббата.....	
«Иу и забавная же штука отот радио!».....	
Бедная барышня гувернантка	
Учрсчтис концерты барышни гувернантки.....	
Змея с рубиновыми глазами	
Русалка с озера .....*	
«Б полночь упадет звезда»	
«Звезда не упадет в полночь».....	
Узел развязан	

Теодор Константин
„В полночь упадет звезда“

Редактор Т. Д. Зуськова
Художник-редактор Б. Ф. Сеченов
Технический редактор Л. Г. Левонская
Корректоры В. ///. Нуренкоса и М. Д. Лебедева

Подписано к нечаги с матриц 20/IX 1960 г.
Ф ор ат Г)маги 84 х Ш'//,2 Физ печ, л 11,87 Усл. поч л 19,48.
Уч-изд. л. 21,53. Тираж 100 000 экз. Заказ № 1398

Лскиздат, Ленин»рад, Торговый пер, 3
Тишл рафия имени Нсмодарскою Лениздата Фонтанка, 57

Пета Ир 75 к.

С 1,1 1901 I - I р. 18 к.